

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

№ 2

2005

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН
УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. М. ГОРЬКОГО

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2005. № 2

Издается с 2004 года

ЕКАТЕРИНБУРГ
Издательство Уральского университета
2005

Редакционная коллегия

Главный редактор

А. К. Матвеев (Екатеринбург)

Заместители главного редактора

Е. Л. Березович (Екатеринбург),

М. Э. Рут (Екатеринбург)

Ответственный секретарь

Л. А. Феокистова (Екатеринбург)

Члены редколлегии

М. В. Голомидова (Екатеринбург), *Н. В. Васильева* (Москва),

А. Ф. Журавлев (Москва), *Н. В. Кабинина* (Екатеринбург),

И. И. Муллонен (Петрозаводск), *Е. Н. Полякова* (Пермь),

В. И. Супрун (Волгоград), *С. М. Толстая* (Москва),

К. Хенгст (Лейпциг, Германия)

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

<i>Матвеев А. К.</i> Ономастика и ономотология: терминологический этюд.....	5
<i>Голомидова М. В.</i> Русская антропонимическая система на рубеже веков.....	11
<i>Смольников С. Н.</i> Актуальная и потенциальная русская антропонимия.....	23
<i>Фролова О. Е.</i> Антропоним в жестко структурированном тексте.....	36
<i>Топорова Т. В.</i> К вопросу об именах собственных как средстве идентификации мифологических персонажей (др.-исл. <i>Браги</i> – др.-греч. <i>Гермес</i>).....	45
<i>Вальтер Х., Мокиенко В. М.</i> Русские прозвища как объект лексикографии.....	52
<i>Березович Е. Л.</i> «Чужие земли» в русском народном языковом сознании: прагматический аспект...	70
<i>Муллонен И. И., Ляля Е. В.</i> Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья»...	86
<i>Васильев В. Л.</i> Городок <i>Демон</i> средневековой Новгородской земли (История населенного пункта и этимология имени).....	97
<i>Шапошников А. К.</i> Древнейшая ономастика Таврического полуострова. 1. Сурожская земля.....	111

МАТЕРИАЛЫ

<i>Журавлев А. Ф.</i> К статистике русских фамилий. I.....	126
<i>Трубецкой В. С.</i> Особенности именования жителей пос. Агиг Нижнесергинского района Свердловской области.....	147
<i>Белова О. В.</i> Названия сел Полесья и топонимические нарративы.....	151

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Конференции, съезды, симпозиумы.....	165
Украинская ономастика на пороге III тысячелетия: состояние и перспективы развития (<i>Л. Р. Остап, Р. И. Остап</i>).....	165
Рецензии.....	168
<i>Именослов.</i> Заметки по исторической семантике имени (<i>Е. Л. Березович</i>).....	168
<i>Успенский Ф. Б.</i> Имя и власть (<i>А. Г. Мосин</i>).....	173
<i>Дмитриева Л. М.</i> Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая) (<i>Г. В. Глинских</i>).....	175
<i>Отин Е. С.</i> Словарь коннотативных собственных имен (<i>М. Э. Рут</i>).....	179
Summa onomasticae. Namennarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst (<i>Н. В. Васильева</i>).....	183
<i>Мадиева Г. Б.</i> Теория и практика ономастики (<i>В. В. Бардакова</i>).....	186
Экспедиции.....	189
Экспедиция на Карельский берег Белого моря (<i>Д. В. Кузьмин, О. Л. Карлова</i>).....	189
К изучению топонимии Онежского полуострова (<i>Т. И. Киришева</i>).....	193
Из новых материалов топонимической экспедиции Уральского университета (<i>Л. А. Феоктистова</i>)...	196
Юбилей.....	201
Карлхайнцу Хенгсту 70 лет (<i>Н. В. Васильева</i>).....	201
СОКРАЩЕНИЯ.....	203

CONTENTS

ARTICLES

<i>Matveyev A. K.</i> Onomastics and onomatology: the terminological study.....	5
<i>Golomidova M. V.</i> The Russian anthroponymical system at the turn of the century.....	11
<i>Smolnikov S. N.</i> The actual and potential Russian anthroponymy.....	23
<i>Frolova O. E.</i> An anthroponym in the strictly structured text.....	36
<i>Toporova T. V.</i> The problem of personal names as a means of identification of the mythological personages (the ancient Islandic <i>Bragi</i> – ancient Greek <i>Hermes</i>)..The problem of personal names as a means of identification of the mythological personages.....	45
<i>Valter H., Mokiyeiko V. M.</i> The Russian nicknames as the object of lexicography.....	52
<i>Berezovitch E. L.</i> «The alien lands» in Russian native language conscience: the pragmatism aspect.....	70
<i>Mullonen I. I., Lyallya E. V.</i> Geographical information and analytical system «Zaonezhje toponymy»...	86
<i>Vasilyev V. L.</i> The <i>Demon</i> town of the medieval Novgorod land (The history of the place and etymology of the name).....	97
<i>Shaposhnikov A. K.</i> The oldest onomastics of the Tavrichesky (Crimea) peninsular: Surozhskaya zemlya (the Surozh land).....	111

MATERIALS

<i>Zhuravlev A. F.</i> Materials to “Surnames frequency dictionary”.....	126
<i>Trubetskoy V. S.</i> The materials to the “Dictionary of the street family names of the Nizhne-Serginsky district of the Sverdlovsk region”.....	147
<i>Belova O. V.</i> The pseudoetymological (popular-etymological) recomprehension of Polesye toponyms (vocabulary materials).....	151

SCIENTIFIC LIFE

Conferences, congresses, symposia	165
The Ukrainian onomastics on the eve of the III millennium: the state and the perspectives of development (<i>L. R. Ostash, R. I. Ostash</i>).....	165
Reviews	168
<i>Именослов.</i> Заметки по исторической семантике имени (<i>Е. Л. Березович</i>).....	168
<i>Успенский Ф. Б.</i> Имя и власть (<i>А. Г. Мосин</i>).....	173
<i>Дмитриева Л. М.</i> Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая) (<i>Г. В. Глинских</i>).....	175
<i>Отун Е. С.</i> Словарь коннотативных собственных имен (<i>М. Э. Рум</i>).....	179
Summa onomasticae. Namennarten und ihre Erforschung. Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst (<i>Н. В. Васильева</i>).....	183
<i>Мадиева Г. Б.</i> Теория и практика ономастики (<i>В. В. Бардакова</i>).....	186
Expeditions	189
Expedition to the Karelian shore of the White Sea (<i>D. V. Kuzmin, O. L. Karlova</i>).....	189
Studying the Onega peninsular toponymy (<i>T. I. Kirisheva</i>).....	193
Urals University toponymic expedition new materials (<i>L. A. Feoktistova</i>).....	196
Jubilees	201
Karlheinz Hengst is 70 (<i>N. V. Vasilyeva</i>).....	201
ABBREVIATIONS	203

С Т А Т Ь И

ВОПРОСЫ
ОНОМАСТИКИ
2005. № 2

А. К. Матвеев

ОНОМАСТИКА И ОНОМАТОЛОГИЯ: ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ЭТЮД

The author subjects to criticism the modern Russian onomastical terms, which don't meet the requirements of being monosemantic and systematic. To solve the problem of determining different phenomena the terms onomatology (onomatologia) as the study of personal names and onomastics as the whole continuum of personal names are proposed.

Развитие любой науки всегда сопровождается формированием и совершенствованием терминологической системы, а становление новой науки может породить настоящий терминологический взрыв. Ономастика – отнюдь не новая наука, но ее своеобразное положение среди гуманитарных знаний, не раз вызывавшее длительные дискуссии, а также специфичность статуса собственных имен в языке и их многообразие повлияли на судьбы ономастической терминологии. Она сложна и противоречива. Поэтому вопрос о ее совершенствовании все еще актуален, несмотря на то, что уже имеется претендующий на нормативность словарь ономастических терминов [см: Подольская, 1978; 1988].

Разработка научной терминологии во многих отношениях является интернациональной проблемой. Различия между русскими и зарубежными ономастическими терминами сразу бросаются в глаза. Так, в известных журналах «Онома» и «Namenkündliche Informationen» наряду с *Onomastik* обычны такие термины, как *Antroponomastik*, *Toponomastik*, *Hydronomastik* и т. п., тогда как их русские эквиваленты, например, довольно употребительное топонимастика, во втором издании словаря Н. В. Подольской даже не упоминаются¹. Однако это особая проблема, связанная с историей терминологии, традициями национальной науки, а также словообразова-

¹ Если не считать неточного замечания «ранее вм. *ономастика* употреблялся термин *топономастика*» [Подольская, 1988, 96]. Ср. четкие определения в известной работе В. Шмиллера: «ономастика – наука о собственных именах», «антропономастика – наука о собственных именах людей», «топономастика – наука о собственных именах мест» [Šmilauer, 1963, 5–6].

тельными тенденциями того или иного языка. Поэтому даже постановка вопроса об унификации ономастических терминологий на международном уровне представляется в настоящее время достаточно рискованной или во всяком случае преждевременной. В этой статье речь пойдет исключительно о тех терминах, которые используются русской ономастикой.

Но так ли необходимо поднимать вопрос о русской ономастической терминологии, порождая, вполне возможно, малопродуктивную дискуссию? Дело в том, что русская ономастическая терминология никогда серьезно не обсуждалась. Отечественные ученые были поставлены перед фактом: ономастические термины прописаны в словаре Н. В. Подольской и как бы апробированы в последующих публикациях. Отнюдь не умаляя достоинств этого словаря, полагаем, что он, тем не менее, содержит и спорные рекомендации, а в терминологии русской ономастики имеются проблемы, которые нуждаются в обсуждении. Первым шагом в дискуссии и мыслится настоящая статья, посвященная прежде всего двум основным терминам – общему названию собственных имен и наименованию науки, которая их изучает. Разумеется, такой выборочный подход уязвим, поскольку терминологические схемы предполагают системность. Понимая это, автор иногда выходит за пределы декларируемых рамок, не упуская, однако, из виду главную терминологическую корреляцию (объект изучения – изучающая наука) и необходимость первоочередного обсуждения основных ономастических терминов. Если следовать за словарем Н. В. Подольской, это термины ономастика ‘раздел языкознания, изучающий любые собственные имена’ (фактически используемый также в значении ‘совокупность собственных имен’) и онимия ‘совокупность онимов’ (оним = собственное имя) [Подольская, 1988, 96, 95]. Конечно, употреблять термин «ономастика» в двух значениях неудобно, но насколько удачно предлагаемое «онимия» и есть ли альтернативные решения? Обратимся к наиболее известным словарям лингвистических терминов и энциклопедическим справочникам. Ср.:

«Словарь лингвистических терминов» Ж. Марузо: «Ономастика... обозначает либо систему личных имен данного языка или данной области, либо изучение этой системы...» [Марузо, 1960, 187].

«Словарь лингвистических терминов» О. С. Ахмановой: «Ономастика (ономатология)... 1. Раздел языкознания, изучающий личные имена (имена, отчества, фамилии, прозвища людей и животных). 2. Совокупность (система) личных имен как особый предмет лингвистического изучения. 3. Раздел языкознания, изучающий собственные имена» [Ахманова, 1966, 288].

«Словарь-справочник лингвистических терминов» Д. Э. Розенталя и М. А. Теленковой: «Ономастика... раздел лексикологии, посвященный изучению собственных имен» [Розенталь, Теленкова, 1985, 177].

«Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской: «Ономастика... раздел языкознания, изучающий любые собственные имена... Долгое время под термином “ономастика” понималось а) изучение антропонимов, т. е. антропонимика, б) совокупность антропонимов, т. е. антропонимия, в) совокупность всех собственных имен, т. е. онимия...» [Подольская, 1978, 97]. Во втором издании этого словаря уже безоговорочно констатируется, что «ономастика – раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [Подольская, 1988, 96].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» соответствующую статью тот же автор начинает следующим образом: «Ономастика... раздел языкознания, изучаю-

ший собственные имена. Термином “О.” называется также совокупность собственных имен, к^{от}рая обозначается и термином “онимия”. В нек^{от}рых работах термин “О.” употребляется и в значении антропонимика [ЛЭС, 1990, 346–347]. Это дословно повторяется и в энциклопедии «Русский язык» [1997, 290]. Отдельная статья о термине «онимия» (‘совокупность онимов’) есть только в словаре Н. В. Подольской, в энциклопедических словарях ее нет. Таким образом, оказывается, что термин «ономастика» в значении ‘совокупность собственных имен’ по-прежнему употребителен, и это признается самой Н. В. Подольской. Наконец, в «Большом энциклопедическом словаре» ономастика определяется как «1) собств. имена разл. типов (см. Антропонимика, Топонимика). 2) Раздел лексикологии, изучающий собств. имена» [БЭС, 2000, 843].

Анализ приведенных дефиниций позволяет сделать следующие обобщения.

1. Термин *ономастика* употребляется как в значении ‘раздел языкознания (раздел лексикологии), изучающий собственные имена’, так и в значении ‘совокупность собственных имен’. Есть основания, однако, думать, что ономастику следует рассматривать как самостоятельную лингвистическую науку, а не как раздел лексикологии [подробнее см.: Матвеев, 2004, 87–88]).

2. Во избежание нежелательной многозначности Н. В. Подольская предлагает совокупность собственных имен обозначать термином *онимия*, т. е. *ономастика* и *онимия* образуют такую же терминологическую пару, как *топонимика* – *топонимия*, *антропонимика* – *антропонимия* и т. п.

3. На употребление термина *ономастика* в значении *антропонимия* ‘совокупность антропонимов’ и *антропонимика* ‘наука об антропонимах’ указывают только ранние источники (Ж. Марузо, О. С. Ахманова). Нельзя не согласиться с тем, что употребление термина *ономастика* в этих значениях нецелесообразно.

Обращаясь к терминам *ономастика* – *онимия*, заметим, что на первый взгляд они удачно вписываются в основные ряды ономастической терминологии (*топонимика*, *антропонимика*... – *топонимия*, *антропонимия*...). На самом деле безупречной была бы терминологическая пара **онимика* – *онимия*, но ее недостатки очевидны: различительная слабость ввиду краткости и идентичности словообразующих фонетических комплексов, а также общей модели образования прилагательного, ср.: «Онимический (проприальный) – прил. к оним, онимия» [Подольская, 1988, 92].

Однако еще существеннее скрытые недостатки предложенного нововведения. Хотя терминологический бином *ономастика* – *онимия* сразу же решает проблему различения производных прилагательных, поскольку порождает корреляцию *ономастический* – *онимический*, однако для соотносительных пар *топонимика* – *топонимия*, *антропонимика* – *антропонимия* и т. п. проблема остается, так как совпадают прилагательные *топонимический*, *антропонимический* и т. п. Тем самым создаются условия для смешения исходных терминов и их производных. Это иллюстрируют примеры из словаря Н. В. Подольской, ср.: «Онимический – прил. к оним, онимия» [Подольская, 1988, 92], «Топонимический – прил. к топонимика» [Там же, 133], «Топонимный – прил. к топоним» [Там же, 135]. Прилагательное к *топонимия* (по форме совпадающее с прилагательным к *топонимика*) в словаре вообще отсутствует. В то же время в статье «Топонимический – прил. к топонимика» фигурируют сложные термины *топонимическая изоглосса*, *топонимическая мотивированность* [Там же, 133–134], которые явно восходят к термину «топонимия» (ср. *изоглоссы топонимов*, *мотивированность топонимов*, но *методы топонимики*).

Оставим пока в стороне вопрос о возможности образования логичного для *ónим* прилагательного **ónимный* (или **онімный*, поскольку автор словаря оперирует моделью *антропонімный, топонімный* [Подольская, 1988, 35, 135]) и остановимся на акцентуации подобных производных. Она прямо ведет к производящим формам *антропонім, топонім* и т. п., с которыми длительное время боролись как антропонимисты, так и топонимисты страны. В словаре Н. В. Подольской, естественно, находим *ónим* и *топóним* [Там же, 1988, 91, 127]. Тем самым опять-таки создается противоречие. Разумеется, *анонім* и *псевдонім* – норма, но *антóним, омóним, синóним, топóним, этнóним* и т. п. тоже являются нормой, которая характерна для намного более значительной в количественном отношении группы слов². Н. В. Подольская предложила перспективную модель, но постановку ударения нельзя признать удачной. Однако наиболее существенный недостаток построения все-таки в использовании противоречащих друг другу моделей. Логичным выглядело бы предложение использовать для *топонімика* и т. п. производное *топониміческий* и т. п., а для *топóним, топонімия* и т. п. – *топóнимный* и т. п., но автор словаря нарушает этот принцип, образуя ряд *ónим, онімия > ониміческий*.

Близкие по смыслу словообразовательные вариации язык порождает очень часто. В нашем случае бесполезно вспомнить такие образования, как *драматический – драматичный, специфический – специфичный* и т. п., позволяющие нормализовать терминологические производные типа *топониміческий* и т. п. от *топонімика* и т. п. и *топóнимный* и т. п. от *топóним, топонімия* и т. п. Казалось бы, системный подход требует сделать и следующий шаг, а именно использовать термины **онімика* (с прилагательным *ониміческий*) и *ónим, онімия* (с прилагательным *ónимный*), но выше уже говорилось о дефектности этого терминологического двучлена.

Употребление термина *онімия* порождает также проблемы эвфонического плана. Это, например, относится к **ониміст* – потенциальному наименованию специалиста по *онімии* (ср. *антропониміст, топониміст* и т. п.). Между тем данная проблема отнюдь не виртуальна, поскольку термин *ономáст* нельзя считать удачным: кроме употребительного только по отношению к древностям, крайне редко используемого *схोलáст*, слова с суффиксом *-аст* не прилагаются к ученому собранию. Их семантика довольно экзотична: *энтузиáст, гимнаст, фантаст, схолáст, педерáст*... Не случайно на страницах ономастических работ нет-нет да и появляется «запретное» *ономатолог*.

Подведем итоги. Сам по себе ряд терминов *топоним – топонимия – топонимика* (и множество аналогичных образований) очень удобен, а совпадения прилагательных (*топонимия, топонимика > топонимический*) можно избежать, если использовать модель *топоним, топонимия > топонимный* и т. п. Не вызывает отторжения и термин *ónим* ‘собственное имя’ (мн. *ónимы*). Проблема, следовательно, в терминах *онімия* и *ономáстика*, а также производных от них вторичных образованиях. По указанным выше причинам термин «онімия» приживается с трудом. Во всяком случае в названиях конференций, сборников научных трудов, монографий и статей в значении ‘совокупность

² К тому же термин *анонім* занимает особое место в ряду обсуждаемых образований. Он обозначает не группу собственных имен, а отсутствие имени, его неизвестность, безымянность и находится вне ономастической рубрикации. Поэтому бессмысленны термины **анонімика, *анонімия*. Нельзя изучать то, чего нет.

собственных имен' по-прежнему употребляется слово «ономастика». Несмотря на рекомендацию Н. В. Подольской («ономастика литературная, т. е. онимия литературного языка...» [Подольская, 1978, 97]), столь же широко используется и термин «литературная ономастика».

Сопротивление, которое оказывает новационной модели термин «ономастика» в значении 'совокупность собственных имен', не случайно. Он как в смысловом, так и в звуковом отношении хорошо коррелирует с термином «лексика», создавая необходимую оппозицию. Эта корреляция поддерживает термин. У слова «онимия» такой поддержки нет. Как нам представляется, целесообразно вообще отказаться от термина «онимия», употребляя слово «ономастика» в значении 'совокупность собственных имен', а для обозначения науки о собственных именах использовать синоним термина «ономастика» слово ономатология, руководствуясь следующими соображениями.

1. Термин «ономатология» по своей внутренней форме означает науку о собственных именах. В словарях лингвистических терминов засвидетельствовано: «Ономатология, англ. *onomatology* 1. То же, что ономазиология. 2. То же, что ономастика» [Ахманова, 1966, 288]; «Ономаст (ономатолог) – исследователь, занимающийся ономастикой» [Подольская, 1978, 97].

2. В прошлом этот термин иногда употреблялся как эквивалент термина ономазиология, однако в настоящее время в таком значении не используется. Термин «ономазиология» господствует абсолютно, но с иной семантикой – 'наука об обозначении, назывании, номинации' [Ахманова, 1966, 288], 'теория номинации' [ЛЭС, 1990, 345]. Это оправданно, поскольку др.-греч. *ὀνομασία* – 'обозначение' [ДРС, 2, 1178]. Таким образом, термин «ономатология» фактически «свободен» и может использоваться соответственно своей внутренней форме и значению.

3. Немаловажно, что терминологический ряд *ономастика – ономатология – ономатография – ономастикон* точно соответствует ряду *лексика – лексикология – лексикография – лексикон*. Это, кстати, согласуется и с обоснованной, на наш взгляд, точкой зрения, что ономастику не следует рассматривать как часть лексики, поскольку она представляет собой принципиально иное явление. Заметим, что термин *ὀνοματογραφία* 'записывание имен' был известен еще древним грекам [ДРС, 2, 1179]. Учитывается он и в словаре Н. В. Подольской [1978, 104; 1988, 99]. Существенно также, что приведенные ряды корреляций могут быть продолжены, ср. *ономатолог, ономатограф и лексиколог, лексикограф*. Безупречно разводятся и прилагательные, ср. *ономастический, ономатологический, ономатографический и лексический, лексикологический, лексикографический*.

Предлагаемая система ономастических терминов, несомненно, имеет свои недостатки уже хотя бы потому, что в ней сохраняется и даже усугубляется противопоставление терминологических рядов, образованных соответственно от основ *оним-* и *оном(аст, ат)-*. Тем не менее цельность системы возрастает, поскольку четко выделяемые в ней два блока обозначений не пересекаются и не смешиваются.

Автор сознает, что его взгляды нарушают сложившиеся стереотипы и могут не найти поддержки. Однако необходимость совершенствования ономастической терминологии совершенно очевидна. Путь к преодолению терминологического разноречия – использование демократического принципа соревновательности терминов и их серьезное обсуждение.

- Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
БЭС – Большой энциклопедический словарь. М.; СПб., 2000.
ДРС – Древнегреческо-русский словарь / Сост. И. Х. Дворецкий: В 2 т. М., 1958.
ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М., 1960.
Матвеев А. К. Апология имени // *Вопр. ономастики*. 2004. № 1. С. 7–13.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1978.
Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1988.
Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. 2-е изд., испр. и доп. М., 1985.
Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997.
Šmilauer V. Úvod do toponomastiky. Praha, 1963.

* * *

Александр Константинович Матвеев – член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

М. В. Голомидова

РУССКАЯ АНТРОПОНИМИЧЕСКАЯ СИСТЕМА НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

The article analyses the present state of Russian anthroponymical system. The author examines central units of anthroponomical system – personal and patronymic names – as well as peripheral units such as pseudonyms, personal and computer nicknames. Changes in the active vocabulary of personal names, stability or non-stability of the normative patterns of name-giving, correlations within functional types of personal names are in the focus of the discussion. The author comes to the conclusion that Russian anthroponymical system has not changed much. At the same time the active vocabulary of personal names has reduced and there is a frequency-changing process within personal names which does not affect the whole spectrum of names. Nicknames and pseudonyms are supplementary means of name-giving for human-beings, they realize the distinctive and social functions of the name. Nowadays nicknames and pseudonyms assume a special cultural character. Computer nicknames as a new phenomenon point out the expanding and complicated process in the periphery of the anthroponymical system. The author points out that the peripheral changes demonstrate that the anthroponymical system tends to overcome the stagnation of its core and get the functional balance.

Последний период в развитии русского антропонимикона, согласно ставшим уже классическими трудам по ономастике, начинается после 1917 г. и продолжается до последней четверти XX в. Этот период в 60–80-е гг. двадцатого столетия принято было называть советским, соотнося его таким образом с глобальными социальными, экономическими и культурными преобразованиями в СССР. Однако эпоха социализма осталась позади, и новые общественные изменения закономерным образом отразились на языковой и культурно-речевой ситуации в России: они ярко проявились в динамике лексического состава языка, в процессах словообразования и пр. Тем не менее антропонимия, будучи частью языкового лексического фонда, в силу своей лингвосемиотической специфики всегда обладала автономным статусом. Она никогда не была изолирована от

сложного взаимодействия с лексикой нарицательной и все-таки развивалась своим путем, реагируя по-своему на общественные изменения и по-своему отражая модификации социального контекста. Антропонимия жила и живет по собственным законам, и не приходится подвергать сомнению такие ее свойства, как устойчивость или верность собственным традициям. Однако, учитывая эти качества, позволим себе задаться вопросом: действительно ли этот класс именной лексики в конце XX – начале XXI в. сохраняет свое прежнее состояние? Возможно ли на фоне множественных лексических новаций искать в русской антропонимии приметы наступления новейшего времени или этот самый консервативный онимический класс не претерпел никаких заметных преобразований?

Выделяя этапы в истории русской антропонимии, большинство исследователей сходится во внимании к ряду следующих показателей: а) доминирующие принципы называния, б) состав принятой в общении формулы именования человека, в) состав существующих в данную эпоху функциональных разрядов антропонимов и соотношение между этими разрядами, г) изменения в частотности употребления личных имен, количественном и качественном составе именного фонда, д) социолингвистические процессы. Так, характеризуя в содержательном отношении состояние русской антропонимии в советский период, В. Д. Бондалетов указывает на такие особенности, как: 1) полная дехристианизация именника как по его идеологическому звучанию, так и по конкретной практике наречения (по мотивам выбора имен); 2) внесловный характер его реализации; 3) уменьшение различий между именником города и села; 4) процессы ономастических преобразований (проявившиеся в создании новых имен и смелом заимствовании из западно-европейских языков, в использовании русских и славянских имен, не предусмотренных святцами, в отказе от значительной доли старых, ставших непопулярными христианских имен и замене канонических вариантов календарных имен на народные); 5) распространение антропонимических новшеств на всю территорию страны; 6) активное взаимодействие с антропонимией народов Советского Союза и взаимообогащение русского и национальных именников; 7) распространение трехчленной формулы официального именования человека среди всех наций и народностей нашей страны; 8) дальнейшее совершенствование стилистических возможностей антропонимической системы в процессе ее использования во всех функциональных стилях современного русского языка [см.: Бондалетов, 1983, 128–129].

Для того чтобы представить нынешнее состояние системы, воспользуемся принципом поступательного рассмотрения (от антропонимических единиц к организационной специфике, от основного, официального имени к неосновным, дополнительным именованиям), опираясь при этом на приведенный перечень в качестве материала, позволяющего очертить жизнь русской антропонимии в недавнем прошлом. Сформулируем некоторые вопросы для дальнейшего обсуждения в связи с известными реалиями общественной жизни:

– Произошли ли при изменении социокультурного фона какие-либо преобразования в практике наречения и происходят ли количественные и качественные подвижки в разряде личных имен?

– Насколько стабильна на сегодняшний день формула официального именования человека?

– Каков состав и отношения между функциональными разрядами, существующими в антропонимической системе?

В качестве основы для наблюдений обратимся к доступному языковому материалу и речевым показаниям самих носителей языка.

Присвоение имени

Официальная формула именованного человека в современном русском языке содержит три компонента: личное имя, отчество и фамилия. Правила присвоения этих именованных изложены в законодательных актах, которые – если расценивать их с позиций речевой деятельности – служат жесткими регуляторами наречения¹.

Принятая Конвенция о правах ребенка провозглашает право ребенка на имя с момента его рождения. Это право реализуют родители (а при их отсутствии – заменяющие их лица) во время регистрации факта рождения. Выбор личного имени своему ребенку расценивается как личное дело родителей, которые вправе дать ребенку любое имя, какое пожелают. Однако, несмотря на то, что органы записи актов гражданского состояния не правомочны отказывать родителям на том основании, что имя отсутствует в справочнике личных имен или является сокращенным либо уменьшительно-ласкательным вариантом, попытки именного изобретательства, по свидетельству сотрудников екатеринбургских отделов ЗАГС, единичны и, как правило, снимаются на уровне просветительской беседы. Редкие факты проявления родительской настойчивости (см., например, имя *Россия*, присвоенное в 2004 г. девочке из Нижнего Тагила) не грозят превратиться в массовое явление.

Общие наблюдения над сводками регистрируемых в последнее время личных имен позволяют заключить, что список наиболее частотных, популярных имен, организующих ядро именного фонда, не претерпел заметных изменений, если не считать тенденции к некоторому его сокращению. Уплотнение отчасти объясняется тем, что распространенный и по сей день обычай переносить на новорожденного имя кого-либо из старших родственников продолжает действовать в условиях, когда перечень имен новых бабушек и дедушек также далек от подлинного разнообразия.

Наиболее распространенные мотивы, которыми руководствуются родители, выбирая имя ребенку, достаточно хорошо известны. Наши информанты в возрасте от 20 до 30 лет, отвечая на вопрос о причинах, по которым они уже выбрали (или выбирали бы) имя своему ребенку, подтвердили актуальность устойчивых стереотипов. Приведем полученный перечень. Имя обычно дается:

- в честь старших родственников по отцовской или материнской линии («дочку назвали в честь любимой прабабушки отца»; «так звали моего деда»; «дочку назову в честь своей мамы»);
- в честь человека, сыгравшего значимую роль в судьбе кого-либо из членов семьи («я назвала дочку в честь своей лучшей подруги»; «моего сына зовут так же,

¹ См. об этом: Семейный кодекс Российской Федерации; Комментарии к Семейному кодексу Российской Федерации. В частности, статья 58 Семейного кодекса РФ содержит следующие правовые установления: «1. Ребенок имеет право на личное имя, отчество и фамилию. 2. Имя ребенку дается по соглашению родителей, отчество присваивается по имени отца, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации или не основано на национальном обычае. 3. Фамилия ребенка определяется фамилиями родителей. При разных фамилиях ребенку присваивается фамилия отца или матери по соглашению родителей, если иное не предусмотрено законами субъектов Российской Федерации. 4. При отсутствии соглашения между родителями относительно имени и (или) фамилии ребенка возникшие разногласия разрешаются органами опеки и попечительства. 5. Если отцовство не установлено, имя ребенку дается по указанию матери, отчество присваивается по имени лица, записанного в качестве отца ребенка, фамилия – по фамилии матери».

как моего армейского друга»; «своего сына я бы назвала Сергеем, потому что мне это имя очень дорого»);

– в честь известного или популярного человека («я бы назвала сына Юра: обожаю песни Юрочки Шатунова и его улыбку Элвиса Пресли»);

– в силу личного вкусового предпочтения или личной положительной оценки звуковой оболочки имени («назову своих детей какими-нибудь красивыми, сильными, звучащими именами»; «мы дали сыну красивое русское имя – Вячеслав»; «имя должно подходить под отчество, хорошо и просто звучать»; «имя должно подходить к внешности и не быть слишком вычурным»);

– в силу оригинальности имени – в сопоставлении с именами, популярными в недавнем прошлом или с обычными для русского именика («Девочку назвала бы Эвелина, а мальчика Эриком»; «Когда я выбирала имя сыну, оно было не очень распространено»).

Случайно или закономерно, но ни один из 100 опрошенных нами информантов не вспомнил о правилах выбора имени из церковных святцев. Между тем возрождение православной веры и традиций христианской православной церкви возвращает обряду крещения детей достаточно распространенный характер, а наделение именем включено в сценарий крещения на правах неперменного компонента, сам выбор осуществляется по церковным книгам с перечнем религиозных праздников и святых по дням их поминовения и наполняется особым религиозным содержанием. Если мирское восприятие личного имени предполагает его соотнесение с родом и сообществом, то трактовка конфессиональная переводит осмысление в план трансцендентного и в область воздействия высших сил. Имя в такой интерпретации несет в себе не только смысл приобщения к вере, но и воспринимается в роли инструмента для духовного влияния на земную судьбу человека. Имя от Бога – оно осознается как своеобразный ключ, способный открывать своему носителю дорогу к спасению при условии, что получивший его будет стремиться следовать добродетелям прежних его носителей – тех, чьи образы и имена церковью увековечены и прославлены.

Идет ли церковное наречение вразрез с наречением светским? Нужно признать, что, несмотря на установленные правила обряда, священники русской православной церкви и ранее не превращали выбор имени из святцев в несокрушимую догму и могли проявлять (особенно в XIX – начале XX в. – в условиях секуляризации общественной жизни) достаточно гибкое и терпимое отношение к пожеланиям родителей, но при этом сохранять список канонических имен в целом. Ту же толерантность демонстрирует церковь и сегодня, в большей степени разъясняя духовный смысл православного имени, нежели настаивая на жестком предписании того, что позволяют выбрать святцы в связи с датой крещения. Сознвая непосвященность и недостаточную отстраненность мирян от быта, священники не настаивают на присвоении детям труднопроизносимых, чересчур архаичных или неблагозвучных имен, которые способны спровоцировать нежелательные ассоциации или стать поводом для обидных прозвищ (ср. *Каллисфения*, *Коздобеда*, *Сосипатра*). В то же время один из советов, какие могут последовать со стороны священника родителям, затрудняющимся в выборе имени, – отдать предпочтение имени святого, широко известного своими деяниями, а следовательно, сильного заступника и направителя.

Поскольку наряду с традиционным существует и более объемный список канонических имен – расширенный вариант святцев, можно констатировать значительную мобильность современного православного именика. В целом же включение в име-

нующую практику нового – конфессионального – фактора, насколько позволяет судить доступный материал, не формирует ярко выраженной оппозиции *светское имя* – *церковное имя*, не создает контрдвижения и не нарушает колебательного, циклического развития, свойственного русскому именнику в XX в., когда при относительной стабильности ядра наблюдаются волнообразные смены имен, популярных в отдельные временные периоды. Конфессиональный фактор скорее можно расценивать с позиций добавления еще одной стабилизирующей силы, способной сдерживать возможный приток новейших заимствований и упрочивать заведенный «маятниковый» ход работающей системы. В связи с его действием – если сосредоточивать внимание именно на подвижках в списочном составе личных имен – закономерно ожидать дальнейшего сохранения частотности имен, популярность которых оставалась неизменной в течение многих лет, а также активизации части имен, мало использовавшихся в ближайшие годы.

Возвратит ли обряд крещения христианское наполнение именам, вошедшим некогда благодаря святым в активный антропонимический фонд, покажет время. Однако рост внеинституциональной религиозности, сопровождающейся уходом религии в глубину индивидуальной жизни, позволяет прогнозировать возможную реставрацию христианского наполнения имени лишь для приватного, субъективного его осмысления. Для массового сознания приращенные смыслы, которыми способно окружать себя личное имя, в большей степени производятся от усредненного энциклопедического знания, от пространныго и пестрого круга прецедентных текстов, живущих в современной культуре, иногда от устойчивых фоносемантических ассоциаций. Ср.: «Мое имя Александр напоминает о великих людях – о Пушкине, Суворове, Македонском»; «Елена значит ‘светлая, светящаяся’, ассоциируется с Еленой Прекрасной»; «Анастасия – имя красивое и звучное, царское. А Настей, Настенькой в сказках часто называют главную героиню».

Из трех компонентов официального именования наиболее консервативным и регулярным по правилам выбора является отчество. Личное имя может быть не вполне обычным для русского именника, может со временем измениться по желанию взрослого человека; фамилия присваивается ребенку по отцовской либо по материнской линии и также может быть изменена после 14 лет, но отчество остается по большей части неизменным (его перемена допускается только в случае изменения имени отца)².

Большой устойчивостью отличаются те словообразовательные модели, по которым идет образование отчеств, хотя и здесь мы чаще имеем дело не с собственно словообразовательными процессами, а, в сущности, с разновидностью тезоименитства – с перенесением на новый объект уже готовых обозначений, образующих в системе набор привычных «отческих» имен³. Консерватизм этого фонда в XX в. послужил свое-

² Не носят характера принципиальных поправок к сказанному те видоизменения, которые возникают в обыденной речи у отчеств, производных от нерусских имен, из-за потребности сгладить этнические различия или предупредить речевые затруднения собеседника (например, *Софья Алексеевна* вместо *Сания Ахматхановна*), поскольку форма официального отчества остается прежней.

³ В этом отношении весьма показателен материал «Словаря русских личных имен» [см: Тихонов, 1995]. Построенный по гнездовому принципу, он содержит мужские и женские имена со всеми созданными на их базе уменьшительно-ласкательными производными. Отчества, образованные от личных имен, также последовательно приводятся в каждой словарной статье и, взятые изолированно, демонстрируют удивительную монотонность: шаблонность, однообразие, минимальную вариативность, особенно заметные на фоне обширных словообразовательных гнезд личных имен.

образным жерновом, который перемолол многочисленные имена-неологизмы 20–30-х гг. и стал сильным сдерживающим началом для чересчур смелого перенесения на русскую почву иноязычных имен и безоглядного именного новаторства.

Некогда соотносимое с действующими правилами брака и наследования, отчество, пройдя длинный и непростой исторический путь, уже много времени тому назад превратилось в дополнительный знак различия лица, а в речевой коммуникации стало постоянным атрибутом формулы вежливого названия взрослого человека. Но и в современной жизни, в условиях давно и коренным образом изменившегося семейного права, отчество продолжает сохранять в своей фоновой семантике смысл уважительного отношения к отцовству. Такое положение дел подтверждают ответы многих информантов на вопрос о целесообразности отчества, см., например: «Отчество нужно для выражения уважительного отношения к собственному отцу»; «Все-таки отец является главой семьи»; «Ребенок имеет право хотя бы знать имя своего отца»; «Если мы наших пап лишим еще и отчества, то у них ничего не останется для передачи детям. Силы и духа у них осталось очень мало». Последние из приведенных суждений можно расценить и как своеобразное доказательство подвижек в бытовом укладе, которые произошли в условиях признанного равенства полов, и как сигнал общественной тревоги по поводу снижения доли ответственности мужчины за содержание и воспитание ребенка. Не случайно немногочисленные информанты, высказавшиеся за идею отмены отчества как обязательного компонента именованья, объяснили свою позицию именно в связи с большими социальными проблемами: «Отчество сейчас не актуально, потому что много детей остается без отца»; «Есть народы, у которых нет отчества, у нас же сейчас много матерей-одиночек, кто-то из них дает отчество ребенку по бабушке, кто-то и вовсе придумывает».

В продолжение разговора о самом устойчивом компоненте официального именованья приведем один любопытный факт: екатеринбургская семья Мухлыниных, ожидающая появления первенца, настроена записать в соответствующей графе свидетельства о рождении ребенка не отчество, а «матчество» – именованье по матери. Глава семьи объясняет это следующим образом: «Женщина рождает в муках ребенка, дает ему жизнь, а все лавры принадлежат отцу. Просто есть в этом какая-то первоначальная несправедливость... Я еще школьником озадачился. Никакой жены тогда не было и ребенка не ждал. Думал просто: мать-одиночка рождает ребенка, выдумывает какое-то липовое отчество вместо того, чтобы дать свое. Но ей хоть можно выдумать, а если женщина в браке – значит, строго по отцу. Хотя бы совмещать было можно... Бывают совмещенные фамилии, почему бы отчество-матчество тоже не давать? К примеру, Ларисо-Сергеевна?» Жена Сергея Мухлынина, Лариса, полностью поддерживает мужа в желании назвать свою будущую дочку Ника Ларисовна или Ника Ларисо-Сергеевна [Комсом. правда, 2004, 12 марта].

Разумеется, случай сотворения «матчества» (даже рассматриваемый как интуитивное оживление варианта, который действительно существовал в прошлом) следует отнести к экзотичным. Примечательно, что отклики наших респондентов на это именное новаторство практически одноплановы – 95 % опрошенных высказали отрицательную и резко отрицательную оценку: «всегда было отчество, а это непривычно»; «это несерьезно»; «не звучит»; «глупо»; «нелепо»; «некрасиво»; «абсурдно»; «ужасно». И только 5 % продемонстрировали к предлагаемому новшеству лояльное отношение: «почему бы нет»; «можно так называть по желанию родителей»; «нужно дать родителям право

решать самим»; «так будет больше разнообразия»; «фамилия у ребенка от отца, а отчество пусть будет от матери». Из приведенных суждений одно, на наш взгляд, заслуживает особого внимания, поскольку в нем есть мотивировка, оправданная с точки зрения языковой логики: при сокращении набора личных имен и повторении отчеств вероятность тезоименитства возрастает, а вместе с ним возрастает опасность снижения различительной силы имени, поэтому «матчество», оцениваемое исключительно с позиций языковой рациональности, предстает гипотетическим средством для возвращения большего разнообразия.

Однако при очевидной экстравагантности пример высвечивает еще один ракурс видения проблемы. Называние по отцу является поддержанной законом нормой, т. е. культурная традиция усиливается правовыми предписаниями, обеспечивающими отчеству дополнительный запас прочности. Но это не означает, что знаку не приходится доказывать свою состоятельность. Новое семейное законодательство относит решение вопроса о присвоении ребенку отчества к компетенции субъектов Российской Федерации. Для граждан РФ правовые предписания в отношении отчества имеют характер императивной нормы, даже если родители ребенка нерусские и их национальные обычаи не предусматривают соответствующего именованья. Субъекты РФ имеют право постановить, что присвоение отчества на их территориях не обязательно и может осуществляться по желанию лиц, регистрирующих ребенка, если это соответствует их национальной традиции [см.: Комментарий к Семейному кодексу..., 2004, 147]. Таким образом, государство оставляет за этническими культурами право на самобытность именованья. Однако при существовании смешанных браков и миграции на территории государства неизбежны факты именной диглоссии: переезд, например, бурята с двухкомпонентным именем в Тверскую область будет сопровождаться «достраиванием» паспортного имени с последующим сосуществованием в измерениях разных языков имен одного и того же человека. О том, какое воздействие на русскую антропониимию могут оказывать иноязычные именные модели и как в подробностях протекают процессы адаптации иноязычных имен, можно будет судить лишь при дальнейших социолингвистических исследованиях языковой ситуации в современной России.

Функциональные разряды антропонимической системы

Русскую антропонимическую систему составляют имена, отчества, фамилии, прозвища, псевдонимы [см.: Системы личных имен..., 1989, 262–268]. Специфика организации системы (и, можно полагать, не только русской) напрямую связана с тем, что составляющие ее единицы по сути имеют общую денотацию (все они называют человека как индивида) и выполняют одни и те же задачи – служат для различения и индивидуального обозначения лица. Однако очевидно и то, что названные разновидности собственных имен неоднородны по своим функциональным возможностям. Главные различия, как нам представляется, проистекают из ряда присущих отдельным именным обозначениям прагматических показателей, к ним позволительно отнести следующие: обязательность – факультативность; стабильность – изменчивость; престижность – неавторитетность; закреплённость за социально типизированными правилами наречения – связь со стихийными речевыми процессами; широкий функциональный диапазон – и, напротив, функциональная ограниченность и привязка к определенным коммуникативным ситуациям. Названные оппозиции наиболее отчетливо позволяют противопоставить единицы двух функциональных разрядов – официальные имена (личное имя,

отчество, фамилию) и прозвища, при соотнесении «правых» показателей с характеристикой прозвищ, а «левых» – с характеристикой имен.

Категории прозвища и имени в равной степени относятся к древнейшим системообразующим началам. Именно прозвища, более свободные и не окруженные запретами, в отличие от именных обозначений, обеспечивали гибкость древнерусской именной системы и способствовали ее развитию, будучи историческими «участниками» складывающейся антропонимической модели сначала в качестве дополнительных различителей при личном имени, затем как строительный материал для нарождающихся фамилий. Но, начиная с Петровской эпохи, когда произошла первая кодификация официальной формулы именования, прозвище стало вытесняться на периферию именного обозначения и обретать роль непрестижного и факультативного именного обозначения. Эта тенденция на протяжении столетий лишь упрочивалась.

Как в XIX, так и в XX в. прозвище выступает заместителем имени или знаком добавочного различения человека только в речевой практике ограниченных сообществ. Но заложенная в нем способность к передаче актуально значимой характеристики и экспрессии, а также свойство быть знаком приобщения к некоторому корпоративному кругу объясняют причины распространения прозвищных имен у людей разного социального статуса.

Функционально современные прозвища привязаны к определенным коммуникативным обстоятельствам, прежде всего – к неформальному и межличностному типу общения со сниженной, фамильярной или опрошенной тональностью. Выбор сопутствующих языковых средств неизменно предполагает актуализацию разговорно-обиходной разновидности литературного языка, жаргонов, просторечия. Сегодня на фоне множества субкультур, формирующихся в пространстве социальной культуры, рост новых жаргонных разновидностей и появление новых прозвищ представляются вполне закономерными. Красноречивое свидетельство тому – прозвищные имена байкеров, рокеров, рейсеров, дайверов, ростоманов и др., дополнившие уже привычные молодежные, профессиональные и криминальные прозвища.

Псевдонимы⁴ в качестве особого именного разряда вошли в русскую антропонимическую систему в XVIII–XIX вв. и вступили в определенные связи и отношения с другими именными единицами. Главными для их определения служат показатели тождества и различия именной функциональной семантики и референции, специфика которых позволила псевдонимам занять особую внутрисистемную позицию по отношению к официальным именам и прозвищам. По признаку основное – неосновное обозначение псевдоним уподобляется прозвищу и противопоставлен имени, поскольку не является главным именованием человека. Коммуникативный диапазон, напротив, сближает псевдоним с именем в его оппозиции к прозвищу, поскольку псевдоним в отличие от последнего рассчитан на обширную аудиторию и направлен на массового адресата. В феномене псевдонима рельефно проступает еще одна функция, присущая также и официальному имени, – маркирование правовых притязаний на продукт творческой деятельности (не случайно само становление этой именной категории исторически шло параллельно с процессом формирования понятия об авторском праве).

⁴ К категории псевдонима мы относим условные творческие имена, адресованные широкому кругу коммуникантов [подробнее о критериях выделения см.: Голомидова, 1988, 82–94].

Вместе с тем псевдоним в отличие от имени денотативно соотносится не с человеком обыденным, партикулярным, а с авторским «я» своего создателя – неким интроспективным образом, который для говорящего ассоциируется с собственной творческой субъектностью.

В XX в. пик моды на псевдонимы пришелся на 20–30-е гг. – период, отмеченный массовыми именными новшествами и переименованиями. Однако с течением времени энтузиазм по поводу «именного строительства» в целом и псевдонимов в том числе постепенно угасает. К середине столетия количество псевдонимов уменьшается, а причины, побуждающие авторов создавать особые имена, все чаще начинают совпадать с теми, которые подвигают людей к изменению официального имени: обычно это социальная и этническая мимикрия, стремление устранить нежелательные ассоциации при восприятии внутренней формы именования, по возможности облагородить его звуковую оболочку.

В конце XX – начале XXI в. вместе с преобразованиями, разрушившими пристальный бюрократический контроль над творческой деятельностью и стимулировавшими формирование рынка для продукции профессионального творчества, интерес к псевдонимам вновь оживляется. Причем если для представителей профессий, имевших в недавнем прошлом приоритет в создании имиджевых имен, – писателей, журналистов, художников, псевдонимы составляют предмет умеренного спроса, то в индустрии шоу-бизнеса у творческих имен растет популярность, они становятся частью сценического образа и неизменной составляющей брэндинга. Таким образом, разряд обновляется не только в количественном отношении, но и в части модернизации коннотаций, закладываемых в имиджевые имена с учетом предпочтений нынешних потребителей массовой культуры.

Следует отметить, что современная эпоха с ее прорывом в области информационных технологий вызвала к жизни появление новых именных заменителей. Речь идет о так называемых никах (от англ. *nic-name*) – именах, используемых при компьютерном общении в Интернете. Главный вопрос, который возникает в связи с обсуждением их сущностных свойств, – это вопрос об автономной либо подчиненной, совпадающей со статусом подвида, позицией новых именных знаков в антропонимической системе. Иначе говоря, имеем ли мы дело с рождением новой функциональной разновидности или перед нами всего лишь вариация хорошо известного старого, перенесенного в новую сферу речевого взаимодействия.

Компьютерное имя представляет собой имя условное либо вымышленное, которое пользователь создает для компьютерного общения личного характера. Существенно, что в компьютерных именах последовательно продолжает свое развитие различительная, дифференцирующая функция имени, что подтверждают ответы наших информантов, высказавших свое мнение о причинах словесного изобретения: «Ники придумывают для избежания повторений»; «Есть много имен, которые повторяются, можно спутаться, а *nic-name* может быть единственным в своем роде». Таким образом, главная функция именного знака, выступающего средством выделения одного из многих, служит и здесь незабываемым логическим основанием для номинативного действия. С ним нераздельно соединена и другая функциональная задача имени собственного – быть средством индивидуализации и вербальным знаком человеческой уникальности, человеческого «я» в его противопоставлении другим. Обычные имена, присваиваемые человеку при рождении, с этой задачей в полной мере справиться не могут, поэтому стремление к само-

выражению побуждает пользователей к именному сочинительству: «Мне хотелось быть самим собой, чтобы ярче выразить свою личность»; «Ник выражает индивидуальность человека»; «Люди стараются вложить свои особенности»; «Ник самовыражает человека, говорит о его внутреннем мире и личных качествах».

Даже беглый, поверхностный взгляд на компьютерные имена обнаруживает их явное сходство с традиционными псевдонимами – ники также являются продуктом индивидуального и намеренного именотворчества, их придумывают для себя сами носители языка, прикладывая для того личные номинативные усилия и проявляя потенциал собственной фантазии и изобретательности. Но от тех псевдонимов, которые за три столетия укоренились в русской языковой культуре, их отличает одно немаловажное свойство: если традиционные псевдонимы обозначают творческую личность, служат знаком авторства и применяются при институционализированном деловом общении (интеллектуальном и/или эстетически значимом), то *nic-names* – знаки, применяемые для общения личного характера и представляющие человека как частное лицо, без включения обычных социально-ролевых маркеров.

Подобно традиционным псевдонимам, ники в определенном смысле замещают официальное имя, и ситуация сокрытия, невозможности идентифицировать носителя иначе, чем через условное обозначение, расширяет границы личной свободы говорящего, позволяет перейти на более независимый, а иногда и более опрошенный тип речевого взаимодействия: «так проще и более независимо»; «так легче общаться, так как иногда приходится изливать душу или говорить гадости»; «это удобно, потому что достигается простота общения»; «человек чувствует себя свободней»; «не всегда хочется, чтобы узнавали твое имя, но при этом была бы возможность обсуждать различные темы»; «чтобы не выдавать себя, так как выражаются разные, достаточно вольные мнения»; «для большей откровенности». Из этого следует, что в восприятии самих называющих ник обретает свойства знака для личного права на свободу мнения и раскованность речевого поведения, утверждает ценность человеческой уникальности и ее приоритет над тем, что задано стереотипами и условностями институционализированного речевого взаимодействия.

Как средство самоподачи при переходе на межличностный тип общения компьютерные имена с легкостью берут на себя аттрактивную функцию – работают на привлечение внимания, на пробуждение интереса, да и просто развлечение как самих называющих, так и их потенциальных партнеров по коммуникации: «Ник нужен, чтобы заинтересовать»; «Если ник интересный, появится заинтересованность»; «Это прикольно».

В обстоятельном контексте создания имени актуализируется модальность странного, таинственного: «так интересней и загадочней»; «ник передает загадку»; «в них присутствует тайна». Занимая известную коммуникантам позицию условного имени, компьютерное имя оставляет смысловой зазор для интриги, провоцирует вопрос: *кто же ты?* Надо сказать, что подобные смысловые обертоны отличают и обычные псевдонимы, не случайно предугадывание вопроса и упреждающий ответ на него не раз использовались в практике изобретения творческих литературных имен – см., например, псевдонимы: *Не спрашивай, кто я* (А. А. Соколов), *Угадай* (В. А. Скрипицын), *Не скажусь* (П. Д. Боборыкин).

Немаловажное значение для общей характеристики компьютерных имен имеет сама сфера применения. Виртуальная реальность привносит свои правила игры как в отно-

шении конструируемой формы, так и в отношении именной денотации: здесь легко варьируют и комбинируются наборы графических символов (в целом заданные возможностями программы), а удобные условия для примысливания побуждают говорящих к перевоплощениям, к попыткам надевать маски, представляя себя в воображаемых, предпочтительных образах. Разумеется, компьютерный мир не отменяет возможностей для обычного общения и применения реальных имен либо уже сложившихся прозвищ, но вместе с тем он открывает широкий простор для игрового поведения, ср.: «Люди показывают себя с другой стороны, придумывают истории, в том числе и о своей жизни»; «Интернет – это придуманная книга»; «Общение с помощью компьютера – это виртуальная реальность, где не хочется быть обыденным Ваней или Наташей, а хочется быть кем-то другим». Быть кем-то другим – это исходная установка, побуждающая к созданию личного мифа, к осуществлению – пусть только на бытовом уровне – попытки вырваться из мира обыденного и привычного, поиграть в иную судьбу или представить себя частью иного, фантастического измерения (см. ники: *Воин Великой Тьмы, Хаос, Мерлин*)⁵.

Имена-маски хорошо известны в творческой деятельности. Они нередки на литературном поприще – *Козьма Прутков* и *Черубина де Габриа* стали здесь уже почти хрестоматийными примерами. Привычны «масочные» имена комических эстрадных и цирковых артистов, но, связанные с воплощением некоего художественного замысла, такие имена сближаются с вымышленными именами литературных персонажей; они денотативно соотносены не с реальными людьми, а с придуманными образами, в смысловом отношении теснейшим образом вплетены в текстовую ткань и прежде всего служат инструментом решения задач художественного свойства. Иное дело – компьютерные имена, для них маска – это скорее средство представления личного мировидения и личного имиджа в текстах, большинство из которых отнюдь не претендует на какую-либо эстетическую значимость.

Можно допустить, что за феноменом *homo ludens*, столь активно явившего себя в компьютерном мире, проступает перенос «привычек» постмодернистской культуры в повседневность и в жизнь обычного человека, но так или иначе разнообразные варианты игрового именования – от контрфакции (приписывания текста другому, обычно известному человеку) и маски (общение от имени вымышленного персонажа) до приписывания себе неких воображаемых свойств – находят при использовании ник-нэймс весьма благодатную почву.

Итак, ники похожи на псевдонимы: и те и другие воспринимаются носителями языка как заместители реального имени, как вспомогательные, условные именные обозначения, действующие в определенной коммуникативной ситуации, в данном случае – при компьютерном (*ad hoc*, дистанцированном, опосредованном, письменном) общении. Но от традиционных псевдонимов их отличает соотносительность не с общественно значимой институционализированной деятельностью, а со сферой межличностного взаимодействия, которое происходит в виртуальной реальности, сопровождается сотворением особой «идеологии» и особой субкультуры. Отмеченные свойства позволяют

⁵ В этой связи прозрачно просматривается связь некоторых *nic-names* с именами любителей ролевых игр, выбираемых или придумываемых для персонажей в соответствии с воображаемой игровой реальностью и существующих в параметрах игры.

заключить, что в этой области идет рождение новых именных «гомункулосов», чье развитие вносит изменение в состав периферийных разрядов именной системы.

Развитие русской антропонимической системы, если учитывать ее историческое прошлое, осуществляется за счет взаимодействия единиц разного функционального достоинства – устойчивых, относительно стабильных и неустойчивых, подвижных. В начале XX в. законодательное закрепление трехчленной формулы в качестве авторитетной нормы официального имени человека способствовало превращению ее компонентов в устойчивые элементы центра антропонимической системы, и по сей день эта норма остается неизменной, поскольку потребности социальной жизни, не мыслимой без поддержания стабильности и единства общества, обуславливают ее целесообразность и связующую макрофункцию. Застывшее состояние формулы, предопределенное правовыми императивами и культурной традицией, по-своему воздействует на уплотнение ядра в подсистеме личных имен и колебательное, маятникообразное движение внутри именника, амплитуда которого не охватывает всей широты именного фонда.

Роль гибких инструментов для дополнительного именования человеческой личности берут на себя прозвища и псевдонимы, дополняющие в разных коммуникативных обстоятельствах индивидуализирующую и социоразличительную работу имени. В условиях плюрализации социальных отношений и множественности разновидностей, сосуществующих в пространстве современной культуры, закономерно наращивание у подобных именных обозначений новых культурных коннотаций.

Система не претерпела принципиальной перестройки, однако нарождающийся слой компьютерных имен свидетельствует о расширении и усложнении ее периферийной зоны, что, в свою очередь, может служить показателем контрдвижения, которое помогает системе преодолеть неподвижность ядра и сохранить функциональное равновесие.

Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.

Голомидова М. В. Искусственная номинация в русской ономастике. Екатеринбург, 1988.

Комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации. М., 2004.

Системы личных имен у народов мира. М., 1989.

Тихонов А. Н. Словарь русских личных имен / *А. Н. Тихонов, Л. З. Бояринова, А. Г. Рыжкова.* М., 1995.

* * *

Марина Васильевна Голомидова – доктор филологических наук, профессор кафедры гуманитарного и социального образования Уральского института социального образования (Екатеринбург).

С. Н. Смольников

АКТУАЛЬНАЯ И ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ РУССКАЯ АНТРОПОНИМИЯ

The paper deals with the division of anthroponymy into two systems: actual and potential names. Their differences are apparent in their semantics, functional features, in their relationship to language and speech, in belonging to active vocabulary, and in other parameters. Potential anthroponymy is a relatively stable system. The fact that potential personal names are preserved in a language causes the continuity of anthroponymy in the historical aspect. Actual anthroponymy is not stable. It is characterized by constant development and appearance of new items. The ambiguous character of anthroponymy demands more detailed research into the specifics of personal name.

В современной отечественной науке можно встретить два типа определений антропонима, различающихся модальностью дефиниции. Широкое распространение в справочной и учебной литературе получило определение: «Антропоним – собственное имя человека (личное имя, фамилия, отчество, прозвище, псевдоним)» [см., например: Немченко, 1995, 17; Подольская, 1997, 31]. В специальном словаре терминов, составленном Н. В. Подольской, дается иное определение термина антропоним: «собственное имя, которое может иметь (разрядка наша. – С. С.) человек (или группа людей), в том числе личное имя, отчество, фамилия, прозвище, псевдоним, криптоним, кличка, андроним, гинеконим, патроним» [Подольская, 1988, 31]. На первый взгляд такое определение антропонима отражает более узкий подход к данному классу слов, дает ему оценку только с позиции ресурсов именования. Однако возникает вопрос: не подразумевают ли эти дефиниции термина разные языковые явления?

Постановка вопроса правомерна, поскольку система антропонимии русского языка имеет двойственный характер. Это связано с семантической противоречивостью имен собственных (далее – ИС), которая особенно часто демонстрируется исследователями на примере современных личных имен, функциональной неоднородностью антропонимической лексики, различной степенью произвольности номинации лица посредством

антропонимов разных разрядов. Двойственный характер антропонимии проявляется прежде всего в том, что существуют имена собственные, не называющие конкретных людей. «Словарь русских личных имен» Н. А. Петровского включает свыше 3 тыс. антропонимов, и ни один из них никого конкретно не называет, т. е. не выполняет номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций, свойственных ИС, и, следовательно, не является собственно онимом. Основное назначение данных слов – служить потенциальными антропонимами, «именами вообще», пригодными для конкретно-референтной номинации лица. Можно говорить о существовании в языке «отчеств вообще» и ряда некоторых других «антропонимов вообще».

Наблюдения над функционированием антропонимов в языке и речи, сделанные разными учеными, показывают, что по особенностям реализации номинативной и идентифицирующе-дифференцирующей функций имена собственные, относящиеся к названной группе онимов, неоднородны. А. А. Белецкий, рассуждая о противоречивости антропонимической лексики, говорит об индивидуализирующих именах (называющих единичный, единственный, неповторимый факт действительности): *Александр Македонский, Александр Сергеевич Пушкин*. Однако, «если не иметь в виду никого, идентифицируемого этой формой», имени *Александр* свойственна только «ономастическая» функция, т. е. способность быть именем собственным. Эта потенциальная функция является основным «содержанием» подобных имен [см.: Белецкий, 1972, 34].

Мысль о семантической и функциональной негомогенности антропонимии не нова для науки. Она неоднократно звучала в работах, посвященных общим теоретическим проблемам ономастики. В частности, данная идея нашла отражение в высказываниях А. Гардинера о «воплощенных» («телесных») и «развоплощенных» («бестелесных») именах собственных [см.: Gardiner, 1954, 73–74], где воплощенные имена – это имена, прикрепленные к определенным конкретным объектам (*Вильям Шекспир*), а развоплощенные – это те же самые имена вне связи с конкретным денотатом (*Вильям* – как английское имя вообще). М. И. Стеблин-Каменский, рассматривавший ИС с позиций их большей или меньшей воплощенности на материале древнеисландской ономастики, сделал важный вывод о том, что развоплощенные имена исторически вторичны по отношению к воплощенным, это явление современных европейских языков [см.: Стеблин-Каменский, 1974, 105]. К мысли А. Гардинера о воплощенности/развоплощенности ИС обращались А. В. Суперанская [1973] и В. Д. Бондалетов [1983] при обзоре различных научных концепций ИС. Отмечалась связь данной теории с учениями Т. Гоббса об общих и единичных именах и Г. Лейбница о соотношении конкретного и абстрактного в языке [см.: Бондалетов, 1983, 12–14].

Идеи А. Гардинера о двух типах имен собственных приобрели особую актуальность в отечественной ономастике последних двух десятилетий, однако глубокой теоретической разработки они не получили. Более того, немногочисленные публикации, касающиеся этой проблемы, носят спонтанный, независимый и разрозненный характер. Например, С. В. Перкас, вслед за В. Д. Бондалетовым обращаясь к оппозиции воплощенных (ИСВ) и невоплощенных (ИСН) имен собственных, рассматривает их разную реализацию в художественном тексте, уделяя при этом особое внимание метафоризации воплощенных имен. Однако характеристика этой оппозиции представлена в самых общих чертах: «ИС “воплощенные” – *Москва, Лермонтов, Европа* и т. п., носители которых более или менее хорошо известны членам данного языкового кол-

лектива; ИС “невоплощенные” – *Сергей, Мария, Иванов* и т. п., которые воспринимаются просто как ИС, могущие соотноситься с рядом индивидуальных объектов, но, в отличие от ИН, не выступающие по отношению к этим объектам в качестве обобщающего понятия. <...> ИСН типа *Сергей, Джон, Иванов, Смит* и т. д., оказавшись в тексте, обретают “плоть”, начиная именовать вполне определенного индивидуума» [Перкас, 1993, 141–143]. Очевидно, что в данном случае воплощенность ИС понимается как прецедентность и определенность онима.

Более обстоятельно проблема воплощенных и невоплощенных ИС рассматривается в связи с разработкой современной теории референции. М. А. Кронгауз, поставивший своей задачей уточнение понятия имени собственного путем описания свойств воплощенных и невоплощенных имен, описывает разные случаи их употребления в речи, в том числе и метафорические. Под воплощенным ИС М. А. Кронгауз понимает имя, «которое связано с конкретным объектом, т. е. присвоено ему», «воплощенные ИС жестко связаны с конкретным объектом, они обозначают сам этот объект или его свойства» [Кронгауз, 1987, 125–127]. Невоплощенные имена собственные, по мысли М. А. Кронгауза, абстрагированы от свойств конкретного объекта и обладают свойством «иметь имя», употребляются в речи не как обозначение конкретного лица, а как условный языковой знак, средство именования (*Меня зовут Иван, человек по имени Иван*), при этом «в экстенционал невоплощенного имени собственного входят все носители данного имени» [Там же, 133]. Однако разграничение этих групп антропонимов в работе основано на примерах, допускающих неоднозначные интерпретации. Как воплощенные рассматриваются антропонимы в следующих контекстах: *Я увидел Ивана; Она хочет выйти замуж за Ивана; Гомер существовал* и др., а в числе невоплощенных – именованья, соотносимые с конкретным, единичным носителем, но употребленные с неопределенным местоимением либо в аппозитивном сочетании: *Тебе звонил какой-то Иван; В Македонии правил в это время царь Филипп*. Оппозиция воплощенных и невоплощенных имен собственных, предложенная М. А. Кронгаузом, в итоге сводится к оппозиции определенных и неопределенных имен собственных. Отмечается, что воплощенное имя «в тексте всегда определено, причем даже тогда, когда это не обусловлено контекстом» [Там же]. Тезис о том, что названный с помощью ИС объект всегда четко определен, ограничен, очерчен (Л. Блумфилд, Л. В. Щерба, А. В. Суперанская и др.), долгое время в отечественной ономастике не подвергался сомнению. И лишь в последние годы высказываются точки зрения на имя собственное, отрицающие справедливость данного суждения [см., например: Щетинин, 1999].

Концепция ИС, учитывающая два функциональных типа – общие имена собственные и индивидуальные собственные имена, вслед за А. Гардинером, разрабатывалась П. В. Чесноковым, позднее – Л. Д. Чесноковой (в аспекте соотношения ИС и имен числительных) и их последователями [см., например: Чесноков, 1967; Чеснокова, 1996; Чабристова, 1998; Уляшева, 2001]. Разграничивая общие и индивидуальные ИС, Л. Д. Чеснокова предлагает учитывать двоякий характер их функционирования: «1) функционирование отдельных лексем в словаре (словарное функционирование) вне закреплённости за конкретным референтом и 2) функционирование в составе связной речи при условии их закреплённости за отдельным референтом» [Уляшева, 2001, 66]. Различия двух типов ИС, как справедливо отмечает исследователь, связаны с семасиологической и номинативной функциями: «Словарное функцио-

нирование имен собственных типа *Анна* сохраняет самое общее их значение – ‘женщина с именем Анна’ и семантически не дифференцирует имена *Анна*, *Мария*, *Ольга* и т. п. Функционирование имен собственных при их закреплённости за определённым референтом (в связной речи) наполняет их богатым содержанием, и слова *Анна*, *Мария*, *Ольга* дифференцируются семантически на основании самых различных признаков (по возрасту, по внешности, по характеру, по социальному положению и т. п.)» [Уляшева, 2001, 66–67]. С другой стороны, отличаясь в характере индивидуальной номинации, «общие имена собственные обладают только виртуальной индивидуальной номинацией, т. е. в них только заложена способность выполнять функцию индивидуальной номинации, но на словарном уровне эта способность не реализуется, она реализуется лишь в случае закрепления их за конкретными референтами, что проявляется в связной речи» [Чеснокова, 1996, 105]. Таким образом, противопоставление общих и индивидуальных ИС основывается Л. Д. Чесноковой на оппозиции языка и речи. В ином ключе описание общих и индивидуальных ИС представила О. Я. Уляшева, которая, рассмотрев ИС с точки зрения их определённости/неопределённости в языке и речи, выделила общие (повторяющиеся в разных именовании ИС, обладающие в языке «генерализирующей определёностью») и индивидуальные ИС (имена исторических деятелей, литературных персонажей и т. д., которые сохраняют «индивидуализирующую определённую в языке») [Уляшева, 2001, 66–67].

К разграничению двух типов антропонимов обращаются исследователи, занимающиеся проблемами двуязычной лексикографии и транскрипции иноязычных имен, ими выделяются либо единичные и общие, либо единичные и множественные антропонимы [см.: Берков, 1974, 107; Ермолович, 2001, 39]. По определению Д. И. Ермоловича, множественные антропонимы – «такие имена, которые в языковом сознании коллектива не связываются предпочтительно с каким-то одним человеком», а единичные – антропонимы, которые «также принадлежат множеству людей, но с кем-то одним связаны прежде всего. Это имена людей, получивших широкую известность». Принцип разграничения двух типов антропонимов, который заключается «в отсутствии или наличии объекта, на который антропоним указывает в первую очередь» [Ермолович, 2001, 39], выглядит достаточно субъективным.

Оригинальные идеи о функциональной неоднородности антропонимии в разное время высказывались А. В. Суперанской и Л. М. Щетининым.

Предложенная А. В. Суперанской типология ИС строилась на идеях А. И. Смирницкого о реальных и потенциальных словах, а также на работах Л. В. Щербы, описавшего лексику с точки зрения активного/пассивного запаса. А. В. Суперанская выделяет следующие группы ИС: пассивные потенциальные, активные реальные и активные потенциальные [см.: Суперанская, 1973, 216]. Чётко не очерчивая круг данных групп онимов, исследователь указывает на их различную степень известности носителям языка, принадлежность индивидуальному лексикону либо воспроизводимость «в общественном масштабе»: «субъективный фактор – известность имени для индивида – влияет на объективный – реальную принадлежность имени к данному языку» [Там же, 217].

Однако в последующих работах А. В. Суперанская ставит под сомнение признак общественной воспроизводимости как критерий отнесения ИС к определённой группе языковых единиц: «Для членов одного языкового коллектива основное ядро активной

нарицательной лексики едино (иначе была бы затруднена коммуникация). <...> Набор активно употребляемых собственных имен для каждого человека свой, индивидуальный. <...> Поскольку набор активных и даже пассивных собственных имен в отдельных социумах свой особый, общее речевое употребление их, единое для всех членов социума, невозможно» [Суперанская и др., 1986, 35–36]. Таким образом, вопрос об отношении «реальных» и «потенциальных» имен собственных к языку и речи был поставлен А. В. Суперанской, но не был однозначно решен. Выделение реальных и потенциальных имен, предложенное исследователем, не учитывало их воплощенности или невоплощенности. Противопоставляя языковую системность ИС их речевому употреблению, А. В. Суперанская утверждала: «Для системности ИС безразлично, имеет ли такое-то имя в данный момент своих живых носителей», – отмечая при этом, что «изучение календарных имен как определенной системы и изучение употребления имен в живой речи дают значительные расхождения» [Там же, 55].

В одной из работ Л. М. Щетинина предлагается понятие номосферы (номеносферы) применительно к антропонимии. При этом разграничиваются индивидуальная номеносфера и номеносфера языкового коллектива. Внутри индивидуальной номеносферы выделяются виртуальный и актуальный слои. Понятие виртуальной антропонимии отчасти пересекается с идеей невоплощенных онимов: «Знание традиционного национального именика является виртуальным для любого русского человека, но лишь часть русскоговорящих людей в определенных условиях прибегает к его актуализации». К виртуальным отнесены и воплощенные антропонимы пассивного запаса: «Виртуальным остается большинство имен, усвоенных человеком в период учения, и имена и названия, характерные для страны, покинутой человеком при переезде на новое местожительство, особенно при эмиграции. То же относится к ономастической лексике, специфичной для профессии, оставленной человеком при перемене занятия и при других изменениях условий существования» [Щетинин, 1999, 18]. То есть виртуальными именами являются все имена, которые не находят речевой реализации в конкретный момент речи индивидуального субъекта номеносферы.

Разграничивая виртуальную и актуальную антропонимию, Л. М. Щетинин не ставит вопроса об их отношении к языку или речи. С одной стороны, отмечается, что «актуальная “номосфера” объединяет имена широкого диапазона: от тех, чьи референты лишь поверхностно знакомы ее обладателю, до имен, образующих ядро его мыслительной системы» [Там же, 22]. Утверждаемый исследователем ментальный характер виртуальной антропонимии позволяет думать о ее принадлежности к активному и пассивному языковому запасу. Одновременно с этим автор говорит о том, что «имена, актуализированные различными контекстуальными средствами, входят в актуализированную номосферу, время существования которой ограничивается сохранением условий или средств актуализации. Прекращение действия этих условий ведет к возвращению имени в слой виртуальной ономастики» [Там же, 23]. Актуальная номосфера носит субъективный характер и поэтому не стабильна: «на момент речи и на момент анализа она может различаться» [Там же]. В работе утверждается сугубо речевой характер актуальной антропонимии, существование которой ограничено рамками конкретного речевого акта, в то время как статус виртуальной антропонимии не уточняется.

В числе точек зрения, высказываемых по поводу рассматриваемой проблемы, заслуживает внимания позиция М. Э. Рут, которая, размышляя о семантике антропони-

мов, говорит о необходимости разграничения «антропонимов вообще» и «личных имен». «Антропонимы вообще», существующие вне конкретного денотата, не являются личными именами собственными, «поскольку здесь отсутствует главное свойство имени собственного – способность индивидуализации» [Рут, 2001, 62]. В числе наиболее существенных различий «антропонимов вообще» и «личных имен» отмечается: «антропоним сам по себе» не имеет реального значения, его семантика определяется общенародными культурными коннотациями, а личное имя конкретного человека обладает отсоциумным денотатом и отсоциумным коннотатом, семантика личного имени определяется закрепленностью его за конкретным членом социума; личное имя, в отличие от антропонима, являющегося принадлежностью языка, существует в социолекте, и чем уже социум, тем ярче особенности функционирования онима [см.: Там же, 63–64]. Оставляя в стороне рассуждения об удачности терминов, использованных для обозначения двух групп антропонимов, отметим, что М. Э. Рут очень точно охарактеризовала признаки этих групп, раскрыла сущность семантической противоречивости антропонимической лексики.

Понятие потенциального имени собственного, предлагаемое в настоящей работе, несколько отличается от закрепленного лингвистической традицией представления о потенциальной лексике. В отечественной науке потенциальные слова рассматриваются в одном ряду с окказионализмами и словами активного и пассивного запаса по признаку отношения к языку и функционированию в речи [см.: ЛЭС, 1990, 260]. К проблеме потенциальности/реальности слова, поставленной А. И. Смирницким, обращались многие исследователи [см., например: Немченко, 1995, 204–205; Маноли, 1986]. Согласно существующим определениям в словарях и справочниках, потенциальные слова – окказиональные слова, т. е. слова, которые уже созданы, но еще не закреплены языковой традицией словоупотребления, или слова, которые могут быть созданы по образцу существующих в языке слов. Отмечается, что вне контекста они перестают быть словами. Именно в этом ключе решалась проблема реальности/потенциальности имен собственных в работах А. В. Суперанской. Другое понимание потенциальных слов предлагалось при изучении фразеологии. При данном подходе к потенциальным словам относятся лексические единицы с ослабленными и конструктивно связанными значениями, обычно в составе устойчивых сочетаний, например: *закадычный друг*, *потушить голову* и др. (А. А. Архангельский, О. С. Ахманова, В. В. Виноградов и др.). В. В. Виноградов отмечал, что потенциальные слова «лишены прямой номинативной функции и существуют в языке лишь только в составе тесных фразеологических групп. Их лексическая отдельность поддерживается лишь наличием словообразовательных родичей и слов-синонимов» [Виноградов, 1977, 158].

Предлагаемая концепция потенциальности имени собственного созвучна идеям функциональной грамматики. Понимая под функцией реализуемое назначение языковой единицы, А. В. Бондарко предлагает различать два типа функций языковых единиц: функции-потенции (Фп) и функции-реализации (Фр). Первые обуславливают возможное (допустимое) употребление языкового знака, характеризуют его назначение. Второй тип функций связан с той реальной ролью, которую играет единица языка в высказывании. Данные функции соотносятся между собой как причина и результат; «Фп превращается в Фр (Фп → Фр) в процессе мыслительно-речевой деятельности говорящего» [Бондарко, 2001, 341]. При определении потенциальности имени собственного необходимо учитывать не столько его узуальность/окказиональность, активность/пассивность,

хотя они, несомненно, важны, сколько степень реализации тех функций, которые предписаны ИС языком.

Таким образом, для одних единиц данного множества свойственна реализованная номинативная функция (актуальные антропонимы), для других она остается потенциальной. Представляется очевидным, что система актуальных антропонимов как конкретно-референтных языковых знаков в языке противопоставлена системе потенциальных антропонимов. И поэтому они должны рассматриваться с разных позиций, учитывающих специфику единиц этих множеств.

Требует некоторых замечаний и термин актуальная антропонимия. Актуализация антропонима, вслед за В. И. Болотовым [Болотов, 1970], в отечественных работах по ономастике обычно понимается как особое употребление ИС в речи, устанавливающее или раскрывающее его конкретно-референтную отнесенность. Л. М. Щетинин связывает актуальные ИС с категорией определенности онимов, понимая под актуализацией «отсечение всех неактуальных связей имени» [Щетинин, 1999, 161]. По мнению Л. М. Щетинина, актуализация имени достигается средствами контекста, к которым относятся дейктические слова, широкий контекст, повторы, эксплицитные описания (непосредственный речевой контекст), жесты, мимика (динамический контекст), исторические, литературные, традиционные ассоциации имени (энциклопедический контекст), грамматические средства актуализации, порядок слов, детерминаторы (грамматический контекст) и др. [см.: Там же].

В данной работе термин «актуальная антропонимия» понимается более широко. Под актуальными антропонимами подразумеваются референтные имена собственные, для которых связь с именуемым лицом остается актуальной для носителей языка (или их отдельной группы) независимо от употребления имени в контексте. Не контекст формирует референцию антропонима, а антропоним, имея референцию, «выбирает» тот или иной контекст употребления. Термин реальная антропонимия применительно к данному разряду онимов представляется не вполне точным. Потенциальные имена также реально существуют в языке, и этот признак не является определяющим для рассматриваемой оппозиции. Таким образом, актуальная антропонимия – это система конкретно-референтных собственных именовании, актуальных для носителей языка и употребляемых в речи для обозначения индивидуальных объектов.

Разграничивая два типа антропонимов, исследователи обращают внимание на следующие их признаки: языковой/речевой характер, семантическая специфика, наличие/отсутствие (или единичность/множественность) референции (экстенциональная семантика), определенность/неопределенность номинации, отношение к общенародному языку, степень известности и «общественной» воспроизводимости, специфика переносного употребления.

Сопоставление свойств потенциальных и актуальных антропонимов позволяет рассматривать в числе их главных отличительных черт семантическую специфику. Для одних исследователей точкой отсчета является потенциальное имя, другие оперируют представлением об актуальных именах.

Вопрос о языковой семантике ИС долгое время определялся тем, что собственно языковыми антропонимами считались только потенциальные личные имена, которые и являлись мерилем семантики антропонима и всей онимической лексики в целом, поскольку для человеческого сознания «подлинное собственное имя, собственное имя

по преимуществу есть антропоним. Остальные имена собственные как бы уподобляются антропонимам или приравняются к ним» [Белецкий, 1972, 161]. На представлениях о значении потенциальных ИС строилась концепция семантически ущербных языковых знаков, «пустых имен», «ярлыков», «этикеток». Критикуя концепцию Дж. Ст. Милля, О. Есперсен справедливо отмечал: «Милль и его последователи слишком много внимания уделяли тому, что можно назвать словарным значением имени» [Есперсен, 1958, 71].

У потенциальных антропонимов не проявлена номинативная функция и нет конкретно-референтной отнесенности. В силу этого их семантика существенно отличается от значения актуальных антропонимов. В структуре значения таких слов на первый план выдвигается модальная семантика возможности, потенциальности (имя *Иван* может носить любой русский человек, но в действительности не каждый русский человек носит имя *Иван*). Более частные семы связывают антропоним с определенным разрядом ИС, денотат потенциального имени – ‘слово’, ‘знак’, ‘имя’ в ряду подобных знаков. Для потенциальных антропонимов характерна классификационная семантика, обусловленная генерализацией представлений о носителях имени и ограниченная несколькими семами (например, ‘человек’, ‘мужчина’, ‘русский’).

Потенциальные и актуальные антропонимы имеют общий набор сем (‘имя’, ‘лицо’, ‘пол’, ‘национальность’ и др.), но их иерархия различна. Денотатом актуального антропонима является не слово, обладающее теми или иными потенциями, а человек, лицо. Архисема выявляется в сочетании ИС с лексемой-классификатором. По словам М. В. Всеволодовой, функционирование ИС в речи проявляется в закономерности их сочетаемости с родовыми словами и в степени обязательности классификаторов при ИС [см.: Всеволодова, 2000, 52]. Для потенциальных имен в современном языке классификатором является слово *имя* (vs. *фамилия*, *отчество* и др.). В семантике этих онимов на первый план выходит идея знаковости, связанная с основной функцией данных слов в языке – быть потенциальным именем собственным определенного разряда.

Актуальные антропонимы могут употребляться в аппозитивном сочетании с нарицательным именем – чаще всего обозначением лица (*царь Филипп, поэт Пушкин*). В некоторых случаях (обычно в ситуации знакомства или представления человека) при актуальном антропониме могут использоваться два родовых слова (*девочка по имени Лида*), функцию классификатора из них выполняет обозначение лица. Это не позволяет согласиться с теми исследователями, которые считают подобные употребления онимов невоплощенными ИС. Подобные контексты, видимо, следует рассматривать как контексты идентификации – установления говорящим соответствия имени конкретному предмету при операции имяназечения или представления. Актуальность (воплощенность) антропонима не утрачивается, а, наоборот, подчеркивается (*Лида* – это девочка с определенным именем *Лида*; эта девочка и есть *Лида*).

Отдельного рассмотрения требуют случаи развоплощения актуальных имен, когда имя намеренно отстраняется говорящим от его носителя. При этом сочетанием с апеллативом-классификатором подчеркивается его знаковый характер (*Я читаю поэта по имени Гомер, Я не знаю художников с фамилией Юон*). Развоплощенное употребление актуального антропонима не означает его перехода в число потенциальных имен – слово сохраняет свою конкретно-референтную отнесенность. То есть можно утверждать, что оппозиция потенциальных и актуальных имен не повторяет противопоставление воплощенных/невоплощенных/развоплощенных имен собственных, а существенно отличается от него.

Потенциальные и актуальные антропонимы имеют разную способность к семантическому переносу (вторичной номинации), «воплощаются» в речи по-разному. Классификационное значение потенциальных имен способствует тому, что в речи они могут воплощаться в качестве условных (неиндивидуализирующих) имен, когда «ИС обозначает общую категорию людей с детализацией пола, национальности и пр.» [Шмелев, 2002, 50]: *Каков Савва, такова ему и слава; На бедного Макара и шишки валятся; У Мирона детки Миронычи, у Ивана – Иванычи* и т. д. При таком употреблении условные имена способны сочетаться с обобщающими местоимениями *все, всякий, каждый, любой*: *Всяк Еремей про себя разумеи; У всякого Федорки свои отговорки* и др. [Там же, 126]. Способность развивать классификационное значение в истории антропонимии была свойственна и потенциальным некалендарным именам. Примером может служить одно из самых активных некалендарных имен – *Богдашко (Богдан)*, которое использовалось для именования младенца до крещения. По свидетельству В. И. Даля, в языке XIX в. имя употреблялось в качестве нарицательного слова со значением ‘общее название всех некрещеных еще младенцев обоего пола’: «*Некрещеный богдашка, дразнят ребят*» [Даль, 1, 102].

Семантика актуальных антропонимов, определяемая конкретными признаками конкретного лица, создающими коннотацию имени, мотивирует возможность их метафорического и метонимического употребления или использования в качестве прецедентных имен. Ядро значения прецедентных имен составляют дифференциальные признаки (внешность, характер, ситуация: *Пеле нашего двора, Мегрэ в юбке* и др.), а периферию – «атрибуты имени», тесно связанные с означаемым лицом, но недостаточные для сигнификации (кепка *Ленина*, бакенбарды *Пушкина*, усы *Гитлера*, френч *Сталина* и т. п.) [см.: Красных, 2002, 79–99]. Генерализация одного из признаков лица способствует плюрализации актуального антропонима для создания метафорической номинации группы сходных объектов («Мы все глядим в *Наполеоны*»; «Может собственных *Платонов* и быстрых разумом *Невтонов* Российская земля рождать» и т. п.). Метонимический перенос в сфере актуальных антропонимов (например, «автор – произведение/творчество») связан в первую очередь с процессами семантико-синтаксического, контекстного, ситуативно-речевого плана (ср.: «Из *Листа* и *Шопена* вместе вырос *Скрябин*»; «Кроме *Хомякова* и *Самарина*, нечего в руки взять» и другие примеры) [см.: Василевская, 1981, 156–166].

Другим значимым дифференциальным признаком актуальных и потенциальных антропонимов является отношение к языку и речи. В науке существует традиция рассмотрения антропонима как языкового знака, лишённого семантики и конкретно-референтной отнесенности, и его речевых реализаций, при которых устанавливается отношение имени собственного к единичному предмету. Традиционным является противопоставление антропонимии в языке и антропонимии в речи, констатация этого соотношения может быть обнаружена в любом научном исследовании, затрагивающем теоретические проблемы изучения имен собственных. Однако оппозиция потенциальных и актуальных антропонимов не повторяет этого соотношения и, в известном смысле, разрушает его. И потенциальные, и актуальные антропонимы могут являться единицами языка, и те и другие могут употребляться в речи.

Потенциальная антропонимия целиком относится к сфере языка. В русском языке границы системы потенциальных антропонимов строго определены. В нее входят през-

де всего личные имена, достаточно хорошо представленные современными словарями русских личных имен. Главной целью лексикографов является фиксация, сохранение и поддержка существующих традиций именования. Кодификации подверглась большая часть модификатов личных имен, которые употребляются в качестве стилистически окрашенных номинативных вариантов личного имени (*Константин – Костя, Дмитрий – Дима, Димуля, Митя, Митенька, Митек* и др.). Потенциальный характер имеют современные отчества, которые не создаются каждый раз заново, а воспроизводятся в готовом виде, закреплённом в языке (*Михайлович*, а не *Михаилович*; *Яковлевич*, а не *Яковович*; *Кузьмич*, а не *Кузьмович* и т. д.).

Тенденция развоплощённого восприятия имен собственных, свойственная современному русскому языку, находит отражение и в научных исследованиях. Ср., например: «Особенность именника крестьянок старой России, а в XVIII в. и горожанок – ничтожное количество имен, употребленных единично. <...> Из городов несколько обособленнее в этом отношении оказался Великий Устюг, где нашлись *Иуалентина (Валентина), Лукия, Маргарита, Поликсена*, имена, очень редкие в России того времени» [Никонов, 1971, 125]; «Имена *Курбат* и *Шарап*, по-видимому, попали к русским от тюрок, а к тем – от арабов» [Суперанская, 1998, 19] и мн. др.

В отличие от потенциальных антропонимов, имеющих закрепление в языке, актуальные антропонимы могут являться как фактами языка, так и фактами речи. Представляется очевидным, что многие актуальные антропонимы воспроизводятся в речи, уже имея референтную отнесенность, а не приобретают эту связь, устанавливаемую каждый раз заново в том или ином речевом контексте. Это говорит об их узואльном характере: «Каждый знает (разрядка наша. – С. С.) имя героического лейтенанта Черноморского флота Петра Петровича Шмидта, композитора Петра Ильича Чайковского, русских флотоводцев Степана Осиповича Макарова, Федора Федоровича Ушакова и многих других выдающихся людей прошлого» [Суслова, Суперанская, 1991, 123].

В системе актуальной антропонимии от собственно языковых антропонимов отличаются речевые антропонимические номинации. Они не имеют закреплённости в языке, устойчивой воспроизводимости. Функционирование таких номинаций ограничено рамками одного высказывания или текста, а также группы текстов, которые базируются на нем и воспроизводят (цитируют) антропоним или антропонимическое сочетание в том же виде. Создание и употребление речевых номинаций связано с нарушением социальных конвенций об именовании лица, преследует цель выражения субъективного отношения к именуемому («отношусь не так, как все – называю не так, как все»). Например, не имеют потенциального характера (способности к именованию любого индивида, носящего определенное имя) окказиональные эмотивные и экспрессивные словообразовательные варианты личных имен, образуемые в речи по моделям апеллятивных экспрессивов, например, с суффиксами *-енок* (*Катенок, Никитенок*), *-еньши* (*Катеньши, Клarenьши*) [Вежбицкая, 1996, 136–137], *-енциј-* (*Катенция, Натуленция, Светуленция*), *-ин* (*Андрюшечкин, Светочкина*), как правило, не отражаемые в специальных словарях, фиксирующих производные личные имена в современном языке. Большое количество подобных примеров описано Е. Ф. Данилиной, например: *Майя – Маёнок, Маёныш, Маина, Майна, Майонез, Майча, Майчик, Маюся, Ямайка; Людмила – Людана, Людастая, Людоня, Людуня, Люма, Люмаша, Люмок, Люсевна, Люсенция, Люсча, Люсяка* и др. [Данилина, 1969, 150].

Современная официальная антропонимия, употребляемая в деловой сфере, закреплена в языке и имеет узусный характер. Официальный (трехчленный) антропоним современного русского языка обладает всеми признаками слова: имеет единую номинативную функцию, обладает тесной спаянностью структурных элементов, непроницаемостью. Речевые номинации в современной антропонимии производятся на базе официального (документального) именовании лица и имеют то же денотативное и референтное значение, а потому могут рассматриваться как стилистические модификации именовании (например: *Черемисина Лидия Ивановна* – *Лидия* – *Лидуха* – *Лидия Ивановна* – *Черемисиха* и др.). Идентификация таких и подобных антропонимов и антропонимных сочетаний в современном языке предполагает их соотнесение с документальным трехкомпонентным именованием.

В настоящее время наблюдается тенденция к «развоплощению» русских фамилий. Утрата референтной закреплённости и переход в разряд условных языковых знаков вызваны несколькими факторами: фиксацией «фамилий вообще» специальными словарями, активным развитием искусственной номинации в сфере фамилий (литературные «вымышленные» онимы, псевдонимы), возможностью менять, придумывать новые фамилии. Переход «типичных» фамилий в разряд потенциальных антропонимов – явление позднее, характерное для современного языка. Отдельные фамилии полностью перешли в число потенциальных (вспомним знаменитую тройку *Иванов, Петров, Сидоров*).

Потенциальная и актуальная антропонимия имеют разное отношение к активному и пассивному запасу лексики. Потенциальные антропонимы, а также развоплощенные имена собственные, например прозвища, фамилии, могут оцениваться с точки зрения частотности их использования в качестве ресурсов именовании. Именно к системе потенциальных личных имен применимо слово *репертуар*, определяющее частотность употребления антропонимов для именовании человека. Многочисленные исследования имен «массового», «широкого» и «ограниченного» употребления используют количественно-статистические методы (В. Д. Бондалетов, Л. М. Щетинин, В. А. Никонов, А. В. Сулова, А. В. Суперанская и др.). Специфической чертой потенциального именика, который может оцениваться с позиций активного и пассивного запаса, является частота употребления в именовании разных лиц. Признак частотности как показатель стратификации системы не применим к актуальной антропонимии. Количество употреблений актуальной номинативной единицы характеризует только степень ее устойчивости и в некоторых случаях может служить основанием для разграничения языковой и речевой антропонимии.

Потенциальное имя пассивного запаса может оцениваться как «старое», «устаревшее», «новое» и т. п. Это связано с очень медленным темпом развития системы потенциальных имен в языке. Потенциальная антропонимия представляет собой относительно стабильную, статичную систему. Сохранение в языке потенциальных личных имен обуславливает преемственность антропонимии разных исторических эпох. Актуальная антропонимия более динамична. Официальная антропонимия как лексическая подсистема русского языка имеет нестабильный характер, ей свойственно постоянное обновление. Появляющиеся новые актуальные антропонимы функционируют в языке социальных групп, часть из них становится достоянием общенародного языка (имена общественных деятелей, известных личностей и т. д.). Она также может характеризоваться с позиций активного и пассивного запаса, но это определяется не частотностью, предпочтительностью выбора данной номинации лица, а степенью актуальности пред-

ставления о конкретном референте для носителей языка, регулярностью употребления актуального антропонима в речи. Утрата актуальности антропонима равнозначна ограничению его употребления и постепенному исчезновению из языка. По данному признаку актуальные антропонимы несколько отличаются от потенциальных. Среди них можно выделить антропонимы-историзмы (*Иван Грозный, Димитрий Самозванец, Никита Сергеевич Хрущев*).

Таким образом, обращаясь к анализу антропонимического материала, следует иметь в виду не одну систему имен собственных определенного разряда, а две самостоятельные подсистемы, которые по-разному организованы, имеют разные тенденции и направления развития, а потому не могут описываться с одних и тех же позиций. Актуальные и потенциальные антропонимы связаны сложными отношениями, которые требуют специального рассмотрения.

-
- Белецкий А. А. Лексикология и теория языкознания (ономастика). Киев, 1972.
- Берков В. П. Вопросы двуязычной лексикографии: (Словник). Л., 1973.
- Болотов В. И. Актуализация антропонимов в речи (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. Ташкент, 1970.
- Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.
- Бондарко А. В. Теория значения в системе функциональной грамматики: На материале русского языка. М., 2002.
- Василевская Л. И. Синтаксические возможности имени собственного (метонимический перенос у антропонимов) // Проблемы структурной лингвистики. 1981. М., 1983. С. 156–166.
- Вежицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.
- Виноградов В. В. Об основных типах фразеологических единиц // Лексикология и лексикография: Избр. тр. М., 1977. С. 140–161.
- Всеволодова М. В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. М., 2000.
- Гак В. Г. Лексикология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 260.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Данилина Е. Ф. Категория ласкательности в личных именах и вопрос о так называемых «сокращенных» формах имен в русском языке // Ономастика. М., 1969.
- Ермолович Д. И. Имена собственные на стыке языков и культур. М., 2001.
- Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
- Красных В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М., 2002.
- Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психоллингвистике. М., 1987. С. 118–135.
- Маноли И. З. Потенциальное слово стилистического назначения и функциональный стиль // Функционально-стилистический аспект языковых единиц разных уровней. Романо-германская филология: Межвуз. сб. Кишинев, 1986.
- Немченко В. М. Основные понятия лексикологии в терминах: Учеб. слов.-справ. Н. Новгород, 1995.
- Никонов В. А. Женские имена в России XVIII в. // Этнография имен. М., 1971.
- Перкас С. В. Имена собственные и нарицательные в словаре и художественном тексте // Материалы к серии «Народы и культуры». Вып. 25. Ономастика. Ч. 1. Имя и культура. М., 1993. С. 141–143.
- Подольская Н. В. Антропонимика // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997.

- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. 2-е изд. М., 1988.
- Рут М. Э. Антропонимы: размышление о семантике // Изв. Урал. гос. ун-та. 2001. № 20. [Сер.] Гуманитарные науки. Вып. 4. С. 59–64.
- Стеблин-Каменский М. И. Древнеисландская топономастика как материал к истории имени собственного // Стеблин-Каменский М. И. Спорное в языкознании. Л., 1974.
- Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.
- Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 1998.
- Суслова А. В., Суперанская А. В. О русских именах. Л., 1991.
- Суперанская А. В. и др. Теория и методика ономастических исследований / А. В. Суперанская, В. Э. Сталтмане, Н. В. Подольская, А. Х. Султанов. М., 1986.
- Уляшева О. Я. Значение определенности – неопределенности у имен собственных в системе языка и в речи // Функционально-семантический аспект единиц русского языка: Межвуз. сб. науч. ст.: Памяти докт. филол. наук, проф. Лилии Дмитриевны Чесноковой посв. Таганрог, 2001. С. 65–69.
- Чабристова Е. В. Индивидуально-номинативная функция имен числительных как основа их функционирования в роли имен собственных (на материале современного русского языка): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1998.
- Чесноков П. В. Слово и соответствующая ему единица мышления. М., 1967.
- Чеснокова Л. Д. Имена числительные и имена собственные // Филол. науки. 1996. № 1. С. 104–113.
- Шмелев А. Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М., 2002.
- Щетинин Л. М. Актуальные вопросы прикладной ономастики. Ростов н/Д., 1999.
- Gardiner A. The theory of proper names. L., 1954.

* * *

Сергей Николаевич Смольников – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Вологодского государственного университета.

О. Е. Фролова

АНТРОПОНИМ В ЖЕСТКО СТРУКТУРИРОВАННОМ ТЕКСТЕ

The article deals with anthroponyms in proverbs. The embodied anthroponyms are used referently, denoting concrete persons. The referent use of anthroponyms concern Christ and Saints Nicolas (Христос, Николa). The disembodied names are used in a position of vocative and an actant of a situation. The disembodied names form a close circle known to a speaker and to an addressee.

В языке антропоним может функционировать по крайней мере двояким образом: во-первых, указывая на объект, который наречен этим именем, и, во-вторых, показывая, какими признаками, присущими некоему известному носителю имени, наделен кто-то еще, похожий на него, но нареченный иным именем. В первом случае речь идет о том, что антропоним занимает позицию актанта предиката в предложении. Такое употребление референтно. Во втором случае антропоним занимает позицию предиката, и такое имя собственное нереферентно [см.: Падучева, 1985].

Антропоним первого типа соответствует тому, что А. Гардинер назвал невоплощенным именем, а второго типа – воплощенным [см.: Gardiner, 1940; см. об этом также: Кронгауз, 1987]. В работах последнего времени по отношению ко второму типу имени собственного часто применяют термин прецедентное имя [см., например: Гудков, 1999].

Однако случаями референтного актантного и нереферентного предикатного не ограничивается употребление антропонимов в речи. Можно говорить еще и о родовом статусе имени собственного: *Наши Иваны себя еще покажут*. Кроме того, в сознании говорящего существует представление о типовом имени. Для носителей английского языка типичное русское имя – *Иван*, в представлении русских типичное немецкое имя – *Фриц*. В речи антропоним в составе словосочетания с неопределенным или определительным местоимением может быть употреблен как референтно, когда говорящий подразумевает конкретный объект, так и как обозначение класса объектов, но в обоих случаях такое употребление – с оттенком пренебрежительности: *Какой-то Иванов будет меня учить; Всякие Вани будут мне здесь мешать* [см.: Николаева, 2000].

Мы хотим выяснить, так же ли функционирует антропоним в жестко структурированном тексте. Но сначала определим содержание данного термина. Под жестко структурированным текстом мы понимаем такое речевое произведение, которое построено по определенной, известной носителю языка и культуры схеме, воспроизводимой при порождении текста и формирующей набор пресуппозиций и ожиданий при его восприятии и понимании. А следовательно, такие тексты можно описать при помощи одной формулы (или нескольких формул), которая, подобно пропповской морфологии сказки, отражала бы все уровни текста, и прежде всего языковой. По нашему мнению, «формульное» описание заключается, в частности, в выявлении разрешений и запретов, которым подчиняются языковые единицы в подобном тексте.

К жестко структурированным текстам можно отнести прежде всего фольклорные произведения: волшебную сказку, анекдот и пословицу. Не ставя перед собой подобной исследовательской задачи, заметим, что чем пространнее и сюжетнее речевое произведение, тем меньшим количеством формул оно, по-видимому, описывается. Очевидно, что для пословицы нельзя вывести одной единственной формулы, которая отражала бы все разнообразие текстов этого жанра.

Ограничим предмет нашего исследования – будем анализировать только пословицы как синтаксически законченные высказывания. Таким образом, сразу же выпадают из сферы рассмотрения поговорки, поскольку они не являются предложениями. Среди паремий обратимся только к одному виду речений, выделяемых по коммуникативной цели высказывания – способности выражать обобщенный смысл. Поэтому за пределами анализа останутся загадки, представляющие собой вопрос на глубинном уровне, даже если поверхностная структура оформлена иначе [см.: Николаева, 1995].

Способность выражать обобщение связана с особенностями предиката, который не должен быть локализован в пространстве и времени. По характеру предиката и отношению высказывания к экстралингвистической действительности мы отделяем пословицы от примет. Для последней разновидности паремий характерны условные отношения, при этом главная часть сложноподчиненного предложения, а также конструкция «к + дат. п.» или существительное с пропозитивной семантикой эксплицитно или имплицитно отнесены к будущему времени (*Если ружье на праздник не заряжено, то испортится*; *Подол загнулся – к корысти*; *Поп, да девка, да порошки ведро – дурная встреча*).

Синтаксически приметы сближаются с пословицами, в которых эксплицитно выражаются или подразумеваются условные отношения: *Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе* – пословица; *Если труднобольной чихнет, будет жив* – примета. В отличие от примет, в пословицах, построенных по условной модели, в правой части скорее выражается возможность наступления события. В примете предикат правой части, выраженный глаголом в будущем времени или инфинитивом, предполагает большую обязательность осуществления некоторого предсказанного события. Кроме того, только в пословице возможно нереализованное условие, выраженное сослагательным наклонением: *Если б знал, где упаду, подстелил бы соломки*. Подобная модальность нереализованной возможности не встречается в примете. Таким образом, в разграничении двух типов паремий важную роль играет модальность.

Обобщенность пословицы как жанра выражается в том, кого имеет в виду говорящий, употребляя клишированное предложение: а) непосредственно адресата, б) третье лицо,

в) самого себя. В последнем случае говорящий воспринимает себя как актанта экстралингвистической ситуации.

Итак, мы предполагаем рассмотреть, как антропоним функционирует в жанре пословицы. Материалом для анализа служит собрание пословиц В. И. Даля.

Интуитивное представление о жанре пословицы побуждает предположить, что, во-первых, антропоним будет встречаться в подобном жанре нечасто, а, во-вторых, в пословице, по-видимому, имя собственное, называющее человека, не должно быть референтным. Проверим наши предположения.

Подтверждением нечастотности может служить паремиологический минимум Г. Л. Пермякова [1988]. В нем обнаруживаем только две пословицы с антропонимами: *Если гора не идет к Магомету, Магомет идет к горе; На бедного Макара все шишки валятся*. Обе пословицы Г. Л. Пермяков помещает в первый подраздел, в который включены клише с образной мотивировкой общего значения. Во втором подразделе среди клише с прямой мотивировкой общего значения тексты с антропонимами отсутствуют. На наш взгляд, полученное подтверждение – кажущееся. Анализ пословиц русского народа, собранных В. И. Далем, дает иную картину – более 700 пословиц с антропонимами. Ко второму предположению мы сможем вернуться после того, как выявим механизмы функционирования антропонима в пословице.

Для того чтобы понять, как же ведет себя антропоним в пословице, покажем, на какие две большие группы можно разделить корпус пословиц с точки зрения логико-синтаксических отношений.

Мы строим свою типологию на положении, высказанном Г. Л. Пермяковым, согласно которому пословица, представляющая собой предложение, – знак ситуации. Следовательно, на пословицу можно распространить и представление о логико-синтаксической структуре предложения. С нашей точки зрения, в качестве критерия можно предложить заполненность/незаполненность актантных позиций предиката. Первую группу составят пословицы с заполненными актантными позициями, вторую – пословицы с незаполненными актантными позициями [см.: Фролова, 2003]. В обеих группах для нас особенно важно, заполнена ли позиция субъекта предложения.

В выделенных нами типах по-разному работают референциальные механизмы. Для того чтобы употребить пословицу в речи, говорящий должен 1) проанализировать экстралингвистическую ситуацию, 2) выделить в ней актанты и сирконстанты, 3) определить количество актантов, 4) модус общей оценки по шкале «плюс»/«минус», 5) выявить объект оценки, 6) результаты этого анализа соотнести с пословичной структурой. Если экстралингвистическая и пословичная ситуации обнаруживают структурное сходство, употребление пословицы уместно.

В первой группе можно говорить о презумптивной предикации, которая осуществляется следующим образом. При употреблении пословицы *Муравей не велик, а горы копает* говорящий сначала должен в презумпции построить суждение $S \text{ сор } P$, где S – субъект, а P – предикат. В презумпции это предложение выглядит следующим образом: $S(N) \text{ сор муравей}$, где N – актант экстралингвистической ситуации. Существительное *муравей*, занимающее в пословице позицию субъекта, в презумптивном предложении выступает как предикат.

Во второй группе механизм презумптивной предикации не актуален, так как актантные позиции свободны. Для пословицы *Что потрудимся, то и поедим* работает иной

референциальный механизм. При незанятой позиции предикат пословицы соотносится либо с адресатом, либо с третьим лицом (актантом экстралингвистической ситуации), либо с самим говорящим. Актант реальной ситуации «встраивается» в незанятую на поверхностном уровне позицию.

Наблюдения показывают, что пословицы с антропонимами относятся к обоим типам. Первый тип: *Доселе Макар гряды копал, а ныне Макар в воеводы попал* [ПРН, 1, 50]¹; *Ир Крезу не товарищ* [1, 58]. Второй тип значительно уступает первому по количеству: *Не бей Фому за Еремину вину* [1, 145].

В качестве первого шага посмотрим, каким образом функционируют в пословице воплощенные и невоплощенные имена.

Воплощенные имена в пословицах группируются следующим образом: а) библейские имена и имена святых, б) имена языческих божеств, в) имена исторических деятелей.

С логико-синтаксической точки зрения воплощенные имена не сконцентрированы в каком-либо одном типе, ср.: *Никола на море спасет, Никола мужику воз подымает; На поле Никола общий бог* [1, 28]; *Поклоняйся Христу не мазаному, не писаному, а Христу животворному* (духоборцы) [1, 31]; *Проси Николу, а он Спасу скажет* [1, 26].

В первом типе с заполненными актантными позициями воплощенный антропоним может быть субъектом. Но при этом не во всех случаях работает механизм презумптивной предикации. Причина в том, что антропоним в подобных пословицах называет сверхчеловеческую силу. И несмотря на то, что на поверхностном уровне имя собственное находится в позиции субъекта, на глубинном уровне позиция имени другая. Мы интерпретируем ее как позицию глубинного адресата (вокатива), к которому обращена просьба говорящего. Данные пословицы могут быть перефразированы как просьбы, обращенные к Николу, спасти на море или помочь в полевых работах.

К первому типу следует отнести ряд других пословиц с воплощенными библейскими именами: *Адам согрешил, а мы воздыхаем* [1, 162]; *Бог создал Адама, а черт – молдавана* [1, 272], – где также, на наш взгляд, наблюдается референтное употребление имен. Но здесь следует говорить о прецеденте в значении, исконно присущем этому слову: ‘случай, имевший место в прошлом и служащий примером или оправданием для последующих случаев подобного рода’ [МАС, 3, 387]. Добавим: или имярек, примеру которого последовали другие либо результаты действий которого мы ощущаем.

Во втором типе пословицы с незаполненной актантной позицией субъекта часто эксплицирована позиция адресата при предикате в форме глагольного императива: *Поклоняйся Христу не мазаному, не писаному, а Христу животворному* (духоборцы) [1, 31]; *Проси Николу, а он Спасу скажет* [1, 26].

Имя собственное в пословицах с предложениями *для* и *ради* называет лицо, для которого предназначается что-либо: *Не для Иисуса, а ради хлеба куса; Не для хлеба куса, ради самого Иисуса* [1, 33].

Ко второму типу относится предложение с антропонимом, обозначающим объект, на который направлены физические и духовные усилия субъекта пословицы: *Себя хлыщу – Христа ищущу* [1, 32].

¹ Далее все примеры приводятся по этому изданию, а ссылки на него даются с указанием тома и страницы в квадратных скобках.

Нами не обнаружено пословиц, в которых имена *Никола* и *Иисус Христос* выполняли бы роль эксплицитного или семантического предиката.

Все описанные выше случаи объединяются референтным характером употребления антропонима. Критерием служит невозможность построения презумптивного предложения, в котором воплощенное имя занимало бы позицию предиката. Так опровергается второе интуитивное предположение о том, что в жанре пословицы антропоним не может быть употреблен референтно.

Часть воплощенных имен (большинство библейских, а также мифологические, мифологизированные имена и имена, называющие реальных исторических деятелей) ведут себя в плане референции иначе. *Богат, как Крез, а живет, как пес* [1, 80] – качественный предикат, выраженный кратким прилагательным, служит одновременно и основанием сравнения. В речении *По бороде – Авраам, а по делам – Хам* [2, 167] антропонимы также занимают позицию предиката.

Антропоним встречается также в позиции предиката с отрицанием. Эта конструкция может быть названа связанной, так как отрицание в ней невозможно опустить: *Бог не (Мокошь) Никитка, повыломает лытки* (т. е. накажет) [1, 24].

Конструкция *S не сор Р*, в которой и субъект, и предикат выражены именами собственными, не накладывает ограничений на форму выражения субъекта и предиката, это могут быть как воплощенные, так и невоплощенные антропонимы. Употребление невоплощенного имени в позиции предиката требует презумптивного знания от адресата сообщения: *Ваня – не Петя; Ваня – не Чайковский; Чайковский – не Моцарт*.

Что касается предложений типа *Ваня не Чайковский*, здесь можно говорить о двух омонимичных конструкциях. Как предложение характеристики, в котором говорящий имеет в виду то, что один носитель имени не обладает качествами, присущими другому носителю имени, конструкция возможна только с воплощенным антропонимом. Вторая интерпретация – предложение именованного с отрицанием (у человека другая фамилия): *Фамилия Вани – не Чайковский*. В этом смысле предложения *Ваня не Иванов, Ваня не Петрович* бессмысленны с точки зрения характеристики.

В пословице *Бог не (Мокошь) Никитка, повыломает лытки* В. И. Даль приводит воплощенное и невоплощенное имя, первое называет языческое божество, второе – некое незначительное лицо. В той же конструкции встречается воплощенное имя, потерявшее свой статус: *Бог не Мануков, и без посула милует* (вице-губ. в СПб., 1712) [1, 146]. Очевидно, комментарий в скобках понадобился В. И. Далю, так как антропоним и связанные с ним ассоциации уже «вышли из светлого поля сознания» носителя языка.

В конструкции *S сор не Р (ИС)* предикатное употребление антропонима не позволяет ему быть референтным.

В первом типе пословиц в позиции субъекта для воплощенных имен работает механизм презумптивной предикации, так как актанты экстралингвистической ситуации должны быть соотнесены с библейскими, мифологическими и мифологизированными персонажами: *Давид молится и плачет, а Саул веселится и скачет* [1, 350] – царь Израиля, избранник Божий и победитель Голиафа, противопоставляется своему тестю, который был отвергнут Богом [1 Цар.]; *Ир Крезу не товарищ* [1, 58] – Ир, не угодный Богу и умерщвленный по его воле, противопоставляется царю Лидии, известному своим богатством.

В пословице принципиальная разница в функционировании воплощенного мифологического и воплощенного реального имени заключается в том, что второе требует презумптивной предикации и не способно к референтному употреблению: *И Мамай правды не съел* [1, 144]; *Степан Разин на ковре летал и по воде плавал* [1, 270].

Примеров паремий с воплощенными именами реальных исторических личностей довольно мало.

Посмотрим теперь, каким образом в пословице отражена трехчастная структура русского антропонимического именования *имя + отчество + фамилия* [ср: Пеньковский, 2004].

При анализе материала нами не обнаружена полная трехчастная модель. Что касается пословиц с фамилиями, эти тексты в большинстве своем «вышли из светлого поля сознания» носителя русского языка и культуры, так как воплощенные антропонимы утратили свой статус. В. И. Даль, приводя их, сопровождает комментариями: *Чернышевский* (насильственный) *мир* (у калужан, коих усобицы прекратил ген.-губернат. П. Чернышев при Петре I) [2, 272]; *Не всяк таков, как Иван Токмачев: седиши на конь, да и поехал в огонь* (Ив. Токмачев убит под Венденом в 1578 г.; впрочем, это также загадка, коей разгадка – горшок) [1, 213]; *Пропал, как Бекович* (при Петре I посланный в Хиву и погибший с отрядом) [1, 270]; *По милости боярской – сам себе Пожарский* [2, 181]. Эти пословицы относятся ко второму типу с незаполненными актантными позициями. В них с помощью сравнительного союза *как* и словосочетания *сам себе* эксплицирован механизм сопоставления действий актанта экстралингвистической ситуации с теми предикатами, которые были связаны в сознании носителя языка с Иваном Токмачевым и Бековичем. В середине XIX в. эти антропонимы были воплощенными именами. Можно предположить, что только антропоним *Пожарский* сохраняет в настоящее время статус воплощенного имени.

Ко второму типу также относится речение *Полно врать, где тебе Куракина знать?* [2, 197], в котором антропоним занимает объектную актантную позицию. Видимо, имеется в виду представитель княжеского рода Куракиных, но В. И. Даль не поясняет, кто именно: сподвижник Петра I Б. И. Куракин (1676–1727), его сын А. Б. Куракин (1697–1749), бывший послом во Франции, или фаворит Павла А. Б. Куракин (1752–1818), вице-канцлер, президент Коллегии иностранных дел и также посол во Франции, прозванный за любовь к роскоши павлином? Если предполагается референтное употребление антропонима, утрачивается обобщенный смысл. Остается предположить, что работает презумптивная предикация, тогда имеется в виду Куракин как некое значительное лицо.

Отметим, что случаев с антропонимами-фамилиями среди пословиц чрезвычайно мало. Значительно больше примеров, в которых употреблены имя и отчество. Один из таких случаев – именование иностранцев и инородцев по русской модели: *Немец Иван Иванович, Адам Адамыч и пр.; Шпрехен зи дейч, Иван Андреич?* [1, 271]. Здесь наименование *имя + отчество* не референтно, а представляет типовое наименование, принятое в русском речевом этикете.

В речении *Один Иван – должно; два Иван – можно; три Иван – никак не возможно* (сказал немец про Ивана Ивановича Иванова) [2, 173] мы имеем дело с метатекстом: в комментарии, данном В. И. Далем в скобках, указан говорящий – носитель инокультурной точки зрения на стандартную формулу именования.

Большинство антропонимов, которые встречаются в пословице, это личные имена.

Имена встречаются в следующих синтаксических позициях: а) актантной (*Улита идет, да когда то будет* [2, 9]); б) обращения (*Живи, Устя, рукава спустя* [1, 380]); в) сирконстантной при обозначении места и времени (*Правда у Петра и Павла* (где в Москве был застенек) [1, 130]; *Он правду скажет только на Св. Касьяна* (т. е. 29 февраля) [1, 157]).

В пословице имя может употребляться как а) краткий дериват от полного имени (*Жаль Насти, а парня изнапастит* [1, 283]); б) дериват имени с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*Горькому Кузеньке горькая и долюшка* [2, 174]); в) дериват имени с уменьшительным суффиксом *-к-* (*Не по Соньке салазки (санки)* [2, 115]); г) дериват имени с суффиксом *-ех-* (*Плохо, Терёха (Алёха), хило, Вавила* [1, 109]); д) имя в сочетании с притяжательным местоимением *наш* (*Наши Касьян на что не взглянет, все вянет* [1, 42]); е) имя в сочетании с определительным местоимением *всякий* (*У всякого Павла своя правда* [1, 146]).

Как денотативный статус этих имен? На наш взгляд, нельзя говорить о том, что эти антропонимы в пословицах употреблены референтно, т. е. относятся к каким-либо конкретным людям. В этом убеждает и то, что часто существуют тождественные по смыслу речения с разными именами собственными, ср.: *Каков Пахом, такова и шапка на нем; Каков Савва, такова ему и слава* [1, 180]; *Каков Мартын, таков у него и алтын; По Ивашке и рубашка; По Сеньке и шапка (по Ереме колпак); По Сеньке шлык, коли косенько шит* [1, 181]; *По Сеньке и шапка, по бабе и шлык* [2, 60].

Как же работает механизм презумптивной предикации в случае с невоплощенным именем? Думается, что в его описание следует ввести дейктический компонент. Тогда имя «потянет» за собой всю ситуацию. Механизм референции в пословице *S (ИС) P* выглядит, видимо, следующим образом: *N сор тот S (ИС), который P*, где *N* – актант экстралингвистической ситуации, *S* – субъект, *ИС* – имя собственное, *P* – предикат. Например, в речении *Федюшке дали денюшку, а он и алтына просит* [2, 149] референция происходит так: *N – тот Федюшка, которому дали денюшку, а он и алтына просит*.

Особо следует оговорить пословицы с антропонимом-обращением. Сложность их логико-синтаксической структуры в том, что они обращены к названному по имени адресату. В таких пословицах как бы двойной адресат: а) внешний – экстралингвистический, на который указывает предикат, и б) внутренний – названный в пословице именем собственным. Между экстралингвистическим адресатом и говорящим находится преграда в виде имени собственного, называющего внутреннего адресата. Таким образом, можно говорить о том, что подобные пословицы представляют собой промежуточный случай между выделенными нами двумя типами с занятыми и незанятыми актантными позициями.

Если имена собственные в пословице не предполагают конкретных носителей, если они легко взаимозаменяются, то возникает вопрос: зачем они в этом жанре? Кажется, речение ничего не теряет, если заменить антропоним на нарицательное существительное: *Человеку (мужику) дали денюшку, а он и алтына просит*. Референциально «пустое» имя собственное, кажется, вносит противоречие в суть жанра, противопоставляя общечеловечность смысла конкретному имени собственному.

Имя собственное возникает в речи, когда оно известно участникам речевого акта. Антропоним создает эффект знакомства одного из участников речевого акта с носителем этого имени. Употребление имен свидетельствует о том, что говорящий оперирует имена-

ми собственными в пределах своей личной сферы. Согласно Ю. Д. Апресяну, «в эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально: некоторые люди; плоды труда человека, его неотъемлемые атрибуты и постоянно окружающие его предметы; природа, поскольку он образует с ней одно целое; дети и животные, поскольку они требуют его покровительства и защиты; боги, поскольку он пользуется их покровительством, а также все, что находится в момент высказывания в его сознании» [Апресян, 1995, 645–646].

В пословице с невоплощенным антропонимом говорящий включает адресата в свою личную сферу, подобно тому как икона с обратной перспективой включает в свой круг зрителя. На это указывает прагматика: форма имени, притяжательное местоимение *наш*, объединяющее адресанта и адресата. Имя собственное в позиции обращения как бы присваивается экстралингвистическому адресату пословицы, и, таким образом, он включается в пословичную ситуацию.

Даже если говорящий пытается обобщить происходящее, на что может указывать определительное местоимение *всякий* в соединении с невоплощенным антропонимом, можно говорить лишь о ситуативной генерализации: *На всякого Егорку есть поговорка* [2, 378]; *У всякого Федорки свои отговорки* [1, 140]; *У всякого Павла своя правда* [1, 146]; *У всякого Мойсея своя затея*; *У всякого Гришки свои делишки* [2, 111]; *У всякого Мирона свои приемы*; *У всякого Филатки свои ухватки*; *У всякой Пашки свои замашки* [2, 113].

Само имя собственное в пословице может также формировать и свой круг, и личную сферу говорящего: *Ваша-то Катерина да нашей Орине двоюродная Прасковья* [1, 303].

Таким образом, в жанры пословицы можно говорить о двух типах употреблений, в которых функционируют антропонимы. Ближний круг формируют референциально пустые, выступающие в качестве ситуативных местоимений невоплощенные антропонимы, представленные личными именами собственными. Сама форма *Федорка*, *Фомушка*, *Ивашка*, *Сенька*, *Ерема*, *Филатка*, *Алеха*, *Настя* свидетельствует об их вхождении в личную сферу говорящего. Дальний круг формируют воплощенные имена, способные к предикатному, а значит, нереперентному употреблению, часто представленные фамилиями, библейскими и мифологическими именами. В этой же группе воплощенных имен наблюдается также реперентное употребление антропонимов, которое можно описать как а) глубинный адресат (вокатив) или б) обращение к прецеденту.

Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Апресян Ю. Д. Избр. тр.: В 2 т. Т. 2. М., 1995. С. 629–650.

Гудков Д. Б. Прецедентное имя и проблемы прецедентности. М., 1999.

Кронгауз М. А. «Воплощенное» и «невоплощенное» имя собственное: некоторые аспекты референции // Экспериментальные методы в психолингвистике. М., 1987. С. 118–135.

МАС – Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.

Николаева Т. М. Обобщенное, конкретное и неопределенное в паремии // Малые формы фольклора. М., 1995. С. 311–324.

Николаева Т. М. Русские неопределенные местоимения: функции первичные и вторичные // Николаева Т. М. От звука к тексту. М., 2000. С. 119–126.

- Падучева Е. В.* Высказывание и его соотнесенность с действительностью. М., 1985.
- Пеньковский А. Б.* Русские личные именованья, построенные по двухкомпонентной модели «имя + отчество» // Пеньковский А. Б. Очерки по русской семантике. М., 2004. С. 311–365.
- Пермяков Г. Л.* Основы структурной паремиологии. М., 1988.
- ПРН – Даль В. И.* Пословицы русского народа: В 2 т. М., 1984.
- Фролова О. Е.* Слово не воробей, вылетит – не поймаешь: (Пословица: синтаксис, модальность, семантика) // Живая старина. 2003. № 4. С. 5–8.
- Gardiner A.* The theory of proper names. L., 1940.

* * *

Ольга Евгеньевна Фролова – кандидат педагогических наук, научный сотрудник лаборатории фонетики и речевой коммуникации филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.

Т. В. Топорова

К ВОПРОСУ ОБ ИМЕНАХ СОБСТВЕННЫХ КАК СРЕДСТВЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ МИФОЛОГИЧЕСКИХ ПЕРСОНАЖЕЙ

(др.-исл. *Браги* – др.-греч. *Гермес*)

The main idea of this article is to demonstrate that the personages whose proper names have the same semantic motivation may be identified in different mythopoeic traditions based on additional information as this is the case of the Old Islandic god of poetry Bragi and Old Greek Hermes.

Как известно, в мифопоэтической модели мира проблема номинации занимает центральное положение. Роль имени можно охарактеризовать следующим образом: «Творение было завершено, когда все, что было сотворено, получило свое имя-слово, и именно этот ономатетический акт стал первым шагом в становлении культуры. Каждое слово первоначально было именем, оно было сакральным» [Топоров, 1998, 35]. Иначе говоря, сущность мифопоэтического номинализма заключается в утверждении бытия только названных объектов и недопустимости существования предметов, не имеющих наименования. Именно этим обстоятельством объясняется операционность мифопоэтического мышления, когда ответом на вопрос о происхождении того или иного объекта служит указание его имени, обладающего ясной мотивировкой. В мифопоэтической ономатетической концепции выделяется три наиболее релевантных принципа:

- неконвенциональный характер имени собственного (имя представляет собой не этикетку или ярлык, а символ, соотносимый с природой индивида);
- креативная функция называния, согласно которой имя первично по отношению к объекту: оно не только выражает внутреннюю природу его носителя, но и оказывает активное воздействие, определяет судьбу;
- сакральность тезоименитства (ср. образы «установителей имен» – древнегреческого ономатурга или скандинавских богов, сотворивших, по одной из космогонических версий, людей из дерева и нарекавших их именами).

Цель настоящей статьи – на примере имен древнеисландского бога поэзии Браги и древнегреческого бога Гермеса проиллюстрировать тезис о том, что персонажи, чьи имена собственные мотивированы одинаково, могут быть идентифицированы в различных мифопоэтических традициях при наличии дополнительных данных.

Сначала обратимся к анализу материала, имеющего непосредственное отношение к периферийному для скандинавского пантеона богу Браги – др.-исл. *Bragi*. Лингвистическую реконструкцию необходимо предварить изложением сведений о Браги, сохранившихся в весьма немногочисленных древнеисландских источниках. Наиболее полная информация о нем содержится в Младшей Эдде. Ср.: «*Bragi heitir enn; hann er ágætr at speki ok mest at málsnild ok orðfimi; hann kann mest af skáldskap, ok af honum er bragr kallaðr skáldskapr, ok af hans nafni er sá kallaðr bragr karla eða bragr kvenna, er orðsnild hefir framarr en aðrir, kona eða karlmaðr. Kona hans er Iðunn; hon varðveitir í eski sínu epli þau, er goðin skolu á bita, þá er þau eldask, ok verða þá allir ungir, ok svá mun vera alt til ragna-rókr» <Есть ас по имени *Браги*. Он славится своею мудростью, а пуще того, даром слова и красноречием. Особенно искусен он в поэзии, и потому его именем (букв. *bragr*) называют поэзию и тех, кто *лучший (bragr)* в красноречии среди всех прочих жен и мужей. Имя жены его – Идунн. Она хранит в своем ларце яблоки. Их должны отведают боги, как только начнут они стариться, и тотчас же они помолодеют, и так будет до конца света> [SnE 25]¹.*

Этот отрывок интересен по ряду причин: в нем представлены три кодируемые одним и тем же корнем лексемы – теоним (*Bragi*), обозначения поэзии (*bragr*) и наилучшего представителя определенного множества (*bragr karla* ‘лучший из мужей’, *bragr kvenna* ‘лучшая из жен’), причем предлагаются некоторые объяснения их взаимосвязи. Ср., в частности, порождающую модель: теоним (*Bragi*) > сфера его проявления (деятельности), т. е. поэзия (*af honum er bragr kallaðr skáldskapr* <от него *bragr* называется поэзией>) > (с потенциальной аллюзией) деятель в этой области в мире людей, – которую в обобщенном виде можно представить следующим образом: мир богов > один из его существенных признаков > мир людей, причем среднее звено этого семантического ряда выступает в качестве медиатора между двумя мирами древнеисландской космологической модели мира. Эту схему можно интерпретировать в свете гипотезы М. Мосса [Mauss, 1954], согласно которой в основе социальной и экономической жизни архаичного общества определенного типа лежит круговой обмен дарами; в данном случае речь идет об обмене между богами и людьми.

Специфика цитируемого фрагмента Младшей Эдды заключается в том, что в нем зафиксированы одинаковые языковые элементы (*Bragi*, *bragr* 1, *bragr* 2), которые стимулируют поиск общих черт в семантической структуре соответствующих понятий в рамках мифопоэтической традиции. Таким образом, именно языковые данные создают благоприятные предпосылки для внутренней реконструкции.

Этимология теонима считается неясной. Ян де Фрис предлагает исходить из двух в равной степени возможных вариантов и возводить др.-исл. *Bragi* либо к др.-исл. *bragr* 1 ‘первый, наилучший’ (поэт.), др.-исл. *bragnar*, м. р., мн. ч. ‘предводители, мужи’

¹ Здесь и далее переводы текстов приводятся по следующим изданиям: [Младшая Эдда, 1970; Старшая Эдда, 1963].

(поэт.), др.-англ. *brego* ‘правитель, *imperator, princeps, rex, Dominus*’ (преимущественно поэт.) [Cleasby, 122], не имеющему надежной этимологии, либо к *bragr* 2 ‘поэтическое искусство’ (н.-исл. *bragur* ‘стихотворение, мелодия’), сопоставляемому с др.-инд. *bráhmaṇ* ‘заклинание’, др.-ирл. *bricht* ‘чары, заклинание’ и далее с сакральной терминологией – лат. *flamen* ‘жрец’, др.-греч. *φάρμακός* [Vries, 1977, 53]. Причины, по которым Ян де Фрис считает нужным постулировать два значения др.-исл. *bragr*, не указаны. Следует отметить, что такая точка зрения разделяется не всеми специалистами: в частности, Холтхаузен сопоставляет др.-англ. *brego* ‘правитель, король’² с др.-исл. *bragr*, *Bragi*, ср.-в.-нем. *brogen* ‘возвышаться, зазнаваться’ [Holthausen, 33]. По-видимому, Ян де Фрис, с одной стороны, не видел «общего знаменателя» *bragr* 1 и *bragr* 2, а с другой, ему казалось слишком заманчивым включить германские факты в индоевропейский миф, хотя этому и противоречили языковые данные – прежде всего возведение др.-инд. *bráhmaṇ*, ср. р., *brahmán*, м. р., в значениях 1) ‘высшая объективная реальность, абсолют, творческое начало, в котором все возникает, существует и прекращает существование’; 2) ‘верховный бог, творец, проявление первого’, к и.-е. **bhelǵh-* ‘вздуваться, вспухать’ [Топоров, 1974, 73], никак не связанному с др.-исл. *bragr*.

На наш взгляд, имеет смысл вернуться к отвергнутой Яном де Фрисом генетической связи *bragr* 1 с др.-исл. *bjarg* ‘гора’³ и мотивировать ее в контексте скандинавского мифа о «меде поэзии» – священном напитке, дарующем мудрость и поэтическое вдохновение, добытом верховным богом Одинем, проникшим в гору (др.-исл. *bjarg*) в виде змеи [МНМ, 2, 127–128]. Неизбежно возникает вопрос о целесообразности привлечения мифологических данных для решения сугубо этимологических проблем. Разумеется, возведение др.-исл. *bragr* 1 к и.-е. **bherǵh-* ‘высокий’ (др.-исл. *bjarg* ‘гора’ и др. [IEW, 140–141]) возможно и без обращения к мифу о «меде поэзии»; в основе номинации горы и правителя лежит общий семантический признак – высота, причем в первом случае он трактуется буквально, а во втором – фигурально, т. е. происходит перенос значения: ‘высокий’ (= ‘занимающий высшее положение в социальной иерархии’) > ‘лучший, первый’; однако остаются непонятными отношения между *bragr* 1 ‘первый, наилучший’ (поэт.) и *bragr* 2 ‘поэтическое искусство’, намеренно сталкиваемыми в Старшей Эдде⁴, а также этимология *bragr* 2. С нашей точки зрения, именно благодаря мифу о «меде поэзии» появляется уникальный шанс восстановить недостающие звенья семантической цепочки, в начале которой находится обозначение локуса – др.-исл. *bjarg* ‘гора’, а в конце – теоним (др.-исл. *Bragi*).

Наметим основные этапы образования мифа о «меде поэзии». Исходным пунктом, по нашему мнению, служит обозначение горы – др.-исл. *bjarg* ‘гора’, фигурирующее в [SnE Sk. 1]. Главным действующим лицом мифа является Один, ассоциирующийся

² В древнеанглийской лексеме, в отличие от др.-исл. *bragr* 1, не засвидетельствовано значение ‘первый, лучший’.

³ «*Bragr* 1 m. ‘der erste, vornehmste’ (poet.); wohl zu ae. *brego*; vgl. *Bragi*. Das Wort ist dunkel. Die erklärungen von H. Osthoff, BB 24, 1899, 120 und Solmsen KZ 37, 1901, 575 zur sippe von *bjarg* I <...> sind nur lose vermutungen» [Vries, 53].

⁴ Ср.: «*Byri gefr hann brœgnom, enn brag scáldom*» <Попутный ветер дает он (= Один) мужам, а поэтическое искусство – скальдам> [Hdl. 3].

с горой в различных эддических контекстах⁵. В мифе о «меде поэзии» Один имеет непосредственное отношение к горе, в которую он проникает в виде змеи. Нельзя не процитировать один контекст, в котором элемент *bragr* используется для характеристики Одина: «*Reiðr er þér Óðinn, reiðr er þér ásabragr*» <Гневается на тебя Один, гневается на тебя *асов предводитель*> [Skm. 33]. Перевод др.-исл. *ásabragr* как ‘глава асов’, ‘лучший из асов’ не мотивирован; он в известной мере провоцируется представлением об Одине как о верховном (т. е. ‘высшем’ < и.-е. **bherǵh-* ‘высокий’) боге скандинавского пантеона. Однако если данный композит соотносить с мифом о «меде поэзии», то вполне допустим вариант, в котором связь Одина с горой выражена эксплицитно, например ‘(из) асов горный’. Показательно, что элемент *bragr* используется для номинации Одина, мотивирует связь с горой (Один проникает в гору – др.-исл. *bjarg*) и благодаря идентичной звуковой форме создает условия для вовлечения Браги (др.-исл. *Bragi*) в миф о «меде поэзии».

Следующий этап реконструкции призван объяснить значение апеллятива *bragi*. Специалисты обращали внимание на то обстоятельство, что «имя Браги, возможно, указывает на связь со священным опьяняющим напитком, ср. русск. *брага*» [МНМ, 1, 184]. Даже если отвлечься от рус. *брага* ‘жидкое пиво, полпиво из солода, молотых зерен’, не имеющего надежной этимологии⁶, пролить свет на семантику др.-исл. *bragi* помогает композит с соответствующим первым компонентом: имеется в виду др.-исл. *braga-fullr*, букв. ‘кубок *bragi*’, который, как правило, переводят либо как ‘кубок правителя’, либо как ‘кубок бога Браги’ [Vries, 1970, 1, 458]. На наш взгляд, более предпочтительным кажется трактовать *bragi* как жидкость, тем более что второй элемент композита – др.-исл. *ful* ‘кубок’ – делает такое сочетание вполне естественным. Др.-исл. *braga-fullr* играло важную культовую роль: во время йоля, языческого праздника, связанного с культом плодородия и отмечавшегося в середине зимы, на погребальном пиру выпивался этот кубок и давались обеты⁸.

⁵ Ср.: «*Maðr einn stóð á berginu ok kvað...*» <На *мысе* стоял некий человек [Один], и он сказал...> [Rm. 15 проз.]; «*Hnikar hétu mik, þá er hugin gladdi / Völsungr ungi ok vegit hafði. / Nú máttu kalla karl af bergi / Feng eða Fjölni; / far vil ek þiggja*» <Хникар я звался, радуя воронов, / Вельсунг юный, убийство свершая. / Теперь я зовусь человек на *утесе*, / Фенг или Фьёлнир; / возьмите в ладью> [Rm. 18]; «*Á bjargi stóð með Brimis eggjar, / hafði sér á höfði hjálm; / þá mælti Míms höfuð fróðlic it fyrsta orð, / ok sagði sanna stafi*» <Стоял [Один] на *горе* в шлеме, с мечом; / тогда голова Мимира молвила мудрое слово / и правду сказала> [Sd. 14]; «*Svá gangi þér, Atli, / sem þú við Gunnar áttir / eiða opt um svarða ok ár of nefnda, / at sól inni suðrhöllo ok at Sigtýs bergi, / hölqvi hvíleðjar ok at hringi Ullar*» <Клятвы тебя пусть покажут, Атти, / которые Гуннару часто давал ты, / клялся ты солнцем, Одина *горой*, / лежа конем и Улля кольцом> [Akv. 30].

⁶ «Это слово длительное время считалось достоверным заимств. из кельт.; ср. ирл. *braich* ‘солод’, кимр. *brag* – то же, *bragod* ‘перемешанное пивное и медовое сусло’. <...> О противном свидетельствует распространение слова только в вост.-слав. языках. <...> Поэтому следует предпочесть тюрк. этимологию русск. слова, согласно которой оно заимств. (через **bърага*) из чув. *peraGa* ‘выжимки’, первонач. ‘жидкое пиво, брага’» [Фасмер, 1, 205].

⁷ Параллельную форму *bragar-fullr* ‘кубок славного деяния’ Ян де Фрис считает более поздней и маловыразительной инновацией («ein phantasieloses Wort für eine so wichtige kultische Handlung») [Vries, 1970, 1, 458].

⁸ Ср. описание этой процедуры в прозаическом отступлении после тридцатой строфы «Песни о Хельги сыне Хьёрварда»: «*Heðinn fór einn saman heim ór scógi iðlaaptan oc fann trollkono. <...> Um qveldit óro heitstrengingar. Var fram leiddr sonargoltr, lögðo menn þar á hendr sínar, oc strengðo menn þá heit at bragarfulli*» <Ехал Хедин домой из леса в вечер под Йоль и встретил женщину-тролля. <...> Вечером стали давать обеты. Привели жертвенного вепря. Люди возлагали на него руку и давали обеты, выпивая *обетную чаю*>.

В описываемом ритуале наиболее релевантны как время проведения праздника – на стыке старого и нового года, когда силы хаоса в очередной раз активизируются и угрожают существованию космозированной вселенной, воспроизводящей прецедент первотворения и обновляющейся, так и ассоциации с иным миром, воплощением стихии хаоса, стремящейся поглотить космос в ключевой момент его развития.

Если возвратиться к анализу мифа о «меде поэзии», то нельзя не заметить очевидных переключек: в частности, отверстие, которое Один пробуравливает в горе (др.-исл. *bjarg*), воспринимается как вход в иной мир, а действия Одина, проникающего в гору, – как акт самопожертвования⁹ ради обладания наделенной сверхъестественной силой жидкостью, которой первоначально мог быть именно особый вид пива – *bragi*, в дальнейшем отождествленный с медом¹⁰, игравшим важную роль в скандинавских космологических представлениях¹¹. *Bragi* как представитель скандинавского пантеона, согласно предлагаемой гипотезе, персонифицирует опьяняющий напиток, он воплощает экстатическое состояние духа, вызванное им и проявляющееся в поэтическом искусстве. Как проницательно заметил Ян де Фрис, «в образе Браги, мужа богини Идунн, обладающей молодильными яблоками, совпали культ плодородия и созидаящая жизнь культовая речь» [Vries, 1970, 1, 458].

Таким образом, появляется возможность восстановить связь между обозначением при помощи одного и того же языкового элемента напитка и вызывающего его состояния¹². Аналогичная ситуация имеет параллели в древнеисландской мифопоэтической модели мира. Показательно, что она засвидетельствована именно в мифе о «меде поэзии»: как известно, из крови *Kvasir* (др.-исл. *Kvasir*), созданного из слюны богов после завершения войны между асами и ванами и убитого карлами, был сделан «мед поэзии» [МНМ, 1, 631]. Вероятно, Квасир первоначально олицетворял опьяняющий напиток, его имя родственно рус. *квас*.

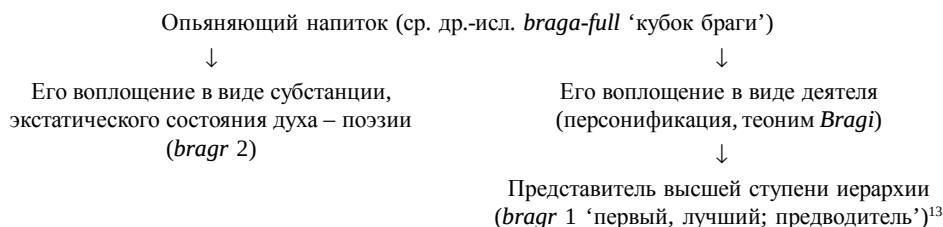
⁹ Один проникает в гору в виде змеи и покидает ее в виде орла; мена обличий символизирует прохождение им различных космических зон – от нижней, с ее типичными обитателями пресмыкающимися, до верхней, с характерными для нее птицами, – во время тяжелого испытания, целью которого является добытие «меда поэзии», дарующего высшую мудрость.

¹⁰ Сосуществование значений «мед» и «пиво» демонстрирует, например, др.-прусс. *alu* «медовый напиток», передаваемое как *meddo* 'Honig', с одной стороны, и *piwis* 'Bier', с другой. <...> Правдоподобно, что переход значений «пиво» → «мед» облегчался именно тем, что с медом смешивалось светлое пиво, не отличающееся от него по цвету. При этом полезно иметь в виду общую культурно-историческую перспективу, в которой приготовление медового напитка предшествует открытию технологии приготовления пива» [Топоров, 1975, 79].

¹¹ Ср., например, сведения о медвяной (*hunangfall* [SnE 16]) росе, выпадающей на землю с мирового древа ясеня Иггдрасиля, или о козе Хейдрун, поедающей листья Иггдрасиля и cedящей в чан «сверкающий мед» (*ins scíra miadar* [Grn. 25]).

¹² Ср. номинацию опьяняющего напитка: др.-исл. *Óð-rærir* «дух колеблющий (приводящий в движение)», «сосуд, в котором хранится «мед поэзии» (и метонимически – сама жидкость) – и поэзии: *oðr* «дух, ярость, безумие; поэзия») при помощи одного и того же языкового элемента.

Подводя итоги, можно восстановить следующую иерархию значений др.-исл. *brag*-:

В целом можно реконструировать семантические блоки, из которых строится миф о «меди поэзии»: *гора* (др.-исл. *bjarg*) – *деятель* (др.-исл. *ása-bragr* '(из) асов имеющий отношение к горе' = Один) – *действие* (*bora bjargit* 'буравить гору', *bíta bjargit* 'кусать гору') – *цель* (опьяняющий напиток, др.-исл. *braga-full* 'кубок браги') – *персонификация* опьяняющего напитка (др.-исл. *Bragi*, теоним) – *результат* обладания опьяняющим напитком (др.-исл. *bragr* 'поэзия'). Специфика прототекста мифа о «меди поэзии» заключается в том, что, во-первых, он образуется как бы из самого себя при помощи генетически родственных лексем, кодирующих ключевые понятия; во-вторых, приемы поэтической организации проявляются также и в аллитерации и более сложных звуковых повторах, представленных в словосочетаниях¹⁴.

При реконструкции образа древнеисландского бога поэзии Браги нельзя не подчеркнуть его поразительное сходство с Гермесом, «в греческой мифологии вестником богов, покровителем путников, проводником душ умерших» [МНМ, 1, 292]. Оно проявляется в комплексе мотивов:

- Гермес, как и Браги, сын верховного бога (Зевса);
- его имя производно от одного из элементов семантического ряда 'гора' – 'скала' – 'камень', а именно от др.-греч. *έρμα* 'груда камней; каменный столб, отмечающий в древности места погребений' (ср. др.-исл. *Bragi*, возводимое к общему с др.-исл. *bjarg* 'гора' индоевропейскому корню);
- Гермес (как и Браги, муж богини Идунн, владелицы молодильных яблок) имеет отношение к культу плодородия: он почитался на анфестериях – празднике пробуждения весны и памяти умерших;
- Гермес выступал в качестве посредника между миром жизни и смерти: ср. др.-исл. *braga-full* 'кубок браги' или 'кубок бога Браги', который выпивался на погребальном пиру;
- Гермес, как и Браги, имеет отношение к опьяняющему напитку: ср. его «амброзийные» (букв. «бессмертные») золотые крылатые сандалии;
- Гермес, как и Браги, покровительствует творчеству: ср. изготовление им первой лиры и пение под ее аккомпанемент, а также обмен между Гермесом и Аполлоном, богом поэзии, рядом важнейших функций;

¹³ О типичности такого рода семантических переходов пишет Ян де Фрис: «Repräsentanten der Fruchtbarkeit, ob sie nun als sakrale Könige oder Götter dargestellt werden, heissen immer "Herr, Fürst". Wir denken dabei aus dem Götterkult an Freyr» [Vries, 70, 1, 458]. К др.-исл. *Freyr* (теоним, ср. готск. *frauja* 'господин') можно было бы добавить др.-исл. *Baldr* (теоним) – апеллатив *baldr* 'дерзкий, смелый'.

¹⁴ Ср. др.-исл. *bíta bjargit* 'кусать гору', *bora bjargit* 'буравить гору'.

– Гермесу в связи с его близостью к потустороннему миру открыты оккультные науки и герметические (тайные, закрытые) сочинения, а Браги – не доступная непосвященным поэзия.

Основной вывод, вытекающий из сравнительного анализа образов древнеисландского Браги и древнегреческого Гермеса, заключается в том, что одна и та же идея, реализующаяся в мотивировке имени собственного (а именно ассоциация с элементом семантического ряда ‘гора’ – ‘скала’ – ‘камень’), при различии в ее языковом выражении, может свидетельствовать о сходстве в структуре содержания персонажей, если имеется дополнительная информация, подтверждающая их подобие.

-
- Младшая Эдда / Изд. подг. О. А. Смирницкая и М. И. Стеблин-Каменский. М., 1970.
 МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. М., 1980–1982.
 Старшая Эдда: Древнеисландские песни о богах и героях / Пер. А. И. Корсуна. Ред., вступ. ст. и коммент. М. И. Стеблин-Каменского. М.; Л., 1963.
 Топоров В. Н. О брахмане. К истокам концепции // Проблемы истории языков и культуры народов Индии. М., 1974. С. 20–74.
 Топоров В. Н. Прусский язык: Словарь: А–D. М., 1975.
 Топоров В. Н. Предыстория литературы у славян. Опыт реконструкции: Введение к курсу истории славянских литератур. М., 1998.
 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. и доп. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева; Под ред. и предисл. проф. Б. А. Ларина: В 4 т. 2-е изд., стер. М., 1986.
 Cleasby R., Vigfusson G. An Icelandic-English Dictionary. Initiated by R. Cleasby; revised, enlarged and completed by G. Vigfusson. Second edition with a supplement by Sir W. A. Craigie. Oxford, 1954.
 Edda. Die Lieder des Codex Regius nebst verwandten Denkmälern / Hrsg. von Gustav Neckel. I. Text. Vierte, umgearbeitete Auflage von Hans Kuhn. Heidelberg, 1962.
 Holthausen F. Altenglisches etymologisches Wörterbuch. Zweite, bis auf das Literaturverzeichnis unveränderte Aufl. Heidelberg, 1963.
 IEW – Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern, München, 1959. Bd. 1–2.
 Mauss M. Essai sur le don, forme archaïque de l'échange. Paris, 1925. (The Gift. Forms and Functions of Exchange in Archaic Societies. Engl. Transl. L., 1954.)
 SnE – Snorri Sturluson. Edda. Udg. af Finnur Jónsson. København, 1900.
 SnE Sk – Snorri Sturluson. Edda. Skaldskaparmál.
 Vries J. de. Altgermanische Religionsgeschichte. Bd. 1–2. 3. unveränd. Aufl. Berlin: Walter de Gruyter & Co, 1970.
 Vries J. de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. 2. Aufl. Leiden, 1977.

Сокращения в названиях глав Эдды

- Akv. – Atlaqviða in grœnlensca «Гренландская песнь об Атли»
 Grm. – Grímnismál «Речи Гримнира»
 Hdl. – Hyndlolióð «Песнь о Хюндле»
 Rm. – Regnismál «Речи Регина»
 Sd. – Sigdrífomál «Речи Сигдривы»
 Skm. – For Skírnis «Поездка Скирнира»
 Vm. – Vafþrúðnismál «Речи Вафтруднира»

* * *

Татьяна Владимировна Топорова – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН (Москва).

Х. Вальтер, В. М. Мокиенко

РУССКИЕ ПРОЗВИЩА КАК ОБЪЕКТ ЛЕКСИКОГРАФИИ

The article deals with the problem of the description of modern Russian nicknames, which are a special type of words and phraseology, uniting functional-semantic characteristics of appellatives and proper names. The definition of this circle of lexics as well as its categorial features and classification are discussed. The authors show in detail the parameters forming the basis of the above-mentioned vocabulary of contemporary Russian nicknames: the corpus of the dictionary, grammatical and stylistic characteristics, typology of definitions, etymological explanations. Wide chronological (the language of XIX–XX-th century), dialectal and socialectal frames of the described material are given.

Словарь современных русских прозвищ, принципы составления которого обсуждаются далее, вырос из лексикографической серии описаний современной живой русской речи – серии, издаваемой авторами и кругом их единомышленников – последователей школы Б. А. Ларина [см.: БСЖ, 2000; Walter, Mokienko, 2001; Мокиенко, 2003; Walter 2003; Вальтер и др., 2003а; и др.]. Корпус словаря прозвищ, как и банк данных любого словаря, создавался исподволь: достаточно большая часть материала уже была описана в названных и других лексикографических справочниках (особенно одноязычных и двуязычных тезаурусах русского жаргона), еще бóльшая – накапливалась и ждала своего часа. Однако этот словарь не механическая компиляция из указанных трудов, а концентрированное собрание русских прозвищ, потребовавшее и целенаправленных поисков нового материала, и специального целостного лингвистического осмысления, и иных, чем в других словарях, принципов лексикографической обработки, обусловленных ономастической спецификой объекта описания.

Осознавая, что прозвища и клички являются неотъемлемой частью речевого узуса, мы, работая над предыдущими словарями, тем не менее отодвигали составление специализированного собрания русских прозвищ на будущее. Разнородность и разно-

качественность материала, зыбкость границы между нарицательной лексикой и именами собственными, нерешенность теоретических проблем квалификации прозвищ и кличек были сдерживающими факторами практической работы. Импульсом к активизации работы по составлению словаря стало обсуждение этой идеи на международной конференции в Щецине (2003), посвященной активным процессам развития современных славянских языков, где один из неутомимых пассионариев жаргонологии, создатель самой полной библиографии по социолектам и издатель многих словарей живой русской речи А. А. Шумейко настоятельно доказывал нам необходимость заполнения этой лакуны в отечественной лексикографии.

Как «малый жанр» фольклора прозвища и клички включаются в самые разные издания: в собрания кратких современных афоризмов, в паремиологические сборники, в словари жаргона, просторечия и т. п. [см., например: БСЖ, 2000; Вальтер и др., 2003б; Елистратов, 1994, 2000; СМЖ, 1992; Никитина, 1996, 1998, 2000, 2003а, 2003б; Максимов, 2002; Квеселевич, 2003; Щуплов, 1998, 2003; и др.]. Появились, наконец, и специализированные словарики такого материала – например, журналистские собрания кличек [ЖРП, 2003; Щуплов, 1999] и первый региональный (Республики Коми) словарь кличек [Волкова, 2003]. Проблема действительно созрела хотя бы для предварительного лексикографического обобщения.

В качестве экспериментального был, как это уже стало традицией для составителей, издан небольшой словарь современных русских прозвищ [Вальтер, Мокиенко, 2004], который обсуждался на конференциях в Санкт-Петербурге и Костроме (2004) и в беседах с некоторыми коллегами – жаргонологами, ономастами, членами Петербургского фразеологического семинара. Обратившись к опыту наших предшественников, особенно к публикациям Н. А. Волковой и Н. И. Волковой, а также к ряду русских, польских, немецких и других разысканий о прозвищах и кличках [см.: Вальтер, Мокиенко, 2004, библиография], и активировав собственные «сусеки», мы сосредоточили свои усилия на составлении полного варианта такого словаря.

Попытаемся очертить круг вопросов, связанных с лексикографическим описанием соответствующего материала.

Сущностная проблема – точная лингвистическая дефиниция прозвищ и кличек, поскольку от нее зависит определение границ словаря, его словник. Во многих современных словарях русского жаргона эти два обозначения употребляются как синонимы, нередко даже отдается предпочтение наименованию кличка, а не прозвище. Это можно объяснить пейоративностью слова «кличка», той его негативной оценочностью, которая наиболее соответствует характерному для современной русской живой речи и публицистики духу карнавализации, языкового «стеба». Такая оценочность, собственно, «закодирована» во внутренней форме термина «кличка». По определению В. И. Даля, он образован от очень продуктивного глагольного гнезда *кликать* ‘возглашать, зывать, кричать, звать, призывать кого и т. п.’ и определяется как ‘имя или название, данное животному, особенно собаке, птице’. Такая дефиниция подтверждается фразой *Как он кличется?* (о животном), а также пословицами и поговорками: *По псу и кличка; Не смотри на кличку, смотри на птичку; Корова без клички – мясо; У всякой собаки своя кличка; По шерсти собачке кличка дана; Знает ли попугай кличку свою?* [Даль, 2, 118]. Слово *прозвище* или *проззвище* во времена В. И. Даля было вариантом

термина *прозв́анье* ‘проименование, фамилия человека, придаточное имя, какое носит вся семья; иногда *прозв́анье* значит добавочную к семейному родовому прозванию *кличку*, стар. *рекло*; имя, какое приложили кому в шутку или по какому-либо случаю’ [Даль, 3, 485]. Хотя в народной и старинной традиции *кличка* тяготеет к обозначению животных, в качестве «добавочного», шутиwego прозвания этот термин бытовал и раньше.

Слово *прозвище* потеряло основное прежде значение ‘фамилия’ (в других языках это слово или однокоренные с ним это значение сохраняют – ср. укр. *прізвище*, белор. *прозвішча*, словацк. *priezvisko* и др.), но определенная корреляция его со словом *кличка* актуальна и для современного русского языка. Семантически они, пожалуй, даже сблизились.

Определяя *прозвище* как ‘название, данное человеку помимо его имени и содержащее в себе указание на какую-либо заметную черту характера, наружности, деятельности данного лица’, словарь под редакцией Д. Н. Ушакова иллюстрирует ее яркими примерами типичных прозвищ: «Николай I получил прозвище *Палкин*, а последний из Романовых, Николай II, заклеямен прозвищем *Кровавый*»; «Виленскому генерал-губернатору дано было прозвище *Вешатель*»; «А зовут меня Касьяном, а по прозвищу *Блоха*» [ТСРЯ, 3, 933]. Ср. также: *кличка* – ‘название, имя, даваемое домашним животным’; ‘прозвище, прозвание, которое дают какому-л. человеку в шутку, насмешку, а также с какой-л. специальной, например, конспиративной целью. *За ним укретилась к. чудака. Партийная к.*’ [ТСРЯ, 1, 1375].

Определения ТСРЯ с несущественными модификациями повторяются практически всеми последующими толковыми словарями [см.: БАС, 5, 1038; 11, 1087; Ожегов, Шведова, 1997, 277, 610; БТС, 433, 1008]. Показательно при этом, что и в ТСРЯ, и в БАС второе определение слова *кличка* выделено знаком //, т. е. еще трактуется как оттенок к значению ‘имя домашнего животного’, а в последующих словарях уже идет под самостоятельным номером 2. Возможно, данный факт – как и то, что в современных словарях *кличка* во втором значении последовательно определяется через *прозвище*, свидетельствует о тенденции развития семантики в направлении к синонимии. Однако в дефинициях второго слова, как правило, уже отсутствует негативная оценочность, свойственная термину *кличка*, и эта «объективизация» также уходит корнями во внутреннюю форму слова *прозвище* – «прозвание, именование кого-либо кем-либо».

В большинстве словарей лингвистической терминологии *прозвище* и *кличка* отсутствуют [см., например: Культура русской речи, 2003]. Это не означает отсутствия у них терминологического статуса, ибо сводный словарь славянской лингвистической терминологии не только фиксирует их (правда, как полные синонимы), но и приводит их славянские и некоторые европейские соответствия: укр. *прізви́ско*, белор. *мянушка*, польск. *przezwiśko*, чеш. *přezdívkа*, словацк. *prezývka*, в.-луж. *přimjeno*, *přemjeno*, н.-луж. *psimě*, болг. *пpякоp*, *прозвище*, макед. *прекаp*, серб. *надимак*, хорв. *prišvarak*, словен. *vzdevek*, англ. *nickname*, фр. *surnom*, нем. *Übername*, *Spitzname*, *Spotname* [SSLT, 238–239]. Уже сама внутренняя форма многих из этих наименований весьма ярко и разносторонне характеризует соответствующие единицы. Показательно, тем не менее, что именно этот словарь демонстрирует неразработанность соответствующих понятий в европейской лингвистике как отсутствием дифференциации терминологических обозначений, подобных русским *прозвище* и *кличка* (ср. болгарские и немецкие параллели), так и тем, что, в отличие от многих других терминов, этот ряд в словаре не дефинирован.

Лишь в двух современных лингвистических энциклопедиях – польской и украинской – находим основательную характеристику терминов, соотносимых с интересую-

щими нас русскими. Им посвящены отдельные словарные статьи известных ономастов Ч. Косыля [WJP, 435–437] и П. П. Чучки [2000, 493]. Считая прозвища и клички (*przezwiśka*) классом личных имен, характерным особенно для крестьянской и ученической (resp. студенческой) среды, Ч. Косыль подчеркивает, что генетически и функционально они ближе к фамилиям, чем к именам, и отражают процесс спонтанной антропонимизации. Категориальными признаками прозвища и клички признаются неофициальность, факультативность (в сравнении с именами и фамилиями, которые обязательны) и вторичность (т. е. общее ощущение, что эти антропонимы не являются «правильными»).

Украинский исследователь П. П. Чучка также не разграничивает терминов «прозвище» (*прізви́ско, вуличне прізви́ско*) и «кличка» (*кличка*), определяя их как «вид антропонима, неофициальное личное наименование, которым среда индивидуализирует или характеризует лицо» [Чучка, 2000, 494]. Особо подчеркивая эмоциональную окрашенность школьных прозвищ и их способность сохранять лексическое значение, автор отмечает, что этими свойствами они близки к «языческим именам наших предков». Оба исследователя дают весьма детальные классификации способов образования прозвищ и кличек в польском и украинском языках, во многом совпадающие с классификацией Н. А. Волковой, предложенной для русского материала в предисловии к нашему экспериментальному словарю [см.: Вальтер, Мокиенко, 2004, 5–10].

Таким образом, лингвистический статус понятий и терминов *прозвище* и *кличка* несомненен, ибо он выводится из их ономастологической и функциональной специфики. Не случайно эта категория лексики известна во всех языках и имеет весьма близкие формы развития в современном узусе. Так, в немецком бывшего канцлера Гельмута Коля называют *Birne* (букв. «груша») по форме его головы, министра иностранных дел Фишера *Taxifahrer* («водитель такси») по его прежнему роду занятий и т. д. То, что в немецком этот тип номинации не развивает сейчас такой активности, как в русском, можно объяснить экстралингвистическими факторами, а не спецификой соответствующего языкового явления.

Итак, термин «прозвище» тяготеет к более общему номинативному диапазону, чем «кличка». Категориальная коннотативность второго термина делает его специализированной характеристикой. Отсюда исключительно активное функционирование кличек в жаргоне, просторечии и их отражение в современных средствах массовой информации. Такие клички сейчас выполняют общественный заказ на характеристику общественных деятелей, в том числе политиков, преподавателей, предпринимателей, звезд телеэкрана и радио уже потому, что потребность в их экспрессивных наименованиях как никогда ощущается обществом. Прозрачность мотивировочного признака, которая обычна при создании современных прозвищ данного типа, является мощным ресурсом такой экспрессивности. В то же время последняя требует постоянной «перезарядки», которая и осуществляется по «наработанным» структурно-семантическим моделям, поддерживая открытость ряда и прозрачность номинации.

Взаимопересекаемость терминов «прозвище» и «кличка», их пограничный статус между именами собственным и нарицательным, повышенная экспрессивность большинства из них и другие свойства обуславливают большую качественную разнородность и зыбкость границ между разными группами этих единиц, которые уже обратили на себя внимание исследователей [см.: Воронцова, 2002; Волкова, 2003, 2004]. Для лексикографического описания прозвищ особое значение имеет разграничение таких их

групп, как клички известных политических деятелей, популярных артистов, певцов и других знаменитостей – с одной стороны, прозвища школьных учителей и учеников – с другой, шутливо-иронические прозвища представителей разных народностей или жителей отдельных местностей – с третьей, и т. д.

Понятно, что каждая из таких групп «прозвищной» лексики имеет свою функциональную, семантическую и стилистическую специфику и может изучаться и лексикографически описываться отдельно. Одни из них (например, прозвища известных деятелей и знаменитостей) достаточно определенно очерчены по сфере номинации и словнику. Другие (например, прозвища учителей и учеников, многие профессиональные клички) практически неисчерпаемы в силу своей «индивидуальной анонимности». Третьи (прозвища представителей разных народностей или жителей отдельных местностей, некоторых профессий) приближаются к нарицательной лексике с оценочным значением и потому представляют собой достаточно открытый ряд.

Остановимся подробнее на каждой из этих групп прозвищ и кличек.

Прозвища знаменитостей (политиков, писателей и публицистов, артистов, шоуменов, спортсменов, олигархов и т. п.) характеризуются тем, что в силу широкой известности объекта номинации они в какой-то мере утрачивают (или отражают в ослабленном виде) категориальное свойство прозвища – корпоративность, или камерность [см.: Подольская, 1988, 10–11; Волкова, 2004, 5], т. е. принадлежность к относительно узкому социуму. Распространенность некоторых из них благодаря средствам массовой информации достигает глобальных размеров, превращая их в онимы-интернационализмы. Таковы, например, прозвища перифрастического типа *Железный Канцлер* (Бисмарк), *Железная Леди* (Маргарет Тэтчер), *Великий Кормчий* (Мао Цзедун) или «внешние» клички типа *Горби* (Горбачев). Многие из них порождают целые серии аналогичных наименований «местного масштаба», закрепляя тем самым исходную мотивационную доминанту. Ср.: *Серый Кардинал* (первоначально – доверенное лицо кардинала Ришелье, монах отец Жозеф, сейчас – прозвища Б. А. Березовского, В. В. Путина, С. Б. Иванова, В. Юмашева), *Железная Леди* – (*Русская*) *Железная Леди* (В. И. Матвиенко), *Железная Леди КИРФ* (С. П. Горячева), *Железная Леди Красноярска* (А. М. Куленкова) и т. п. Возможно и образование новых прозвищ по существующим моделям: *Железный Канцлер* – *Железный Феликс* (Ф. Э. Дзержинский), *Серый Кардинал* – *Рыжий Кардинал* (А. Чубайс); *Железная Леди* – *Янтарная Леди* (К. Прунскене) и т. п.

Показательно, что такого рода интернациональные прозвища нередко становятся своего рода языковыми «бумерангами», быстро перелетающими из одной части мира в другую. Так, прозвище М. Тэтчер *Железная Леди* впервые появилось 20 января 1976 г. в советской газете «Красная звезда» как реакция на ее агрессивные выпады в адрес СССР и спустя пять дней было процитировано в газете «Sunday Times», сразу став популярным в Великобритании и других странах мира. Правда, у англичан более распространен другой вариант этого прозвища – *the Iron Maiden* (букв. ‘железная девушка’) [Koraliński, 2000, 491]. Иные варианты этого русского, но ставшего интернациональным прозвища возможны и в других языках – например, польск. *Żelazna Dama* [Там же], которое употребляется окказионально и по отношению к некоторым известным женщинам в самой Польше – например, Ганне Гронкевич-Вальтц [Bońko, 2003, 288]. Ср. также польск. *Żelazny Józef* (Йозеф Циранкевич), образованное по модели русского *Железный Феликс* [Там же].

Эту особенность первой категории прозвищ не следует, однако, возводить в абсолют. Во-первых, далеко не все они характеризуются отмеченной выше распространенностью. Даже «персоны высшего ранга», естественно притягивающие как магнит креативную энергию создателей прозвищ и кличек, нередко становятся объектом достаточно локальных и окказиональных наименований. Так, среди прозвищ В. В. Путина лишь малая часть известна большинству носителей русского языка уже потому, что многие из них порождены не реальной, концептуальной характерологичностью российского президента, а лишь ассоциативно-языковой, народно-этимологической игрой слов. Многие из них, между прочим, восходят к школьному и студенческому прошлому В. В. Путина: *Путя, Пуцька, Дутый Пу, Путёнок, Гадкий Путёнок, Капутин, Путйна*. Показательно, что и современные создатели прозвищ президента широко используют эти номинативные приемы: *Распутин, Рас-Путин, Хапутин*. Даже прозвище В. В. Путина, данное ему президентом США Дж. Бушем, любящим одаривать кличками свое окружение, идет в этом ассоциативно-звуковом направлении – *Пути-Пут* (англ. *Puty-Put, Pootie-Poot*) [Компромат.Ру; Волкова, 2003, 680]. Между детскими кличками В. В. Путина и современными нередко обнаруживается прямая зависимость. Так, крылатое выражение *Мочить в сортире*, которое вызвало массу иронических обыгрываний в СМИ [см.: Bierich, 2002, 58; Мокиенко, 2002, 158–163; Душенко, 2002, 345], прихотливо наложило на его детскую кличку *Путёнок*, дав сочетание *Туалетный Путёнок*.

Отнюдь не глобальны, а достаточно периферийны по употреблению и современные прозвища президента, эксплуатирующие типовые модели номинации: по внешности (*Крысёнок, Моль, Мужчина, приятный во всех отношениях*), по чертам характера и манере поведения (*Психологический Каннибал, Серый Кардинал*), профессиональной деятельности в прошлом (*Чекист-Перестройщик, Штази, Вице-Собчак*), связью с другими лицами (*Кронпринц*). Они запускаются в оборот преимущественно бульварной прессой, что обусловлено общим высоким рейтингом В. В. Путина в стране. Наиболее частотным прозвищем, по нашим наблюдениям, остается стилистически почти нейтральное *ВВП*, образованное инициалами имени, отчества и фамилии.

Актуальность и «личностная конкретность» наименования тем не менее делают прозвища первой группы весьма удобным и в принципе исчерпываемым материалом лексикографирования. К таким языковым единицам вполне применим ларинский принцип относительно полного лексикографического описания [см.: Мокиенко, 1999б], поскольку их границы диктуются конкретными и исчисляемыми объектами номинации.

В нашем экспериментальном «Словаре русских прозвищ» [Вальтер, Мокиенко, 2004] эта группа описывается именно по такому принципу полноты. Он обеспечивается сплошной выборкой материала из современной прессы, литературы, справочников «Кто есть Кто», теле- и радиопередач, Интернета, записей информантов, анкетированием в разных городах России и скрупулезным учетом лексикографической продукции наших предшественников (в том числе и наших жаргонных словарей, словаря языка Совдепии, словарей фразеологии и крылатых слов и др.). Следует особо подчеркнуть важность точной и корректной паспортизации каждого использованного нами источника. И не только потому, что намеренная «анонимизация» используемых ныне многими лексикографами источников способна вызвать и вызывает справедливые протесты и упреки в плагиате – таков, например, резкий, но справедливый вердикт А. Щуплова по поводу авторов «Словаря современного жаргона российских политиков и журналистов» (М.,

2003) в «Литературной газете» – «жертвы плагиата» [см.: Щуплов, 2004]. Читатель, внимательный к источниковедческим справкам в словаре, получает представление о распространённости каждого наименования, о степени его новизны, о времени его появления (или хотя бы первой регистрации) в русской речи и т. п.

Реализацию принципа лексикографической полноты для первой группы прозвищ во многом обеспечило обращение к такому современному источнику информации, как Интернет. Интернетные данные позволили скорректировать дефиниции многих прозвищ, полученных из разных источников, обеспечили объективацию стилистических помет, дали возможность продемонстрировать динамичность всей системы наименований известных деятелей российского политического, культурного и делового пространства. Во «всепроницаемости» интернетной «материальной базы», кстати, также заключается специфика и полнота представленности в словаре первой группы прозвищ.

Прозвища учителей и учеников, преподавателей и студентов, профессиональные клички и т. п. – вторая группа прозвищ. Она отличается от первой группы, как уже отмечалось, «анонимностью» объектов наименования. Подчеркнем, однако, что эта «анонимность» является лишь сужением масштаба известности конкретных лиц, которые обозначены соответствующими прозвищами. В своей социальной среде многие такие прозвища могут быть весьма популярны и частотны. Тем не менее суженность зоны распространения налагает на эту группу определенные функционально-семантические ограничения, прямо проецирующиеся на принципы их лексикографического описания. В отличие от вполне исчислимых источников материала для описания первой группы, «материальные ресурсы» второй группы практически неисчерпаемы: каждая социальная ячейка нашего общества порождает такие прозвища. Часть из них в некоторых регионах добросовестно и квалифицированно фиксируется лексикографически (например, прозвища Республики Коми [Волкова, 2003, 2004]), часть корректно описывается словарями молодежного жаргона [Никитина, 1996, 2003б; СМЖ, 1992; Максимов, 2002; и др.], часть (и весьма значительная) иррадируется в Интернет самими носителями школьного, студенческого и профессионального жаргона в разного рода словариках, «приколах» и чатах. Определенную часть материала составители предлагаемого словаря собрали сами (например, в школе № 74 Санкт-Петербурга с помощью учениц М. Кошеверовой и В. Мокиенко) или посредством анкетирования (особенно в Пскове с помощью Т. Г. Никитиной, Е. И. Рогалевой и их сотрудников и студентов).

Именно частный характер и неисчерпаемость данного материала, являющиеся спецификой этой группы прозвищ, заставляют нас избрать по отношению к ним иную стратегию описания. Здесь принцип лексикографической полноты воплощается в виде полноты описания типологических моделей наименования. Мы попытались отразить в словаре не абсолютную массу реальных прозвищ этого типа в русском языке, а их «генеративные модели», равно как и структурно-словообразовательные типы, типичные образцы, по которым они активно производятся на всем современном языковом пространстве.

В правильности такого подхода убеждают реально зафиксированные на различных территориях прозвища учителей и школьников, преподавателей и студентов. Они имеют много общего, даже тождественного, что особенно рельефно отражается в семантических моделях соответствующих наименований.

Коллективные прозвища, третья группа включенных в словарь наименований, – это обобщенные обозначения лиц разных народностей, жителей отдельных местностей

и представителей отдельных профессий. По своему ономастическому и функционально-семантическому статусу они достаточно зримо отличаются от рассмотренных выше групп прозвищ. Данная группа весьма разнородна, так сказать, по определению. Причем эта разнородность проецируется на два таких «осевых» лингвистических параметра, как пространственный и хронологический. В пространственном отношении коллективные прозвища охватывают как межнациональные объекты номинации (прозвища представителей разных народов – немцев, американцев, итальянцев, цыган и т. п.), так и широко- или узколокальные – вплоть до прозвищ жителей одной деревни или одного дома.

К первым относятся многочисленные экспрессивные наименования типа *колбаса*, *колбасник*, *копчёный*, *фриц*, *Адам Адамыч*, *Бауер* [Walter, Mokienko, 2001, 73], *Иван Иванович* [ПРН, 347], *Нинко* [Балдаев, 1, 278; БСЖ, 383], *Сасос* [БСЖ, 525], *сосиска*, *шмерец* [ПРН, 347] – прозвища немцев; *лягушатник* [Shlyakhov, Adler, 130; Walter, Mokienko, 2001, 284], *франк* [Елистратов, 1994, 511; БСЖ, 632], *френч* [Елистратов, 1994, 512; БСЖ, 632–633] – прозвища французов; *аллёрник*, *аллора* [БСЖ, 34], *аллорец* [Елистратов, 1994, 21], *макаронина* [Там же, 235], *макаронник* [Walter, Mokienko, 2001, 285] – прозвища итальянцев; *китаёз*, *китаёза* [Елистратов, 1994, 196; Росси, 1, 155], *лямло*, *лямлю* [СРВС, 4, 175; ТСУЖ, 100; Мильяненков, 160], *узкоплёчный* [Юганов, Юганова, 225], *узкоглазый*, *фазан* [СРВС, 2, 218; ТСУЖ, 184], *хань* [Балдаев, Белко, Исупов, 267; Балдаев, 1997, 2, 120; БСЖ, 642], *чайн*, *чайна* [Елистратов, 1994, 540; БСЖ, 664], *чимчигрыз* [БСЖ, 672], *чинарик* [Walter, Mokienko, Niemeyer, 110; БСЖ, 672], *чумиза* [Мак-Киенго, Уоллер, 243; Балдаев, Белко, Исупов, 282] – прозвища китайцев; *свиное ухо* – прозвище татарина [ПРН, 348] и т. д.

К локальным прозвищам относятся многочисленные наименования весьма различного пространственного диапазона, зависящего от известности и значимости (нередко исторически обусловленной) объекта номинации: *скобарь* – пскович, житель Пскова [Андреев, 1995, 8]; *ершеед*, *капустник*, *мякинник* – то же [ПРН, 332]; *долбёжник* – новгородец, житель Новгорода [Там же, 332]; *дровосек* – житель Рузы, рузец [Там же, 50]; *кашехлёб* – кирилловец, житель Кириллова [Там же, 332]; *крошевник* – копорец, житель Копорья [Там же, 330]; *лапотник* – 1) клиновец, житель Клина; 2) крещанин, житель Крестца [Там же, 332]; *поросятник* – можаец, житель Можайска [Там же, 331]; *белозерские сметки* – белозерцы, жители Белозерья [Там же, 332]; *чернонёбый* – коломнец, житель Коломны [Там же, 331]; и т. п.

Коллективные прозвища последнего типа представляют собой во многом наименование традиционной народной культуры и уходят своими корнями в необозримое поле русских диалектов. На временной оси такие прозвища восходят к номинативным моделям XVIII–XIX вв., что усиливает их отличие как от злободневных, актуализированных европейским и американским дискурсом прозвищ, так и от кличек современных эстрадных и телевизионных поп-звезд.

Можно ли, – спросит читатель, – в одну лексикографическую телегу впрячь столь различных «коня и трепетную лань»? Позволительно ли с лингвистической точки зрения в корпус словаря современных русских прозвищ включать и третий их тип, коллективные прозвища? Нам кажется, что для этого есть как общелингвистические, так и прагматико-лексикографические основания.

Во-первых, все три группы интересующих нас языковых единиц имеют несомненно ономастический статус, что отличает их от всей остальной апеллативной лексики.

Во-вторых, в безбрежном море собственных наименований они имеют свою четко выраженную ономастиологическую и функциональную специфику: именуют лица или группы лиц по маркированному, «ориентационному» признаку – чаще всего коннотативно насыщенному и потому в речи постоянно актуализируемому. В-третьих, семасиологические и словообразовательные модели всех этих трех групп нередко пересекаются, создавая своеобразные цепочки. Так, вторая группа во многом становится источником первой: школьные и студенческие клички М. С. Горбачева, Б. Н. Ельцина, В. В. Путина, В. В. Жириновского, Е. Т. Гайдара, Г. А. Зюганова, А. Пугачевой, Ф. Киркорова и многих других актуализируются в новых условиях средствами массовой информации и экспрессивно перезаряжаются, сохраняя при этом исходную языковую мотивацию и репродуцируя соответствующие словообразовательные модели. Вторая же группа наименований часто связана с третьей группой коллективных прозвищ и генетическими, и типологическими узлами. Так, прозвищем Б. Е. Немцова давно стало реэтимологизированное *Немец* [Щуплов, 1999, 142, ЖРП, 192], а школьные прозвища *Немой*, *Немыч* – учитель немецкого языка, *Нерусская* – учительница иностранного языка, *Нерусский* – учитель иностранного языка [Вальтер, Мокиенко, 94] прямо восходят к номинативным моделям коллективных прозвищ. Упомянутое выше коллективное прозвище *чернонёбый* (о жителе Коломны), конечно, отличается по распространенности и хронологии от современных просторечных и жаргонных прозвищ жителей Кавказа и Средней Азии – *чёрный*, *чернослив*, *чернота* [БСЖ, 668], однако мотивационная модель их все-таки объединяет.

Коллективные прозвища в русской народной речи были скрупулезно собраны, детально исследованы и лексикографически описаны в кандидатской диссертации представительницы уральской ономастической школы Ю. Б. Воронцовой [2002]. Часть из них, с согласия исследовательницы, войдет в наш словарь (разумеется, с лексикографической обработкой в русле общей его концепции). Внимательное изучение этого обильного материала, положенного на дробную сетку русского (особенно северно-русского) диалектного пространства, показывает, что даже между окказиональными и периферийными коллективными прозвищами и онимами первых двух групп существует немало общего. Так, прозвище *немтыри*, *немцы*, зафиксированное в д. Лысиха Костромской обл., д. Пахомово Ярославской обл., справедливо связывается автором с рус. *немтырь* ‘немой’, *немец* ‘немой или же не говорящий по-русски всякий иностранец с запада’ [см.: Воронцова, 2002, 180]. Вряд ли какой лингвист или носитель языка усомнится в том, что между прозвищем Б. Е. Немцова (первая группа), обозначением немцев как народа (вторая группа) и коллективным прозвищем, отмеченным Ю. Б. Воронцовой (третья группа), существует прямая языковая и культурологическая зависимость. Таких примеров прозвищного «триединства» можно найти немало. Приведем лишь несколько из них, отталкиваясь от материалов екатеринбургской исследовательницы.

АЗИЯТ. Кол. Волог. Житель д. Шилово. Прозвище по внешнему признаку (раскосые глаза были у большинства жителей) и общезыковыми негативными коннотациями, связанными со словом *азиат* [Воронцова, 2002, 141].

АЗИК. Жарг. Пренебр. Магнит. Среднеазиат [Максимов, 2002, 12].

БАКЛАН. Кол. Волог. 1. Житель д. Киснема, Дерягино. 2. Астраханец, живущий по гористому берегу р. Волги, до Саренты [СРНГ, 2, 61]. 3. Прозвище тяжелого ребенка, долго не начинающего ходить [Там же, 60]. 4. Прозвище, даваемое друг другу детьми. 5. Неповоротливый крестьянин [СРНГ, 2, 60] < *баклан* – 1. Человек с большой головой [Даль, 1, 40]. 2. *Вят.* Толстый, неповоротли-

вый, неуклюжий человек [СРНГ, 2, 60]. Ср. также: *баклан* – 1. Большая водоплавающая птица отряда веслоногих с темным оперением, с крепким острым клювом. 2. Нарост на дереве, используемый как трут [Воронцова, 2002, 141].

БАКЛАН. *Жарг. Студ. Пренебр.* Студент-практикант [Вальтер и др., 2003а, 1].

ВОРОБЕЙ. *Мол. Студ.* 1. Студент-первокурсник [Вальтер и др., 2003а, 164; Максимов, 2002, 69]. 2. Милиционер [Максимов, 2002, 69].

ВОРОБЕЙ. *Кол. Арх.* Жители н. п. Торопово, Махонина < мотивировка по внешнему виду (малый рост) и подвижности [Воронцова, 2002, 148].

ГАД, -а, м. *Бранно. Деаббр.* 1. Глава администрации президента РФ. 2. Николай Бордюжа (бывший глава администрации президента) [Щуплов, 1999, 19] 3. Александр Волошин (бывший глава администрации президента) [Там же, 27] < слово *гад*, первоначально обозначавшее змею, употребляется в бранных значениях 'мерзкий, отвратительный человек', 'сотрудник милиции в форме', 'сотрудник уголовного розыска' и др. [Мокиенко, Никитина, 2003, 101].

ГАДЫ, -а, м. *Кол.* Жители Вятской губернии. *Вятчане-гады – наделали беды* (поговорка) < «Их прозвали гадами, т. к. они слепороды: коли станет смеркаться, так не видят» [СРНГ, 6, 90]. *Гад* – ползущее животное, пресмыкающееся [Даль, 1, 340]. По внешнему виду: возможно, в основе прозвища – узкие (маленькие) глаза, как у пресмыкающихся [Воронцова, 2002, 151].

ГОЛЫШ. *Кол. Киров.* Житель н. п. Мухилы [ЛК ТЭ] < прозвище по признаку «бедный, неимущий»; *голыш* – безземельный крестьянин (*Костр.*); прозвище: бездомник (*Новг., Волог.*) [СРНГ, 6, 347] [Воронцова, 2002, 152].

ГОЛЬ, -и, ж. **Голь перека́тная. Студ. Шутл.* Студент, переписывающий чужие конспекты [ПБС, 2002; Вальтер и др., 2003а, 38].

ГРАЧ. *Кол. Волог.* *(*Ерте́бинский*) *грач. Кол. Волог.* Житель д. Ертебино < образовано по «птичьей модели» с мотивацией по особенностям речи [Воронцова, 2002, 153].

ГРАЧ, -а, м. *Шк. Шутл.* Учитель биологии, зоологии. *Грач нас засек вчера, доложит диру, не сомневайся* (запись 2001 г.) [Вальтер и др., 2003а, 39]; **Грач нелета́ющий. Пренебр. Шутл.-ирон.* Павел Сергеевич Грачев (Аргументы и факты, 1995, 28 дек.) [ЖРП, 163].

ПЛЕХАЧ. *Кол. Пренебр. Волог.* Житель д. Имачев [ЛК ТЭ] < прозвище по внешнему виду; *плеха́ч* – плешивый человек [Даль, 3, 126] [Воронцова, 2002, 185].

ПЛЕШИВЫЙ, -ого, м. *Студ. Шутл.-ирон. (ист.). В. И. Ленин.* *Учись, студень, как завещал Плешивый* (запись 2003 г.).

ПЛЕШКА, -и, ж. *Шк. Пренебр.* Пожилой учитель (запись 2003 г.).

ПЛЕШЬ, -и, ж. **Плесь безу́мная. Шк. Шутл.-ирон. или презр.* Лысый учитель (запись 2003 г.).

ПОЖАРНИК, -и, м. *Фам. Ирон.* Сергей Степашин (экс-премьер, 1999 г.) [Щуплов, 1999, 186].

ПОЖАРНИКИ. *Кол. Арх.* Житель д. Борисовская, Пушкино. *Они на теплоход все время опаздывали, просят, а потом, как пожарники, одеваются, сумки хватают и бегут. Вот у нас бы пожарники сейчас так бегали* (д. Борисовская). *За лихость, за быструю езду на лошадах. На собраниях колхозники плохо слушали председателя, он назвал их пожарниками. Так и повелось* (с. Бестужево) [ЛК ТЭ] < ср.: *как на пожар* – очень быстро, торопливо (что-либо делать) [Воронцова, 2002, 186].

РОТАН, -а, , м. *Фам. Пренебр.* Борис Иванюженков (министр спорта в правительстве В. В. Путина) [Щуплов, 1999, 79] < *ротан* – 1. *Прост.* О человеке с большим ртом. 2. *Диал.* О крикуне, горлопане.

РОТОНЬ. *Кол. Волог.* Жители д. Кузьминское. *Кузьмян все ротунам жвали, кричали больно* [ЛК ТЭ] < прозвище дано по громкой речи [Воронцова, 2002, 189].

СОВА, -П, ж. *Шк. Шутл.* 1. Вахтер, сторож (запись 2002 г.). 2. Библиотекарь. *Сова уходит в книжный магазин работать. Тоже мне, нашла фирму!* (запись 2003 г.) [Вальтер и др., 2003а, 124].

СОВЫ. *Кол. Арх.* Жители с. Дорогорское. *Совы в Дорогорах живут, не спят по ночам, а смотрят* (Мезенский р-н, д. Жердь) [ЛК ТЭ] < образовано по «птичьей» модели: совы не спят ночью [Воронцова, 2002, 193].

ТАТА́РИН, -а, м. *Фам.* Рем Вяхирев [Щуплов, 1999, 28].

ТАТА́РЫ. *Кол. Волог.* Жители д. Носково, Никитино [ЛК ТЭ] < прозвищный этноним, отражающий идею «чуждости» номинируемого коллектива по отношению к коллективу номинаторов [Воронцова, 2002, 194].

УБ́ЙЦА, -ы, ж. **Убийца среди нас. Шк. Шутл.-ирон.* Учитель в классе [Golds 2001; Вальтер и др., 2003а, 137].

УБ́ЙЦЫ. *Кол. Арх.* Жители д. Матвера. *У нас ребята боевые были: ни один праздник без драки не обходился – дак в соседних деревнях нас и прозвали убийцы* (Пинежский р-н, д. Заозерье) [СП, 2000, 117] < прозвище по социальному поведению и чертам характера [Воронцова, 2002, 197].

ФАРАО́Н, -а, м. *Шк. Шутл.* Учитель истории [Максимов, 2002, 447; Вальтер и др., 2003а, 140].

ФАРАО́НША, -и, ж. *Шк. Шутл.* Учительница истории [Волкова, 2003, 679].

ФАРАО́НЫ. *Кол. Арх., Волог., Мурм.* Жители д. Красная Гора, Наволок, Кимжа, Тордокса, Нижней, Вавилово и др. [ЛК ТЭ], с. Варзуга [Меркурьев, 1979, 171] и др. *Фараон – на колеснице, варзужанин – на поезднице* [Меркурьев, 1979, 171]. *Народ зырь прозывается в Кузнецове, а в Наволоке фараоны, а мы – трескоеды* (д. Кузоверская). *Скупые они, подозрительные, как фараоны* (д. Васильевская). *Богатые они* (с. Бабушкино). *Они растягуют, ровно как не наши, у них разговор не наш, как-то они не вытягивают* (д. Паденьга). *Мы им (жителям д. Наволок) кричим: «Фараоны-тюфяки!»*. *А они нам: «Орешки!»*. *А мы им: «Х... поешьте!»* (д. Сверчково) [ЛК ТЭ]. < Образ фараонов – один из самых загадочных в русской народной культуре. Генетически он связан с образами египетских фараонов, однако существенно трансформировался в русском языке, мифологии. Ср.: *фараон* – полицейский [БАС, 16, 1258]; фантастическое существо с человеческой головой, туловищем и рыбьим хвостом; русалка [Власова, 1995, 331–332]. В народных поверьях образы фараонов сливаются с образами водяных и русалок. На Вологодчине «древними людьми», «фараоновым войском» считали лягушек, что, вероятно, восходит к библейскому сюжету о казнях египетских. Название *фараон* часто употребляется в бранных выражениях. Трудно определить конкретные обстоятельства появления этих прозвищ, можно лишь отметить негативную коннотацию, а также сему «чуждости» [Воронцова, 2002, 198].

ЧА́ЙНИК, -а, м. *Жарг. Пренебр.* Простак, простофиля; неопытный в чем-либо человек, новичок [БСЖ, 664]. Такое значение связано с народным обычаем вручать сватам жениха, которому невеста отказывает, какой-либо полый, пустой предмет – тыкву, корзину, ковш, котелок или пустой чайник. Жениха-неудачника, а затем и неудачника, неловкого новичка вообще поэтому в народной речи и жаргоне называют *чайником* [см.: Мокиенко, 1982, 366–369; Мокиенко, 1985, 60–70; Коваль, 1998, 93–97; Мокиенко, 1999а, 25–37; Mokienko, 2002, 249–252; Березович, 2003] **Красный чайник. Фам.-ирон.* Николай Игнатович Кондратенко (бывший губернатор Краснодарского края) (Трибуна, 2000, 13 сент.; Fitil, 2003, 27 нояб.) [ЖРП, 179; Щуплов, 1999, 99] < эпитет *красный* дан за радикальные взгляды на политику и по национальному вопросу.

ЧА́ЙНИКИ. *Кол. Волог.* Жители с. Малое Борисово [ЛК ТЭ] < предполагают, что в основе прозвища лежит мотив чаепития [Воронцова, 2002, 199]; возможно, однако, и объяснение на основе обычая отказа от сватовства (см. выше).

ЯПО́НЕЦ, -ца, м. *Пренебр.* 1. См. ЯПО́НЧИК [ЖРП, 171]. 2. Евгений Максимович Примаков (Крестьянин, 2000, 2 марта) [ЖРП, 195].

ЯПО́НЧИК, -а, м. *Пренебр.* Вячеслав Кириллович Иваньков (Коммерсантъ, 1993, 3 мая) [ЖРП, 171].

ЯПО́НЧИКИ. *Кол. Волог.* Жители д. Удачино. *Удачино почему-то стали Японией называть, а кто из той деревни приходил, так тот Япончиком был* [ЛК ТЭ] [Воронцова, 2002, 203].

Как видим, типы номинаций даже узколокальных коллективных прозвищ перекликаются с самыми современными кличками политиков и других популярных лиц. Собственно, в общей массе прозвищ языковые единицы третьей группы приближаются к ономастическому статусу этнонимов и названий жителей населенных мест, и потому функция обозначения лица, столь значимая для выделения прозвищ в особый разряд, у них представлена лишь в большей степени обобщенности, чем в первых двух группах.

Понятно, что исчерпывающее, абсолютно полное описание коллективных прозвищ в нашем словаре столь же невозможно, как и отражение в нем материала второй группы. Невозможно по тем причинам, которые уже оговаривались, и прежде всего из-за открытости ряда и разной степени распространенности коллективных прозвищ. В процессе создания базы данных для нашего словаря мы ориентировались на собрание подобного материала В. И. Даля, со свойственным ему лексикографическим вкусом отобравшего коллективные прозвища XIX в. Коррективом и дополнениями к этому собранию служили выборки из диалектных словарей, которые по-разному в количественном и качественном отношении отражают коллективные и другие прозвища, что зависит как от лексикографических установок составителей, так и от квалификации собирателей материала. Во многих из диалектных словарей такие прозвища либо полностью отсутствуют, либо отражены спорадически. С другой стороны, некоторые небольшие по объему и локальные по ареалу словари предлагают такой материал в избытке: таков, например, уникальный двухтомный «Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры» В. Т. Ванюшечкина, где коллективные прозвища жителей мещерских деревень гармонически сочетаются с кличками отдельных жителей, убедительно демонстрируя тесную связь общего и индивидуального.

Нет сомнения, что лексикографическая обработка каждой из интересующей нас группы русских прозвищ – актуальная задача нашей ономастики. Чем больше будет качественных работ такого рода, тем легче будет искать *tertium comparationis* для их обобщенного описания. Как увидит читатель, в нашем словаре и система подачи материала, и система стилистических помет, и дефиниции, и паспортизация, и историко-этимологические справки существенно отличаются от обработки прозвищ как особого объекта описания у наших предшественников и в наших предыдущих словарях жаргонизмов, советизмов, фразеологизмов и т. д. Это и понятно: концентрация внимания на данных трех группах, с одной стороны, заставила нас посмотреть на этот материал как на нечто единое и компактное с функционально-семантической точки зрения, с другой – дала возможность несколько абстрагироваться от утонченной специализации, которая требуется при обработке каждой из трех групп, входящих в прозвищное поле.

Как видим, между интересующими нас типами русских прозвищ – дистанция не столь уж огромного размера, как может показаться. Это не «конь и трепетная лань», а всего лишь «лошади разной масти и возраста», которые вполне пригодны для одной лексикографической упряжки. Впрягая эту прозвищную тройку в единую словарную телегу, мы, как выше обосновывалось, попытались дифференцировать каждую из этих групп различной степенью полноты соответствующих словников. Подчеркнем еще раз вкратце эти различия ввиду их учета при составлении словаря.

Группу обозначений популярных лиц мы стремились описать с максимальной полнотой и точностью, что нашло отражение как в списке лиц, наделенных прозвищами, так и в фиксации прозвищных синонимов и вариантов. Группа школьных и профессиональных прозвищ отражена в нашем словаре весьма полно, но не исчерпывающе, ибо иначе он рисковал бы превратиться в телефонную книгу с кличкой каждого конкретного учителя или ученика каждой конкретной школы. Для этой группы мы стремились к полному воспроизведению модели номинации, а не всех ее конкретных воплощений. Для группы прозвищ этнонимического и оттопонимического типа избрана тактика «золотой середины»: наименования народов и жителей известных городов и местностей

мы старались описывать максимально полно, локальные же и устаревшие единицы – как реализации типовых моделей соответствующих прозвищ и кличек.

В отдельных случаях (когда наши записи или конкретный источник не позволяют точно квалифицировать описываемое прозвище) в состав словаря включаются слова или выражения, стоящие на грани между апеллятивом и прозвищем (например, *швабра* ‘проститутка’, *мент* ‘милиционер’). В корпусе прозвищ ряд слов и выражений, являющихся переходными от общего к индивидуальному, от апеллятивного к «собственно-именному», довольно велик, особенно в таких тематических блоках, которые экспрессивно обозначают внешние признаки человека. Таковы, например, прозвища людей полной или худощавой комплекции: *Бочка*, *Сороковая Бочка*, *Комод*, *Тумба*, *Шкаф*, *Пышка*, *Селедка*, *Килька*, *Шпротина* и т. п., фиксируемые нередко в отношении конкретных лиц.

В очень ограниченном количестве (с целью демонстрации типовых моделей наименования) в словаре представлен и новый, весьма специфический тип прозвищ – клички-самоназвания из русского Интернета, которыми инициаторы «чата» обозначают самих себя, например, *Чахлик*, *Ночной Пес*, *Мифисто*, *Закупок*. Их функциональная специфика заключается именно в акте «самообозначения», который является весьма субъективным. Такие клички играют роль пароля, «позывных» участника чата и требуют специального изучения. Вместе с тем, как верно подчеркнул в уже упомянутой дискуссии в Щецине А. А. Шумейко, в современной молодежной речи наблюдается экспансия «чатовых» кличек, многие из них становятся модными и ходовыми, постепенно «обкатываясь» как обычные прозвища, что делает их важным источником современного прозвищного лексикона.

По совсем иным причинам в словаре ограничено число бранно-обценных прозвищ, многие из которых также занимают положение между именами собственными и нарицательными.

Включение в корпус словаря столь широкого «ассортимента» материала оправдано прежде всего его номинативной и коннотативной прозвищной спецификой. Вот лишь один пример того, сколь функционально-семантически необходимым, характерологическим и «идееносным» оказывается прозвище в художественном тексте. В романе Людмилы Улицкой «Казус Кукоцкого», удостоенном самой престижной в России Букеровской премии, один из героев, врач-генетик, отбывший незаслуженное заключение, возвращается в Москву и пытается устроиться на работу в Институт генетики, возглавляемый директором, его старым знакомым.

Падение Хрущева, происшедшее, пока Гольдберг отбывал свой последний срок, только тем и было для него интересно, что оно означало окончательное крушение Лысенко с его приспешниками. Самым существенным событием за время его отсутствия представлялась организация Института генетики. Естественно, он первым делом помчался к новому его директору, известному в молодые годы по прозвищу Боня, произведенному от Бонапарта (здесь и далее в цитате разрядка наша. – *Авт.*). Первые сорок минут встречи Гольдберг разливался соловьем, щедро сыпал свой цветной бисер отнюдь не перед свиньей... Зверь, который перед ним сидел, смотрел на него жесткими голубыми глазами, обладал стальными челюстями, железной хваткой и алмазной крепости честолубием, соответствующим юношескому прозвищу... Директор слушал в высшей степени внимательно, но ни словом, ни движением брови не обнаруживал своего отношения.

Только через сорок минут Гольдберг почувствовал мировое оледенение, доползшее до него по длинному, буквой Т, столу от лысого коротышки, в буддийской неподвижности восседавшего во

главе письменного стола, в центре большого кабинета, в самом сосредоточии обновленной генетической науки...

Илья Иосифович остановил поток своих излияний... Перебив сам себя, резко спросил:

– Коля, ты дашь мне лабораторию?

Директор лицом смахивал несколько на Наполеона: мелкие черты лица, пухлый подбородок мягко переплывал в короткую массивную шею. Исключительной значительности незначительное лицо... Мозги его напряженно работали, но никакого выражения на лице не наблюдалось... и, сверкнув в псевдоулыбке новыми чересчур белыми пластмассовыми зубами и перебрав несколько вариантов с оттенками разной степени обидности, ответил:

– Нет, Илья. Ты мне совершенно не нужен [Улицкая, 2003, 399–400].

Юношеская кличка, как видим, не только предвосхитила этот судьбоносный для героя книги эпизод, но и вобрала в себя целый комплекс характеристик будущего директора – карьериста от науки. Более того, заклеянный этой кличкой в юности, *Боня* изначально соответствовал не «героическому» портрету Бонапарта, а тому его саркастическому образу, который нарисовал в романе «Война и мир» Лев Толстой – образу маленького человечка-ребенка, держащегося за «тесемочки кареты» и воображающего, что тем самым он правит вселенной... Так краткое прозвище оказывается сгустком характеристик, позволяющим не только мгновенно оценить отношение сверстников будущего директора к своему соученику, но и предсказать его поведение много лет спустя.

Стремясь с максимальной точностью зафиксировать подобные прозвища лиц разной степени «значительности», составители данного словаря надеялись, что они помогут читателю разобраться, кто есть кто в нашей российской действительности. Ведь при всей общей негативной оценочности прозвищ и кличек в каждом конкретном случае они имеют разную «убойную силу»: одни разят наповал, другие вызывают громкий смех, третьи лишь незлобную насмешку по отношению к носителям. Не только для социолингвистов, но и для социологов, политологов, журналистов здесь есть «информация к размышлению». Да и самим нашим «значительным лицам» не мешало бы ознакомиться с тем спонтанным народным рейтингом, который хранится в собранном нами «прозвищном банке данных». Быть может, именно здесь секрет многих политических и личных поражений, причину которых потерпевшие привыкли видеть совсем не в самих себе. Сколь ни велика ироническая кривизна зеркала прозвищ и кличек, оно все равно остается отражением правды жизни.

Лингвистическим же стимулом для составления данного словаря для нас было убеждение, все более крепнущее по мере расширения и углубления диапазона лексикографирования, что эфемерность, окказиональность и преходящность многих описываемых прозвищ – лишь кажущееся их свойство. Почти за каждым окказионализмом на проверку стоит весьма стабильная и древняя ономастическая модель образования прозвищ, которая делает узнаваемой даже самую оригинальную вновь созданную единицу.

Приведем лишь один характерный пример такого рода. В сборнике памяти Татьяны Григорьевны Винокур опубликован ее устный рассказ-воспоминание (в записи М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой) об «ушаковских мальчиках» – группе учеников Д. Н. Ушакова. Это коллективное прозвище относится к узкоспециализированной группе людей филологического круга. Некоторые детали повествования, тем не менее, свидетельствуют о потенциальной возможности «нащупать» прототип этого прозвища: «и не только вот именно мальчишки...»; «он (отец Т. Г. Винокур. – *Авт.*) говорил: “Мы уже все старые / лысые / мы уже все больные / мы все / невоеннообязанные / вот это мальчишки”»;

«Абрам Борисыч Шапиро / который никакого отношения к э... мальчикам / не... словарным / не имел...» [Китайгородская, Розанова, 1996, 298–299]. Поскольку это прозвище возникло в филологической среде, то можно предположить его связь с известным крылатым выражением, употребленным А. С. Пушкиным в «Евгении Онегине», – *архивны юноши*. Это коллективное прозвище пушкинского времени стало обозначать сибаритствующих светских молодых людей с претензиями на высокое положение в обществе или интеллектуальную светскую молодежь первой четверти XIX в. [Мокиенко, Сидоренко, 1999, 46–47]. Шутливость оборота *ушаковские мальчики* перекликается с иронией пушкинского прозвища, тем более что в рассказе Т. Г. Винокур подчеркнута, как мы видели, «немолодость и невоеннообязанность» учеников Д. Н. Ушакова, а в *архивны юноши* зачислялись в 20-е гг. XIX в. молодые люди, которых, по словам Ю. М. Лотмана, «заботливые маменьки начали опасаться отпускать... в гвардейскую казарму», заменяя им военную службу фиктивным служением в Архиве коллегии иностранных дел [Лотман, 1994, 29].

Конечно, генетически аналогия между этими двумя различными по временной проекции коллективными прозвищами может оказаться и субъективной, однако общность семантико-типологической модели их образования все-таки несомненна. Несомненно также, что в живой русской речи подобная «генеративная модель» работает постоянно. Об этом свидетельствуют два неологизма, которые, кстати, еще раз перекидывают ономастический мостик между разными группами прозвищ, объединенными нами в общем словарном корпусе. Публицистическое шутливо-ироническое выражение *мальчики в розовых штанишках* стало популярным обозначением молодых и неопытных политических деятелей (в постперестроечном правительстве России – особенно Е. Гайдара и его окружения). Первоначально оно употреблялось депутатами-консерваторами – противниками реформ Е. Гайдара и Б. Ельцина [Мокиенко, 2003, 55]. Выражение *стайные мальчики* – коллективное прозвище юношей, находящихся под влиянием каких-либо неформальных молодежных группировок, ср.: «Думаем, что и армейская “дедовщина”, проявившаяся особенно сильно в последнее время... свидетельство похожего процесса: призыва в армию “стайных” мальчиков, вырастающих под гнетом уголовной романтики» (ЛГ, 29, 13) [НРЛ-89, 288].

Таким образом, появление той или иной конкретной клички может быть эфемерным, ее жизнь – недолговечной, как и популярность многих политиков и поп-звезд. Структурные же и семантические модели таких кличек надолго переживают их первых носителей, демонстрируя жизненность языковой генетики и творческого духа Слова. Именно такую динамичную вибрацию жизни русских прозвищ мы и стремились показать в нашем словаре.

Андреев В. К. Откуда пошли *скобари*? // Псковские говоры и их носители (лингво-этнографический аспект). Псков, 1995.

АОС – Архангельский областной словарь / Под ред. О. Г. Гецовой. Вып. 1–11. М., 1980–2001.

Балдаев Д. С. Словарь блатного воровского жаргона: Феня: В 2 т. Кампана; М., 1997.

- Балдаев Д. С. Некоторые распространенные жаргонные слова и выражения, употребляемые в уголовном мире // Татуировки заключенных. СПб., 2001. С. 157–166.
- Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992.
- БАС – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л., 1948–1965.
- Березович Е. Л. К специфике «культурной этимологии» (на материале русской лексики, означающей отказ при сватовстве) // *Studia etymologica brunensia*, 2. Praha, 2003.
- БСЖ – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- БТС – Большой толковый словарь русского языка / Авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб., 1998.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М. Словарь современных русских прозвищ: Экспериментальный выпуск / Под ред. А. А. Шумейко. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, 2004.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русского школьного и студенческого жаргона / Под ред. М. Нимайера. Greifswald: Ernst-Moritz-Arndt-Universität, Institut für Slawistik, 2003a.
- Вальтер Х., Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русского школьного и студенческого жаргона. Greifswald, 2003b.
- Ванюшечкин В. Т. Словарь русских народных говоров Рязанской Мещеры. Т. 1: А–Н. Воронеж, 1983. Т. 2. О–Я. Материалы по русской диалектологии. Саратов, 2002.
- Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. СПб., 1995.
- Власова М. Н. Русские суеверия: Энциклопедический словарь. 2-е изд. СПб., 2000.
- Волкова Н. А. Лексико-семантическая группа «наименование лица» в современном русском жаргоне // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. ст. М., 2002. С. 374–384.
- Волкова Н. И. Этимологический словарь современных прозвищ Республики Коми. Сыктывкар, 2003.
- Волкова Н. И. Прецедентные имена и словари современных прозвищ Республики Коми // Словарное наследие В. П. Жукова и пути развития русской и общей лексикографии (Третьи Жуковские чтения): Материалы Междунар. науч. симпозиума, 21–22 мая 2004 г. НовГУ им. Я. Мудрого. В. Новгород, 2004. С. 32–36.
- Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.
- Грачев М. А. Арготизмы в молодежном жаргоне. // Рус. язык в школе. 1996. № 1. С. 78–85.
- Грачев М. А. Русское арг. Н. Новгород, 1997.
- Грачев М. А., Мокиенко В. М. Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб., 2000.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).
- Душенко К. В. Словарь современных цитат: 4 750 цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2002.
- Елистратов В. С. Словарь московского арг (материалы 1980–1990 гг.): Около 8 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 1994.
- Елистратов В. С. Словарь русского арг (материалы 1980–1990 гг.): Около 9 000 слов, 3 000 идиоматических выражений. М., 2000.
- ЖРП – Моченов А. В., Никулин С. С., Ниясов А. Г., Савваитова М. Д. Словарь современного жаргона российских политиков и журналистов. М., 2003.
- Квесселевич Д. И. Толковый словарь ненормативной лексики русского языка: Около 16 000 слов. М., 2003.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Устный текст как источник социокультурной информации // Поэтика. Стилистика. Язык и культура: Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М., 1996. С. 222–232.
- Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под общ. рук. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева. М., 2003.
- ЛК ТЭ – лексическая картотека топонимической экспедиции УрГУ (Архангельская и Вологодская области) (материалы взяты из: Воронцова Ю. Б. Коллективные прозвища в говорах Русского Севера: Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.)
- Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства. СПб., 1994.
- Мак-Киенго, Уоллер. Словарь русской брани. Калининград, 1997.
- Максимов Б. Б. Филтруй базар: Словарь молодежного жаргона города Магнитогорска. Магнитогорск, 2002.

- Меркурьев И. С. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мильяненко Л. По ту сторону закона: Энциклопедия преступного мира. СПб., 1992.
- Мокиенко В. М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Современные славянские культуры: развитие, взаимодействие, международный контекст: Материалы Междунар. конф. ЮНЕСКО. Киев, 1982. С. 364–369.
- Мокиенко В. М. К разграничению генетических и типологических связей славянской поговорки // Z problemów frazeologii polskiej i słowiańskiej. Warszawa, 1985. С. 55–71.
- Мокиенко В. М. К сопоставительной этнографразеологии украинского, белорусского и русского языков (лингвистические и этнологические аспекты формулы отказа) // Беларусістыка: Zeitschrift für aktuelle Fragen der weißrussischen Sprache. 1999a. № 1. С. 24–39.
- Мокиенко В. М. Принцип лексикографической полноты и славянская фразеология // Славянская филология. Вып. 8. СПб., 1999б. С. 56–70.
- Мокиенко В. М. Субстандартная фразеология в современных восточнославянских языках // Möglichkeiten und Grenzen der Standardisierung slavischer Schriftsprachen in Gegenwart. Beiträge zur Konferenz der Internationalen Kommission für slavische Schriftsprachen. Dresden, 25–28 Oktober 2000 / Hrsg. Karl Gutschmidt unter Mitarbeit von Jana Schwarz, Claudia Richter und Silke Richter. Dresden, 2002. С. 142–164.
- Мокиенко В. М. Новая русская фразеология. Ополе, 2003.
- Мокиенко В. М. Почему так говорят?: От Авось до Ятя: Историко-этимологический справочник по русской фразеологии. СПб., 2003а.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Словарь русской брани (матизмы, обцензизмы, эвфемизмы). СПб., 2003.
- Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Словарь крылатых выражений Пушкина. СПб., 1999.
- Никитина Т. Г. Так говорит молодежь: Словарь сленга: По материалам 70–90-х годов. М., 1996.
- Никитина Т. Г. Так говорит молодежь. Изд. 2-е, испр. и доп. СПб., 1998.
- Никитина Т. Г. Молодежный сленг: Толковый словарь: Более 12 000 слов; свыше 3 000 фразеологизмов. М., АСТ, 2003а.
- Никитина Т. Г. Толковый словарь молодежного сленга: Слова, непонятные взрослым: Около 2 000 слов. М., 2003б.
- НОС – Новгородский областной словарь / Сост. В. П. Строгова, А. В. Клевцова, Л. Д. Петрова и др.; Отв. ред. В. П. Строгова. Вып. 1–13. Новгород, 1991–1999.
- НРЛ-89 – Новое в русской лексике: Словарные материалы 1989 / М. Н. Судоплатова, В. Н. Плотицын, Н. В. Соловьев и др.; Под ред. Н. В. Соловьева. СПб., 2001.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- ПБС 2002 – Приколы: Бестолковый словарь [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://superanekdot.narod.ru/dict/1.html>.
- Подольская Н. В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
- ПОС – Псковский областной словарь с историческими данными / Осн. Б. А. Лариным. Вып. 1–13. Л.; СПб., 1967–2003.
- ПРН – Даль В. И. Пословицы русского народа. М., 1957.
- Росси Ж. Справочник по ГУЛАГу: Исторический словарь советских пенитенциарных институций и терминов, связанных с принудительным трудом / Предисл. Алена Безансона. 2-е изд., доп. Л., 1987. М., 1991.
- СМЖ – Словарь молодежного жаргона: Слова, выражения, клички рок-звезд, прозвища учителей / Под ред. И. А. Стернина. Воронеж, 1992.
- СП – Светлое Пинежье: Путешествие по краю. Вып. 1. М.; Архангельск; Карпогоры, 2000.
- СРВС – Козловский В. Собрание русских воровских словарей: В 4 т. N. Y., 1983.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина и Ф. П. Сороколетова. Л.; СПб, 1965–... . Вып. 1–... .
- ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Л., 1934–1940.
- ТСУЖ – Толковый словарь уголовных жаргонов / Под общ. ред. Ю. П. Дубягина и А. Г. Бронникова. М., 1991.
- Українська мова: Енциклопедія / Ред. В. М. Русанівський, О. О. Тараненко (співголови), М. П. Зяблюк та ін. Киев, 2000.

- Улицкая Л. Казус Кукоцкого. М., 2003. С. 399–400.
- Чучка П. П. Прізвисько // Українська мова 2000, С. 493–494.
- Щуплов А. Жаргон-энциклопедия современной тусовки / При участии Т. Макловски и М. Кляйн. М., 1998.
- Щуплов А. Кто есть Ху: Мини-энциклопедия политических кличек. М., 1999.
- Щуплов А. Литература бывает бездоходной – но не безотходной. Начали «гладковато», а закончили «сурковой массой» [Электрон. ресурс]. Режим доступа: http://saturday.ng.ru/things/2000-05-27/3_nicknames.html. 25 (72) 30 июня 2001 г. 28. 11. 2003.
- Щуплов А. Скандал: Как стать политологом. Еще раз о воровстве // Лит. газета. 2004. № 5.
- Юганов И., Юганова Ф. Словарь русского сленга (сленговые слова и выражения 60–90-х годов) / Под ред. А. Н. Баранова. М., 1997.
- Bierich A. «Мочить в сортире...»: Zum allgemeinen Jargon im Russischen // Слово. Фраза. Текст: Сб. науч. ст. к 60-летию М. А. Алексеенко. М., 2002. С. 56–62.
- Bońko M. Słownik peryfraz czyli wyrażeń omownych. Warszawa, 2003.
- Golds: [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://osa.golds.ru/slang/02.htm>. 12К 11. 07. 2001.
- Kopaliński W. Słownik wydarzeń, pojęć i legend XX wieku. Warszawa, 2000.
- Mokienko V. Prinzipien einer historisch-etymologischen Analyse der Phraseologie // Wer A sagt, muss auch B sagen. Beiträge zur Phraseologie und Sprichwortforschung aus dem Westfälischen Arbeitskreis. Hrsg. Dietrich Hartmann und Jan Wier (= Phraseologie und Parömiologie/ Hrsg. von W. Eismann, P. Grzybek, W. Mieder. Bd. 9). Schneider Verlag Hohengehren GmbH, 2002. С. 231–254.
- Shlyakhov V., Adler E. Dictionary of Russian Slang & Colloquial Expressions. Second Edition. Revised and Updated: More than 5000 words and their popular meanings that you won't find in standard russian-english dictionaries. N. Y., 1999.
- SSLT – Slovník slovanské lingvistické terminologie. Словарь славянской лингвистической терминологии. Dictionary of Slavonic Linguistic Terminology. T. 1. Praha, 1977. T. 2. Praha, 1979.
- Walter H. Literatur und Wörterbücher zum russischen Substandard // Lexikologie und Substandard. Gegenwärtige und künftige Aufgaben der Lexikologie. Greifswalder Beiträge zur Slawistik V. Greifswald 2000. С 87–99, 100–107.
- Walter H. Russisch-Deutsches Wörterbuch des Drogenslangs / Red. V. Mokienko. Frankfurt a/M; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2003.
- Walter H., Mokienko V. Russisch-Deutsches Jargon-Wörterbuch. Frankfurt a/M; Bern; Bruxelles; N. Y.; Oxford; Wien, 2001.
- Walter H., Mokienko V. Wörterbuch russischer Anti-Sprichwörter. Lehrmaterial für Studenten der Slawistik. Greifswald, 2002.
- Walter H., Mokienko V., Niemeyer M. Sprache der Jugend. Kleines russisch-deutsches Wörterbuch. Greifswald, 1999.
- WJP – Encyklopedia kultury polskiej XX wieku. T. 2. Współczesny język polski / Pod red. J. Bartmińskiego. Wrocław, 1993.

* * *

Харри Вальтер – доктор филологии, доцент кафедры общего и славянского языкознания Института славистики Грейфсвальдского университета, член Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов

Валерий Михайлович Мокиенко – доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского университета, профессор Грейфсвальдского университета, председатель Фразеологической комиссии при Международном комитете славистов

Е. Л. Березович

**«ЧУЖИЕ ЗЕМЛИ» В РУССКОМ НАРОДНОМ
ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ:
ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ***

The author analyses the facts of semantic and word-building derivation of the stems of macrotoponyms (the names of large geographical objects such as countries, cities, big rivers etc.). Functioning in the vocabulary of Russian dialects, these toponymical derivatives become the signs of the outer (=alien or strange) world. The facts are analysed in the aspect of pragmatic linguistics. Firstly the peculiarities of manifestation of the speaker's view-point are revealed, which are determined by his position in space, by the horizon he sees, as well as by the level of portraying the world of foreign lands. Secondly, the factors, which favor the appearance of the investigated nominative units are determined, such as the tendency to change the status of one's own in comparison with the alien; attributing to the own the status of the outer or the alien; estimating one's own and the alien as normal and abnormal, accordingly.

Традиционный «домоцентрический» уклад жизни русского крестьянина, существовавшего преимущественно в моноязыковой и монокультурной среде, в условиях ограниченных передвижений, определял весьма слабую степень знакомства с «большим миром», миром чужих земель, незнакомых городов, непонятных языков. Но этот мир так или иначе – вместе с реалиями культуры и цивилизации, историческими событиями, торговыми контактами – все больше и больше вторгается в жизнь, что не может не отразиться в народной лексике и ономастике. При этом реалии чужой культуры (и соответственно их наименования) могут восприниматься как «экзотизмы» (дон. *партукал* 'апельсин' [СРНГ, 25, 243], влад. *берлин* 'название для всякого рода экипажей, в которых ездили господа' [Там же, 2, 259], оренб. *бухара* 'род сушеных слив из Бухары' [Там же, 2, 319]), а могут пройти весьма глубокую адаптацию, после которой только

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 04–04–00274а.

имя напоминает об исходной чуждости реалии, ср. дефиницию, которую дает В. И. Даль слову *литовка* (< *Литва* [Фасмер, 2, 502]) – ‘русская большая коса’ [Даль, 2, 253]; ср. также твер. *итальянка* ‘однорядная русская гармошка; тальянка’ [СРНГ, 12, 272].

Наиболее яркие знаки макромира – макротопонимы (наименования крупных географических объектов, т. е. стран, городов, больших рек и т. п.). В системе говоров они чаще всего встречаются в качестве вторичных географических названий (деревня *Москва*, поле *Иерусалим*, болото *Байкал* [ТЭ]) или же дают дериваты в нарицательной лексике (*норвежки* ‘лыжи, подбитые мехом’ [СРГСК, 306]; *болгарка* ‘расшитая лентами и украшенная цветами шапочка, которую одевали невесте’ [СРГНО, 34]; костр. *французские тени* ‘синяк под глазом’ [ЛК ТЭ]; яросл. *ростовский лук* ‘сорт лука, который выращивается в четыре года’ [СРНГ, 35, 198]). Трансонимизированные формы вроде прозвищ *Одесса* или *Волга* [ТЭ] в говорах довольно редки¹. Этот материал помогает представить особенности восприятия «круга земель», сложившиеся в народном сознании и отразившиеся в актах «ксенономинации» (номинации через «чужое»). В настоящей статье, основанной на материале русских диалектных словарей и ономастических картотек Уральского государственного университета им. А. М. Горького по территориям Русского Севера и Урала, вторичные макротопонимы и дериваты макротопонимов рассматриваются в прагматическом аспекте.

Прежде чем обозначить задачи лингвопрагматического исследования такого рода, сделаем два замечания относительно отбора материала. Во-первых, мы сочли возможным рассматривать в одном ряду с топонимическими дериватами дериваты этнонимические². Такое объединение оправдывается не только тем, что обе группы дериватов нередко выражают одинаковые или сходные смыслы, но и тем, что их зачастую невозможно дифференцировать по происхождению (как рассматривать мотивировку слова *американец* (мурман.) ‘большой слепень’ [СРГК, 1, 19]: «появившийся в Америке и оттуда распространившийся в другие страны» или «сосущий кровь, паразитирующий, подобно американцу»?). Во-вторых, мы не разделяем дериваты макротопонимов своей страны и других стран, поскольку они нередко уравниваются по смысловому и мотивационному рисунку [подробнее о таком уравнивании см.: Березович, 2002].

Прагматический аспект изучения этого языкового материала предполагает выявление позиции (точки зрения) номинатора, отражающейся в ономастических дериватах, а также его установок, которые сопутствуют появлению данных номинативных единиц.

Точка зрения субъекта номинации анализируется в исследованиях по лингвопрагматике в разных координатах – темпоральных, локативных, социальных. В различных языковых фактах та или иная прагматическая составляющая проявляется в неодинаковой степени, и это не в последнюю очередь зависит от референтных особенностей языковой единицы. Топоним – слово с локативным значением, поэтому при использовании топонимического кода для номинации других явлений действительности можно прогнозировать в первую очередь актуализацию локативного компонента

¹ В других подъязыках они могут иметь большую продуктивность (ср., к примеру, популярность прозвищ такого типа в армейской среде).

² Сходным образом объединила материал Н. Б. Мечковская [2002], изучая белорусские фразеологизмы и паремии с «этнолингвонимами» и топонимами.

прагматики. Это в прямом смысле позиция номинатора: его место в пространстве, тот «горизонт», который он видит перед собой, а также само по себе качество обозрения.

Локус номинатора с наибольшей определенностью обнаруживают «соседские» номинации – слова и выражения, образованные от обозначений «ближней чужбины» (по отношению к субъекту номинации) и ее обитателей. При этом самыми объективно-информативными оказываются многочисленные наименования явлений материальной культуры, проливающие свет на характер контактов между народами-соседями: *монгол*, *монголка* ‘низкорослая, выносливая рабочая лошадь, завезенная из Монголии; широко использовалась при пахоте земли’ [СГСЗ, 270]; *ромынки*, *румынки* ‘женские ботинки без меховой опушки на невысоком толстом каблуке’ [СРГО, 1, 148–149]; волог. *каргополы* ‘сани, сделанные из тонких досок без отводней – боковых дугообразных укреплений’ [СРНГ, 13, 84]; забайк. *сибирка* ‘большой кусок вареного мяса’ [Там же, 37, 265]; симб. *мордовские лапти* ‘лапти, которые носятся с большими белыми онучами и длинными оборами’ [Там же, 18, 260]; костр. *черемисские лапти* ‘лапти с тупым концом’ [ЛК ТЭ]; японка ‘сорт картофеля’ [СРГП, 339]; мурман. *лопарки* ‘легкие домашние туфли из оленьего меха’ [СРГК, 3, 147]; финка ‘борона из суковатого ельника’ [Даль, 4, 535] и мн. др. Субъективно-окрашенную информацию несут наименования, характеризующие особенности поведения, интеллекта и т. п. территориальных соседей (примеры см. ниже). Такие названия указывают на территориальную близость лишь косвенно; «прямых» оттопонимических номинаций со значениями ‘близко’, ‘ближний’ не обнаружено, поскольку этот признак оказывается недистинктивным: то, что близко, познается разнообразно и оценивается качественно, а не с точки зрения дистанции.

Признак удаленности выражается с помощью топонимического кода достаточно активно: *под турецкую границу* ‘очень далеко’ [БСДК, 117]; новг. *Казань миновать* ‘уйти, убежать очень далеко’ [СРНГ, 12, 310–311]; волог. *амуры* ‘отдаленное место’ [Там же, 1, 252]; волог. *уйти в ирбит* (*ирбить*) ‘уйти очень далеко’ [КСГРС]; за (в) *можай загнать* (*гнать*, *загонять*, *вогнать*) ‘отправить, выслать очень далеко, в самые отдаленные места’ [СОГ, 6, 135]; *не в Америку ходить по берегу* ‘нет большой необходимости’ [СПГ, 1, 10] и др. Показательны в этом плане также вторичные топонимы вроде *Сахалин*, *Камчатка*, *Америка*, *Заполярье*, номинирующие деревни, покосы, болота, наиболее отдаленные от центра данной локальной топонимической системы [подробнее см.: Березович, 2002, 64–65].

Стереотип удаленного места, «края света», максимально дистанцированного от личного пространства говорящего, задействуется также в разного рода бранных формулах, называющих «локус изгнания» адресата³: арх. *дуй тебя в Сибирь, неси тебя в Китай, подь ты в Норвегу* [КСГРС] (ср. также близкие по семантике выражения, включающие этнонимы: *уведи его татар* ‘черт бы его побрал’ [ФСРГС, 195]; костр. *ляховат* ‘будь проклят, отступись прочь’ [СРНГ, 17, 285]; арх. *норвег его знает* ‘кто его знает’ [Там же, 21, 278] и т. д.). Подобным образом организованы и ритуальные про-

³ Отметим, что топонимическая модель встречается и в жаргонных ругательствах, однако здесь «локусы изгнания» могут быть выбраны по другим законам, например по законам языковой игры, ср.: *Мадрид да Лисабон тебя!* [ЖР, 90], *Ирбит тебя в Тавду через Нижнюю Салду на Новую Лялю!* (пример сообщен В. А. Чередник). Здесь топонимы *Мадрид* и *Ирбит* являются игровыми эвфемизмами (типа апеллятивного *ангидрид*); остальные названия возникают при «метонимическом» развитии темы.

клятия – ср. полесские ритуальные формулы изгнания зимы, где используются географические названия: «А киш, зима, до Кракова. До нас придэш однакова»; «А ну, зыма, до Бучына, ужэ ты нам надокучыла; а ну, зыма, до Пэтрава, ты нам допэкла»; «Иды, зима, до Львова, ты ужэ нам нэ трэба» и т. п. [Толстая, 2005, 197–198] (таким образом, у жителей Брестской или Волынской областей основными локусами изгнания зимы становятся *Краков, Киев, Львов*⁴).

За приведенными выше примерами кроется намерение номинатора определить некоторый предел, ограничивающий пространство извне, как бы «абсолютный край света» (*Амур, Норвега, Китай* и т. п.). Возможна другая ситуация: номинатор называет точку или линию, ограничивающую пространство изнутри, служащую «относительным» пределом, отделяющим известный мир от неизвестного. Такой предел может быть задан визуально: ср., например, образные идиомы, обозначающие некрепкий чай или ясную погоду (предполагается, что светлая вода или прозрачный воздух позволяют смотреть далеко вперед). При широко распространенном на территории России просторечном *Москву видать* на разных территориях добавляются свои «пределы видимости»: в Петербурге – *Кронштадт* (*Кронштадт виден* ‘о прозрачном, жидком чае’ [Синдаловский, 97–98]); в Костромской и Вологодской области – *Кострома* (костр. *Кострому видать* ‘о некрепком чае’ [ЛК ТЭ], волог. *Кострому видко* ‘о ясной погоде’ [КСГРС]); в Архангельской области – *Вологда* (арх. *Москву и Вологду видать* ‘о некрепком чае’ [КСГРС]) и др. Визуальные границы могут быть заданы также «отрицательно»: карел. рус. *не видать свинье неба, а бабе Питера* ‘о чем-то недостижимом, неосуществимом’ [СРГК, 4, 521]; *не видать тебе Москвы – золотые маковки* ‘о неосуществившемся желании’ [КСГРС].

При формировании образной основы языковых единиц предел знакомого и незнакомого мира может быть задан не только с помощью статичного «видеонаблюдения», но и маршрутно, при мысленном передвижении из дома к некоторой особо значимой точке, аксиологически выделенному пространственному пределу. Любопытные примеры такого маршрутного видения обнаруживаются в номинативной системе известных на разных территориях детских игр с однотипными правилами. Так, в Симбирской губернии бытовала игра *Москва*: для нее выбиралась палочка со множеством сучков, торчащих в одну сторону в виде крючков, верхушка которой и была *Москвой*. Каждый играющий имел свою палочку с крючком – все они вешались на сучки основной палки. Цель игры – добраться до верха, до *Москвы* [см.: Покровский, 1994, 294–295]. Аналогично играли в Смоленской губернии: в землю втыкается небольшая суковатая палочка; сучкам даются названия городков, селений и деревень. Первый сучок всегда называется именем той деревни, где играют, а самый верхний сучок – *Москвой*; в числе «промежуточных станций» чаще всего упоминаются *Королево, Тушино, постоялый двор, кабак*. Цель игроков – добраться до *Москвы*. Кто раньше других «возвратится из Москвы», тот делается царем, победителем и наказывает оставших щелчками в лоб [см.: ИНС, 536; МД, 498]. Дети Гомельского уезда тоже играли в *Москву*, давая суч-

⁴ Эти названия, обозначающие в данных говорах самые значимые точки пространства (наряду с *Москвой*), вступают в отношения субституции и в других паремиологических жанрах: *Не відразу Краків (Київ, Москву, Львів) збудували* [ПП, 280–281].

кам названия *Гомель, Белица, Климовск, Чернигов, Козельск, Бровары, Киев* и т. п., верхний сучок назывался *Москвой*. Игра сопровождалась восклицаниями типа: «Вот, слава богу, в Чернигов приехал!» [см.: ИНС, 535–536]. На других территориях место Москвы может занимать иной локус: подобная же игра встречается у латышей Лифляндской губернии под названием *поезд в Ригу* [Покровский, 1994, 294–295]; в Минском уезде она носит название *до Вильны едуць* [ИНС, 533], в Костромской области – *в Вологду играть* (через промежуточные станции *Анциферово – Дьяконово – Буй*) [ЛК ТЭ], в Свердловской области – *сибирский поезд (Кунгурка – Крылатовка – Дегтярск – Свердловск – Сибирь)* [ЗА]. Игровой маршрут напоминает маршруты пассажирских поездов дальнего следования, которые, отправляясь от какой-то точки, сначала делают частые остановки, собирая всех пассажиров ближней округи, а потом остановки устраиваются все реже и реже – вплоть до станции назначения: дети тщательно наносят на свою деревянную «карту» то, что видят в непосредственной близости от себя (не обходя вниманием первые на пути из дома объекты внешнего мира – кабаки и постоянные дворы), а потом пространство становится все более разреженным – и ограничивается пунктом, имеющим самую высокую (в буквальном смысле этого слова!) значимость, неким «центром мира»⁵.

Конечной точкой мысленного маршрута может быть не только столица страны или центр своей/соседней области, но и особо значимое святое (культовое) место. Указания такого рода содержатся, например, в названиях Млечного Пути, ср.: курск. *Дорога в Иерусалим* [СРНГ, 8, 132], калуж. *Дорога (из Киева) в Старый Иерусалим* и т. п. [Белова, 2004, 264]; ср. в других языках: укр. *Дорога из Москвы в Иерусалим, Шлях в Київ*, тур. *Hazilar joli* «путь пилигримов», тат. (вост.-дагестан.) *Мякъянун елы* «дорога в Мекку» [Рут, 1987, 13]⁶. Вообще, названия Млечного Пути дают интересные возможности для наблюдений за особенностями маршрутного восприятия пространства: его единственность располагают к тому, чтобы видеть в нем небесное отражение особо значимого для народа маршрута, «главной» дороги. В русской астронимии (принадлежащей народу, у которого традиции длительных паломничеств выражены весьма слабо) обращения к образу «главного» культового места раритетны; гораздо чаще русские при маршрутном видении Млечного Пути склонны видеть в нем мемориал исторических событий (сарат., семипалат. *Мамаева Дорога, Дорога Татарская на Святую Русь*, тамб., тул. *Батыева Дорога*, тамб. *Бакеева Дорога*, дон. *Батеева Дорога, Басурманс-*

⁵ Естественно, что чаще всего в качестве такого центра выступает Москва; формы выражения «дистанционно» мотивированной семантики *Москвы* очень разнообразны и, конечно, не исчерпываются вышеописанными, ср. еще некоторые примеры: дон. *до Москвы не перевешаешь* 'много, большое количество – обычно о людях' [Брыкина, 2003, 53]; костр. *до Москвы родня* 'о дальней родне' [ЛК ТЭ]; простореч. *увидеть Москву* 'сошуриться, съев что-либо кислое'; *до Москвы съездить* 'родить'; *Он напоказ до Москвы без спотычки добежит* [ПРН, 3, 99] и т. п.

⁶ Ср. обширную подборку польских материалов, где в качестве ориентира выступают не только библейские места (*Droga do Jerozolimy, Jeruzalemska Cesta, Droga z Jeruzalem do Betleem*) и другие места отправления культа (*Droga do Rzymu, Droga do Częstohowy, Droga na Kalwarię, Droga do Piekar, Droga do Mogielnicy, Droga do Gietrzwałdu, Droga ze Skepego do Częstohowy*), но и крупные города (*Gościniec na Warszawę, Droga do Warszawy, z/od Warszawy do Krakowa, Droga do Kępcyn, Droga od Budapesztu na Warszawę, Droga do Olsztina, Gościniec od Krakowa do Łodzi*) [Niebrzegowska, 1996, 252–253].

кое Становище) [подробнее см.: Рут, 1987, 13]⁷ или же маршруты «путевых», кочующих народов (арх. *Зырянская Лыжня*: «Зырянская Лыжня полосой прошла, она где есть, где пропала. Зыряна-то на лыжах дивья ходили, по всякому снегу пройдут»; арх. *Чудские Звезды*: «Раньше чудь жила тут, от ее званье осталось Чудские Звезды, их далеко протянулось, много, где-то далёко вовсе затеряны. Чудские Звезды, как чудь, потерялись» [ТЭ]).

Если в предыдущих случаях «авторитетная» точка пространства определяется по направлению от номинатора к локусу («куда»-номинация), то при номинации разного рода погодных явлений вектор меняет направление на обратное («откуда»-номинация). Показательны в этом плане названия ветров, льда, который несет по реке во время половодья или ледостава, зари, например: курск., ряз., тул. *московский ветер* 'северный ветер' [СРНГ, 18, 285], *москвич* 'холодный северный ветер' [БСДК, 287], арх. *вологжанин* 'западный ветер' [СГРС, 2, 152], *холодная Якутия* 'восточный ветер' [КСГРС], перм. *чухонский поперечень* 'о направлении ветра' (в контексте: «Чухонский поперечень, запад, русский поперечень... вот и все ветры» [СРНГ, 29, 307]), *русской ветер*, *ветер с Руси* 'южный ветер' [Подвысоцкий, 85], сиб. *ветер русский* 'западный ветер' [СРНГ, 35, 271], волог. *зыряк* 'северный (северо-восточный) ветер' [КСГРС], арх., олон., новг. *ша(е)лоник* 'юго-западный ветер (от р. Шелоны)' [Даль, 4, 619], волог. *зырянин* 'лед, идущий с верховьев реки Вычегды (из Зырянского края)' [СРНГ, 12, 40], *московская вода* 'холодное половодье с верховьев Дона' [БСДК, 81], пск. *поляк* 'на Ловати: лед, идущий сверху из Витебской губернии, с которого начинается ледостав' [СРНГ, 29, 189], мурман. *корелка* 'вечерняя зоря' [СРГК, 2, 422]). При такой «откуда»-номинации ее субъект стремится выбрать более крупный масштаб изображения, чем в предыдущем случае: географические названия часто становятся производящими основами для обозначений ветров (как и других метеорологических номинаций), но это по преимуществу названия объектов «местного значения» – соседней деревни, района, протекающей неподалеку реки (и даже имена хозяев стоящих в стороне домов своей деревни) [подробнее см.: Березович, 2002, 62, 65].

Таким образом, «куда»-номинация в большей степени, чем «откуда»-номинация, вовлечена в «большой» (= чужой) мир; «откуда»-номинация предпочитает сопоставимый масштаб локуса-«отправителя» и локуса-«получателя». Из макрообъектов «откуда»-номинация задействует лишь образы Москвы, Сибири и Руси. При этом Русь трактуется либо как материковая зона (для архангельского Поморья), либо как европейская часть страны, противопоставленная Сибири. Образ Сибири претерпевает некоторую мотивационную перестройку: если реальная Сибирь по отношению к европейским территориям находится на востоке, то «языковая» располагается на севере или с той стороны, откуда дует холодный ветер: арх. *сибиряк* 'сильный холодный ветер (как правило, с севера)' [КСГРС], 'северный ветер' [НОС, 10, 52], брян. *сибирный* 'очень холодный ветер', дон. *сибирка* 'северный ветер' [СРНГ, 37, 266, 265]; ср. название болота *Сибиряк* в Вологодской области («Холодное болото с холодной стороны, вот и

⁷ В этом смысле астронимическая номинация разворачивается так же, как топонимическая, которая тоже склонна к представлению пространства как арены исторических событий – реальных и вымышленных [подробнее об этом см.: Березович, 2000].

Сибиряк») [ТЭ], а также *сибиряк* ‘снег, идущий без перерыва’ [НОС, 10, 52]. Помимо бытийной мотивировки (климатические условия Сибири), здесь проявляется и фактор языковой техники – аттракция семантических дериватов слов *Сибирь* и *север* (*сивер*) и их производных (особенно в формах *сибиряк* ↔ *северяк*, *сибирка* ↔ *сиверко*).

Помимо объема обозрения, границ видимого, значимыми оказываются, так сказать, дистинктивные возможности глаз, определяющие качество изображения. Четкое деление пространства на зоны с разной степенью освоенности проявляется в том, что номинатор нередко пытается отыскать для названий предметов, появившихся из «за-морских стран», корреляты с более близкой «пропиской». Так, в донских говорах *грецкий* орех получает также названия *турецкий* и *азовский* [БСДК, 24, 535], а сирень становится известной не только как *панский цветок*, но и как *азовский цветок*, *азовка* [БСДК, 24; СРНГ, 25, 198–199]; красный *турецкий* перец в кировских говорах именуется *астраханским стручком* [СРНГ, 1, 287; Даль, 1, 27]; *китайский* чай по месту привоза может именоваться *яхтинским* или *семипалатинским* (интересно, что за границей его называли *русским*, чтоб отличить от *кантонского*, который шел морем в Европу) [Даль, 2, 230] и т. п. Несмотря на то, что при появлении таких названий значимы факторы дифференциации, уточнения (сорта получают в названиях дальнейшую дифференциацию по месту выведения сорта на территории России⁸, товары – по направлению экспорта и т. п.), здесь все же можно усмотреть подспудное желание субъекта номинации произвести что-то вроде настройки бинокля, приблизив изображение к себе.

Дистинктивные возможности зрения ослабевают, если смотреть вдаль, – отсюда тенденция неразличения «дальнего», «чужого». Эта тенденция широко известна и хорошо описана в лингвистической и культурологической литературе, поэтому ограничимся кратким указанием на ее последствия для семантики топонимических или этнонимических дериватов. Во-первых, происходит генерализация семантики некоторых из этих дериватов: *французское платье* ‘немецкое, общеевропейское, нерусское’ [Даль, 4, 538], фольк. *немецкий* ‘чужеземный, иностранный’ [СРНГ, 21, 79]⁹, арх. *панский* ‘не русский’, твер. *панской* ‘сделанный на иностранный манер’ [Там же, 25, 198]¹⁰, *австрийская вера* ‘католическая’ [СРГА, 1/1, 18], костр. *питерщик*, *питерка* ‘приезжий (-ая) из города (любого)’ («А у нас все *питерщики* – и из Питера, и с других мест») [ЛК ТЭ] и т. п.; ср. также брян., дон., сиб. *московский* ‘русский’ [СРНГ, 18, 285]. Если сама по себе генерализация является универсальной тенденцией для ксенономинии, то конкретные ее направления имеют яркую этнокультурную окраску. Так, одна из особенностей русского диалектного «извода» таких номинаций в том, что при генерализации нередко происходит сдвиг в сторону семантики ‘сделанный не кустарным способом; фабричный’: *французский* ‘магазинный’ («Платки купленные, *французские* платки в ма-

⁸ К примеру, *астраханский* перец – это лишь новая сортовая разновидность *турецкого*.

⁹ Этимологическое значение слова *немец* («немой, тот, кто говорит непонятно» [ЭССЯ, 25, 103–104] > «чужой, иностранный») определяет тот факт, что в семантическом пространстве этого слова и его дериватов процессы генерализации и дифференциации чередуются.

¹⁰ Связь значений ‘принадлежащий конкретному этносу (польский)’ – ‘иностранный’ – ‘богатый, «барский»’, наблюдаемая в семантической парадигме слова *панский*, имеет параллель в «немецком» гнезде, ср. описанный Г. Поповской-Таборской на полабском материале переход ‘немец’ > ‘знатный человек, барин, господин’ [см.: ЭССЯ, 25, 104].

газине») [СРГА, 2/4, 190]; *голландская нить* ‘пряжа, нитки фабричного производства’ [КСГРС]; *московская тётка (Параши)* ‘об одежде фабричного производства’ [СОГ, 6, 147] (ср. *русский* нижегор. ‘народный, крестьянский’, бас. р. Урал ‘не инкубаторский’ («Куры-то у нас были инкубаторски да *русски*»); якут. *русская нитка* ‘нитка, ссученная из растительных волокон’; дон. *русская повозка* ‘самодельная телега без кузова для перевозки тяжестей’ («*Повозки русские* это еще кода были. Ходы на заводе делают, а то сами») [СРНГ, 35, 271–272]).

Во-вторых, появляются номинативные дублеты, образованные от разных топонимов или этнонимов, для обозначения одного и того же или очень сходных объектов, ср.: арх., волог., вят., новг., олон., север. *голанка, галанка* ‘брюквя (на север привезена в XVI или XVII в. из Голландии, почему и названа галанкой, т. е. голландкой)’ [СРНГ, 6, 282] – *шведка* и *немка* ‘то же’ [Даль, 4, 625; СРГСУ, 7, 47]; *башкирская капуста* – *татарская капуста* ‘растение кислец’ [Даль, 2, 88]; литер. *английская булавка* – *американка* ‘маленькая булавка’ [СРГС, 1, 29]; волог. *аглицкий ситец* ‘кумач’ [СРНГ, 1, 201–202] – *француз* ‘ткань ярко-красного цвета, кумач’ [ЯОС, 10, 28], курск. *немецкий ситец* ‘красный ситец’ [СРНГ, 21, 79], смол. *парижчина* ‘хлопчатобумажная ткань, «называемая также красный ситец»’ [Там же, 25, 224]; ср. также калуж. *заграница* ‘ситец красного цвета с цветочками’, волог., ворон., курск. *заграничный* ‘кумачовый, красный’ [Там же, 10, 27] и т. п. Дублетные номинации подобного типа являются следствием генерализации, особенно если несут оттенок экспрессии: литер. *китайская грамота* = *татарская грамота* [Михельсон, 1, 429], *Китайцы* = *Лопари* – прозвище жителей архангельской д. Хлыщево [ТЭ] и т. д. Такую нейтрализующую дублетность надо отличать от тех случаев, когда дублеты отражают различия в позиции номинатора, его опыте общения с территориальными соседями, ср. наименования способов повязывания платка в Забайкалье (*калмычкой* ‘о способе повязывания платка или шали в виде кички’ [СГСЗ, 190]) и в говорах бассейна р. Урал (*татарочкой* ‘потатарски’ [Малеча, 4, 240]).

Выше рассматривались особенности отражения в языковых единицах позиции номинатора в пространстве. Перейдем к описанию ценностных предпочтений – установок номинатора, которые формируются при взаимодействии «своего» и «чужого» и реализуются при использовании в номинативной деятельности образов «чужих земель». Будучи преломленной по отношению к изучаемому материалу, эта емкая оппозиция приобретает социально-культурное звучание. Установки номинатора могут быть сведены к следующим вариантам.

1. Установка на восприятие «своего» через призму «чужого», соотнесение своего микромира и внешнего макромира, а в конечном счете – установка на изменение статуса «своего» при сопоставлении его с «чужим». При этом возможно повышение и понижение статуса.

Повышение статуса «своего» наблюдается, в частности, при наделении разного рода артефактов «топонимическими» эпитетами с обобщенными положительными коннотациями: *аглицкий* ‘о предметах обихода: заграничный или добротный русский’ (*аглицкий крючок*) [ЯОС, 1, 19]; яросл. *аглецкий (агельский)* ‘хороший по качеству, добротный’ («*Агельскую* байну срубили, долго простоит») [ЛК ТЭ]; ср.-урал. *аглицкий серп* ‘хороший, лучший серп’ [СРНГ, 1, 201]; укр. *польскі* ‘хороший, красивый; наивысшего качества’ (*польска хустка*) [Аркушин, 2, 69]; ср. также твер. *заграничный*

‘лучший сорт ситца’ [СРНГ, 10, 27]. Интересно, что символика высокого качества закрепляется именно за эпитетом *английский*. Это объясняется, во-первых, бытийными обстоятельствами – активной торговлей с Англией и относительным отсутствием у «английского» тех негативных коннотаций, которые могут быть связаны, скажем, с «немецким» или «французским». Во-вторых, следует учесть собственно языковые факторы (и это, думается, в данном случае играет решающую роль): диалектные варианты прилагательного *английский* «притягиваются» к слову *ангельский*, ср. арх. *ангельский* ‘английский’ («По праздникам наряжались, всё звали *ангельские* платы, все разные, яркие, с цветами. Не знаю, почему *ангельски*, красные потому что») [СГРС, 1, 17].

Еще одно проявление описываемой установки можно усмотреть в практике названия деревень и частей деревень, улиц провинциальных городов, кабаков, трактиров и т. п. по широко известным российским и иностранным городам, которая особенно активизировалась в начале XX в. В это время и в последующие десятилетия концы деревень нередко получали такие имена, как *Москва*, *Питер*, *Самара*, *Ташкент*, *Берлин*, *Париж*, *Америка*, *Турция* и т. п.; ср. примеры из картотек ТЭ: *Париж* (д. Кунгурка, Сверд.) – «Два магазина там, церква и клуб, вот и у нас Париж»; *Москва* (д. Крылатовка, Сверд.) – «На горе там получше жили, всё кофе пили, вот и звали их Москва, Москвы уголок»; *Берлин* (д. Осиново, Волог.) – «Там народ побогаче был»; *Курский* (пос. Смердомский, Волог.) – «Приезжие жили, много молодых было. Говорили, что как на Курском вокзале»; *Япония* (д. Заважерец, Арх.) – «Народу там было куча»; *Япония* (д. Селище, Костр.) – «Далекий край – вот и Япония»; *Одесса* (д. Взвоз, Костр.) – «У озера, дак Одесса»; *Крым* (д. Анциферово, Костр.) – «Шутили – один дом от деревни остался, вот и звали его Крым» и т. п. Иногда эти имена образуют микросистемы, ср. названия трактиров в вологодском селе Новленском (*Москва – Петербург – Крым*), а также частей архангельских деревень Курцево (*Финляндия – Германия – Турция*), Красковская (*Самара – Кострома*) [ТЭ] и др. Разумеется, «космополитическая» номинация такого рода не обходится без насмешки или иронии, однако наличие в активно застраивающихся и расширяющихся деревнях и особенно в поселках своего *Курского вокзала*, *Черемушек*, *Финляндии* и др., которые резко контрастируют со старыми ландшафтными обозначениями концов деревень типа *Гора*, *Болото*, *Заручей*, *Завраг*, втягивает весь мир в пределы деревни и в некотором смысле приближает ее к городской культуре. Ср. слова свадебной песни: «Она [деревня] стоит по-посадному, /Слывет по-базарному. /Как в нашей-то деревне три города славные: /Треть Москвы, /Да треть Вологды, /Да уголок славного Питера» [цит. по: Русский Север, 2001, 55]. В ряде случаев вторичные топонимы такого рода приобретают типовые коннотации, а затем – ту или иную степень терминологизации: *Финляндией* обычно называют ту часть деревни, где стоят финские дома, *Японией* (*Китаем*, *Шанхаем*) – наиболее густонаселенную часть, *Ташкентом* (*Крымом*) – зону, отличающуюся наиболее мягким (теплым) климатом, *Америкой* (*Сахалином*, *Камчаткой*, *Сибирью*) – самый отдаленный конец, *Иерусалимом* – пространство вокруг церкви или монастыря, *Черемушками* – место новой застройки, *БАМом* – новую дорогу, *Москвой* – центр деревни с «очагами культуры» – магазинами, церковью и т. п.

Отметим, что данная тенденция сельской ойконимической номинации на своем уровне повторяет более активную и разнообразно проявляемую тенденцию номинации урбонимической, благодаря которой в топонимии любого большого города создается как

бы «параллельная вселенная» (как правило, это касается системы неофициальных наименований), ср. примеры из неофициальной урбонимии Перми (*Одесса, Париж, Лондон, Америка, Калифорния, Техас, Пикадилли, 5-я авеню, Голливуд, Гонконг, Конго, Сайгон* [Подюков, 2003, 472]), Санкт-Петербурга (*Сайгон, Ольстер, Чили, Сантьяго, Кабул, Пномпень, Ливерпуль, Рим, Сингапур, Бомбей, Бродвей, Вашингтон, Монмартр, Монте-Карло* и др. [Клубков, Лурье, 2003, 453, 456–457], *Амазонка, Арарат, Бастилия, Вашингтон, Версаль, Вилла Боргезе, Голландия, Куликово Поле, Лимпопо, Линия Маннергейма, Монголия, Нью-Йорк, София, Суэцкий Канал, Татарстан, Фудзияма* [Синдаловский, 16, 17, 22, 36–37, 48, 100, 107, 119, 129, 132, 172, 178, 180, 193]), Екатеринбурга (*Арбат, Медео, Карабах, Лувр, Тель-Авив, Эмираты, Бродвей, Пентагон, Таити, Бермуды, Титикака, Джомолунгма, Токио* [ЗА]) и др.

В том же направлении работала номинативная тенденция, актуальная для монастырского имятворчества, которое стремилось создать на территории монастыря «прецедентный мир», поименованный библейскими топонимами. Такая деятельность преследовала цель «дивинизации» монастырского пространства, творения «поместья Бога на земле»: воссоздание сакрального топографического прецедента повышало статус монастыря, что прекрасно выражено в названиях типа *Новый Иерусалим*¹¹.

Что касается понижения статуса «своего» (за счет сопоставления с «чужим»), то в данном случае имеет место типичная для ксенономинии тенденция негативного осмысления «чужого».

«Чужое» может привлекаться для номинации людей и явлений, осмысляемых как антинорма (к примеру, хулиганов). При этом используются образы, отсылающие к местам заключения и каторги или к борьбе с внешними врагами, ср.: моск., новг., олон. *басурман* ‘безобразник, шалун, разболтанный человек; непослушный, озорной ребенок’, барнаул. *басурманить* ‘безобразничать, бесчинствовать’ [СРНГ, 2, 138]. «Каторжные» ассоциации связаны с Соловками и Сибирью: карел. рус. *парень соловецкий* ‘хулиган’ [СРГК, 4, 395]; *хайдуга сибирская* ‘задира, забияка’ [СПГ, 1, 285]; смол. *Сибири кусок* ‘об отчаянном, способном на самый рискованный поступок человеке’ [СРНГ, 37, 266]; *сибирный* ‘о непослушном ребенке’ [ЯОС, 9, 30]; *неотес сибирский* ‘грубый, невоспитанный человек’ [ФСРГС, 121]. Что касается внешних врагов, то это в первую очередь шведы и французы: заурал., перм., тобол. *парижан* ‘хулиган’ [СРНГ, 25, 224], ср. поговорку: «Француз сорвиголова, живет спустя рукава, шилом бреется,

¹¹ Ср. известный исторический пример. В XVII в. патриарх Никон, которому очень полюбилось местоположение с. Воскресенского (в Звенигородском уезде Московской губернии), «задумал построить здесь обитель по образцу Иерусалимского храма. Для этого Никон купил с. Воскресенское с деревнями, а иеромонаху Арсению Суханову, бывшему тогда в Иерусалиме, поручил снять модели с Иерусалимской Воскресенской церкви, с часовни Гроба Господня и с Вифлеемской церкви» [Семенов, 3, 549]. По «снятым» моделям не только строились храмы, но и осуществлялось номинирование объектов, находящихся на территории и в окрестностях монастыря: сам он был наречен *Новым Иерусалимом*; гора, с которой царь Алексей Михайлович любовался окрестностями, названа *Елеонской*; село Чернево названо *Назаретом*; колодезь около монастыря – *Силоамской купелью*; гора, под которой находится церковь во имя Предтечи и Всех Мучеников, – *Голгофой*; р. Истра – *Иорданом* и т. п. [Там же, 549–550]. Г. И. Лиса приводит примеры названий такого плана, появившихся в XIX в. на территории двух монастырей Украины: долина *Иоасафова*, гора *Елеонська*, ручьи *Кедрьский* и *Силуамський*, горы *Синай* и *Фавор* [Лиса, 1994, 100].

дымом греется» [Даль, 4, 305]. Показательна также мотивировка коллективного прозвища *французы* (жители д. Павловское Вельского р-на Архангельской области): «У нас народ настырный, задумают, что сделать – так все наше; вот *французы* и прозвали» [ТЭ]; ср. также арх., волог. *шведка* ‘озорная непослушная девочка’ («*Шведка* боевая очень, везде ползет, ты уж опять, *шведка*, тут») [КСГРС], *швед нерубленая голова* ‘вольница’ [Даль, 4, 106]. Этот ряд, думается, становится дополнительным аргументом, подтверждающим предположение М. Фасмера (сформулированное, правда, с некоторой неуверенностью) о связи простореч. *шпана* ‘хулиган, жулик, беспризорник’ со словом *испанский* ‘испанский’ [Фасмер, 4, 470]¹². Хотя испанцы не воевали с русскими, стереотип испанца включает в себя признак буйного темперамента; кроме того, характеристики романоязычных территорий и народов могут, по всей видимости, накладываться друг на друга, ср. костр. *шпанка* ‘двойное окно’ [ЛК ТЭ] и дон. *итальянка* ‘широкое (двойное) окно’ [СРНГ, 12, 272]; *испанские ветры* ‘сладкие пирожки, бисквиты, битый яичный белок с сахаром’ [Даль, 2, 53] и арх. *хранцуз* ‘пирожное с кремом’ [КСГРС].

Частотны «чужеземные» образы, связанные с понижением статуса «своего», и при номинации недотеп, неуклюжих людей, дураков. Интересно, что здесь несколько меняется масштаб сопоставления: если хулиганы «вербовались» преимущественно из «дальнего зарубежья», то на роль простаков и недотеп чаще избираются жители определенной области своей страны, в том числе непосредственные территориальные соседи (или же представители «малых» народов, ее населяющих): *брянская коза* ‘глупый человек’ [СОГ, 1, 100]; *баба рязанская* ‘о неловкой, рассеянной женщине’; *что баба рязанская* ‘о необразованном, ничего не умеющем делать мужчине’ [СПП, 15, 85]; *филя тобольский* ‘о несообразительном, рассеянном человеке’ [Там же, 77]; (р. Урал) *приехать (быть) с Бухарской* ‘о человеке плохо разбирающемся, мало знающем, темном’ (ср. *Бухарская сторона* ‘левый берег р. Урал’) [СРНГ, 3, 320]; *тупой, как сибирский валенок* [НОС, 11, 72]; моск. *мещора* ‘о жителях Коробовского района Московской области (с примечанием «имеет эмоциональный оттенок “серый, некультурный”»)’ [СРНГ, 18, 151]; *полеха* ‘о необразованном, невежественном человеке’ (< ‘полешук, житель Полесья’) [СОГ, 10, 102]; *лёся кунгурский* ‘о ненормальном, психически больном человеке’ [СПГ, 1, 474]; арх. *пошехоны* ‘темные, некультурные люди’ [СРНГ, 31, 31]; *вятский шлепень* ‘неуклюжий, неповоротливый человек’ («Да он какой-то *вятский шлепень*: когда-то че-то скажёт, когда-то повернется, не дождедша») [СПГ, 2, 556]; костр. *черемис* ‘глупец, дурак’ [ЛК ТЭ]; *идыгейка* ‘глуповатый, бестолковый человек, сумасшедший’ [СГСЗ, 140]; перм. *воть (вотья)* ‘дурак, болван, разиня’ [Даль, 1, 253] и др.

При номинации «своего» через «чужое» активно эксплуатируются признаки «негодное», «ненастоящее», «неправильное, “перевернутое”» (ср. *басурманиваться* ‘портиться, становиться хуже’ [АОС, 1, 122], волог. *обасурманиваться* ‘испортиться, повредиться’ [СРГК, 4, 67]): яросл. *голландские портки* ‘дырявые, короткие, негодные для носки штаны’ [ЛК ТЭ]; *французское золото* ‘самое плохое, низкопробное’ [Даль, 4, 538], *еврейское золото* ‘сплав, имитирующий золото’ [Борхвальдт, 2000, 401]¹³; *по-вятски*

¹² По альтернативной версии П. Я. Черных, слово попало в просторечие, «вероятно, из говоров, где оно – из блатного аргота, а здесь, как и многие другие слова, по-видимому, немецкого происхождения. Ср. нем. (арго) *Spanelder* ‘бродяги’, ‘род воров’» [Черных, 2, 422].

‘плохо, небрежно’ («Ты что так *по-вятски* сделал цепь?») [СРГНО, 88], ‘плохо, нехорошо’ [Лютикова, 119]; арх. *по-вологодски* ‘бестолково, неразумно, глупо’ («Батько, *по-вологодски* не мели, девке писать надо») [КСГРС]; арх. *татарский узел* ‘узел, при завязывании которого конец веревки идет в петлю с другой стороны, чем обычно’ [Там же] и т. п. (ср. волог. *русский* ‘настоящий’ [СРНГ, 35, 271], *русским счетом* ‘понятно, толком’ [Там же, 273]).

2. Приписывание «своему» статуса появившегося извне, «чужого». Эта установка выделена нами отдельно, поскольку за ней кроется реализация иного механизма, нежели в предыдущем случае. Здесь «чужое» не осваивается и не используется как инструмент для познания своего; здесь своим реалиям приписывается иноземное происхождение – и такое приписывание изначально разворачивается как мифологическое отождествление (которое затем может преобразоваться в метафорическое уподобление).

Сказанное относится в первую очередь к наименованиям болезней. Болезни могут восприниматься как занесенные издалека, «надутые» чужими ветрами, ср. ряд названий простудной лихорадки: костр. *германское поветерье*, *сибирский ветер* [ЛК ТЭ], арх. *норвега* [КСГРС]. Для таких номинаций есть фон, создаваемый названиями, которые движимы иными интенциями, – не мифологическими, а реальными: болезни могут получать метонимические обозначения по тому локусу, где были обнаружены их возбудители или же где они были изучены и описаны (ср. литер. *испанка*, *сибирская язва*, устар. *английская болезнь* ‘рахит’ [Даль, 1, 16; БСЭ, 36, 123], дон. *крымская болезнь* ‘проказа’ [СРНГ, 15, 348] и др.). Этот фон поддерживает активность «топонимического» кода в номинации болезней.

Помимо «ветровых» болезней, чужеземное происхождение обнаруживается носителями языковой традиции у тех заболеваний, которые сопровождаются сыпью, обильными высыпаниями на коже. Здесь можно предполагать иной номинативный поворот: возникновение болезни уподобляется вторжению врагов, причем уподобление базируется на признаках неожиданности появления, массовости «захватчиков» и, конечно, характеризуется негативной экспрессией. Показательно, что к номинативной «работе» в этом случае привлекаются образы именно тех чужеземцев, с которыми русские имели реальные столкновения: сиб. *немцы* ‘о сифилитических язвах на коже’ («Уж эти *немцы*, чуть только один сядет, глядишь, уж их десяток») [СРНГ, 21, 78]; *татар* ‘болезнь, вызывающая, подобно чесотке, сильный зуд’ [СРГЗ, 409]; волог. *барин-татарин* ‘нарыв, чирей, прыщ’ [СГРС, 1, 64]; костр. *паны* ‘прыщи, сыпь на теле’ («Сколь *панов*-то насело») [ЛК ТЭ]¹⁴. Особо следует сказать об обширной группе слов-derivатов этнонима *француз*: *французская болезнь* ‘сифилис’ [Даль, 4, 538], *франка* ‘чирей, нарыв; сифилис’ [Куликовский, 127], южн. волог. *храниц(ы)и*, *франец* ‘пранцы,

¹³ В плане типологии ср. английские примеры: *Dutch gold* («голландское золото») ‘сплав меди и цинка – дешевая имитация золотого покрытия’ [Мюллер, 229], *Gipsy gold* («цыганское золото») ‘отражение огня на посуде из драгоценных металлов’ [OED, 8, 524] и др.

¹⁴ Для названий *барин-татарин* и *паны* можно предполагать, помимо «иноземной» метафоры, метафору «барскую»: чирей воспринимается как «пьющий соки» барин, ср. волог., калуж., карел. рус., новг., перм., сев.-двин., сиб., смол., твер., урал. *барин* ‘гнойный нарыв, чирей (иногда шуточно)’ («Что у тебя, *барин* что ли сидит на боку-то?») [СРНГ, 2, 116]. Устойчивая сочетаемость с глаголом *сидеть* поддерживает образ «паразита-рвовопийцы».

французская болезнь' [Даль, 4, 564], смол. *пранец*, смол., брян. *пранцы* 'сифилис', южн., зап., орл. *пранец*, смол., южн., зап., орл. *пранцы* 'сыпь, парша' [СРНГ, 31, 67–68], смол., орл., южн., зап. *пранцеватый* 'покрытый сыпью, коростой; шелудивый, паршивый' [Там же, 67] и др. Мотивировка названия в этимологических словарях не приводится¹⁵, однако следует предполагать, что оно отражает народное представление о французском происхождении болезни¹⁶, которое поддерживается метафорой «врага-захватчика»¹⁷ (несомненно, есть и дополнительные мотивирующие моменты: стереотип француза как любителя любовных походов¹⁸, присущий болезни симптом «гноса-вости», который сопоставляется с типичным французским «проносом»).

Сравнение неприятных физиологических состояний с появлением непрошенных пришельцев (врагов) можно увидеть также в выражениях *вятские приехали* 'шутл. о *menses*' («Когда на себе, дак в шутку говорили – *вятские приехали*») [СПГ, 1, 154]; *ворон. калмык на шею сел* 'дремлется, хочется спать' [СРНГ, 12, 363]; *татара (молотят) в голове* 'о состоянии головокружения от усталости' [Прокошева, 98].

Итак, разнообразные повороты «болезненной» модели базируются на представлении о ее чужеземном происхождении.

Думается, что установки такого же рода направляют появление этнонимической модели в номинации насекомых-паразитов, в частности тараканов, которые воспринимаются как пришельцы «со стороны»¹⁹: литер. *прусак*; пск. *киргиз* 'таракан, прусак, несколько отличный от наших прусаков'; волог. *цыгане* 'рыжие тараканы, прусаки'; *швед* 'молодой таракашек, прусак, который зимою скидает кожуру и делается белым' [Даль, 2, 109; 4, 625, 575]; *чудаки* 'тараканы' [КСГРС]²⁰ (данная модель тоже имеет дополнительную мотивационную «подпитку» – наличие у таракана «пруссских» усов)²¹.

3. Оценка «своего» и «чужого» с точки зрения нормы и антинормы. Такая оценка в той или иной мере присутствует в большинстве языковых единиц, явившихся результатом ксенономинии. Наиболее явно она реализуется в тех случаях, когда но-

¹⁵ М. Фасмер рассматривает эти слова (приводя также др.-рус. *френчуга* 'то же') в статьях *фрянка*, *пранец* и *хранец*, указывая, что названия эти восходят к **франка*, собственно 'француз', 'французская болезнь' (в слове *фрянка* гиперграмматическое -*ря*-; формы *пранец* и *хранец* отражают регулярные фонетические процессы), ср. итал. *malfrancese* 'сифилис' [Фасмер, 4, 208, 73; 3, 353].

¹⁶ Имеются научные доказательства существования этой болезни в Европе с незапамятных времен; однако одна из крупнейших эпидемий сифилиса в XV в. разворачивалась во Франции и Италии [БСЭ, 39, 184].

¹⁷ «Вражеский» мотив имеет продолжение в активном использовании изучаемых слов в составе бранных выражений и проклятий: смол. *пранец дикий* 'бранное выражение', смол. *пранец (пранцы) тебя заточи (еши)*, смол., брян. *чтоб тебя (его) пранцы ели (съели)* 'бранно: выражение неприязни по отношению к кому-либо' [СРНГ, 31, 67–68], *фрянка тебе в рот! Какой тебе фрянки?* [Куликовский, 127]; сюда же, вероятно, калуж. *хранцуз ты огложи* 'чтоб ты пропал! пропади пропадом' [СРНГ, 22, 318]; ср. также *хранцем тебя изнырай* (с комментарием В. И. Даля: «здесь в Академическом словаре ошибочный пример: читай *хранцем, французскою*») [Даль, 4, 564].

¹⁸ Ему соответствует мнение о «доступности» французских женщин, ср. *фрянка* 'распутная женщина' [Куликовский, 127].

¹⁹ Неожиданность и быстрота появления «чужаков» подчеркивается также в следующем речении: «Лук татарин: как снег сошел, так он тут» [Даль, 2, 273].

²⁰ Учитывая вышеприведенный ряд, в данном слове можно видеть отсылку к образу мифической чуди.

²¹ Более подробный анализ особенностей разворачивания этой модели см. в: Кривошапова (в печати)].

минируются объекты, не являющиеся «своими» или «чужими» в референциальном смысле, но воспринимаемые в паре, один элемент которой задает норму, другой является «неправильной», сниженной копией первого (например, Солнце и Луна, культурное и дикое растение). Здесь тоже можно усмотреть реализацию оппозиции *свое* – *чужое*: «свое» воспринимается как нормативное, такое, какое должно быть «у нас», «чужое» – как аномалия. Допустим, Луна, трактуемая как «неправильное Солнце», подается как Солнце «для чужих», светящее на чужих землях: сарат. *мордовское солнышко* (мордовская копеечка) ‘о Луне’ [СРНГ, 18, 260]; волог. *казанское солнышко* ‘о месяце во время осенней жатвы’ [Там же, 12, 310] – ср. жарг. *цыганское* (казачье, бурлацкое) *солнышко* ‘Луна (особенно яркая; в период новолуния); месяц’ [БСЖ, 553]²². Еще примеры: культурные растения конопля и роза в «испорченном зеркале» чужого, некультурного превращаются в крапиву (*сибирская роза* ‘крапива’ [ФСРГС, 121], *конопля остяцкая* ‘вид крапивы’ [Даль, 2, 152]), экзотический ананас – в облепиху (*сибирский ананас* ‘ягодный кустарник облепиха’ [СОГ, 13, 113]) и др. Несколько иной вариант раскрытия образа заложен в названиях тех растений, которые могут быть использованы для получения суррогатных, «ненастоящих» продуктов: *шведский кофе* ‘*Astragalus boeoticus*’ (семена этого растения используются для приготовления суррогата кофе) [Даль, 2, 180] (то же растение выразительно именуется *мышинный чай* [Там же, 27]); *калмыцкий чай* ‘растение пьяничник, пьяная трава, *Glycyrrhiza asperima*’ [Даль, 4, 580]; *калмыцкое* (татарское) *мыло* ‘растение *Lychnis viscaria* L., сем. гвоздичных; смола’ [СРНГ, 12, 363] и др.

В настоящей статье мы наметили возможности прагматического изучения вторичных онимов и ономастических дериватов в русских народных говорах. Прагматический аспект должен быть дополнен системным и семантико-мотивационным, что поможет воссоздать народную «культурную карту мира».

АОС – Архангельский областной словарь. М., 1980–... . Вып. 1–... .

Аркушин Г. Л. Словник західнополіських говірок: В 2 т. Луцьк, 2000.

Белова О. В. Млечный Путь // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. 3. М., 2004. С. 264–266.

Березович Е. Л. Географический макромир и микромир в русской народной языковой традиции // Славяноведение. 2002. № 6. С. 60–71.

Борхвальдт О. В. Лексика русской золотопромышленности в историческом освещении. Красноярск, 2000.

Брыкина Е. В. Этнокультурная идиоматика донского казачества. Волгоград, 2003.

БСЖ – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.

БСЭ – Большая советская энциклопедия. М., 1949–1958. Т. 1–51.

БСДК – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).

²² В плане типологии интересно также англ. жарг. *Paddy's lantern* («светильник Пэдди-ирландца») ‘луна’ [Partridge, 848].

- ЖР – *Белянин В. П., Бутенко И. А.* Живая речь. Словарь разговорных выражений. М., 1994.
- ЗА – записи ономастического материала, осуществленные автором статьи (в Екатеринбурге и Свердловской области).
- ИНС – Игры народов СССР: Сб. материалов. М.; Л., 1933.
- Клубков П. А., Лурье В. Ф.* Разговорные топонимы как явление фольклора // Современный городской фольклор. М., 2003. С. 450–459.
- Кривошапова Ю. А.* Образы домашних насекомых-паразитов в языке и фольклоре // Живая старина. 2005. № 3 (в печати).
- КСГРС – картотека Словаря говоров Русского Севера (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Екатеринбург).
- Куликовский Г. И.* Словарь областного олонечского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898.
- Лиса Г. І.* Відображення евангельського ономастикону в письмових пам'ятках Південної Русі // Питання історичної ономастики України. Київ, 1994. С. 91–103.
- ЛК ТЭ – лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Лютикова В. Д.* Словарь диалектной личности. Тюмень, 2000.
- Малеча Н. М.* Словарь говоров уральских (яицких) казаков: В 4 т. Оренбург, 2002–2003.
- МД – Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество. Детство / Сост. В. П. Аникина. М., 1991.
- Мечковская Н. Б.* Национально-культурные оппозиции в ментальности белорусов (на материале белорусских паремий и фразеологизмов с этнолингвонимами и топонимами // Встречи этнических культур в зеркале языка (в сопоставительном лингвокультурном аспекте). М., 2002. С. 215–231.
- Михельсон М. И.* Русская мысль и речь. Свое и чужое: Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний: В 2 т. М., 1994.
- Мюллер В. К.* Англо-русский словарь. М., 1992.
- НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.
- Подвысоцкий А.* Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Подюков И. А.* Современное городское топонимическое творчество // Соврем. городской фольклор. М., 2003. С. 460–476.
- Покровский Е. А.* Детские игры, преимущественно русские. СПб., 1994 (Репринт. изд.: 1895).
- ПП – Прислів'я та приказки: Взаємини між людьми. Київ, 1991.
- ПРН – Пословицы русского народа: Сборник В. Даля: В 3 т. М., 1993.
- Прокошева – Материалы для фразеологического словаря говоров Северного Прикамья / Сост. К. Н. Прокошева. Пермь, 1972.
- Русский Север: этническая история и народная культура. XII–XX вв. М., 2001.
- Рут М. Э.* Русская народная астронимия. Свердловск, 1987.
- СГРС – Словарь говоров Русского Севера. Екатеринбург, 2001–... . Т. 1–... .
- СГСЗ – Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.
- Семенов – *Семенов П.* Географическо-статистический словарь Российской империи: В 5 т. СПб., 1863–1885.
- Синдаловский Н. А.* Словарь петербуржца. СПб., 2002.
- СОГ – Словарь орловских говоров. Ярославль, 1989–1991. Вып. 1–4; Орел, 1992–... . Вып. 5–... .
- СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. Пермь, 1999–2002.
- СПП – Словарь псковских пословиц и поговорок / Сост. В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. СПб., 2001.
- СРГА – Словарь русских говоров Алтая: В 4 т. Барнаул, 1993–1997.
- СРГЗ – *Элиасов Л. Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. М., 1980.
- СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. СПб., 1994–... . Вып. 1–... .
- СРГНО – Словарь русских говоров Новосибирской области. Новосибирск, 1979.
- СРГО – Словарь русских говоров Одесщины: В 2 т. Одесса, 2000.
- СРГП – Словарь русских говоров Приамурья. М., 1983.
- СРГС – Словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1999–... . Т. 1, ч. 1–... .

- СРГСК – Словарь русских говоров северных районов Красноярского края. Красноярск, 1992.
- СРГСУ – Словарь русских говоров Среднего Урала: В 7 т. Свердловск, 1964–1987.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–... . Вып. 1–... .
- Толстая С. М. Полесский народный календарь. М., 2005.
- ТЭ – ономастическая картотека топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- ФСРГС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири. Новосибирск, 1983.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. 5-е изд., стереотип. М., 2002.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. М., 1974–... . Вып. 1–... .
- ЯОС – Ярославский областной словарь. Ярославль, 1981–1991. Вып. 1–10.
- Niebrzegowska S. Droga Mleczna // Słownik stereotypów i symboli ludowych. Lublin, 1996. T. 1. Kosmos. Cz. 1. Niebo, światła niebieskie, ogień, kamienie. Lublin, 1996. S. 252–257.
- OED – The Oxford English Dictionary. 2 ed. Oxford, 1989. Vol. 1–20.
- Partridge E. A dictionary of slang and unconventional English: colloquialisms, catch-phrases, solecisms and catachreses, nicknames and vulgarisms. N. Y., 1988.

* * *

Елена Львовна Березович – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург).

И. И. Муллонен, Е. В. Ляля

ГЕОИНФОРМАЦИОННАЯ АНАЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА «ТОПОНИМИЯ ЗАОНЕЖЬЯ»*

The paper describes the main parameters of the geographical information and analytical system "Zaonezhje toponymy", developed at the Institute of Language, Literature and History. It comprises the database where about 10,000 place names from the Zaonezhje Peninsula can be stored and searched by 20 parameters, as well as the digital cartographic base for mapping and cartographic analysis of the place names.

The focus in the paper is on the analytical component of the project. We demonstrate the capacities of the system in the reconstruction of lost words (geographical terms) and restoration of the historical and cultural processes that had taken place in Zaonezhje in the past millennium.

В последние годы необходимость в использовании современных информационных технологий все больше осознается представителями гуманитарных наук, в том числе исследователями топонимии. Создание информационно-поисковых систем ведется в целом ряде топонимических центров, столкнувшихся с проблемой хранения, поиска и анализа значительных объемов материала.

Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН совместно с отделом ГИС-технологий Петрозаводского университета начал осуществление большого проекта по созданию географической информационно-аналитической системы «Топонимия Карелии», которая предполагает, во-первых, перевод в электронный вид одной из самых крупных топонимических картотек на северо-западе России – картотеки топонимов Карелии, насчитывающей около 300 000 единиц хранения; во-вторых, последовательную привязку базы данных к географической карте, что позволит проводить ареальный анализ материала.

Полигоном для создания и апробации системы выбрано Заонежье (Заонежский полуостров) – уникальная территория на северо-западе России с богатым историко-культурным

* Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ № 03-04-12030в.

наследием и длительным по времени сосуществованием прибалтийско-финской и русской традиций в языке и культуре. Выбор Заонежья обусловлен также хорошей освоенностью этой достаточно компактной (100 × 70 км) территории. По Спискам населенных мест Карелии 1933 г. здесь насчитывалось более 500 поселений. Кроме того, Заонежье характеризуется разнообразием ландшафта, что в совокупности с хорошей освоенностью составляет объективную основу для создания богатой и многообразной топонимии. В свою очередь, сосуществование двух языковых и культурных традиций позволяет апробировать возможности системы для изучения субстрата и контактных отношений.

Сам объект исследования, топоним, определил два компонента разрабатываемой информационно-аналитической системы – базу данных и средство хранения и обработки картографических данных.

База данных характеризуется некоторым набором «объективных», т. е. не требующих специальных научных изысканий, параметров. Это стандартный набор данных, который отражен на топонимической карточке: топоним, его транскрипция, варианты названия, вид называемого объекта, административная и географическая привязка, легенда (сведения об объекте, а также его названии, зафиксированные в ходе сбора материала, в том числе народно-этимологическая интерпретация топонима, использование объекта в хозяйственной деятельности населения, особенности его расположения, связанные с ним традиции и т. д.) и паспортизация, которая включает данные об информанте, собирателе, времени и месте записи топонима.

Следующие три поля предполагают проведение специальной исследовательской работы:

- письменные источники: помещаются сведения о топониме в источниках разного рода – картах, краеведческой, исторической и прочей литературе, а также в архивных документах. Эта работа предполагает поиск соответствующих данных, а также идентификацию топонима по разным источникам;

- структура: предпринятая в данном разделе структуризация не нацелена на репрезентацию всего многообразия структурных типов топонимов – это отдельная задача. В данном случае преследуется функциональная цель – обеспечить возможность поиска и выборки по структурным моделям и компонентам. Для этого, в соответствии с особенностями структурного членения, предусматривается формирование списка основных компонентов, выступающих в составных топонимах (*губа* ‘залив’ в названиях типа *Великая Губа*), детерминантов, выступающих в сложных топонимах (*-губа* в названиях типа *Вехгуба*), суффиксов, характерных для топонимии региона (например, *-ица* в *Клепальница*, *Копаница*, *Обходница*, *Студеница* и др.). Аналогичная градация предложена и для прибалтийско-финской топонимии. Такое структурное членение позволит выявлять значимые компоненты топонимов и проводить их поиск и выборку по заданному критерию;

- этимология: в связи с этноязыковыми особенностями Карелии в данном поле предусматриваются подразделы, позволяющие классифицировать топонимы по языку происхождения на русские, прибалтийско-финские, саамские (и соответственно осуществлять их поиск и ареализацию). В отдельную группу выносятся топонимы с неясными истоками. Предусмотрена возможность помещать в данное поле опубликованные тексты (например, статьи или выдержки из них) с этимологической интерпретацией топонимов, а также результаты собственных этимологических изысканий с указанием авторства.

Заполнение этих трех полей предполагает проведение значительной исследовательской работы.

Требования к системе управления базой данных (СУБД) диктуются большим объемом единиц хранения топонимической картотеки и возможностью многопользовательской работы с базой данных. Для хранения и использования картографических данных необходимо было средство, достаточно легко интегрирующееся в приложения, имеющее возможность связывать картографическую информацию с записями базы данных и включающее в себя достаточно развитый набор аналитических средств. Общие требования ко всем компонентам системы – стандартность используемых средств и достаточная их дешевизна, что немаловажно при ограниченных финансовых возможностях проекта.

Исходя из этих требований был определен выбор программных инструментальных средств. Для хранения картографических данных было приобретено программное обеспечение ГИС MapInfo Professional V 7.0. Используемое для хранения, обработки и анализа данных программное обеспечение MapInfo Professional, являясь одной из наиболее распространенных программных сред в Российской Федерации, позволяет эффективно интегрировать картографическую и атрибутивную информацию и осуществлять аналитическую обработку данных, формируя необходимые тематические карты.

Для хранения атрибутивных данных применялась СУБД FireBird SQL Server (свободно распространяемая версия профессионального SQL-сервера, разрабатываемого компанией Borland). Применение СУБД FireBird SQL Server обеспечивает надежное хранение больших объемов информации и позволяет организовать многопользовательский вариант работы с системой, что дает возможность подключить группу специалистов для ввода данных.

Все атрибутивные сведения по каждому объекту хранения вносятся в карточку топонима, представленную на рис. 1.

Карточка топонима

Топоним
Кибреколье

Вид: гора ... Ударения: КИБРЕКОЛЬЕ

Транскрипция: kibr'ekol'je

Форма местного падежа: Под Кибреколье

Варианты: Кибрушка, Киброколье

Местоположение | Карта | Составили запись | Легенда | Письменные источники | Этимология | Структура | Звукзапись

Регион: Республика Карелия

Район: Великогубский район

Сельсовет: Яндомозерский

Нас. пункт: Истомино

Новый Печать << < > >> Помощь Отменить Применить ОК

Рис. 1. Карточка топонима

Языковая специфика данных, предназначенных для хранения в системе, поставила перед разработчиками еще ряд проблем. Одна из них – применение нескольких языков для описания топонимов различной национальной принадлежности. В базе данных требуется хранить топонимы на русском, финском и карельском языках, поэтому при ее создании была использована универсальная многоязычная кодировка UNICODE.

Другая проблема – отсутствие на имеющихся раскладках клавиатуры некоторых символов карельского алфавита, поэтому для него была создана оригинальная раскладка на основе финской, в которую были добавлены недостающие символы.

Третья проблема – ввод и отображение транскрипции. Для отображения символов транскрипции были использованы фонты IPA и разработана электронная клавиатура для их ввода (рис. 2).

Четвертая проблема – необходимость отмечать ударные гласные в топонимах. Для реализации этого требования был разработан механизм, позволяющий последовательно перемещаться по гласным записанного топонима и фиксировать ударение в нужной позиции. Ударная гласная обозначается строчной буквой, в то время как все слово – прописными. Механизм постановки ударения позволяет отметить и несколько ударных гласных, если это необходимо (рис. 3).

Рис. 2. Клавиатура для ввода транскрипции

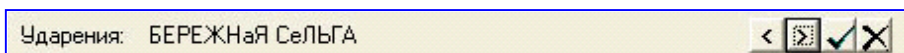

Рис. 3. Механизм постановки ударения

Принципиально важным для осуществления геоинформационной составляющей проекта является то, что основная масса географических названий картографирована в ходе полевых экспедиций. База данных включает два раздела, отражающих географическую привязку топонима: административная привязка (с иерархическим подчинением регион – район – сельсовет – населенный пункт) и собственно географическая привязка к квадрату топографической карты.

В связи с неоднократными изменениями в административном членении республики, а также исчезновением в последние десятилетия значительного числа населенных пунктов с карты Карелии мы посчитали целесообразным ориентироваться на последние довоенные Списки населенных мест Карелии (по сведениям 1933 г.). Положительная сторона их не только в полноте, но и в том, что они отражают сложившуюся в еще более ранний период традиционную волостную систему административного членения. Волостное деление, как известно, сыграло исключительно важную роль в складывании языковых и культурных особенностей. Использование довоенного административного членения оправдано и тем, что подавляющая часть полевого материала собиралась от информантов старшего поколения и отражает в значительной степени ситуацию середины XX в.

Данные о картографической привязке вводятся на вкладке «Карта» карточки топонима (рис. 4).

Местоположение	Карта	Составили запись	Легенда	Письменные источники	Этимология	Структура
Номенклатура	C-67-44-A-a,б					
Квадрат	3/4					
Номер объекта	5					

Рис. 4. Вкладка «Карта»

Территория Заонежского полуострова покрывается 52 листами карты масштаба 1 : 25 000. Границы листов и сетка квадратов были выполнены в векторном формате. Сама территория представлена в масштабе 1 : 1 000 000, а сетка и разбивка по листам 25-тысячного масштаба накладывается поверх нее. Такой принцип работы позволяет привязывать объекты топонимической картотеки автоматически, при этом карта масштаба 1 : 25 000 непосредственно в работе не участвует. Внешний вид базовой карты представлен на рис. 5.

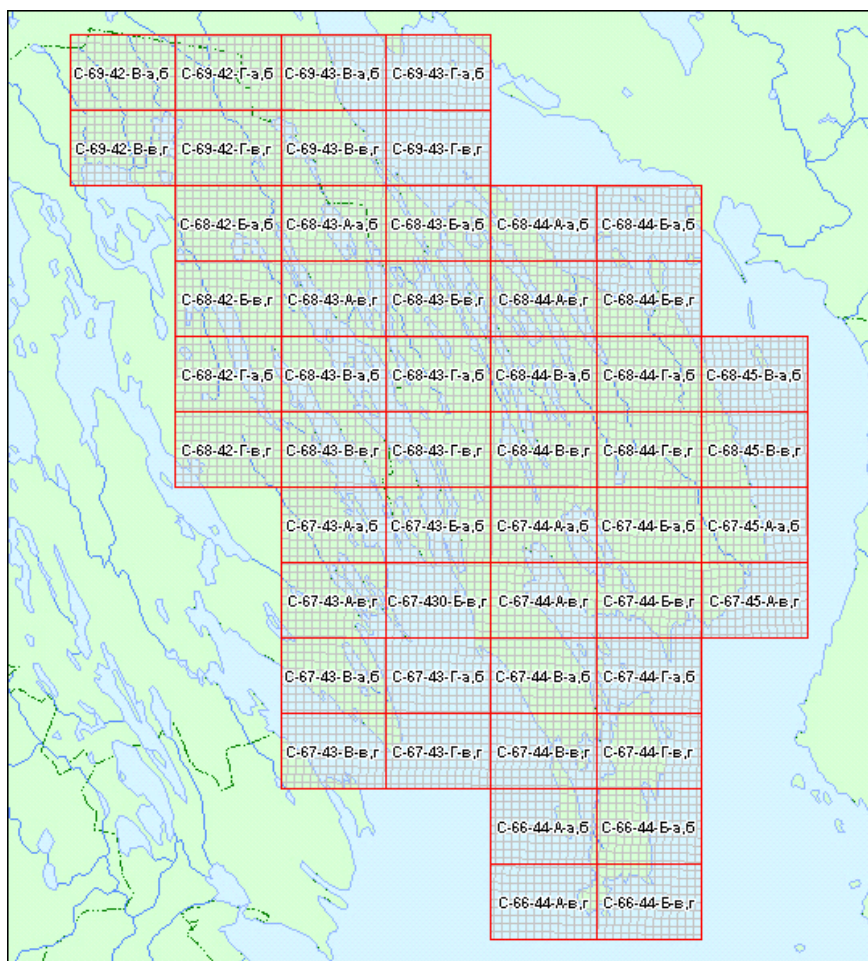

Рис. 5. Базовая карта территории Заонежского полуострова

Электронная карта отражает размещение топонимии и связана с базой данных. Использование этой карты в совокупности с арсеналом средств пространственного анализа данных, которыми обладают современные ГИС-технологии, не только облегчает поиск, но и способствует получению новых знаний. Разработанные на основе ГИС инструментальные средства позволяют отображать на карте объекты по выборке из базы данных, полученной по заданному критерию.

Для выполнения операции картографирования выбранных объектов нужно задать критерий отбора в диалоговом окне «Отбор топонимов» (рис. 6).

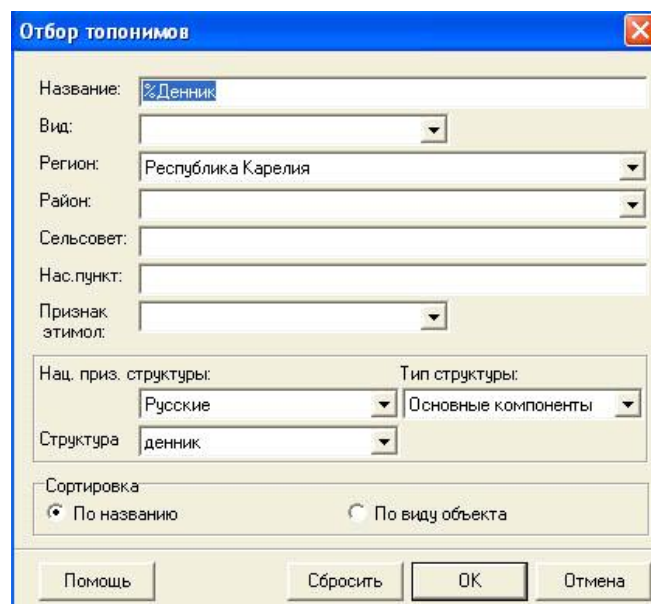

Рис. 6. Составление критерия отбора топонимов

В результате выполнения запроса пользователь получает список топонимов, в данном случае – названий, в которых выступает диалектная лексема *денник* ‘загон для скота (обычно телят) в поле или лесу’ [СРГК, 1, 448] (рис. 7).

Полученный список топонимов можно картографировать, выполнив команду «Карта». Результат картографирования представлен на рис. 8.

Вырисовывающийся ареал примечателен тем, что строго привязан к северной части Заонежского полуострова и полностью отсутствует в южном Заонежье. При этом поиски семантического эквивалента в южном Заонежье не увенчались успехом: или потому, что здесь отсутствовал сам объект (загоны для скота), или же потому, что на этой территории не сформировалась единая модель для их называния. Вторая причина кажется более вероятной, поскольку есть указания на использование в данной функции термина *запор* (или *запертище*), а также модели *Пастба* (*Пасва*), которые, однако, не образуют столь четкого ареала, как *Денник*.

Как и когда сформировалась топонимическая модель *Денник* и какие этноисторические процессы стоят за ней? Использование оверлейных операций, накладывающих топонимические (языковые) ареалы на ареалы, выявляющиеся по этнографическим,

ния истории заселения, формирования поселенческой структуры, времени переселений, этнических контактов, языковой ситуации на разных хронологических срезах и т. д.

Использование ГИС-технологий приносит свои результаты и в исследовании субстратной топонимии, поскольку позволяет выявлять очаги субстратных топооснов и моделей. При этом для получения достоверного результата необходимы учет возможных фонетических вариантов топоосновы и соответственно их последовательное картографирование и совмещение внутри одной карты.

Показательным примером может служить обнаруженный в результате картографирования локальный очаг топонимической модели *Кара* и ее фонетических вариантов в окрестностях с. Толвуя (рис. 9): *Кара* – залив у д. Лебещина, *Кара* – залив у д. Масельга, *Кара* – поле у д. Обалковщина на берегу Заонежского залива. Модель известна на смежной территории Вырозера: *Кара* – покос на берегу Онежского озера. Показательно, что в толвуйской топонимии отразился и полногласный «окающий» вариант топоосновы, оформленный концовкой *-овина*, свойственной ландшафтной терминологии, в том числе заимствованной (*боровина*, *кедовина*, *кугровина*, *лахтовина*, *шаймовина* и др.): *Корóвина*¹ или *Корóва* – залив на оз. Падмозеро (Толстиково, Толв.), а также *Корóвушка* – залив в Толвуйской Губе (Погост, Толв.). Оба топонима подверглись явной народно-этимологической интерпретации. Топооснова *Кар-* отразилась также в названиях, чрезвычайно значимых с точки зрения истории заселения объектов: *Карнаволо́к* (мыс, в основании которого располагается старинное село Толвуя) и *Каргуба* (залив, омывающий его). Присутствие данной топоосновы в названиях, важных с точки зрения исторического прошлого и заселения объектов, говорит о том, что она традиционна для толвуйской округи. И это заставляет особенно внимательно относиться к этноязыковой трактовке того примечательного ареала, который образует топооснова в Заонежье. Как сформировался данный локальный ареал, не выходящий за пределы толвуйской округи?

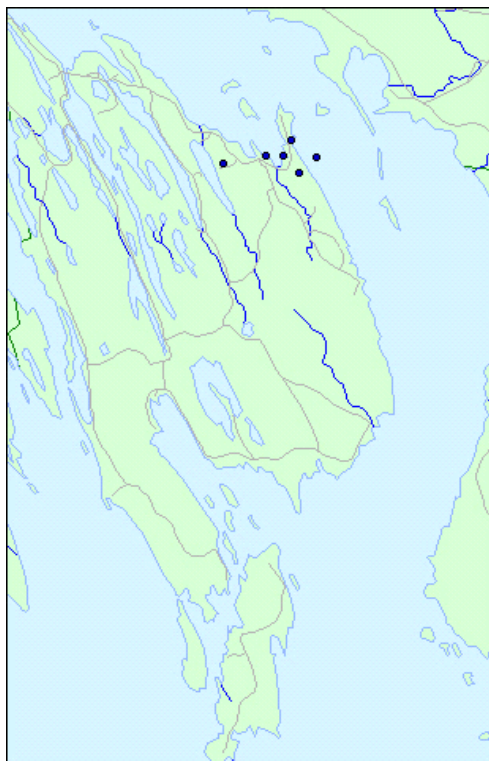

Рис. 9. Топонимная модель
Кара в Заонежье

Топооснова восходит к вепсскому слову *kara* или *kar* ‘бухта, залив’, и в ней заманчиво видеть отчетливый вепсский след в северо-западном Заонежье. Но почему этот след сохранился только здесь? Поиски ответа на вопрос выводят за пределы соб-

¹ В таком виде термин известен в говорах на русской Ойты в южном Присвирье [см.: Мызников, 2003, 227–228].

ственно Заонежского полуострова, на противоположный берег Заонежского залива, где в русских повенецких говорах для обозначения речного или озерного залива до сих пор используется заимствованный ландшафтный термин *кара*. И толвуйский, и повенецкий берега лежат на древнем пути в Беломорье из вепского Присвирья и южного Обонежья, так что вепский рудимент в языке может быть знаком бывшего вепского присутствия на этом транзитном пути. Если при этом принять во внимание, что топооснова *кар-* довольно убедительно представлена в топонимии пудожского берега Онежского озера, то не исключено, что именно оттуда она проникла и в окрестности Толвуи и отражает, таким образом, локальные ареальные связи северо-восточного Заонежья с восточным побережьем Онежского озера.

Совмещение электронной карты миллионного масштаба с растровыми крупномасштабными картами открывает дополнительные возможности для этимологической интерпретации топонимов, особенно субстратных: в северной топонимии многочисленны основы, связанные с ориентацией в пространстве, отражением рельефа местности, формы, размеров, взаимного расположения объектов и т. д., т. е. информацией, объективно представленной на карте и не всегда объективно оцениваемой современными информантами. В базе данных топонимов Заонежья название *Рокса* отложилось пять раз, при этом последовательно как наименование сельскохозяйственных угодий, расположенных на некотором удалении от поселения, в лесу. Для топонима существует саамская этимология: *ruokse, ruoksa* ‘мох’ [см.: Itkonen, 1948]. Она неоднократно фигурирует в исследованиях по топонимии Карелии, однако плохо согласуется с ландшафтной (см. ниже) и хозяйственной характеристиками тех мест, которые названы *Роксами*. Кроме того, саамские топонимы, как правило, представляют собой единичные вкрапления, остатки, рудименты разрушившихся ареалов. *Рокса* же входит в Заонежье в число частотных основ, образующих к тому же четкий ареал в южной части полуострова.

Подвергнув топоним ландшафтно-картографическому анализу, мы обнаружили, что он последовательно привязывается к возвышенностям, окруженным более низкими местами, иногда и заболоченными низинами (рис. 10). К возвышенности и ее скло-

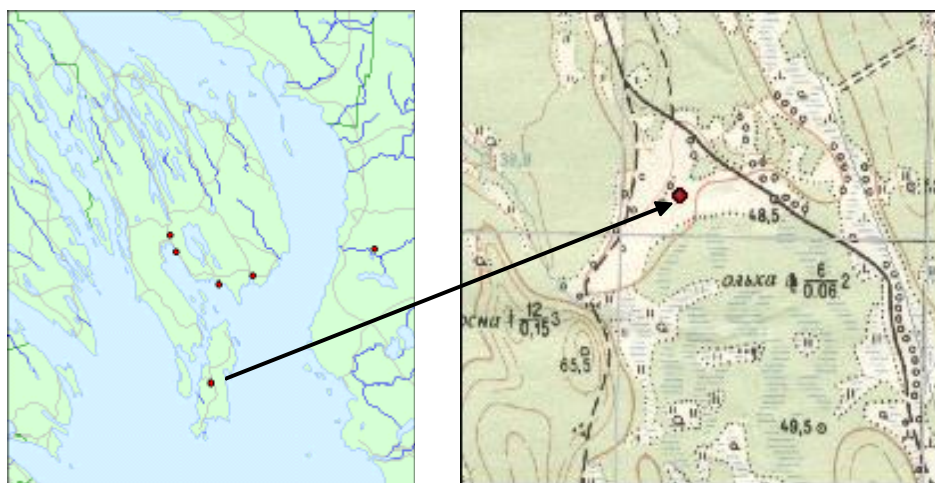

Рис. 10. Топонимическая модель *Рокса*

нам привязаны сельскохозяйственные поляны. Такая характеристика позволяет полагать, что Роксы первоначально были местами подсек – лесных участков, которые разрабатывались под пахотные поляны. Единая ландшафтно-географическая характеристика, выявившаяся в ходе картографического отображения, позволила предложить в качестве источника топонима известный в восточных финских говорах ландшафтный термин *röksä*, обозначающий пересеченную местность, где возвышенности чередуются с низинами, иногда заболоченными, с буреломом [см.: KMS]. Можно предполагать, что слово (или модель названия) проникло в Заонежье с тем явно просматривающимся и на других топонимических примерах [см.: Муллонен, Ляля, 2003] оттоком населения в Заонежье из северного Приладожья, которое происходило в позднем Средневековье. Заонежье – восточная граница ареала модели *Рокса*, протянувшегося из Приладожья через Олонецкий перешеек. При этом в Заонежье модель строго привязана к южной его части и связана, очевидно, с тем потоком освоения, которое распространялось в Заонежье по реке Шуде.

Ареал модели *Рокса*, как и рассмотренных выше моделей, не замыкается Заонежьем, а выходит за его пределы (рис. 11). Как показывает проведенный анализ, центры их формирования находятся, как правило, за пределами Заонежья, что связано напрямую с заселением территории, находящейся непосредственно на транзитном водно-

Рис. 11. Распространение топонима *Рокса* в Карелии

волоковом пути и испытавшей в связи с этим разное этноязыковое воздействие. В этой связи со всей очевидностью встает задача продолжения проекта: этноисторическая и языковая интерпретация заонежских топонимических моделей невозможна без более широкого контекста.

Таким образом, в процессе создания ГИС «Топонимия Заонежья» решаются как сугубо теоретические ономастические проблемы (функционирование топонимических систем в пространстве, формирование топонимических ареалов, топонимия и география), так и создаются предпосылки для решения многотрудных этноисторических и этнокультурных проблем, в нашем случае – проблемы формирования историко-культурной зоны Заонежья.

Топоним возникает на стыке языка, географии и истории. Однако в исследовательской практике, как правило, вычленяется и анализируется лишь одна составляющая этой триады, другие же представляют фоновые знания: учет всех составляющих в рамках традиционного исследования затруднен. Применение ГИС-технологий, осуществляющих пространственную привязку топонимов, позволяет изменить ситуацию и придать равный статус языковой и географической сторонам топонима. Тем самым моделируется реальная ситуация рождения и функционирования топонимической системы, что дает возможность углубить наши знания о природе топонимов. Одновременно создаются прочные так называемые ареально-типологические основания извлечения из топонимии языковой и этноисторической информации.

Логинов К. К. Материальная культура и производственно-бытовая магия русских Заонежья (конец XIX – начало XX в.). СПб., 1993.

Муллонен И. И., Ляля Е. В. История формирования топонимных ареалов Заонежья // Локальные традиции в народной культуре Русского Севера: (Материалы IV Междунар. науч. конф. «Рябинские чтения-2003»). Петрозаводск, 2003. С. 322–327.

Мызников С. А. Русские говоры Обонежья: Ареально-этимологическое исследование лексики прибалтийско-финского происхождения. СПб., 2003.

НОС – Новгородский областной словарь. Вып. 1–12. Новгород, 1992–1995.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–... . Вып. 1–... .

СРНГ – Словарь русских народных говоров. М.; Л., 1965–... . Вып. 1–... .

КМС – *Nirvi R. E.* Kiihtelysvaaran murteen sanakirja. Osat 1–10. Lappeenranta.

* * *

Ирма Ивановна Муллонен – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, доцент кафедры финского языка и литературы Петрозаводского университета.

Е. В. Ляля

В. Л. Васильев

ГОРОДОК *ДЕМОН* СРЕДНЕВЕКОВОЙ НОВГОРОДСКОЙ ЗЕМЛИ

(История населенного пункта и этимология имени)

*The careful study of the historical documents and modern toponymy allows to reveal numerous variants of the name of the medieval small town Demon and to determine a hierarchy between them. In author's opinion there are reasons to consider the name as an ascendant from the lost appellative of Baltic origin *дһмя < *demen with the meaning 'dirt, мочь'.*

Древнерусские письменные источники XV–XVI вв. – летописи, грамоты, писцовые книги – часто упоминают укрепленное поселение к юго-востоку от оз. Ильмень на реке Явонь (правый приток Полы, впадающей в Ильмень), находившееся вблизи южных рубежей древней Новгородской земли. В исторической документации городок на Явони обычно фигурирует под названием *Дѣмун* или *Демон*, реже под другими вариантами названия: *Демяна*, *Демен*, *Демян* и т. д. Столь частое обращение источников к данному поселению не случайно: оно свидетельствует о той значимой роли, которую в отмеченную эпоху играл указанный городок, возникший, вероятно, в качестве оборонительного форпоста в условиях постоянной угрозы со стороны юго-западных соседей-литовцев и вскоре ставший крупным административно-территориальным центром на новгородско-литовском пограничье.

Первое письменное упоминание укрепленного поселения на Явони содержится в обзоре древнерусских городов конца XIV в.: «А се имена градомъ всѣм Русскимъ, далнимъ и ближнимъ», помещенном в тексты разных летописей [НПЛ, 475–477; ПСРЛ, 4, ч. 1, вып. 3, 623–624; 7, 240–241; 23, прил. 1, 163–164]. Среди «градов Залесских» вслед за Торжком отмечен пункт под названием *Демяна* (по другим летописным спискам – *Дѣмяна*, *Дѣмена*), а далее перечислены территориально близкие к нему Молвотицы, Березовец, Стержь, Морева, Велил и т. д. В. Л. Янин уточнил датировку наиболее раннего варианта указанного летописного обзора городов – между 1375 и 1381 гг. [см.:

Янин, 1995; 1998]; ориентируясь на эти даты, можно с уверенностью утверждать, что в последней четверти XIV в. городок на Явони уже являлся крупным стратегическим центром, известным в масштабах средневековой Руси.

В XV в. городок Демон неоднократно фигурирует в договорах Новгорода с Великим княжеством Литовским, заключенных в 1431, 1441–1442 и 1471 гг. Новгородско-литовские мирные договоры («докончания») закрепляют взаимоотношения сторон и, в частности, определяют пограничные новгородские волостные центры (Молвотицы, Кунско, Березовец, Стерж, Морева, Жабна и др.), обязанные платить в определенном размере налог, так называемую «черную куну», в литовскую великокняжескую казну. Демон не подлежал налогообложению, и составители «докончаний» сочли необходимым специально это подчеркнуть, имея в виду непосредственное соседство демонской территории с чернокунскими волостями¹. Так, в договоре Великого Новгорода с литовским князем Казимиром Ягеллончиком 1441–1442 гг.² читаем: «А в Новгородской волости не надоби ни что иное Литви, ни на Дѣмянѣ, ни на Снѣ, ни на Полоновѣ, не надоби брати чорна куна, ни иное ничто же» [ГВНП, 116, гр. № 70]. Эта формульная фраза переходит из документа в документ; в частности, она прослеживается и в более ранней грамоте 1431 г. – договоре с литовским князем Свидригайлом (здесь, к сожалению, текст сохранился в дефектном виде, требующем конъектурных дополнений, но название *Демян* восстанавливается легко), и в более поздней новгородско-литовской докончальной грамоте 1471 г. [см.: ГВНП, 106, гр. № 63; 131, гр. № 77].

Городок Демон в XV столетии не раз отмечается (как правило, в летописи) в контексте взаимоотношений Новгорода с Москвой. В 1441 г. московский великий князь Василий Васильевич (Темный) объявил новгородцам войну и пошел на Новгород по дороге, проходившей через Демон. Подойдя к городу, князь занял его. Новгородцы выслали к Василию Темному архиепископа Евфимия, бояри и жилых людей, прося о пощаде, и, встретившись с московским князем в Демоне, заключили мирный договор, заплатив изрядную контрибуцию: «8 000 рублей за свою вину, а оброки и пошлины по старинѣ» [ПСРЛ, 4, ч. 1 (Новгородская четвертая летопись), вып. 3, 608; 5 (Псковские и Софийские летописи), 29]. Демонский мир Новгорода с Москвой 1441 г. упомянут далее в новгородской грамоте 1456 г., где фиксируется выплата последних 1 100 рублей контрибуции (всего Новгород откупился от московского нашествия 8 500 рублями) [см.: ГВНП, 43–44, гр. № 24]. Через 30 лет, в 1471 г., следующий великий князь московский Иван III после победы над новгородцами на реке Шелони отправился к Демону; здесь уже стоял полководец Ивана III князь Михаил Андреевич с сыном Василием, взявший с городка «окупу 100 рублей» [ПСРЛ, 4, 242; 6, 193; 8, 164, 166.]. В 1478 г. из Торжка через Демон снова прошла московская рать Ивана III, которая выдвинулась далее к южному берегу Ильменя (одновременно другое войско Ивана III прошло более северной, яжелбицкой дорогой, подойдя к Новгороду с восточной стороны) [см.: ПСРЛ, 6, 207; 8, 185]. После окончательного

¹ Нельзя, однако, исключать, что особые указания на Демон (Демян), Цну, Полново не просто связаны с территориальной смежностью, предполагающей отчетливое разграничение полномочий сторон. Данный факт мог бы подразумевать также бывшее вхождение территорий, подчиненных указанным центрам, в орбиту литовского влияния наряду с другими пограничными землями. Впрочем, это предположение нечем подкрепить документально.

² Хронологическое уточнение данного документа (1441–1442) дано в кн.: [Янин, 1991, 178].

разгрома Новгорода городок Демон был передан в 1482 г. во владение князю Федору Ивановичу Бельскому, который «прибежал из Литвы к великому князю Ивану Васильевичу от короля Казимира... а жены с собою не успел взять; и князь великий его пожаловал, дал ему город Демон в вотчину да Мореву со многими волостми» [ПСРЛ, 7, 213–214].

Первое подробное описание Демона содержится в переписной оброчной книге Деревской пятины около 1495 г. Согласно описанию, Демон предстает небольшим провинциальным пунктом, состоящим из городища и посада: «На городище церковь Егорей Великий; на городище ж дв. поп Созон, дв. церковный сторож Михалко; на городище ж дв. наместничь. А на посаде: монастырь, а в нем церковь Успение Святые Богородицы; а в манастыре игумен Варлам. А на манастырской земле: дв. диаков Офоноско, дв. церковный сторож Огафоник; пашни у них нет. На посаде ж двор тиунъ». Кроме того, «на посаде у Дѣмана» отмечено несколько крестьянских пашенных дворов [НПК, 2, стб. 499–501].

По-видимому, в конце XV в. Демон уже не являлся столь значимым укрепленным центром, каким был он столетие назад, внесенный в список крупнейших русских крепостей под названием *Демяна*. Речь в писцовой книге идет, собственно говоря, даже не о городе, а о городище; данный термин применяли, как уже не раз отмечалось исследователями, преимущественно для указания на небольшие объекты, главным образом поселения, устроенные на месте прежних городов [см.: Лемтюгова, 1983, 89, 95]. Сыграло свою роль разорение Демона московскими войсками, но главным образом, видимо, то, что Демон отчасти потерял значение пограничной оборонительной крепости благодаря победам Москвы над Литвой в первые десятилетия после падения Новгорода. Московские власти сохранили за поселением роль регионального административного центра (как атрибуты этого в источнике 1495 г. указаны двор наместника и двор тиуна), которому подчинялся обширный одноименный округ Демон (Деман), включавший большое количество деревень. Деревни принадлежали разным землевладельцам, в том числе монастырям. К примеру, летопись упоминает близ Демона волость Благовещенского монастыря [см.: ПСРЛ, 6, 216; 8, 194], а в писцовых книгах описаны земли Демонского округа, принадлежавшие новгородским монастырям – Духовскому, Антонию [см.: НПК, 2, стб. 505, 581] и Рождественскому, за последним в Демонском округе в 1496 г. числилось 30 деревень [см.: ПКНЗ, 1, 86–88 (Выпись на вотчину Рождественского монастыря в Деманском уезде)].

В XVI в. городок Демон вместе с остальными новгородскими городами (Ивангород, Яма, Копорье, Орешек, Ладога, Кур, Порхов, Высокой, Кошкин, Руса) указан в двух духовных завещаниях: первое, датируемое 1504 г., принадлежит великому князю Ивану Васильевичу; второе, составленное в 1572–1578 гг., – царю Ивану Васильевичу (Грозному) [см.: Неволин, 1853, 216–218]. Под 1569 г. летопись сообщает, что «с Демонского стану» должны поставляться корм и всякие запасы опричному войску Ивана Грозного, «коли с Москвы пойдет в Великий Новгород» [ПСРЛ, 3, 163]. По сообщению Боярской книги узнаем, что в городке Демон в 1555 г. еще находился наместник – Ждан Ондреев сын Вешнеков [АИЮС, 30].

Географический справочник 1627 г. – Книга Большому чертежу – указывает «на Явоне на реке монастырь Демон» [КБЧ, 155]. Известно, что Книга опирается на факты более раннего времени – материалы Старого чертежа, составленного «давно, при прежних государях», а именно в царствование Бориса Годунова (1598–1604) [КБЧ, 4], следовательно, сведения данного источника, относящиеся к Демону, были зафиксиро-

рованы скорее всего в самом конце XVI в. Показательно, что Демон фигурирует здесь уже не как городок, а как монастырь, в то время как все сопредельные пункты обозначены в качестве городов: город Холм, Руса, Великие Луки, даже Курск на Ловати [КБЧ, 155–156]. Очевидно, в конце XVI в. пункт на Явони настолько запустел, что уже не выполнял функций административно-территориального («городского») управления. В то же время находившийся возле городища на посаде монастырь продолжал действовать и являлся в глазах современников существенным топографическим ориентиром на судоходной реке Явонь и, кроме того, оставался символом недавнего административного прошлого Демона (значимость Демонского монастыря подчеркнута тем фактом, что другие провинциальные новгородские монастыри в Книге Большому чертежу не упомянуты).

В последующие эпохи письменные сведения о городке (монастыре) Демон перешли из разряда синхронных упоминаний в разряд исторических воспоминаний. К примеру, изданный в 1804 г. «Историко-географический словарь», отметивший, помимо прочего, монастырь Демон на реке Явони, всего лишь воспроизводит информацию все той же Книги Большому чертежу 1627 г. [см.: Щекатов, 1804]. Отсутствие сведений указывает на исчезновение монастыря в начале XVII в., что могло быть обусловлено пожаром, но скорее – внешним разорением, после которого монастырь уже не стали восстанавливать. Эпоха Смуты первой четверти XVII в. напрямую затронула Новгородские земли. Южнее и восточнее Ильменя действовали польско-литовские отряды, позднее к Селигеру подходили с севера шведы. Поэтому вполне вероятно, что уничтожение Демонского монастыря иноземным отрядом стало одним из многочисленных недокументированных эпизодов Смутного времени.

В конце XV – начале XVI в. поблизости от исчезнувшего средневекового городка Демона образовалось новое поселение на Явони, названное *Демянским погостом*, а позднее *Демянском*. Сейчас это значительный поселок, один из районных центров Новгородской области. В названии современного Демянска преемственно отразилось название прежнего Демона. Далее как раз прослеживаются происхождение и любопытные трансформации древних географических имен, связанных с указанными населенными пунктами.

* * *

Фактически наименования средневекового городка Демона, извлеченные из летописей, писцовых книг, многочисленных грамот и актов, составляют в совокупности пеструю картину: *Демон*, *Дѣмон*, *Дѣймон*, *Деимон*, *Демен*, *Демень*, *Демян*, *Дѣмена*, *Демяна*, *Демоны*, *Демены*, *Деман*, *Демань*. Топонимический ряд, как подчеркнуто выше, продолжен в современных названиях поселка, районного центра на Явони: *Демянск*, *Демянск* (последнее встречается чаще в устной речи демянцев, но с XIX в. иногда прослеживается и на письме) и сугубо неофициальное, уже устаревшее *Демян*, которое по сей день можно порой услышать от пожилых жителей Демянска и Демянского района. Без сомнения, вся топонимическая совокупность – от *Демона* до *Демянска* – представлена формами одного корня, имеющими общий источник происхождения.

Значительная вариантность топонимических форм, вообще говоря, складывается исторически, в результате длительного использования географических названий, причем чем чаще топоним фиксируется письменностью, тем выше, как правило, его вариантность, ибо случайные искажения при записи рожают новый вариант. Разумеется,

нужно учитывать и внутриязыковые изменения. За разнообразием приведенных выше конкретных форм стоят разнообразные факторы: фонетические и морфологические преобразования частного порядка, вторичные переосмысления имен, написания, появившиеся в силу несовершенства русской графики либо по причине случайных aberrаций; такие написания, в свою очередь, могли устояться и даже повлиять на появление других топонимических вариантов. Главное – найти исходный вариант, отправную точку для этимологического анализа и для трактовки остальных форм.

Серьезных толкований географических имен *Демон...* *Демянск* еще не было. Неудачную попытку объяснить название поселка *Демянск*, райцентра Новгородской области, предпринял Е. М. Пospelов в своем недавно опубликованном топонимическом словаре: многочисленные летописные варианты рассматриваются автором как образования от форм православных имен *Дементиан* (производные *Дементин*, *Деменя*) или *Дамиан* (производные *Демян*, *Демиан*, *Дема*); одно из таких образований – *Демяна* – считается лежащим в основе топонима *Демянск* [см.: Пospelов, 2001, 135].

Нужно отметить, что подобным образом обычно истолковывают название поселка и сами демянцы, видя в сопоставлении *Демянска* с личным именем *Демян* естественно напрашивающееся и все объясняющее созвучие.

Эта антропонимическая версия не вписывается в закономерности топонимического словообразования, не учитывает последовательности и существа письменных фиксаций названия. Возникновение ойконимов от личных имен обычно подразумевает наличие притяжательной суффиксации (скажем, в *Демяново*, *Демянино* от *Демян*, *Деменя*), но этого в перечисленных формах как раз и нет; что же касается вариантов *Демень*, *Демань*, внешне как будто напоминающих древнерусские притяжательные формы (из **Демен-ь*, **Деман-ь* ‘принадлежащий некоему *Демену*, *Деману*’), то на самом деле они единичны, случайны, а главное – не первичны, им предшествуют, как будет показано далее, другие, отнюдь не притяжательные формы. В письменной документации абсолютно доминируют варианты в единственном числе (*Демяна*, *Дѣмон*, *Деман*), выведение которых из личных имен противоречило бы принципам русской топонимической деривации. Антропонимы в чистом виде, не осложненные аффиксами, не производят названий населенных пунктов. Встречающиеся порой ойконимы, омонимичные личным именам, не имеют с ними непосредственной связи; так, например, г. *Владимир* происходит не от личного имени *Владимир*, а от древнего прилагательного *Владимирь* «Владимиров (город)», село *Георгий* в Новгородском Поозерье – не от личного имени *Георгий*, а по названию древней церкви.

Это заставляет искать иное этимологическое решение, тем не менее следует констатировать, что вторичная, ассоциативная связь данного названия с личным именем *Демян*, безусловно, существует на протяжении многих столетий. Происхождение топонима вовсе не определяет своеобразие его дальнейшей эволюции. Различного рода фонетические ассоциации способны существенно преобразовать первичную форму, затушевывая этимологический смысл. Происходит своеобразная аттракция близких созвучий, приводящая порой к фонетической унификации этимологически различных слов. В нашем конкретном случае аттракция в наиболее законченном виде представлена в паре *Демян* (неофициальное название поселка) – *Демян* (личное имя), что становится основанием (хотя и мнимым) для объяснения первого *Демяна* из второго.

Для дальнейшей трактовки отдельных вариантов ряда *Демон...* *Демянск* необходим поиск исходных форм. Старейшие упоминания древнего городка, как уже говори-

лось, содержатся в летописном обзоре русских городов, сохранившемся в нескольких списках. Топонимические варианты разнятся от списка к списку, однако несущественно, сохраняя между собой то общее, что отличает их от более поздних вариантов. Так, в древнейшем Комиссионном списке Новгородской 1-й летописи фигурирует форма *Дѣмяна* [см.: НПЛ, 477], в Воскресенской летописи – *Демяна* [см.: ПСРЛ, 7, 241]. Без сомнения, подобные формы – с исходом на *-а* и с мягкостью согласного *м* во втором слоге – значились и в самых ранних, первоначальных списках летописного обзора, датированных концом XIV в. [см. об этом: Янин, 1995; 1998]. На базе указанных первичных форм возникли и закрепились последующие топонимические варианты. Весьма показательна, что современное название поселка на Явони отсылает именно к древнейшим летописным фиксациям (ср. ранние *Демяна*, *Дѣмяна* и современное *Демянск*), оставляя в стороне промежуточные исторические фиксации типа *Дѣмон*, *Деман*, обособленные твердостью согласного *м*. Сходство начальных летописных форм прежде всего с современным названием, отражающим живое произношение, свидетельствует о том, что в речи местного населения основа *Демян-* имеет длительную, по меньшей мере с конца XIV в., традицию бытования, является стабильной, не испытывавшей на протяжении многих столетий существенных фонетических метаморфоз.

Столь же древней является основа *Дѣмен-* (позднее *Демен-*): представляющий ее топонимический вариант *Дѣмена* зафиксирован в обзоре русских городов по Новгородскому списку Новгородской 4-й летописи [см.: ПСРЛ, 4, ч. 1, вып. 3, 623–624], т. е. по существу синхронен вариантам *Дѣмяна*, *Демяна*. Но если топонимы с основой *Демян-* сохранились до сего дня, то названия с основой *Демен-* исчезают из более поздних письменных документов (XVI в.) и, очевидно, выходят из устного народного обихода.

Ранние топонимические варианты, оформленные по женской словоизменительной парадигме (*Дѣмяна*, *Демяна*, *Дѣмена*), быстро оказались вытеснены вариантами мужского рода. Форма *Дѣмян* мужского рода, к примеру, фигурирует уже в договорной грамоте Новгорода с Литвой 1441–1442 гг.; ср. в одном из списков договора написание топонима с «мужской» флексией местного падежа *-и*: «ни на *Демяни*, ни на *Цснѣ*, ни на *Полоновѣ*» [ПВН, 38] (в другом списке читаем: «ни на *Дѣмянѣ*, ни на *Снѣ*, ни на *Полоновѣ*» [ГВНП, 116, гр. № 70], с непоказательной флексией *-ѣ*, не дифференцирующей род). Одновременно, под 1441 г., появляется вариант мужского рода *Демен*, ср. в Софийской летописи: «А князь великий стоялъ подъ *Деменомъ*» [ПСРЛ, 5, 29]. Переоформление в *Дѣмян*, *Демен*, равно как и дальнейшее устойчивое закрепление словоизменительной парадигмы мужского рода в кругу смежных основ (ср. устойчивые *Дѣмон*, *Деман* и никогда *Дѣмона*, *Демана*) обязано скорее всего влиянию топографических терминов *город*, *городок* мужского рода на топонимы-приложения. Смысловое согласование *город*, *городок* в стереотипных сочетаниях с топонимами, склонными к варьированию, укрепило формальным включением последних в мужскую парадигму родовых терминов. Спорадическое появление вариантов множественного числа *Демены*, *Демоны* (ср.: «под *Демоны* великому князю вѣсть приде» [ПСРЛ, 4, 242]), по-видимому, связано с эффектом «размытой» локализованности, т. е. с указанием не только на сам пункт, но и на ближайшую округу.

Топонимические варианты с основой *Дѣмон-* (*Демон-*), с одной стороны, и основой *Дѣман-* (*Деман-*), с другой, объединены не только твердым характером *м*, но и

некоторым образом хронологией фиксаций, отражением их в одних и тех же исторических документах. Наиболее частотный вариант *Дѣмон* (реже без *ѣ* – *Демон*) появляется с середины XV в. и устойчиво фиксируется до начала XVII в. разнообразными источниками, созданными в Новгороде и за пределами Новгородской земли. Многократно *Дѣмон* в качестве наименования города присутствует на страницах Воскресенской летописи при описании походов московских князей на Новгород в 1441, 1471 и 1478 гг. и других событий. Название фигурирует в разных словоформах («*Дѣмонъ* взялъ», «к *Дѣмону* городу», «под *Дѣмономъ*», «противу *Дѣмона*», «в городе в *Дѣмону*», «на *Дѣмоне*», «у *Дѣмона*») и в составе прилагательного («*межь Дѣмонские* дороги и *Ажелбитцкие*») [см.: ПСРЛ, 8, 2, 111, 164, 166, 185, 194, 200; 7, 35, 193, 207, 216; НПЛ, 462]. Топоним *Дѣмон* встречается не раз в писцовой книге Деревской пятины 1495–1496 гг., указывая смежно то на городок, то на прилегающую к нему территорию [см.: НПК, 2, стб. 499, 502, 505, 513, 515, 516, 515–520, 527 и др.]. С XVI в. он почти исчезает из письменности, однако обнаруживается в Книге Большому чертежу 1627 г.: «монастырь *Демон*» [КБЧ, 155].

Реже встречаются в качестве наименований городка или подчиненного ему округа топонимические варианты с буквой *а* в основе: *Деман*, *Дѣман*, единично *Демань*. Они прослеживаются с конца XV в. и в XVI в. по материалам писцовых книг и актовой письменности [см., в частности: НПК, 2, стб. 501; ПKNЗ, 1, 86]³.

Краткий обзор фиксаций по историческим источникам убеждает в том, что топонимические варианты с твердым согласным *м* (*Дѣмон*, *Дѣман* и др.), во-первых, хронологически не первичны и, во-вторых, хронологически «не конечны»: они пропадают в XVII в. из синхронных письменных документов и не находят никакого подтверждения в современном живом обиходе (говорят: *Демянск*, *Демян*, но никогда *Демон*, *Деман*). Как возникли данные варианты?

Появление хронологически вторичных, но широко распространенных форм с основой *Дѣмон-* (*Демон-*) было вызвано древнерусским преобразованием *е > о*, для которого длительное время не имелось адекватного письменного способа выражения. Переход *е > о* в позиции после мягких перед твердыми согласными (в основном под ударением) происходил с XII по XV в. На письме следы изменения *е > о*, как показывает материал и новгородских берестяных грамот, и актов Московской Руси, в наибольшей степени отражены в XIV–XVI вв. через написания буквы *о* вместо *е*; ср. *нобомъ* (по произношению [н’обом] из [н’ебом]), *Смона* [См’она], *рублово* [рубл’ов], *Стопаномъ* [Ст’опаном] и т. д. [см.: Зализняк, 1995, 56, гр. № 10, 413, 256]. Подобные написания, ставшие орфографической реакцией на новый переход *е > о*, не могли, впрочем, окончательно утвердиться: позволяя обозначить новую *о* (из *е*) при отсутствии буквы *ѣ*, они одновременно утрачивали важное указание на мягкость предыдущего согласного, нарушая слоговой принцип русской графики. Чтобы сохранить обозначение мягкости, орфография все же предпочла передачу новой *о* через букву *е* (затем и *ѣ*) (в противном случае имело бы место существенное противоречие между написанием и произношением).

³ Кроме этого, городок под названием *Деман* указан в духовных завещаниях 1504 г. и 1572–1578 гг., принадлежащих соответственно великому князю Ивану Васильевичу и царю Ивану Васильевичу [см.: Неволин, 1853, 216–217, 218].

Нет сомнения в том, что первоначальное *Дѣмен* (*Демен*) как название городка пережило отмеченный выше процесс перехода *e > o*: стало [Дем'он] из прежнего [Дем'ен], а в соответствии с орфографическими допущениями того времени стали писать *Дѣмон* (*Демон*) без обозначения мягкости перед *о* (в современных орфографических условиях написали бы *Демён*). Несмотря на то, что написание *Дѣмон* не отвечало реальному «мягкому» произношению, оно, тем не менее, утвердилось, стало устойчивой орфографической нормой данного конкретного топонима. Однажды появившись, письменная форма *Дѣмон* стала далее тиражироваться разными писцами и переписчиками. Лишь изредка устойчивая письменная норма нарушалась (особенно в новгородских летописях, более ориентированных на местную разговорную речь) написаниями типа *Дѣмен*, более адекватными произношению; ср. летописную запись «Съ Деменского стану» даже в середине XVI в. [ПСРЛ, 3, 163]. При этом фонологическая неустойчивость мягкости у согласного *м'*, присущая древнерусскому языку вообще, без сомнения, укрепляла норму написания слога [м'о] в виде *мо*, особенно в таком отчуждаемом классе слов, как топонимы. Ср., например, топонимы *Рамонь*, *Рамонье*, приведенные в известном словаре народных географических терминов Э. М. Мурзаева [2, 166], которые являют собой непривычную для нас запись широко распространенных топонимов *Рамень*, *Раменье* в «ёкающем» диалектном произношении (по нормам литературной орфографии – *Рамѣнь*, *Рамѣнье*), возникших из географических терминов *рамень*, *раменье* 'глухой лес, опушка леса' и др.; или того же плана неустойчивость мягкости *м* в терминах *рамешина*, *рамашина* 'небольшой островок среди других типов леса' [Там же].

С написанием *Дѣмон* тесно пересекается по происхождению и использованию в источниках написание *Дѣман* (*Деман*). Данный вариант родился в письменном языке в результате своеобразной графической контаминации: на базе более ранней формы *Дѣмян* (*Демян*) с наложением графического принципа необозначения мягкости *м*, уже освоенного в написании *Дѣмон*. Обнаруживается определенное соответствие фонетико-орфографических трансформаций исходных топонимических вариантов: *Дѣмен* (*Демен*) дали позднее *Дѣмон* (*Демон*) и вслед за ними аналогично *Дѣмян* (*Демян*) преобразовались в *Дѣман* (*Деман*). По произношению, однако, *Дѣман* (*Деман*) ничем не отличались от первоначальных вариантов.

Таким образом, рассмотренные топонимические фиксации, внешне отмеченные твердостью согласного *м*, являются поздними орфографическими двойниками исходных форм, близких к реальному произношению. Лишенные опоры в живой речи и не поддержанные развитием орфографии, они не могли долго сохраняться. В связи с общим упорядочением орфографических норм в XVII в. постепенно исчезает форма *Деман* (впрочем, даже в документации XVIII в. порой встречаются упоминания о *Демянске* как о центре *Деманского* уезда). Еще раньше пропадает из письменных исторических источников написание *Дѣмон*, поскольку сам объект, к которому оно относилось, перестал существовать (см. об этом ниже).

С учетом изложенных выше соображений остается признать, что для этимологического анализа представляют интерес только основы *Дѣмян-* (*Демян-*) и *Дѣмен-* (*Демен-*). Первый слог основ отмечен меной букв *ѣ/е*, которую можно было бы объяснить на первый взгляд простой неупорядоченностью древней орфографии, свободной взаимозаменяемостью букв, сославшись на то, что фонема *ѣ* на новгородской территории в XV–XVI вв. постепенно утрачивала самостоятельный статус в большинстве говоров

[см.: Филин, 1972, 170–172]. Дело, впрочем, обстоит сложнее. Уже сам по себе факт устойчивого написания буквы *ѣ* в топонимических вариантах скорее подразумевает, что оно имеет здесь этимологическую природу (которая, скажем заранее, абсолютно подтверждается логикой предлагаемой ниже гипотезы о происхождении данных основ). Мысль об исконности *ѣ* подтверждают также отдельные фиксации топонимов в виде *Деимон* и *Дѣмон* [см.: ПСРЛ, 4, ч. 1, вып. 3 (Новгородская 4-я летопись: *Деимон*); АИЮС, 3, 80 («съехал с *Дѣймо́на*»)]. Единичность вариантов с буквосочетаниями *ei* и *ѣi* как будто дает повод говорить о случайных ошибках писцов, но скорее следует вести речь о графическом воплощении дифтонгических или дифтонгоидных аллофонов фонемы *ѣ* (типа *eĭ*)⁴.

Основы *Дѣмян-* (*Демян-*) и *Дѣмен-* (*Демен-*) фиксируются синхронно и длительное время параллельно друг другу проявляются в живой речи, формируя соответствующие топонимические варианты. Имело место их изначально сложившееся варьирование, пересечение в устном использовании. О причинах варьирования скажем позже, сейчас же отметим, что географические названия с указанными основами в ряде случаев, подобным образом пересекаясь, обнаруживаются на значительных территориях исконного восточно-славянского заселения. Все они объединены общим указанием на водные объекты – небольшие речки и озера, указания на иные объекты вторичны (подчеркнем еще раз: к ним этимологически не относятся названия поселений типа *Демьяново*, *Деменино*, *Демехово* с притяжательным оформлением от антропонимов *Демьян*, *Деменя*, *Демех*, далее к древнецерковным именам *Дамиан*, *Дементиан*, *Демид*).

Среди родственных названий необходимо отметить *Демене́ц*, озеро в бывшей Удомельской волости Бежецкой пятины (недалеко от верховий Мсты); на озере названные по нему удомельские деревни Никольского погоста: *Демене́ц* и *Другой Демене́ц* [ПKNЗ, 1, 198, 211]. На Псковщине зафиксировано три озера под названием *Демене́ц* в Вязовской волости Великолуцкого уезда, в Ежинской волости Опочецкого уезда и оз. *Демянское* в Загарской волости Великолуцкого уезда [ОПГ, 108, 138, 140]. В XVIII в. под названием *Деменка* отмечена речка, правый приток Смердомли в бывшей Минецко-Старскогорской волости Боровичского уезда (на карте-трехверстке второй половины XIX в. и на современных картах – *Демянка* и *Демьянка*). Указанная речка вытекает из озера, которое было известно по материалам Генерального межевания как *Демень* и *Демино* (ср.: «Деревня Погорелова... дачею при озере *Демине*, а речки Недожатки по обе стороны»; «Озеро *Демень*, 200 десятин, вокруг одного суходол и вытекает из одного речка *Деменка*» [ГМ, № 2819, 2836]); на карте-трехверстке XIX в. это озеро названо *Задемянье*, на современных картах Хвойнинского района Новгородской области – *Задеменье*. Другое озеро *Демино* (*Деминское*) есть недалеко от города Холма (Крас-

⁴ Количество разнообразных рефлексов фонемы *ѣ* в новгородских говорах постепенно увеличивалось, что и стало, по мнению Ф. П. Филина, причиной падения на данной территории [см.: Филин, 1972, 172]. Среди многих аллофонов встречалось, помимо прочих, дифтонгическое воплощение фонемы «я́ть» в виде *eĭ*, которое позволяет видеть за буквосочетаниями *ei*, *ѣi* в *Деимонѣ*, *Дѣимонѣ* особое фонетическое содержание. Подобные написания, пожалуй, еще увереннее позволяют говорить о том, что в XVI в. сохранялась не только орфографическая, но и особая произносительная «ятевая» норма наименований древнего городка Демона.

ноборский сельсовет), хотя здесь следует иметь в виду и вероятность деривации от антропонимов *Дема*, *Демин*. Еще одна *Демянка*, приток Шелони, известна в Порховском районе Псковской области; эта речка течет из заболоченной низины, из озера, которое было зафиксировано в межевых материалах под названием *Демон*; позднее данный гидроним был нанесен на карты XIX в. и, в частности, отмечен О. А. Шкапским в работе начала XX в., посвященной описанию псковских озер на территории Бешковицкой волости Порховского уезда [ОПГ, 133].

Обращает на себя внимание соотношение псковских гидронимов *Демянка* – *Демон*, воспроизводящее ситуацию с рассмотренным выше *Демяном* и *Демоном*: здесь наблюдается аналогичное необозначение мягкости *м*, закрепленное в топониме и затушевывавшее его истинное прочтение в виде *Демён* (из *Демен*); из этой первоначальной формы пошло затем производное имя речки: *Деменка*, потом *Демянка*. Из Великолуцкой писцовой книги 1625–1627 гг. узнаем о другой псковской речке *Демянка* бассейна Ловати, на ней (и на р. Насве) стояла д. Земцова Горожанского стана Великолуцкого уезда; далее, согласно тому же источнику, в Никольском стане числилась д. *Демян* «над оз. *Демянем*»⁵ – в этом случае название деревни явно обусловлено первичным гидронимом.

Кроме того, на Псковщине известна р. *Деменница*, правый приток Черехи в бассейне реки Великой. Видимо, с этим водоемом следует отождествить средневековую речку *Демяница*, по которой получила название древнепсковская волость *Демяница*; на этой реке стоял («стояше на *Демяници*») ливонский магистр («местер Рижский») с войском, разоривший окрестную *Демяницкую* волость [см.: ПСРЛ, 4, 119; 5, 20]. Не исключено, что сходное название места – *Демяницы*, фиксируемое новгородской меновой грамотой около 1456 г. в окрестностях Тесова (ср.: «А взялъ господинъ владыка Еуфимий... землю в Тесове, в *Демяницах*» [ГВНП, 292, гр. 292]), тоже включает интересующую нас гидронимическую основу, как и гидроним *Демяницы*, озеро в бывшей Копылковской волости Новоржевского уезда (Псковщина) [ОПГ, 138] (впрочем, особенности оформления не исключают здесь деривацию и от омонимичного личного имени *Демян*). Наконец, нельзя пройти мимо названия речки *Демянка* или *Демянка*, а по писцовой книге – *Деманка* (ср.: «Деревня на *Деманке*» [НПК, 2, стб. 526] с уже известным графическим эффектом необозначения мягкости *м*), это протока из озера Мосылинского в реку Явонь на территории современного *Демянска*.

Родственные гидронимы зафиксированы также к югу от новгородских и псковских земель – в Поднепровье и Поочье. К ним, по-видимому, относится *Демянка*, речка в бассейне Ворсклы на Украине [Маштаков, 1913, 73]. Но чаще на южной территории наблюдаем основу *Демен*- с ударным первым слогом: таковы *Деменка* (вариант – *Деминка*) – название двух разных рек в бассейне р. Сожь; *Деминка* в бассейне Припяти [Топоров, Трубачев, 1962, 56, 62]; речка *Демянка* и ручей *Демянской* в нижнем и среднем левобережном Поочье; река *Деменка*, левый приток Угры, в верхнем левобережном Поочье [Смолицкая, 1976, 39, 88, 203]. Последняя из перечисленных рек ранее именовалась также *Демена* (*Демина*), по ней получили свои названия известные по документам XV в. волость *Демена* и городище *Деменск*, ныне город *Спас-Деменск* в Калужской области [см.: Поспелов, 2001, 393–394].

⁵ Материал из Великолуцкой писцовой книги письма и меры Тимофея Бабарыкина да подьячего Евлампия Шатохина 134 и 135 (1625–1627) гг. дан по кн.: [Янин, 1998, 171, гр. № 110, рис. 9, 173, гр. № 493, рис. 9].

Перечисленные гидронимы не этимологизируются на материале славянских языков. Зато они объяснимы на почве балтийских языков, будучи распространенными еще в Прибалтике; ср. гидронимы: *Demenas*, *Dēmenas* – два озера в разных районах Литвы, сюда же литовские *Dēmė*, *Diemė* – названия рек, прусское *Demita* [см.: Lietuvas upių ir ežerų vardynas, 1963, 29; Vanagas, 1981, 84; Gerullis, 1922, 27]. Балтийские речные названия истолковывались на базе древнего апеллятива со значением ‘грязь, запачканное место’, связанного с современным лит. *dēmė* ‘пятно, клякса’, *dēmėtas* ‘пятнистый, в пятнах’ и др. [Savukynas, 1962, 5, 194]. Позже на данное мнение ссылались А. Ванагас (объяснявший название литовской р. *Demė* [см.: Vanagas, 1981, 84]) и В. Н. Топоров при трактовке поочского гидронима *Деменка* [см.: Топоров, 1997, 295].

Действительно, значения ‘пятно (= грязное пятно)’ и ‘грязь’ соотносимы между собой, и при специализации слова в качестве местного географического термина топографические значения ‘загрязненное место’, гесп. ‘болотистое, сырое место’ вполне закономерны и ожидаемы. В целом следует считать, что перечисленная гидронимия от *Демен-*, *Демян-* репрезентирует основу балтийского происхождения **demen-* со значением ‘грязный, топкий’, продуктивным при номинации гидрообъектов – небольших речек и озер с топкими берегами и дном или находящихся в загрязненных болотистых местах. Как результат – большое количество водных названий, приведенных выше, причем этот ряд, очевидно, остается открытым. Этимологическая основа **demen-* выступает как осложненная, расширенная (**dem-en*). С ней коррелирует родственная основа *dem-* простой структуры: она представлена не только в лит. *Dēmė*, *Diemė* (см. выше), но и в названии псковской деревни *Демя*, которая, судя по современной карте Псковской области, расположена к западу от Великих Лук (деревня названа, очевидно, по близлежащему водоему), а также в нескольких новгородских гидронимах: *Демячка*, озерко 7,5 га в Хвойнинском районе (Ракитинский сельсовет) [см.: Приложение..., 1989]; речка *Демица*, приток озера Лимандрово; озеро *Демецкое* в бывшей Засыпенской волости Боровичского уезда, где фиксируется «пустошь Налудник... вокруг озера *Демецкого* и по обе стороны речки *Демицы*, вытекающей из одного озера...» [ГМ, № 410, 411].

Какова лингвотническая интерпретация изложенных фактов? Поскольку приведенные названия этимологизируются на балтийской почве, возникает мысль о балтийском гидронимическом субстрате. Однако значительное количество гидронимов, их широкий ареал (иногда в стороне от старых балтийских территорий), некоторые особенности формальной структуры имен позволяют в целом считать создателями данного гидронимического ряда самих славян, а не балтов и вести речь об апеллятивном заимствовании, отраженном в славянской гидронимии. Предположение об апеллятивном (а не о гидронимическом) заимствовании хорошо объясняет такие структурные особенности имен, как варьирование суффиксов *Демен-/Демян-* и подвижность ударения (на первом слоге; ср. *Дёминка* (< *Дёменка*) или на втором – *Демянка*). Что касается прямого усвоения славянами балтийского гидронимического субстрата, то оно вероятно лишь для отдельных названий данного ряда.

Говоря о заимствовании, в качестве балтийского слова-источника мы подразумеваем прежде всего субстантив со значением ‘грязь’, продолженный позднее в лит. *dēmė* ‘пятно’, а у славян представленный в форме **дѣмя* (ср. приведенное выше пск. *Демя* и его прямые дериваты в новг. *Демячка*, *Демица*, *Демецкое*). При этом долгая узкая балтийская фонема **ē* была закономерно замещена славянской фонемой *ѣ*, имеющей сходное качество и происхождение (из праслав. **ē*). Как раз древние написания

типа *Дѣмена*, *Дѣмяна* и другие, рассмотренные выше, могут отражать фактическую реальность *ѣ* как фонемы-субститута. Балтийское заимствование включилось в парадигму исконно славянских слов на *-мя-* (< *-*men-*) типа *сѣмя*, *племя*, *тѣмя*, *стрема*, *имя* и т. д., поскольку близость фонетической оболочки, особенно наличие *т* в исходе основы, благоприятствовала именно такому типу морфологической адаптации. Ср. сходную адаптацию фин. *salmi* ‘пролив’, которое, будучи заимствованным в древнерусский язык, оформилось по типу основ на *-мя*: в виде *соломя* ‘пролив, проток, проход между двумя островами’; от него, в частности, пошло название озера в Торопце – *Соломено*, буквально «проточное» [см.: Филин, 1972, 533–534].

Воспринятый от балтов термин приобрел в древнерусском языке все те парадигматические свойства, которыми характеризуются слова на *-мя* как при словоизменении (ср. *имя* – *имени* – *именем* – *имена* и т. д.), так и при словообразовании (ср. *именной*, *именины*, *именинник*). Однако в говорах, особенно северно-русских, начиная с XV в. наращение *-ен-* конкурирует с *-ян-*, которое возникло путем контаминации флексивных элементов (*им-я* + *им-ен-и* = *им-ян-и*); поэтому в актовой письменности того времени написания *времяни*, *имяни*, *племяни*, *знамянемъ* и т. д. – не редкость [см.: Хабургаев, 1990, 76–77]. С особой устойчивостью контаминированное наращение *-ян-* характеризовало формы множественного числа. Так, современный литературный язык отражает его в формах *стремян*, *семян* (наряду с *имен*, *племен*, *знамен*, *времен* и т. д., но, см., например, еще у Пушкина: «Хваленых дедовских *времян*»), а также в производных адъективах и других дериватах. Благодаря появлению нового *-ян-*, перетягивавшего на себя ударение, возникли колебания гласных в словах *стременной* и *стремянный*, *стремянка*, *именной* и *безымянный*, *теменной* и диал. *темянный*, *племенной* и *племянник*, диал. *племянный*, *семенной* и *семянка*, *временной* и *временка* и др.

Балтийский по происхождению термин **дѣмя*, включенный в парадигму основ на *-мя*, тоже, надо полагать, был отмечен колебанием элементов *-ен-/ян-*, характерным преимущественно для северно-русских говоров. Поэтому в северной (новгородско-псковской) гидронимии, образованной на базе данного термина, наличествуют обычно вариантные основы *Демен-* и *Демян-* (*Деменец* и *Демянка*, *Деменица* и *Демяница*) со смещением ударения на *-ян-*. Что касается территорий Поочья и Поднепровья, то здесь чаще представлен более ранний вариант *Демен-*, не затронутый контаминацией и последующим сдвигом ударения.

Когда исходный термин вышел из употребления, этимологическое значение гидронимических основ *Демен-*, *Демян-* оказалось забытым. Тогда появилась возможность ассоциативного сближения с личным именем *Демьян*, благодаря которому внутри некоторых географических названий развился эпентетический *j*; ср. колебания *Демянка/Демьянка*.

Возвращаясь к названиям средневекового городка *Дѣмена* (*Дѣмяна*), позднейшего *Демянска*, включенным в контекст рассмотренной гидронимии, можно уверенно констатировать их вторичный, «перенесенный» характер. Поселение было названо по смежному гидрообъекту. На первый взгляд это речка *Демянка*, протекающая по *Демянску*, известная с конца XV в. Но *Демянка* по своей форме – производный гидроним, называющий незначительную протоку (1,5 км длиной) из оз. Мосылинского в р. Явонь. Столь небольшие протоки обычно названы по питающим их более крупным и заметным озерам. Отсюда появляются более веские основания полагать, что источником переноса имен послужила не речка *Демянка*, а ее исток – крупное озеро Мосы-

линское. Иначе говоря, озеро, называемое сейчас *Мосылинским* (по деревне *Мосылино*, появившейся на ее берегу, ныне вошедшей в состав Демянска), некогда носило название с основой *Дѣмен-* (или *Дѣмян-*), означавшей ‘грязь, топь; грязное, топкое’. Этот древний озерный гидроним в конечном итоге и обусловил вариантную топонимию средневекового городка Демон (ср. аналогичные переносы близкородственных форм на других территориях, отраженные сочетанием смежных названий, в частности: д. *Деменец* на оз. *Деменец* или д. *Демян* «над оз. *Демянем*»⁶). Весьма показательно, что семантика основы *Дѣмен-* (*Дѣмян-*) соответствует физико-географическим качествам Мосылинского озера. Достаточно процитировать выдержку из его описания середины XIX в.: «Озеро Мосылинское, чрезвычайно топкое, грязное и тиноватое, берега плоские и по местам топкие, глубиной не более сажени, богатое рыбой» [Новгородский сборник, 6]. Местные жители добывали из озера сапропель – ил для удобрения огородов.

Итак, вырисовывается следующая картина. Древнее имя озера, расположенного у северо-восточной окраины современного Демянска, послужило основой названия речки *Демянки*, соединяющей озеро с р. Явонь, а также названия близлежащего поселения, которое впервые фиксируется письменными источниками в конце XIV в. как городок *Дѣмяна*, *Дѣмена*, *Демяна*. Наличие *ѣ* объяснимо наследованием долгого узкого **ē* балтийского слова-этимона, колебание *-ен-/ян-* достоверно трактуется вхождением балтийского заимствования в парадигму славянских слов на *-мя* (< **men*). На базе первоначальных топонимов по разным причинам со временем появляется большое количество вариантов, среди которых есть и чисто графические (*Дѣмон*, *Дѣман*).

Большое количество архаических водных названий с топоосновами *Дем-*, *Демен-* (*Демян-*), этимологизируемых на балтийской почве, но обнаруживаемых в основном на территории древнего восточно-славянского заселения, позволяет поставить интересный для исторической лексикологии вопрос о существовании в далеком прошлом исчезнувшего ныне апеллятива, усвоенного славянами от балтов.

АИЮС – Боярская книга 1556 г. // Архив историко-юридических сведений, относящихся до России. Кн. 3. М., 1861.

ГВНП – Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под ред. С. Н. Валка. М.; Л., 1949.

ГМ – Генеральное межевание 1785 г. (материалы взяты из топонимической картотеки К. В. Гарновского: Названия Боровичского уезда Новгородской губернии (хранится на кафедре математической лингвистики филологического факультета Санкт-Петербургского государственного университета).

Зализняк А. А. Древненовгородский диалект. М., 1995.

КБЧ – Книга Большому чертежу / Под ред. К. Н. Сербиной. М.; Л., 1950.

Лемтюгова В. П. Восточнославянская ойконимия апеллятивного происхождения. Минск, 1983.

Маишников П. Л. Список рек Днепровского бассейна. СПб., 1913.

⁶ Пункты на территории средневекового Никольского погоста Бежецкой пятины (*Деменец*) [см.: ПКНЗ, 1, 198, 211] и Никольского стана Великолуцкого уезда 1625–1627 гг. (*Демян*) [см.: Янин, 1998, 173, гр. № 493 на рис. 9].

- Мурзаев Э. М.* Словарь народных географических терминов. Т. 2. М., 1999.
- Неволин К. А.* О пятинах и погостах Новгородских в XVI в. СПб., 1853.
- Новгородский сборник. Вып. 3 / Под ред. Н. Богословского. Новгород, 1865.
- НПК – Новгородские писцовые книги. Т. 2. СПб., 1862.
- НПЛ – Новгородская Первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- ОПГ – Озера Псковской губернии (их естественно-историческая характеристика и экономическое значение): С картографией озерных районов / Сост. О. А. Шкапский. Псков, 1912.
- ПВН – Памятники истории Великого Новгорода / Под ред. С. В. Вахрушина. М., 1909.
- ПKNЗ – Писцовые книги Новгородской земли. Т. 1. М., 1999.
- Поспелов Е. М.* Географические названия мира: Топонимический словарь. 2-е изд., стер. М., 2001.
- Приложения... 1989 – Приложения к распоряжению новгородского облисполкома от 22.08.89 г. «Об утверждении перечня рек, озер и водохранилищ Новгородской области для установления водоохранных зон до 2000 года».
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. Т. 1–42. СПб.; Пг.; Л.; М., 1841–2003.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М., 1976.
- Топоров В. Н.* Балтийский элемент в гидронимии Поочья. III // Балто-славянские исследования, 1988–1996. М., 1997.
- Топоров В. Н., Трубачев О. Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М., 1962.
- Филин Ф. П.* Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Л., 1972.
- Хабургаев Г. А.* Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М., 1990.
- Щекатов.* Историко-географический словарь. СПб., 1804.
- Янин В. Л.* К вопросу о дате составления обзора «А се имена градомъ всѣм Русскимъ, далнимъ и ближнимъ» // Древнейшие государства Восточной Европы: Материалы и исследования. 1992–1993 гг. М., 1995. С. 125–134.
- Янин В. Л.* Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV вв. М., 1998.
- Янин В. Л.* Новгородские акты 12–15 вв.: Хронологический комментарий. М., 1991.
- Gerullis G.* Die altpreussischen Ortsnamen. Berlin; Leipzig, 1922.
- Lietuvos upių ir ežerų vardynas.* Vilnius, 1963.
- Savukynas B.* Ežerų vardai // Lietuvių kalbotyros klausimai. 1962. T. 5.
- Vanagas A.* Lietuvių hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981.

* * *

Валерий Леонидович Васильев – доцент, старший научный сотрудник кафедры русского языка Новгородского государственного университета.

А. К. Шапошников

ДРЕВНЕЙШАЯ ОНОМАСТИКА ТАВРИЧЕСКОГО ПОЛУОСТРОВА

1. Сурожская земля

This work is dedicated to the problem of the oldest onomastics of Taurica peninsula and includes entire etymological analysis of local place names found in a given historical and cultural region of Sugday. It is followed by ethnological and cultural interpretation. Dealing with old place and personal names the author makes linguistic attribution, gives probable etymology (where it seems to be necessary) to many local place- and personal names, examines relations between linguistic signs (names) and society created those names. As a result of this study a clear picture of migration and settlement of different ethnic groups in the land of Sugday from the middle of the IV millennium BC to the middle of the II millennium AD appears.

Статья посвящена проблеме изучения древнейшей ономастики Таврического полуострова (преимущественно микротопонимии) и предполагает языковую атрибуцию, этимологическую интерпретацию местных названий и личных имен собственных, а также рассмотрение отношений «языковой знак – значение – обозначаемое – социум». В результате реконструируется картина древних миграций населения и проживания нескольких этнических групп на Сурожской земле.

Историко-культурная и географическая область Сурожская земля охватывает все юго-восточное побережье Таврики от перевала Судакские Ворота (близ Алушты) на западе до реки Байбуги на востоке. С севера эта область ограничена главной грядой Таврических гор (Караби-яйла и Судакские горы до холма Кара-Оба), с юга – береговой линией Черного моря. Исторические местные названия этой области происходят из нескольких индоевропейских языков (диалектов индоевропейского праязыка, индоиранских, греческого и романских языков и диалектов) как письменного, так и дописьменного периода.

На территории Судакских гор сохранялись некоторые ономастические следы мигрирующих племен, носителей индоевропейского праязыка.

Название горы **Киммерий**, расположенной к востоку от Трапезунта (Чатырдага), *Κιμμέριον ὄρος*, как и этноним *Κιμμέριοι* ‘киммерийцы’, античные писатели считали производными от теонима *Κιμμέρις (θεά)* ‘Великая мать богов Кибела’. Не является ли основа данных имен родственной кельт. *Cymru, Cimbri* ‘север, северный мрак’?

Этноним **тавры** (др.-греч. *Ταῦροι*, лат. *Tauri, Taurici*) может восходить к самоназванию, близкому к греч. *ταῦρος*, лат. *taurus*, балт. *tauras*, др.-инд. *tura-*, праслав. **turъ* ‘бык (дикий)’. Древние греки полагали, что этноним **тавры** связан словообразовательно с эпиклезой богини Артемиды-Тавро (*Ταυρώ*).

Топоним **Лагура** (*Λαγύρα*) у Клавдия Птолемея (II в. н. э.) восходит к и.-е. основе, общей для прагерм. **lagu-*, праслав. **loky, -ъve*, лат. *lacus, -us* ‘водоем, озеро, лужа’, ‘лагуна’ (?) и суффиксу изобилия **-ur-*. Таким образом, **lag(u)-ur-a* ‘место, изобилующее водоемами, заливами’.

Топоним **Ускут, Искют** (средневековая фиксация *Casale de lo Scuto, Scutti, Scuti, Scutum*) восходит к и.-е. праформе **skoit-om* ‘заслон, щит’, ср. лат. *scutum*, прусск. *scaytan*, праслав. **ščitъ*. Эта этимология находит семантическую поддержку во внутренней форме соседнего топонима *Туак* (см.) – «заслон, щит».

Гидроним *Ἰστρίανου ποταμοῦ ~ ἐκβολαί* «впадение реки Истриана» у Птолемея произведен от древнего и.-е. наименования Дуная (*Ἰστρος*) и соседнего города Истрии (*Ἰστρία*), восходящих в свою очередь к и.-е. **s(t)ros* ‘струистый, многоструйный’. Подтверждением прабалтийских связей данных топонимов является название одной из рек Подмосковья – *Истра*, относимое к балтийскому наследию.

Топоним **Гермизий** (*Hermisium* у Помпония Мела, I в. н. э.) является латинской передачей др.-греч. топонима *Ἑρμεῖσιον*, рефлекса туземной формы **herme-isiom* ‘место, изобилующее гермами (вертикальными каменными стелами, истуканами)’. Гора Коклюк (окрестности Коктебеля), сложенная меловыми и палеогеновыми мергелями и известняками, нависает над селом Бараколь величественными скалистыми столпами. На склонах Сары-Каи археологи обнаружили остатки обширного городища (8 га!) конца II в. до н. э. – начала II в. н. э. Соблазнительно предположить, что это и есть **Гермизий**, поскольку античный географ упоминает данный топоним по отношению к некоему объекту, расположенному в непосредственной близости от Феодосии. Но лишь обнаружение эпиграфических подтверждений на самом городище позволит определить с большей уверенностью, как назывался этот позднескифский городок.

Топоним гетуэского периода (1320) **Possidima** трактуется из и.-е. сложной праформы **po-sid(i)-ma* ‘у седловины, сиденья’ – редкое префиксально-суффиксальное производное от корня **sid-* ‘сидеть, оседать, садиться’, ср. праслав. **siděti* ‘сидеть’. Этот реликтовый топоним сопоставим с античным *Ποστυρία* (Старый Крым?) «у стези» [см.: Шапошников, 2000, 195–198].

Местное название **Кафа** (греч. *Καφά, Καφάς*, лат. *Caffa, Cafā*, тур. *Kefé*, в описании событий IV в. н. э. «местечко Кафа») может быть истолковано на базе лит. *kapà* ‘песчаная дюна’, *kāpas* ‘могильный холм’, *kapaĩ* ‘могила, кладбище’, лтш. *kaps* ‘могила’, *kāpa* ‘дюна’ (см. также с. 115).

Какой социум являлся создателем этих топонимов? В период развитого неолита, вместе с распространением производящих способов экономики (V–IV тыс. до н. э.) в Судакскую горную страну проникли племена – носители древних индоевропейских диалектов. Эти племена известны из древнегреческого предания как куреты аргиевн,

куреты пеласгов, куреты ахайев (носители протоиндоиранского, протославянского, протобалтийского и протоармянского диалектов индоевропейского праязыка), которые последовали за Ио, священной белой телицей богини Геры, из Арголиты в Эпир, Иллирию, перевалив через хребет Гем (Балканы), прибыли к устьям Истра (Дуная), отсюда направились в Скифию и Таврику (где, согласно мифу, Зевс-отец (Осирис) впервые впряг пару быков в ярмо и провел первую борозду, отчего вся земля стала именоваться Таврикой, т. е. «относящейся к быкам»).

К середине IV тыс. до н. э. эти индоевропейские племена, перевалив Кавказский хребет, пришли в Египет, откуда расселились в Закавказье, Анатолии, Сирии и Междуречье, проникли на Иранское плато и в долину Инда, однако часть их навсегда осталась в Таврике. Судя по позднейшим историко-культурным свидетельствам, на Таврическом полуострове оказались куреты, почитавшие в качестве племенных божеств Артемиду, Гекату и Асклепия. Ономастические следы их расселения в Таврической горной стране сохранялись до поздней античности и развитого Средневековья: *Ἀρυόδα* «блестящая вода», *Poffidima* «место у седловины», *Ποστίρια* «место у стези, пешеходной тропы или тропы перегона стад». Потомки этих куретов, возможно, оставили археологическую культуру Кемпи-Оба, а в I тыс. до н. э. доживали свой век на южном берегу Таврики, известные под именем *тавров*. Им приписывают южнобережный вариант кизил-кобинской (или таврской) археологической культуры VII–V вв. до н. э.

Часть древнейшей ономастики Сурожской историко-культурной области принадлежит арийским диалектам.

Акисалиты (*Acisalitae* – Plin.) – племенное название I в. н. э. Объясняется как типичное индоарийское сложение типа др.-инд. *ake* ‘поблизости, рядом, по соседству’ и *salila* ‘вода’ [см.: Трубачев, Шапошников, 1999, 222].

Вонитике – название ворот средневековой Кафы (*porta Vonitiche vel Filatorum*), отражает слово, родственное др.-инд. *vana*– ‘ткачество, шитье’ и *vanitika*– ‘ткаческий’. Латинское пояснение «ворота ткачей» не оставляет сомнений в правильности данной этимологии [см.: Трубачев, 1977, 24; Трубачев, Шапошников, 1999, 286].

Племенное наименование одной из 6 общин внутренней Таврики I в. н. э. **Калиорди** восходит к индоарийскому сложению **kali*–: ср. др.-инд. *kali* ‘темная, темно-синяя, черная’ (также имя богини *Кали*, жены бога Шивы, аналога др.-греч. Гекаты) и *vardhi*– ‘воды, океан’ [см.: Трубачев, Шапошников, 1999, 245].

Название перевала **Каллистон** может восходить к индоарийскому сложному слову, состоящему из **Kali*– (см. выше) и *sthāna*– ‘стояние, расположение; место, местоположение’ [см.: Там же, 244].

Топоним **Каллипра** (лат. *Calitra*, *Callitra*, с 1321 г. *Callitre*), локализуемый в окрестностях Карадага, может восходить к др.-инд. *kali* (см. выше) и суффиксу имен места (*nomina loci*)–*tra*–, т. е. **Kali-tra*– ‘темно-синее (место) или (место) богини Кали (Гекаты)’ [см.: Шапошников, 1999, 68]; ср., однако, ниже, с. 119.

Название обширной равнинной местности к востоку от Кафы **Кампания** гораздо древнее итальянских упоминаний XIV–XV вв. (еще в Равеннской лоции конца VII в. сказано: «...item patria Campi Campanidon...» <...еще отечество Кампи Кампанидов...> [Schütz, 1940, 215]) и восходит не к позднелат. *campania* ‘полевая местность’, *campi* ‘поля, нивы’, а к арийск. диал. *kampa*– м. р. ‘землетрясение’, *kampana*– ср. р. ‘сотрясение, землетрясение’ (в мужском и женском роде употребляется как название области

в Кашмире), наконец, *kamraṇya*- ‘быть сотрясаемым, -ой’. В данном случае название области мотивировано не равнинным характером ландшафта, а особыми вулканическими явлениями – грязевыми вулканами и сопками Джау-Тепе.

Гидроним *Канака*, *Канаки* родствен др.-инд. *kanaka*- ‘шиповник’, либо *kanana*- ‘лес’. Аналогичное наименование (по преобладающему виду растительности) имеет близлежащее село *Андуз* (от тур. *anduz* ‘кипарис’); напомним и средневековый топоним *Элисс* (*Ἐλισσος* «плющ») – название области там же [см.: Шапошников, 1999, 49].

Этноним *Sattauci*, который фиксируется в произведениях античных авторов в связи с Феодосией, трактуется как адаптация индоарийского пракрит. **Sat(t)a-auka*- «Семидворка», «Семь домов» от **satta*- ‘семь’ (др.-инд. *sapta*- ‘семь’) и **auka*- (др.-инд. *oka*- ‘дом, жилье’), ср. название села *Семь Колодезей*, средневековый топоним *Casale de lo Sdaffo* [см.: Трубачев, 1977, 18; 1981, 6; IA, 1999, 46, 52, 171, 172, 272–273]. Название загородного поместья в 7 км к востоку от Алушты *Casale de lo Sdaffo, Osdaffum* [см.: Braun, 1890, 12] калькировано греками как *ἐπτά σπίτια* «Семь домов» [см.: Сумароков, 1805, 212] и турками как *jedi-evler* [см.: Маркевич, 1928, 25].

Кафинская итальянская средневековая глосса *solatas siue tectos* [см.: Vigna, 1455, doc. CXXXI] (если только это не искаженное среднелат. *sola(r)ias* ‘*солата* или кровли’) – не что иное, как рефлекс др.-инд. формы *śālā*- ‘находящийся под кровом’ [см.: Трубачев, 1979, 137–138]. Индоарийская основа оформлена собирательным суффиксом *-ta*.

Топоним *Туак* сопоставим с др.-инд. *tvak*-, *tvac*- ‘шкура, кожа, кожура, панцирь, латы’, ср. др.-перс. *taka-bara*- ‘щитоносные (саки)’. Эта этимология поддерживается средневековым топонимом *Scutum, Casale de lo Scuto, Scutti* «щит, заслон» [см.: Трубачев, 1981, 128; 1999, 154].

Топоним *Чегенимтра*, *Чигенимтра*, *Чигинимтра* – турецкая адаптация местной индоарийской формы **saga-nitra* ‘(перевал) козла-вожака’, ср. др.-инд. *chāgā*-, *chāga*- ‘коза, козел, козлий’ и *netra*- ‘вождь, вожак’ [см.: Шапошников, 1999, 49; Трубачев, Шапошников, 1999, 232]. Отметим фонетическое отличие от иран. **saga*- ‘коза, козел’, восходящего через ступень **sçaga*- к и.-е. **sk’ago*- /*sk’ogo*- [ЭСИЯ, 2, 195–196], ср. осет. *sæγ*, *sæγæ* ‘козел, коза’ [ИЭСОЯ, 3, 58–59]. Ср. иное толкование: из **jige-nitra*- ‘пеший проход’ на основе др.-инд. *jigati*, *jigeti* ‘идти’, *netra* ‘проход’ [см.: Трубачев, 1981, 129–130; 1999, 120–121, 184, 242].

В первой половине II тыс. до н. э. из Закавказья на Северный Кавказ переселились племена, носители индоарийских диалектов (пандавы?), основными зонами обитания которых стали Западный Кавказ, Прикубанье и Приазовье. Часть этих синдо-меотских племен проникла в Северное Причерноморье, Нижнее Подунавье и даже на Таврический полуостров, некоторые из них стали предками украинских и дунайских цыган [см.: Шапошников, 2003, 215–220].

На Сурожской земле также обнаружены ономастические факты, имеющие туранский (восточно-иранский) облик.

Название оврагов и рек *Алакоз*, *Алака* (16 км к западу от Алушты) и *Алачук* (Рыбачье) скорее всего восходят к туран. **alaka*- ‘источник, ключ’, слову и.-е. происхождения.

«Таврское» наименование Феодосии *Ардавада* (перипл V в. н. э.) < **Αβδαρδα* при рукописном *Ἀρδάβδα ἐπτάθεος* «?семибожий (град)» сопоставимо с осет. *avd*, *ævd* ‘семь’ и авест. *ard(vi)* ‘божество’ [см.: Абаев, 1990, 89–90].

Гидроним **Бай-Буза** толкуется из туран. диал. **bai-buga-* ‘имеющий два изгиба’, где **bai-/bi-* ‘два, двое-, дву-’ восходит к индоиран. **d[u]ṛi-* ‘двое-, дву-’, особенно в составе композитов [ЭСИЯ, 2, 40, 60, 489], а **buga-* является диалектным вариантом праиран. **bauga-* ‘изгиб’, производного от **baug-/bauj-*, **bug-/buj-* ‘гнуть, сгибаться’, ср. др.-инд. *bhogá-* ‘изгиб, извив’ [Там же, 480]. Арийские и туранские слова продолжают и.-е. праформу **b(h)oug(h)a-* ‘изгиб’. Примечательно, что значения праслав. **buga* ‘сырое, топкое место, затопленный весенними разливами береговой лес и кустарник’ [ЭССЯ, 3, 78] и лтш. *bauga* ‘топкое место у реки, плохая заболоченная почва’ [Mühlbach-Endzelin, 1, 267] также подходят для описания этой феодосийской речки.

Гидроним **Ворон** сопоставим с осетинским словом *waryn* ‘дождь’, *waryny don* ‘дождевая вода’ [см.: Шапошников, 1999, 50].

Местное название **Кафа** недостаточно убедительно толкуют из вост.-иран. **kaufa* (ср. авест. *kaofa*, сред.-иран. *kof*) ‘гора’ [см.: Шапошников, 1999, 50] или *kafa-* ‘рыба’, осет. *kæf* [см.: Абаев, 1979, 293] (см. выше).

Название горной вершины **Комофырсха**, или **Комофыхра**, доносит в сильно искаженном виде осет. *kom* ‘ущелье (рот)’ и *fyrxærag* ‘обжора’ или, скорее, *færssag* ‘побочный приток’, ср. *færshæy* ‘селение в стороне от главной дороги’, *færsk* ‘ребро’.

Займованный термин *rintsch* ‘mons’ [Busbequius, 1605] в языке таврических готов восходит к форме **rintz*, сопоставимой с алан. (осет.) *ryndz* ‘горный хребет, утес, обрыв’.

Название пирамидальной горы **Сопи** можно толковать из осет. *sær* ‘вершина, верхушка’.

Гидроним **Шелен** сопоставим с осетинским *sælæn* [šälän] ‘замерзающий’ и является турецкой адаптацией последнего слова [см.: Шапошников, 1999, 50].

Гидроним **Шор** сопоставим с осетинским *swar* [šwar] ‘минеральный источник, минеральная вода’ [см.: Там же].

Сюда же может относиться и загадочное, явно нетюрское название горы **Кисломно**, не получившее еще убедительной интерпретации.

Эпиграфика позднеантичной Феодосии (III в. н. э.) [КБН, № 947–951] содержит несколько имен собственных вполне осетинского облика: *Αρδάριον* – ср. осет. *ældar* [äldar] ‘барин, господин, властелин’; *Δαδά*, *Δάδας*, *Δαδοῦς* – ср. осет. *dada* ‘папа, дедушка’; *Δαδαίου* – ср. осет. *dædæy* ‘обрядовый крик при оплакивании’; *Φιδᾶς* – ср. осет. (иронск.) *fyd*; осет. (дигорск.) *fydæ* ‘отец’; *Φαδσίον* – ср. осет. *fæddzu* ‘алюр’ [см.: Там же, 50–51].

Некоторые личные имена феодосийской эпиграфики III–IV вв. н. э. также могут быть иранскими по происхождению: *Ἀχαμένης Ὀμψαλάκων*, *Ῥαδάμειστος Δάδα*, *Ἀλέξανδρος Φαρνακίων*, *Παπίου Χωνδίακος*, *ΖΟΧΩΔΙΑΚΟΣ*, *Σόγος*, *Ποττηοῦς Ἀπαντε* [КБН, № 947–951].

Ἀλουφοῦ, **Ἀλαφοῦ**, одно из родовых имен в средневековой Сугдае, сопоставимо с прикубанским гидронимом *Уруп* и авестийским словом *Taxma-Urupi-* ‘лис, лиса’ (из и.-е. **(w)lupi-* ‘лиса’) [см.: Νυσταζοπουλο, 1965, 146–147; Шапошников, 1999, 51].

Название, которым обозначали в разные эпохи город Судак, залив, порт, долину, горную страну и целую область, имеет четыре основных варианта: итал. *Soldaia*, греч. *Σουδαία*, рус. *Сурож*, тат. *Судак*.

Итальянская форма *Soldaia* является фонетической адаптацией среднегреческой формы *Σουδαία*, которая, в свою очередь, восходит к восточно-иранскому (согдийско-ягнобскому) антецеденту **sugday* < **sugdaka-* ‘согды, жители Согдианы’.

Татарские формы *Судакъ*, *Суудагъ*, *Судах* и пр. восходят в конечном счете к древнетюркской (рунической) форме **Soɣdaq/*Suɣdaq* ‘согды, жители Согдианы’.

Русские формы *Соурожь*, *Сурожь* являются результатом адаптации волжско-булгарского (др.-чув.) **suroɣ*, в свою очередь, восходящего к древнетюркской праформе **soɣdaq* ‘согды’ (через ступени **suɣdoɣ* и **suɣroɣ*).

Существует два толкования происхождения всех форм этого топонима.

1. Среднегреч. форма *Σουδαία* [suɣdaia] происходит от этнического наименования *Σουγδαῖοις τοῦς ἄνω* ‘верхние сугдаи (народность), жители *τῇν ἑνωτέρω Σουγδαίαν* «Верхней Сугдии»’, которое было в утраченном Хождении апостола Андрея (I–II вв. н. э.), цитируемом Эпифанием Монахом (VIII в. н. э.). Народность Сугдаи, которой сам апостол Андрей принес Благоую Весть, проживала в его время (середина I в. н. э.) где-то в верховьях рек Кубань и Уруп. В начале III в. н. э. сугдаи были переселены боспорскими царями в Таврическую область, где около 212 г. н. э. и основали крепость Сугдаи (*τὸ κάστρον τῆς Σουγδαίας*). Переселение сугдаев с Западного Кавказа в современную Судакскую горную страну скорее всего было спланированной акцией боспорских царей Тиберия Юлия Савромата II (193–210 н. э.) и Тиберия Юлия Рескупорида III (210–226 н. э.), которые, получив практически весь Таврический полуостров к северо-востоку от реки Альма и Алушты по договору о разделе сфер оккупации с римлянами, развернули в областях бывшего Скифского (Тавроскифского) царства широкую колонизационную деятельность. Эти правители строили крепости, заботились о безопасности морских и сухопутных торговых путей, заселяли запустевшие местности переселенцами из восточных областей Боспора. Их благотворная внутренняя и внешняя политика была отмечена общинами Пантикапея (Керчь), Феодосии, античного городка в Старокрымском урочище (Постигия?), Амастриды (Амасра) и Прусы (Бурса) воздвижением почетных статуй и изданием декретов. Переселенцы сугдаи занимались не только охраной отдаленного форпоста Боспорского царства (крепости в Судаке), но и контролировали безопасность сухопутных и морских путей, разводили скот, возделывали окрестные долины, поддерживали развитие ремесел и торговли (которыми в те времена занимались греки). В смутные III–V вв. н. э. сугдайцы – военные поселенцы – приняли беженцев из гибнущей позднеантичной Феодосии. Так как среди последних были близкородственные им по языку и культуре сарматские эллинизированные роды, а также собственно грекоязычные семейства, раннесредневековая община города Сугдаи обрела позднеантичный эллинизированный облик и перешла на греческий язык. Такова первая версия возникновения топонима *Сугдаи*.

2. Для древнетюркской праформы топонима *Сугдак* (*Судак*) возможно иное толкование. В период взлета первого тюркского каганата в Монголии (555–581 н. э.), особенно в правление Муган-кагана, Истеми-Ябгу-кагана и Таспар-кагана, народность согдов (*sugdaq-buduny*) играла немаловажную роль в международной торговле каганата, а потому во многих случаях определяла внешнеполитические акции Истеми и Таспара. Внешняя политика каганов первого каганата была продолжением экономической стратегии согдийского купечества, основной целью которой в VI–VII вв. н. э. было установление жесткого контроля над северным ответвлением Великого шелкового пути из Китая в Римскую империю, стабильного функционирования согдийской транзитной торговли с Закавказьем и Восточной Римской империей в обход Сасанидского Ирана. Для достижения этой цели согдийские торговые магнаты использовали как дипломатические

средства (посольства Маниаха в Константинополь), так и военные походы тюркских войск, в частности завоевание Северного Кавказа и установление военного контроля над Дарьялом при Сил-Ябгу в 565 г. или захват почти всех таврических владений Восточной Римской империи полководцем Турксантом (Тюрк-шадом) в 575–581 гг. Именно этому тюркскому военачальнику можно приписать основание и первоначальное обустройство согдийской торговой фактории или даже колонии в отнятой у римлян крепости Сугдае. В этом случае топоним *Судак* имел исходное значение ‘согдийская’ (фактория или колония). В позднелатинском итинерарии Равеннского анонима VII в. впервые фиксируется топоним *patria... Sugdabon* «область Сугдабов». Позднелатинская форма *Sugdabon* есть не что иное, как транслитерация греческой формы родительного падежа множественного числа *Σουδαίων* «сугдабов», отражающей, если только это не порча текста переписчиками (**Σουδαίων*, **Σουδαίων*?), подлинное согдийско-ягнобское сложное слово **syd-ab-* ‘река Согд(ов)’. Согдийско-ягнобские по виду праформы **Syuday* и **Syudab* стоят в одном ряду с другими реликтовыми туранскими топонимами Восточной Таврики – *Булзыяб*, *Сурхат* (ср. среднеаз. топоним *Surxkat* «красная крепость»). Они могут служить доказательством присутствия носителей согдийских диалектов в раннесредневековой Таврике. Их появление здесь вероятнее всего совпало по времени с расширением I Тюркского каганата (550–630). В дальнейшем согды утратили свои ключевые позиции в мировой торговле, а позже были вытеснены и ассимилированы тюркоязычными этносами (узбеками).

Эти противоречивые толкования можно примирить, если допустить, что древние турки отождествили таврических сугдаев с хорошо известными им среднеазиатскими согдами (сугдаками) и перенесли древнетюркское наименование последних (*сугдак*) на город и область первых (*Сугдайя*) в конце VI – первой трети VII в. [см.: Шапошников, 1999, 25–30, 53–55].

Туранские диалекты появились в Таврике значительно раньше III–VI вв. Еще на рубеже II и I тыс. до н. э. (1200–800) в Северное Причерноморье вторглись новые поселенцы – племена восточно-иранской языковой подгруппы (потомки Сарэма-Салма или туранцы, потомки Тура?), вышедшие с территорий Южной и Северной Осетий. Одна из туранских родоплеменных групп, известная как скифы царские, в летние месяцы пасла свои стада в Приднепровье, а на зимовья возвращалась в предгорья Таврики. Это население, как полагают историки, оставило кизил-кобинскую археологическую культуру (VIII–V вв. до н. э.), крымско-днепровский локальный вариант скифской археологической культуры V–III вв. до н. э. и археологическую культуру поздних скифов середины III в. до н. э. – середины III в. н. э. Позднее, в 212 г. и между 267 и 275 гг. н. э., на Таврический полуостров переселились племена сугдаев и фуллов, также говоривших на диалектах, родственных осетинскому языку.

С VI в. до н. э. юго-восточная Таврика стала известна древним грекам, которые основали на ее восточной окраине колонию – Феодосию. Помимо археологических остатков эллинской цивилизации – руин зданий и строений, керамики и монет, в этой историко-культурной области сохранились и имена собственные – следы пребывания на Сурожской земле древних греков:

Название античного города **Феодосия** (др.-греч. *Θεοδοία*, *Θευδοσία*, лат. *Theodosia*) образовано от мужского личного имени *Феодосий* (*Θεοδόσιος* ‘данный богом’). Подоб-

ная номинация греческих колоний была широко распространена и позволяет предполагать, что город был назван в честь его основателя, руководителя милетских колонистов.

Название опустевшей гавани скифотавров *Ἀθηναίων* λιμένα ἤτοι Σκυθοταύρων λιμένα ἔρημον... (вин. п.), *Ἀθηναίωνος* λιμένος ἤτοι Σκυθοταύρων... (род. п.) в периплах Арриана (131–137 н. э.) и Анонима (середины V в. н. э.), находившейся в 200 стадиях к западу от Феодосии, также образовано от греческого мужского имени *Ἀθηναίων, ὄνος*. Был ли этот Атенайон частным предпринимателем или представителем Боспорского царства, когда и при каких обстоятельствах обустроил порт в скифотавровской гавани, – об этом история умалчивает [см.: Шапошников, 1997, 8]. Порт Атенайона предположительно локализуется в Коктебеле или в Приморских Отузах. Стремление археологов обозначать этим названием Судак или недавно обнаруженную крепость первых веков н. э. у с. Веселое приходит в противоречие с указанием на расстояние, приводимым Аррианом.

Древнегреческое название горы *Ἁγίον ὄρος* (τόπος Σκυθίας, ἐν ᾧ Ἀσκληπιὸς ἐτιμᾶτο ‘место в Скифии, где почитали бога-врачевателя Асклепия’) означает «святая гора» и может соответствовать обозначению вершины Большого Карадага (578 м) *Святая гора* [см.: Шапошников, 1999, 61, 72–74].

На одной из плит II–III вв. н. э., обнаруженных в руинах церкви монастыря Ай-Йорги в Судак, хорошо читается имя *ΔΗΜΗΤΡΙ* ‘Деметра’ [КБН, № 954].

Название мыса между портом *Λαγύρα* и впадением реки Истриана на карте Птолемея (II в. н. э.) к западу от Феодосии – *Κόραξ ἄκρον* – означает «мыс-ворон» и локализуется на Меганоме [см.: Шапошников, 1999, 63].

Древнегреческому языку принадлежит и большая часть личных имен, сохраненных эпиграфикой Феодосии [КБН, № 947–951]: *Ἀγαθοῦς* (род. п.), *Ἀθηναίων*, *Ἀθηνοδώρου* (род. п.), *Ἀλέξανδρος*, *Ἀπολλωνίου* (род. п.), *Ἀρεσίας*, *Ἀρίστων*, *Ἀσκληπᾶς* (род. п.), *Ἀτηθύου* (род. п.), *Ἀυτονόμου* (род. п.), *Δάμωνος* (род. п.), *Δημητρη*, *Δημήτριος*, *Δημητρίου* (2 раза), *Ἐρμα*, *Ἐρως*, *Εὐδαμος*, *Εὐκράτης*, *Εὐμήλος*, *Εὐχαρίστου* (род. п.), *Εὐδοξος*, *Εὐροπάτιος*, *Ἥλιος*, *Θεοφίλου* (род. п.), *Θεωνά...*, *Θεωνύμου* (род. п.), *Καλλίарος*, *Καλλιγέιτο...*, *Καρδίου* (род. п.), *Μήνιος*, *Ὀλυμπιανός*, *Ὀλύμπου* (род. п.), *Πάππος*, *Πάππου* (род. п.), *Πάτειρος*, *Πόθος* (2 раза), *Ποσιδέου* (род. п.), *Σκ...η*, *Τειμοκράτου* (род. п.), *Τρύφων*, *Φορμίων*, *Χαρίτωνος* (род. п.), *Χρήστου*, *Χρύσιππος*, *Ψυχარიώνος* (род. п., 2 раза).

Часть личных имен жителей Феодосии доносят в греческой передаче традиционные римские имена: *Αὐρήλιος* (*Aurelius*), *Δροῦσος* (*Drusus*), *Ἰούλιος* (*Julius*), *Νουμηνίου* (*Numenius*), *Ροῦφος* (*Rufus*), *Τιβέριος* (*Tiberius*), *Οὐαλέριος* (*Valerius*).

Среднегреческая ономастика Судакской горной историко-культурной области содержит несколько примечательных имен [см., например: Νυσταζοπουλο, 1965, 81, 92–97, 100, 119–138; Шапошников, 1999, 51–53].

Ай-Анастасию (греч. *Ἅγιος Ἀναστασίου* – 1214 г.), *Ай-Стефан* (греч. *Ἅγιος Στέφανος*), *Аю-Афанасию* (греч. *ὁ ναός τοῦ ἁγίου Ἀθανασίου* – 1289 г.), *Аю-Димитрию* (греч. *ἁγίου Δημητρίου* – 1339 г.), *Аю-Николау* (греч. *ἁγίου Νικολάου* – 1337 г.), *Айя Варвара* (греч. *ἁγία Βαρβάρα*), *Айя-София* (греч. *ναός τῆς ἁγίας λογου θεοῦ σοφίας* – 793 г.) – названия церквей в Сугдае.

Ай-Алексий, ур. – греч. *Ἅγιος Ἀλέξιος*.

Ай-Андрий, *Ай-Эндри*, *Ай-Эндрит*, ур. – искаженное греч. *Ἅγιος Ἀνδρείας*.

Мыс Св. Ильи, мыс; *Айлия*, родник – греч. Ἅγιος Ἠλίας.

Айван-дере (Айванская долина) – адаптация среднегреч. ἅγι(ος) Ἰωάννης [ai(os)-ioan(is)] «святой Иоанн» (название дано по церкви или монастырю).

Ай-Йорги, гора – адаптация среднегреч. ἅγι(ος) Γεώργι(ος) [ai(os)-iorgi(os)] «святой Георгий» (наименование по средневековому монастырю; монастырь с таким же названием был и в Кафе).

Айсава-дере (Айсавская долина) – адаптация среднегреч. ἅγι(ος) Σαββάς [ai(os)-sava(s)] «святой Савва» (наименование по церкви или монастырю).

Ай-Серез, *Ай-Серёс*, р. – среднегреч. ἅγι(ος) Σέργιος [ai(os)-sergios] «святой Сергий»; очевидно, этому святому был посвящен монастырь или церковь поблизости.

Ай-Фока, гора, мыс – среднегреч. ἅγι(ος) Φοκάς [ai(os)-foká(s)] «святой Фока».

Аю-Кая, скала – среднегреч. ἁγίου πέτρα «(скала) святого».

Аю-Петру, монастырь в Кафе – греч. μονύδριον τοῦ τιμίου Πέτρου (1366).

Алепхор, *Алыпхор* – татарская адаптация среднегреч. Ἀλουφοῦ χωρί(ον) [alufu-xori(on)] «село, деревня (рода) Алуфу» (см. вост.-иран. этимологию имени).

Амбулапла, гора – греч. ἄμβελος [ambelo-] «виноградник».

Бельтистон, другое название перевала Каллистон (см. ниже) – греч. βέλτιστον [veltiston] «наилучший».

Вересь-Чокрак, родник – греч. βρύση [vrísi] «ключ, источник, родник».

Вигля, гора – среднегреч. βίγλα [vigla] «наблюдательный пост, сторожевой пост, ночная стража» из позднелат. vig(i)lia «стража».

Диплис, гора – греч. διπλές «двойные, двойня», прил. διπλός, διπλή.

Домба (она же *Хурган*, *Хриколь*, *Хырколь-Бурну*), гора – турецкая адаптация греч. τούμπα [tumba] «могильный холм, курган».

Епта-спитиш, д. [Сумароков, 1805, 212] – среднегреч. ἑπτα σπίτιοι «семь домов», ср. турецкую кальку *jedi-evler* «то же» [Маркевич, 1928, 25]; греческий язык в данном случае продолжает традиционное наименование этого места, восходящее, как и средне-лат. *Casale de lo Sdaffo*, *Osdaffum* [Braun, 1890, 12], к арийск. **satta-auka-* «семь домов» (см. с. 122).

Иван-Баба, о-в у мыса, который значится в итальянских документах как *San Giovanni* «мыс св. Иоанна», – искаженное среднегреч. πάππας Ἰωάννης [para(s)-ioan(is)] «отец Иоанн»; скорее всего – по находящемуся рядом монастырю или часовне.

Инарес, балка в Айванской долине – диал. греч. οἰναρές (pl.) к οἰνηρός «богатый виноградниками»; эта долина поныне используется для разведения виноградников.

Каламат, гора – искаженное среднегреч. καλαμίτις, καλαμωτός [kalamotos] «камышовая, тростниковая» или καλαμώδης [kalamodis] «заросшая тростником»; в семантическом плане такая трактовка оронима имеет поддержку в турецком наименовании другой горы – *Камыш*.

Каллистон, перевал – возможно, из среднегреч. κάλλιστον «самый лучший, прекраснейший, отличный»; ср., однако, выше, с. 113.

Каматра, гора – греч. καματηρά «утомительная, тягостная, изнурительная (о дороге, подъеме)».

Канака, *Канаки*, балка – возможно, из среднегреч. κάννακα, κάννακι «тростник, камыш»; ср. аналогичные наименования по преобладающему виду растительности: гора *Камыш*, село *Андуз* (тур. *anduz* «кипарис»), местность *Элисс* (Ἐλισσος) «плющ».

Капсель, селение, ур. – адаптация среднегреч. *καψέλλα* [kapsela] из лат. *capsella* ‘маленький ящичек’; наименование связано с крупнейшим в восточном Крыму таврским могильником из так называемых каменных ящиков (VII–V вв. до н. э.).

Капсихор, *Капсухор*, *Капсыгор*, с., долина – татарская адаптация среднегреч. *Καψίου χωρί(ον)* [kapsiu-xorí(on)] «село, деревня (рода) Капсия». Очевидно, может быть истолковано как «село сундуков», от среднегреч. *χωρί(ον)* [xorí] ‘деревня, село’ (ср. *Ставлухор*), *καψία*, среднелат. *capsia* ‘сундук’). В таком случае название также было мотивировано таврским могильником из каменных ящиков.

Кастор, *Кастро*, поляна – греч. *κάστρο* ‘крепость’.

Килисе-Кая, гора; *Килиса-Кая*, гора; *Кильсе-Бурун*, мыс; *Кильсечек*, пещера – турецкая адаптация среднегреч. *ἐκκλησία* [ekklisia] ‘церковь’. «Церковные» имена мысов и гор – напоминание о христианских храмах, некогда украшавших их.

Ксеропотамос (тур. *Куру-Узень*), р., селение – среднегреч. *ξεροποταμός, ξηροποτάμι* ‘пересыхающая речка, сухоречье’.

Лакана, гора; *Лекенез*, овраг – вульг. греч. *λάκκανες, λάκκανα* ‘овраги’, ср. *λάκκος* ‘овраг, рытвина’.

Лапата, гора – искаженное греч. *λάπαθα* ‘щавель (конский)’.

Ливаз-Кая, гора; *Ливада*, бухта – отголосок среднегреч. *λίβας, λιβάδα* [livada] ‘место с источником, скальный источник’.

Ликон, гора – греч. *λυκῶν* [ῥος] ‘волчья, гора волков’.

Лифтикар, овраг – искаженное греч. *λευκηχώρα* ‘место белых тополей’.

Мангана, гора; *Манганар-Бурун*, мыс – среднегреч. *μαγγανόν* ‘военное орудие, катапульта’, *μαγγανάρ[ον]* ‘военное орудие’.

Марианиде, *Марьяниде*, *Мариали*, д. – греч. *Μαριανίδαи* «происходящие от Марии (или относящиеся к Марии)»; название связано с наименованием близлежащего монастыря Всесвятой Марии.

Меганом (итал. *Meganome* – 1320 г.), мыс, горный массив – вульг. среднегреч. *μέγα* [mega] ‘большое, великое’ (вместо *μεγάλη*) и *νομή, νομός* [nomí], [nom(os)] ‘пастбище, выгон для скота’, ‘место пребывания, обиталище’, ‘округ, область’.

Микропотамос (*Кучук-узень*, *Малореченское*), р., селение – греч. *μικροποταμός, μικροποτάμι* ‘малая река’.

Монастырь-Чокрак, пещера на Караби-Яйле – греч. *τὸ μοναστήρι* ‘монастырь’.

Мухазль, р. в Судак, сохраняет библейское имя *Μιχαήλ*.

Паксия, *Пакея* (искаженно *Папса*, *Папия*), гора – греч. *παξία, πακία* ‘скалистый берег’.

Палеолимени, старый порт в Кафе – греч. *...τῇ περιοχῇ τοῦ Καφᾶ ἐν τῷ Παλαιῷ λιμένι...* (1366).

Панагия, ур.; *Панагьянын-Узень*, р.; *Паная*, гора – среднегреч. *πανάγια* [panaia] ‘Всесвятая Богородица, Богоматерь’, ‘церковь в честь Богородицы’, ‘икона Богоматери’, наименование по имени церкви, монастыря или часовни. В средневековых документах из Сугдайи упоминаются монастыри Всесвятой Марии Путеводительницы (Одигитрии) и Всесвятой Марии Щитоносной: греч. *Μονὴ τῆς Παναγίας τῆς Ὁδηγητρίας, μονὴ τῆς Παναγίας τῆς Σκουταριωτίσσης*.

Панаюр(ь), гора – среднегреч. диал. *ἡ πανάγυρις* [panaiuri] ‘религиозный праздник, народное гулянье, торжество, ярмарка’, скорее всего в память о религиозном празднике и ярмарке у церкви, которая находилась на горе.

Папас-мене, Папаз-тёне, горный хребет, гора – среднегреч. *πάππας* ‘батюшка, святой отец’.

Paradixi, якорная стоянка – итальянская передача греч. *παράδεισος* ‘рай, огороженный лесопарк’.

Плаки-Узень (Козская долина), р. *Плякья*, гора – искаженное среднегреч. *ἡ πλάκα* ‘каменная плита’, *τὰ πλάκια* ‘плитки’, *πλάκε* [plake] ‘плоский’.

Построфиль, гора – искаженное греч. *ἀποστροφή* ‘прибежище, спасение’.

Проватка, Праватка (итал. *Provato* [ASV, L. XV, 1332–1440]), бухта – вероятно, от среднегреч. *πρόβατ(ος)* [provat(os)] ‘удобный для выступления вперед’ или *πρόβατο(ν)* [provat(o)] ‘выступ’ (ср. турецкую кальку *Киик-Атлама* «выступ Лани»).

Синор (*Синорский перевал*) восходит к среднегреч. *σύνωρ(ον)* [sinor(on)] ‘пограничное’, ‘граница, предел’; тут некогда сходились границы общин Солнечной (Меганом) и Отузской (Каллитра) долин.

Сори, гора – греч. *οἱ σωροί* ‘кучи, громады’, *τὸ σωρί* [ov] ‘куча’.

Сотра, Сотыра, гора, ур. – турецкая адаптация среднегреч. *σωτείρα* [sotira] ‘спасительница (Богоматерь)’ (названия по имени церкви или монастыря).

Ставлухор, овраг – очевидно, от среднегреч. *σταυλ(ός)* ‘конюшня, стойло’, род. п., *σταύλου* [stavlu] и *χωρί(ον)* [hogi] ‘деревня, село’. Обычно первым элементом сложных топонимов на *-χωρ(ι)* выступает антропоним, поэтому в данном случае возможно и образование от имени *Σταυλου* (*Σταυρου*?).

Стаурнын-Бурну, гора – результат турецкой адаптации среднегреческой основы *σταυρ(ός)* [stavr] ‘крест’. Греко-турецкий гибрид *Стаурнын-Бурну* значит «выступ креста».

Судак-лимена, бухта; *Судак-лимена-бурун*, мыс – турецкая адаптация среднегреч. *λιμένας* ‘залив, бухта, порт’.

Терпи-Коба, Тирпи-Хоба, пещера – сохраняет в своем составе греч. *τρύπη* ‘нора, дыра, отверстие’.

Торкез-Оба (*Таркез-, Теркез-*), гора – искаженное греч. *τὸ τραπέζι* ‘стол’.

Филин, р. – греч. *φιλήνιος* ‘любящий поводья, послушный поводьям (о конях)’ или *φύλλιος* ‘лиственный’.

Френк-Мезер, гора – отражает греч. *φράγκοι* ‘латиняне, французы’.

Фул-Коба, пещера – содержит в своем составе греч. *φωλιά* ‘нора, берлога’, *ἀλεποφωλιά* ‘лисья нора’.

Харпус-кая, гора – передает греч. *καρπός* ‘плод’.

Хуна, Хун, Охун, старое название с. Веселое и речки – восходит к греч. *χούνη* ‘ущелье, овраг, лощина, промоина’.

Царские ворота в Сугдае – калька греч. *τῶ βασιλικῶ πυλῶνι* (1321).

Средневековый топоним *Элисс* (*Ἐλισσος*), название области и церковного округа между Алуштой и Ускутом – толкуется из среднегреч. *ἐλίσσος* [elisos] ‘плющ’ [см.: *Νυσταζοπουλο*, 1965, 83–84]. Но возможно интерпретировать это название и как производное от *ἐλίσσω* ‘извиваться, быть извилистым (о реках)’, ср. *ποταμὸς εἰλιγμένος, πόροι ἐλίσσόμενοι, Ἐλίσσοδς, οὐντος* (название реки в Элиде), тем более, что горные речки этой области *Ксеропотамос, Микропотамос, Улу-узень, Куру-узень* весьма извилисты.

В различных средневековых документах из Сурожской земли упомянуты многие греческие имена собственные: *Акакий* Ἀκακίος (1380), *Анастасий* Ἀναστάσιος (1297, 1339), *Антоний* Ἀντώνιος (1219, 1274, 1295, 1345, 1347, 1360, 1362, 1380), *Арсений*

Ἀρσένιος (1026, 1297, 1345), Василий Βασιλειος (1292; Василий Капица – 1380), Георгий Γεώργιος (1277, 1302, 1362), Герасим Γεράσιμος (1277), Григорий Γρηγόριος (1277), Димитрий Черный и Димитрий Саларев (1380), Евсевий Εὐσέβιος (1347, 1351–1362), Евфимий Εὐθύμιος (1398, 1400), Евфросин Εὐφροσυνος (1288), Елеуферий (1380), Ефрем Εφραίμ (800, 1288, 1312, 1357), Захарий Ζαχαρίας (1249), Илья Ἰλίας (1418), Иеремия Γερεμίας (1362), Иван-Иоанн Ἰωάννης (1270, 1292–1301, 1310, 1380), Иоанникий Ἰωαννίκιος (1418), Сидор-Исидор Елеуферьев (1380), Климент Κλημῆς (1327), Константин Κωνσταντῖνος (997, 1277, 1317; Константинъ Болкъ – 1380), Косьма Κοβυρῆς (1380), Костас Κώστας (1302), Лазарь Λαζαρος (1345), Лука Λουκάς (1327–1339), Макарий Μακάριος (1316), Марк Μαρκος (1345, 1362), Михаил Саларев (1380), Некомать Βρεχῆς (1375), Никита Νικητας (1331–1336), Павел Παύλος (1271), Пётр Πέτρος (1398, 1400), Полеас, Пулеас Πολέας, Πουλέας (1267, 1274, 1308), Поликарп Πολύκαρπος (1262, 1267), Савва Σαββας (1294, 1302), Στέφανος (725, 787, 1289, 1319; Стефан Василиев – 1403), Симеон Συμέων (1289; Симеон Антонов – 1380), Τιμόθεος (1284; Тимофей Весяков – 1380), Феоктист Θεοκτιστος (1389, 1393), Феофилакт Θεοφιλακτος (1400), Николай Νικόλαος (1472, 1473), Феофан Θεοφανης (1484/1485), Фёдор Θεόδωρος (1217, 1274, 1282), Филарет (800–815) [см.: Νυσταζοπουλο, 1965, 81, 92–97, 100].

В латинских и итальянских документах XIII–XV вв. есть упоминания некоторых географических названий романского происхождения.

Часто такие именованья по значению близки к географическим терминам. Так, горная часть венецианских и генуэзских владений в Сурожской земле называлась *Montata* (prouintia, contrata) [CC, 1981, 78]; долинные понижения – *Valata* [Там же]; местность за горами, «Загорье» – *Tramontana* (prouintia, contrata) [CC, 1981, 73].

Provato, бухта [ASV, L. XV, 1332–1440] – очевидно, от итал. *provato* ‘испытанный, проверенный’; см. греч. *Проватка, Праватка*.

Casale de lo Scuto, Scutti, поместье – от лат. *scutum, scutus* ‘щит’ [CC, 1981, 100], ср. *Туак*.

Casale de lo Sdaffo, поместье недалеко от Алушты – среднелат. адаптация арийск. **satta-auka-* ‘семь домов’.

Casal-кишла, гора – отражение среднелат. *casale* ‘загородное поместье, загородный дом’ [CC, 1981, 79]; ср. примеры употребления термина *casale* в генуэзских документах *Casale Coz, Casale Tarantacho* (окрестности Сугдайи); см. также предыдущий топоним.

Чукур-кая, гора – татарская калька среднелат. *fossatus* [Там же, 78], *fossatum* ‘рытвина, ров’ [Ducange].

Castrum Sancta Crucis (1365), *Santa Croce*, крепость (замок) – от среднелат. *crux* [CC, 1981, 70], итал. *croce* ‘крест’. Наименование *Святой Крест*, вероятно, относилось к крепости на горе Крестовой. См. *Стаурнын-бурну*.

San Jovanni, мыс – см. *Иван-баба* (с. 119).

San Georgio, крепость – итал. название крепости *Св. Георгия*, которое одни историки относят к крепости, примыкающей к Консульскому замку Сугдайи, другие ищут иные подходящие объекты.

Романскими по происхождению являются также названия ряда церквей (соборов): *Are Franasca* [CC, 1981, 121] – искаженное лат. *Sanctus Franciscus*; *Are Petrus* и *are Paulus* [Там же] – лат. *San Petrus* и *San Paulus*; *Are Lukas* [Там же, 122] – лат. *Lucas*; *Sanctus Stephanus, are Steffan*¹; *are Augustin* [Там же, 123] – лат. *Sanctus Augustinus*; *are*

Gregor [Там же] – лат. *Sanctus Gregorius*; *Ieronim* [Там же, 124] – лат. *Sanctus Jeronymus*; *are Ambrosius* [Там же, 125] – лат. *Sanctus Ambrosius*; *Johan* [Там же, 151] – лат. *Sanctus Iohannes*².

В документах, происходящих из области сурожан, упоминаются многие итальянские имена собственные: *Nicolo* и *Mattheo Polo* (1260), *Henrico di Piazzalunga* (1287), *Leonardo Tartaro* (1371), *Battista di Zoali* (1389), *Andolo* (1389), *Iacobo Torsello* (1380), *Bernabo di Franchi di Pagano* (1414), *Bernabo di Amico* (1469), *Pasquale Judice* (1392), *Luchini de Flisco Lavani* (1409), *Bartholomeo de Illioni* (1409), *Corrado Cicalo* (1404), *Jovanni Marione* (1388), *Baldo/Rumbaldi Guarco* (1394), *Frederico Astaguera* (1386), *Christoforo di Negro* (1475), *Guasco* (1475) и др.

С XIV–XV вв. в земле сурожан сохраняется несколько армянских географических названий.

Гидроним *Arnam* и топоним *Arnam-яйла* в Ускутском урочище в искаженном виде отражают армянское наименование (*Surb*)-*Urp*at «святая Параскева». Эти реликтовые топонимы связаны с армянским монастырем или церковью. Ср. знаменитый армянский монастырь Св. Параскевы (Пятницы) близ Тополевки (Топлу).

Название монастырей в Коктебеле и Старом Крыму *Сурб-Степанос*. В 1793–1794 гг. развалины армянской церкви у «деревни Карадаг» видел академик П. С. Паллас [1881, 208]. Позднее о руинах поселения с армянской церковью упоминает П. Кеппен [1836, 2, 4]. Эти живописные, издали видные руины охотно изображали художники, они сохранились на картинах Е. Юнге, Е. Нагаевской, А. Ромма и др. В середине XIX в. здесь были найдены и опубликованы две армянские надписи: 1. «Поминайте во Христе меня, архимандрита *Аведика*, первого соорудителя сего храма»; «Последнего возобновителя сего храма, архимандрита *Стефана*, иеромонаха *Эндир*, господина... *Луку* заслуженных, поминайте во Христе, лета 850» (1401); 2. «Сей крест есть предстатель *Иосифа*, *Авак-хатун* и сыновей их: *Захария*, *Султанишаха* и *Давида*, лета 936» (1487). Недавние раскопки выявили, что церквушка составляла лишь часть трехапсидного большого средневекового храма, принадлежавшего, вероятно, монастырю Св. Стефана. Вышеприведенные армянские надписи относятся к XV в. Действительно, именно к этому времени (после 1300) относится массовое переселение армян в Крым, основание ими монастырей и церквей, в том числе в Феодосии (церковь Св. Стефана XIV в.), Старом Крыму (монастыри *Сурб-Степанос* и *Сурб-Хач*). Армянские монастыри могли быть посвящены только первому христианскому мученику Стефану (*Сурб-Степанос*). В 1998 г. Судакской археологической экспедицией были начаты охранные раскопки средневекового христианского храма на восточном склоне горы Сюрю-Кая. В результате были вскрыты руины трехнефного храма прямоугольной планировки длиной 12 м и шири-

¹ Вся Юго-Восточная Таврика с VIII в. с особым почтением относилась к имени *Стефан*. В частности, община Сугдайи и ее епархия считали своим патроном св. Стефана Исповедника. Средневековая церковь Св. Стефана XIV в. сохранилась и в Кафе. В Книге францисканских миссионеров упоминается св. Стефан, есть и специальная проповедь, посвященная ему (*De S[anc]to Stephano, are Steffan* [СС, 1981, 122, 13]). Эти факты указывают на особое значение св. Стефана для составителей Книги культа и позволяют локализовать создание ее в монастыре именно этого святого.

² Возможно, в *are* следует видеть переработку греческого *αγιε* 'святой'. – Прим. ред.

ной 8,1 м. Церковь была ориентирована на восток. Стены сложены на известковом растворе из дикого камня местных пород. С внешней стороны кладки обнаружены фрагменты известковой штукатурки. Подобный архитектурный стиль характерен не для армянских, а скорее для византийских церквей. Он был широко распространен в средневековой Таврике [см.: Мыц, 1991, 34; Якобсон, 1928, 229–252; Баранов, 1994, 39–40, 42]. Архитектурные детали, найденные при раскопках, представлены капителью с резным орнаментом и семью тщательно обработанными блоками из ракушечника и известняка. Археологические находки фрагментов простых и поливных сосудов оранжевой, реже красной глины XV–XVI вв., поливной керамики XIV в., железных гвоздей, ножа, подков, бронзовой пластинки и слитка свинца со следами рубки позволяют определить время существования церкви – XIV–XVI вв. Время разрушения здания можно определить по кладу из 11 серебряных дирхемов 992 г. Хиджры (1583). Можно предположить, что поселение с церковью было оставлено жителями в связи с вооруженным столкновением крымского хана Мухаммеда-Гирея II Жирного с турецкими властями Кафинского пашалыка в 1584 г. [см.: Тур, 2001, 301–303].

В греческой передаче дошло еще имя старшины армянской общины Согдайи *ἄρχων Ἰβανέσις τοῦ Σοβακᾶ* (1407), т. е. «Ованес, сын Совака».

-
- Абаев В. И.* Скифо-сарматские наречия // Основы иранского языкознания: Древнеиранские языки. М., 1979.
- Абаев В. И.* Култ «семи богов» у скифов: Избр. тр. Владикавказ, 1990.
- Баранов И. А.* Археологическое изучение Сугдеи-Солдайи // Археологические исследования в Крыму, 1993. Симферополь, 1994.
- ИЭСОЯ – Абаев В. И.* Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 3. М., 1978.
- КБН – Корпус Боспорских надписей.* М.; Л., 1965.
- Кеппен П.* Карта Южного Крыма с указателем: Прил. к Крым. сб. П. Кеппена). СПб., 1836. Л. 2, ч. 8.
- Маркевич А. И.* Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. Топонимические данные крымских архивов // Изв. Тавр. об-ва истории, археологии и этнографии. Т. 2. Симферополь, 1928.
- Мыц В. Л.* Укрепления Таврики X–XV вв. Киев, 1991.
- Паллас, 1881 – Путешествие по Крыму в 1793 и 1794 годах академика П. С. Палласа: Пер. с нем. // ЗООИД (Одесса). 1881. Т. 12.*
- Сумароков П.* Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 2. СПб., 1805.
- Трубачев О. Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // Вопр. языкознания. 1977. № 6.
- Трубачев О. Н.* Таврские и синдомеотские этимологии // Этимология, 1977. М., 1979.
- Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция // Вопр. языкознания. 1981. № 2.
- Трубачев О. Н.* Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Трубачев О. Н., Шапошников А. К.* Этимологический словарь языковых реликтов Indoarica // Трубачев О. Н. Indoarica в Северном Причерноморье. М., 1999.
- Тур В. Г.* Средневековый христианский храм на горе Сюрю-Кая // Карадаг. История, биология, археология: (Сб. науч. тр., посв. 85-летию Карадаг. биол. станции им. Т. И. Вяземского). Симферополь, 2001.
- Шапошников А. К.* Коктебель: Исторические названия окрестностей. Симферополь, 1997.
- Шапошников А. К.* Старый добрый болгарский Коктебель (история, филология, культура). Симфе-

- рополь, 1999.
- Шапошиников А. К. Этимологические наблюдения // *Этимология*, 1997–1999. М., 2000.
- Шапошиников А. К. Три ареала арийских языковых реликтов в Восточной Европе // *Этимология*, 2000–2002. М., 2003.
- ЭСИЯ – Этимологический словарь иранских языков. Т. 2. М., 2003.
- ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков / Под ред. О. Н. Трубачева. М., 1975–... . Вып. 1–... .
- Якобсон А. Л. Средневековый Херсонес (XII–XIV вв.) // *МИА*. 1928. № 17. С. 229–252.
- ASV – Archivio di Senato di Venezia. Senato Misti. Libri XV 1332–1440: Libr. XXVII – f. 88r, Libr. XXVIII – f. 9v–10r, Libr. XXVIII – f. 22r, Libr. XXXVII – f. 106v.
- Braun F. Die letzten Schicksale der Krimgoten. Spb., 1890.
- Busbequius, 1605 – A. G. *Busbequii D. Legationis turcicae epistolae quatuor etc.* Hanoviae MDCV; Kuun G. De glossis gothicis apud Busbequium // *Codex Cumanicus*. Budapestini Editio Scient. Academiae Hung., 1880. С. 239–244.
- CC, 1981 – *Codex Cumanicus* / Ed. by G. Kuun with the prolegomena to the *Codex Cumanicus* by Louis Ligeti. Budapest, 1981.
- Ducange C. Glossarium mediae et infimae latinitatis. Niort, 1883–1887. Vol. 1–10.
- Mühlenbach–Endzelin – *Mühlenbach K.* Lettisch-deutsches Wörterbuch, Redigiert, ergänzt und fortgesetzt von J. Endzelin, Riga 1923–1932. 4 Bd.
- Νυσταζόπουλο Μαρίας Γ. Ἡ 'εν τῇ Ταυρικῇ Χερσονήσῳ πόλις Σουγδαῖα 'απὸ τοῦ ΙΓ μέχρι τοῦ ΙΕ αἰῶνος. Ἀθήναι, 1965.
- Schütz J. Itineraria Romana. T. 2. 1940.
- Vigna – Atti della Società Ligure di storia patria. Vol. VI. Genova, MDCCCLXVIII = A. *Vigna*. Codice diplomatico delle colonie tauro-liguri durante la signoria dell'ufficio di S. Giorgio (MCCCCLIII–MCCCCLXXV). T.1; Atti..., Vol. VII, parte II, fascicolo 1. Genova, MDCCCLXXIX = A. *Vigna*... T. 2, pt. 2.

* * *

Александр Константинович Шапошиников – кандидат филологических наук, стажер отдела этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Коктебель – Москва).

МАТЕРИАЛЫ

А. Ф. Журавлев

К СТАТИСТИКЕ РУССКИХ ФАМИЛИЙ. I

Досадным образом ономастика до сих пор не располагает достоверной статистикой русских фамилий в их современном существовании. Суждения о том, что «никем еще не был произведен подсчет русских фамилий» [Суперанская, Суслова, 1984, 6], «частотность фамилий почти полностью неизвестна» [Никонов, 1993, 8], сохраняют свою силу. Известно, что Владимир Андреевич Никонов, бесспорно, самый осведомленный специалист в этой области, занимался выяснением встречаемости русских фамилий и располагал их статистикой, базировавшейся на массиве, по одному сообщению – в 400 тыс., по другому – свыше 4 млн носителей [см.: Никонов, 1993, 8; 1988, 34] (не доверять последней цифре нет оснований, в публикации 1993 г., очевидно, ошибка), однако до своей кончины в 1988 г. так и не опубликовал полученных им данных.

Пожалуй, единственным источником сведений подобного рода остается таблица частотности русских фамилий в книге Б.-О. Унбегауна «Русские фамилии», впервые опубликованной на английском языке в 1972 г. и вышедшей у нас двумя изданиями (1989, 1995)¹. Книга Б.-О. Унбегауна заслуженно снискала известность, и при этом – отрадный случай! – даже за пределами профессионального круга филологов. Газетчики и радиожурналисты, как можно заметить, охотно прибегают к информации, извлекаемой из упомянутой таблицы, однако, будучи публикой малопросвещенной (надо это признать), не отдают себе отчета в ее ненадежности, которая для антропонимистов очевидна, и некоторой устарелости (специалисты по антропонимии не могут быть удовлетворены и ее предельной краткостью – всего лишь 100 позиций).

О причинах отсутствия солидной статистики фамилий в нашей стране можно строить разные предположения. По-видимому, кроме понятной трудности ее выявления, одной из важных причин является инерция тотальной засекреченности всякой подлинной статистики на протяжении всей нашей последней истории. Впрочем, точнее было бы сказать, что разговоры о засекреченности истинных статистических данных как в со-

¹ Б.-О. Унбегаун ссылается, кроме того, на свою статью [см.: Unbegaun, 1963–1965, 31–42], более подробно описывающую тот же материал, однако нам ознакомиться с ней не удалось.

ветский период отечественной истории, так и в нынешние времена имеют под собой мало почвы: серьезной, вызывающей доверие социальной статистики у нас никогда и не существовало – ни явной, ни тайной. Можно с основанием предполагать, что результаты всех официальных переписей населения в советскую эпоху фальсифицировались, чтобы соответствовать актуальным идеологическим концепциям. Фамилии как возможный статистический объект – вовсе не исключение: они этничны, а этнический аспект всегда был предметом трогательной озабоченности властей.

Наиболее надежным источником информации о распространенности русских имен и фамилий могли бы служить данные переписи населения России и республик бывшего Советского Союза со значительной долей русских в их этническом составе. Однако полностью официальные результаты последней российской переписи до сих пор не опубликованы (вероятно, по их неподготовленности из-за гигантского объема сырого анкетного материала и трудностей его обработки). К тому же, насколько можно судить по объясненным в печати задачам переписи, ономастические подсчеты в них не входят, и если необходимый нам материал окажется доступным «припеком» в переписных данных, все равно пришлось бы добывать его, входя в контакт с официальными инстанциями, рассчитывая в лучшем случае на их добрую волю, в худшем – на преодоление огромных бюрократических препон, при этом с непомерными финансовыми тратами. Некоторые наши попытки поиска в этом направлении сильно умалили надежду на готовность упомянутых инстанций к контактам.

Поэтому следует искать иные возможности получения такой информации. Если перепись (в случае неисклечения ономастических сведений из обрабатываемых статистически пунктов переписной анкеты) может и должна дать картину распространенности фамилий в их генеральной совокупности и в абсолютном количественном выражении, то другие пути установления распространенности фамилий предполагают опору лишь на выборочные данные и получение относительной численной картины (и, подходя к терминологии корректно, применительно к ним следовало бы говорить не о распространенности фамилий, а об их встречаемости). Непосредственными источниками достаточно представительных выборочных сведений могут служить регистрационные списки жителей в административных учреждениях (паспортные столы, избирательные комиссии и под.), городские телефонные справочники, штатные перечни крупных учреждений и предприятий, пространные библиографические списки, разноотраслевые персональные справочники, общие и региональные энциклопедии и мн. др.

Заинтересовавшись статистикой русских фамилий, мы пошли именно по этому пути.

К обсчету привлекались телефонные справочники нескольких городов России и других бывших советских территорий, библиотечные каталоги, оказавшиеся доступными персональные списки учреждений, списки абитуриентов некоторых московских вузов, разнообразные по характеру массивы ономастического (фамильного) материала в Интернете и пр.²

² Не все эти источники могут считаться безупречно легальными. Так, издание телефонных книг с номерами квартирных телефонов и адресов в последнее время становится редкостью вследствие возрастания опасности использования этих данных криминальным миром. Предполагаем, что CD-справочник квартирных телефонов Москвы со сведениями на 90-е гг., который можно было свободно приобрести с уличных лотков, был «скачан» с компьютерных баз данных, имеющих ограниченное распространение.

Прежде чем будут предложены итоги наших количественных наблюдений, следует сказать об отправных параметрах поиска и способах представления численных результатов.

Статус и границы объекта. Требовал предварительного решения вопрос о том, какие фамилии следует считать русскими и вводить в подсчет. Ответ на него, как правило, ищут между двумя полюсами:

1) русская фамилия – это фамилия, образованная по выявленным антропонимическим моделям, характерным для большинства славянского населения России (великорусских губерний Российской империи; РСФСР в составе СССР; современной Российской Федерации): фамилии с суффиксами *-ов/-ев, -ин/-ын, -ский/-ской/-цкий /-цкой*³, *-ых/-их, -ово, -аго* и пр.;

2) русская фамилия – это фамилия человека, являющегося русским по документам или вследствие национальной самоидентификации.

Первый подход имеет весьма существенные недостатки. Базируясь на заданном перечне формальных признаков русских фамилий (который, однако, принципиально не может считаться исчерпывающим), мы должны отделить от них фамилии множества нерусских этносов, перенявших русские антропонимические модели – тюрков, финно-угров, народов Северного Кавказа. Но каким образом? Опираемся на выявленное нерусское происхождение основ таких фамилий (*Хабибулл-, Хайдар-, Бгажнок-*...)? Возникнет противоречие с тем обстоятельством, что основы фамилий-патронимов, принадлежащих большинству русских (т. е. большинству носителей фамилий, признаваемых несомненно русскими), как раз нерусского происхождения: *Иван-, Петр-, Федор-, Михайл-, Степан-, Никола[j]-* и т. п. (прямолинейно рассуждая, сюда нужно было бы приверстать даже такие совершенно русские фамилии, как *Королёв, Князев, Царев, Дьяконов, Капустин, Лапшин, Барсуков* и т. п., основы которых имеют неславянские истоки). Следовательно, опора на основу фамилии – не выход. Зачислять фамилии *Хабибуллин* и *Бгажников* в русские? Тоже неудовлетворительно. Как быть, далее, с фамилиями, оканчивающимися на *-ов* или *-ин*, если происхождение их неизвестно, а имеющиеся аналогии (вроде *Бюлов, Радлов, Чаплин, Кронин, Граудин*) лишь делают еще более неясными возможности отождествления этих финалей с русскими патронимическими суффиксами?

Недостаток же второго подхода – в том, что, пользуясь названными выше источниками, мы вообще ничего не знаем о национальности носителя фамилии. Отбор русских фамилий при нем был бы вообще невозможен. Зная, что данный *Вернер* и данный *Басилашвили* считаются и считают себя русскими⁴, и принимая возможность существования других русских с такими же фамилиями, мы должны признать, что получаем картину абсолютно неопределенную: куда зачислять *Вернеров* и *Басилашвили*, которые

³ По счастью, наше общество еще не заражено таким вздором, как «политкорректность» (или как бы он там ни назывался, вплоть до омерзительного термина «антисексизм»), и здесь мы будем приводить фамилии в их принятой словарной форме (в единственном числе мужского рода). Конечно, представление фамилий в формах на *-овы, -ины, -ские, -ые, -ичи* в ряде случаев было бы более точным ср.: *род Трубецких* (имеются в виду все Трубецкие) – *род Трубецкого* (под этим выражением предпочтительно понимать прямых предков данного Трубецкого), однако мы не станем уклоняться от традиции.

⁴ Ср.: «...его имя Вернер, но он русский».

не в состоянии сообщить нам свою этническую принадлежность? кто может поручиться, что этот *Ким* и этот *Абрамович* – не русские? С другой стороны, зарегистрированные *Гавриловы*, *Лебедевы*, *Спиридоновы*, *Тихоновы* и *Шестаковы* могут оказаться не русскими⁵, а карелами, вепсами, хантами или юкагирами, родителям которых при поздней по сравнению с иными этносами «инвентаризации» было рекомендовано принять такие фамилии. Откуда нам узнать, что данные *Иванов*, *Павлов*, *Петров* или *Попов* – на самом деле не русские, а, подобно *Стойковым*, *Младеновым* и *Дуйчевым*, – безукоризненные болгары? В каких случаях фамилии *Исаев*, *Назаров*, *Муратов*, *Булатов* мы должны принимать за русские, а в каких – за фамилии представителей восточных народов (тюркские, кавказские), но оформленные на русский манер?

Проблема определения, что такое русская фамилия, достаточно сложна и не решена ни в одной из известных нам работ по антропонимии [ср.: Трубаев, 1968, 4–6]. В большинстве случаев понятие «русская фамилия» просто не формулируется, выдаваясь тем самым за некую очевидность или же условность⁶.

По этой дороге, к сожалению, придется пойти и нам. Если бы мы располагали полными данными переписи России, в которых, кроме фамилии «переписываемого», регистрировалась бы и его этническая идентичность, вопрос, возможно, решался бы так: русские фамилии – это фамилии русских вне зависимости от их (фамилий) происхождения и формантного оснащения (т. е. второй подход). Поскольку, однако, мы располагаем выборочными данными, где этническая принадлежность носителя фамилии неизвестна, реализуемым с некоторой (впрочем, довольно высокой) надежностью оказывается первый из упомянутых подходов (ср.: «Практически единственно целесообразно отнести к русским фамилии, получившие русское оформление, независимо от языкового происхождения основы» [Никонов, 1972, 119]).

Упомянутые его недостатки в значительной мере были сняты принятым нами характером отбора материала для подсчетов. Понимая, что заслуживающая доверия статистика при таком подходе может быть получена лишь для какой-то части наиболее встречающихся фамилий, мы поставили задачу предложить более или менее надежные относительные статистические данные для 500 единиц – в пять раз больше, чем в таблице частотности фамилий Унбегауна. Был составлен предварительный список с солидным «запасом» – из почти 800 фамилий, интуитивно представлявшихся наиболее встречающимися в русской этнической среде, с тем чтобы в дальнейшем верхняя, более надежная его часть и вошла в конечные статистические результаты. Фамилии вроде

⁵ «Что тут удивительного? Я знал одного Иванова, который был немец».

⁶ Правильный ответ на вопрос, что такое русская фамилия, по-видимому, таков: это фамилия, которая в данном своем качестве (именно как фамилия) возникла в русской этнической и языковой среде. Все прочие измерения – русское/нерусское происхождение основы, русское/нерусское аффиксное оформление, наличие материально и структурно тождественных фамилий в родственных языках, русская/нерусская среда «бытования», национальность «теперешнего» носителя фамилии и т. д. – могут признаваться сколь угодно важными, но принадлежность фамилии к числу русских определяется средой ее возникновения. Поэтому *Гайдар* – при всем своем нерусском облике – бесспорно русская фамилия, а *Иванов*, *Попов* или *Константинов* – русские с оговорками, поскольку возникали и в нерусском (болгарском) этноязыковом пространстве. Предложенная формулировка, однако, требует своего обоснования в специальной работе. Другое дело – в какой мере эта формулировка применима практически и достаточна ли при выяснении принадлежности конкретной фамилии к русским.

упоминавшихся выше *Вернер* или *Хабибуллин* в него не были включены по той причине, что, будучи подсчитанными, они в своей частотности попросту сильно не «дотянули» бы до вхождения в заветные полтысячи. Понятно, что по встречаемости они уступают фамилиям *Демьянов* или *Грибов*, которые, по нашим данным, вошли в пятую сотню. Сомнения могли возникнуть относительно высокочастотных фамилий с украинским суффиксальным оформлением, весомо представленных в ономастике территорий с преимущественно русским населением (скажем, *Кравченко*, *Петренко* или *Бондаренко*), но и они в фамильных списках жителей российских городов, как показали пробные наблюдения, оттесняются на довольно далекую периферию и могут быть благополучно исключены из подсчетов. Таким образом, в итоговом списке из 500 позиций безусловно господствующими моделями оказались фамилии на *-ов/-ев* (более 82 %), *-ин/-ын* (примерно 15 %) и *-ский/-цкий* (около 12 фамилий). Из иных фамильных оформителей в конечном списке оказались лишь *-ых* и *-ый* (в фамилиях *Черных* и *Черный*). С уверенностью можно предположить, что среди носителей этих первых пятисот фамилий есть люди, не русские по своей национальности, однако с той же уверенностью можно предполагать, что их число невелико и их исключение из количественных наблюдений, если бы оно было возможно, статистическую картину в целом не изменило бы. Таким образом, строгое определение того, какие фамилии являются русскими, в нашем случае было бы чрезмерной данью антропонимическому ригоризму. Такая строгость в предлагаемых подсчетах не понадобилась. Но вот В. А. Никонову, исходившему из близких соображений, в свой этимологический «Опыт словаря русских фамилий» (пробная часть на букву А, опубликованная в четырех выпусках «Этимологии») пришлось включить фамилии типа *Абдужабаров*, *Аманжолов*, *Атаклычев*, *Ауханов* – неизбежное следствие вынужденного компромисса.

Хронология и география поиска. Наше статистическое обследование хронологически замыкается на материале, относящемся к 1970–2000 гг. (в основной массе – к 1980–2000 гг.), т. е. к последней трети XX – самому началу XXI в. К наиболее важным источникам относятся телефонные справочники нескольких городов России и других территорий (Москва, Рязань, Владимир, Красноярск и др., на Украине – Большая Ялта и др.); об иных см. выше.

Сравнение с данными Б.-О. Унбегауна, характеризующими антропонимическую ситуацию в 10-е гг. XX в., которое позволяло бы делать наблюдения диахронического порядка (динамика наиболее частотного фонда русских фамилий), внешне возможно, но вряд ли его итоги будут очень уж показательны по той причине, что Унбегаун строил свою статистику на сведениях, касающихся лишь одного крупного населенного пункта – тогдашней столицы России Петербурга, тогда как география наших источников существенно шире, но как раз Петербург ими не затронут. Тем не менее сопоставление данных Унбегауна с нашими может быть предложено в следующих публикациях. Наш материал дает и иные возможности сделать наблюдения диалокального характера (расхождения в численных соотношениях наиболее частотных фамилий в разных городах).

Объем материала. К сожалению, сам характер добывания материала не позволяет сколько-нибудь точно оценить общий объем ономастических единиц, попадавших в поле зрения, и, следовательно, долю в нем тех фамилий, которые вошли в итоговый список. Из текущего в руки потока фамилий отбирались лишь те, которые попали в предварительный 800-единичный список (укороченный далее до 500 фамилий с наиболее на-

дежной статистикой), а пересчитывать вручную общее число фамилий, вошедших, например, в телефонные справочники крупных городов, – задача хотя и выполняемая, но трудная, времязатратная и малоблагодарная. Для многих же источников (скажем, библиотечные каталоги) она вообще невыполнима или выполняема лишь в очень грубых очертаниях. По-видимому, 95 % времени ушло бы на определение общего объема материала, из которого лишь чрезвычайно малая часть должна составить конечный результат, а остальной суждено было уйти в огромный балластный фон.

Тем не менее сообщим некоторые цифры. В упоминавшемся выше CD-справочнике по московским телефонам зарегистрировано 21 956 абонентов с фамилией *Иванов*, 17 528 *Кузнецовых*, 16 489 *Смирновых* и т. д. (по сведениям В. А. Никонова, общее число *Ивановых* в Москве составляет около 90 тыс., *Кузнецовых* – около 78 тыс., *Смирновых* – около 58 тыс. [см.: Никонов, 1982, 29; 1988, 37]. В других городах число носителей той или иной фамилии, разумеется, меньше (и вовсе не обязательно пропорционально меньше⁷).

Наша статистика строится на относительно небольшом материале, и поэтому может быть признана имеющей лишь самый предварительный характер, но в любом случае лучшей, чем таблица Унбегауна. Число всех учтенных нами по разным источникам носителей первых 500 наиболее частых русских фамилий составляет несколько сотен тысяч, т. е. на порядок меньше, чем в неопубликованной статистике Никонова (который, однако, не ограничивался «избранными» фамилиями, а считал сплошь⁸). Для ориентации: среди телефонных абонентов Москвы (т. е. владельцев зарегистрированных телефонов, а не вообще жителей) первые десять самых встречающихся московских фамилий носят почти 135 тыс. человек; правда, далее цифры ощутимо идут на убыль: если носители (абоненты) первой в ранговом списке фамилии измеряются пятизначным числом, то носители сотой и двухсотой – четырехзначными, а трехсотой и нескольких следующих *-сотых* фамилий – всего лишь трехзначными.

Проблема различия/тождества фамилий. Исходя из юридической трактовки тождества/нетождества имен, закрепленные в официальных документах орфографические варианты одной и той же фамилии следует считать разными ономастическими единицами. Очевидно, что этот юридически необходимый принцип противоречит нашим задачам. Достоверное историческое тождество вариантов типа *Лактионов* – *Локтионов*, *Высотский* – *Высоцкий* при выяснении статистики фамилий должно быть

⁷ Например, в телефонном справочнике Владимира зарегистрировано всего лишь 170 абонентов с фамилией *Иванов* – почти в 130 раз меньше, чем в Москве, при том что Владимир по числу жителей меньше Москвы примерно «только» в 25 раз. Эти большие «диспропорции» могут быть объяснены в первую очередь сильной неравномерностью географического распределения фамилий (может сказываться, но, видимо, в не слишком значительной степени, и уровень телефонизированности областного города по сравнению со столичным). Абонентов с фамилиями *Кузнецов* и *Смирнов* во владимирском телефонном справочнике насчитывается по 164, т. е. соответственно «всего» в 107 и 101 раз меньше, чем в Москве. Владимирская область, по исследованию В. А. Никонова, частично входит в зону безусловного преобладания фамилии *Смирнов*, охватывающую все северное Поволжье [см.: Никонов, 1988, 35].

⁸ Прикоснувшись к этому материалу, мы даже сейчас не можем оценить тот титанический труд, который вложил В. А. Никонов в свои статистико-ономастические разыскания. Не всякий отважится повторить его опыт.

«восстановлено в правах». Если отделение орфографических вариантов *Колмыков* и *Понамарев*, редких сравнительно с написаниями *Калмыков* и *Пономарев*, заметных погрешностей в статистику фамилий не внесет, то уже дифференцированное рассмотрение, например, близких по встречаемости вариантов одной и той же фамилии *Софронов* – *Сафронов* сильно сдвинет их вниз в ранговом списке.

Поэтому было принято решение при подсчетах объединять варианты, если различия касаются только орфографии и не затрагивают произношения в его литературном изводе (сама такая графическая вариативность обязана своим существованием по большей части малограмотности носителей фамилий и мелких чиновников – регистраторов гражданского состояния). В нашем первоначальном списке из 800 фамилий оказались, помимо уже упомянутых, такие варианты (первым дается более частый, но необязательно исторически более оправданный; расхождением *e/ё* в возможных написаниях для сокращения перечня пренебрегаем): *Аксенов* – *Оксенов*, *Акулов* – *Окулов*, *Анисимов* – *Онисимов*, *Астафьев* – *Остафьев*, *Балашов* – *Балашев*, *Варфоломеев* – *Ворфоломеев*, *Дегтярев* – *Дехтярев*, *Казаков* – *Козаков*, *Калачев* – *Калачов*, *Карташов* – *Карташев* – *Корташов*, *Кириллов* – *Кирилов*, *Кондрашов* – *Кондрашев*, *Корнеев* – *Карнеев*, *Лисицын* – *Лисицин*, *Логунов* – *Лагунов*, *Макеев* – *Мокеев*, *Олейников* – *Алейников*, *Панкратов* – *Понкратов*, *Пантелеев* – *Пантилеев*, *Поздняков* – *Позняков*, *Родионов* – *Радионов*, *Рогачев* – *Рогачов*, *Савин* – *Саввин*, *Сазонов* – *Созонов*, *Сафонов* – *Софонов*, *Севастьянов* – *Севостьянов*, *Синицын* – *Синицин*, *Снегирев* – *Снигирев*, *Субботин* – *Суботин*, *Фадеев* – *Фаддеев*, *Чернышев* – *Чернышов*, *Шестаков* – *Шостаков* и ряд других. «Вторые» («правые») варианты встречаются в наших источниках иной раз буквально единичными фиксациями, так что различная трактовка вариантов сказалась бы на статистических итогах не слишком значительно. Все это случаи простые. Труднее было бы принять решения о парах типа *Коротыгин* – *Каратыгин*, *Ложечников* – *Лажечников*, *Морковников* – *Марковников*, *Собашиников* – *Сабашиников*, относительно которых мы знаем, что один из их членов в части случаев представляет собою сознательное орфографическое искажение – для зрительного отдаления от написания, по тем или иным причинам неприятного или невыгодного носителю фамилии. Но подобных пар в обследованном массиве фамилий не оказалось. Затруднительной в наших материалах оказалась лишь этимологически небесспорная пара *Вишняков* – *Вешняков*, которую мы отважились объединить в одну фамилию. При возможной производности (опосредованной промежуточными деривационными звеньями) части регистрируемых форм *Вишняков* от *вишня*⁹ мы предполагаем, что все же большинство из них входит в число производных от *вешний*, *весна*, что более оправданно для антропонимов (прозвище *Вешняк*, могущее указывать на время рождения ребенка; так же полагает Б. О. Унбегаун [1995, 164])¹⁰.

Родственные формы, исторически тождественные, но различающиеся произношением, трактовались, конечно же, как разные фамилии: от *Кузьмин* была отде-

⁹ Ср. *вишняк* ‘вишневая роща, лесок, сад’, перм. *вишняк* ‘вишневое дерево’, пск. *вишняг* ‘вишенник’, дон. *вишняк* ‘компот из вишни’ [Даль, 1, 209; СРНГ, 4, 311; Словарь донского казачества, 79], укр.-полес. *вишняк* ‘птица *Coccothraustes coccothraustes* L., дубонос’ [Никончук, 1968, 443].

¹⁰ Менее вероятна производность от *вешняк* ‘человек, занимающийся весенним морским промыслом’ – в силу узкой локальности этого значения: только арх., мурман. [Даль, 1, 187; СРНГ, 4, 226].

лена форма *Кузмин* (и, разумеется, образованные от формы личного имени *Коз(ь)ма*, более близкой к этимону, *Козьмин*, *Козмин* и *Казмин*; впрочем, реальность и важность фонетических расхождений [з'м'] – [зм'] может быть оспорена), а уж тем более *Адрианов*, *Андрьянов* и *Андреянов* – от *Андрианов*, *Ильюшин* – от *Илюшин*, *Кассианов* – от *Касьянов*, *Логвинов* – от *Логинов*, *Памфилов* – от *Панфилов* и под. Однако варианты *Левин* [л'э] и встречающийся гораздо реже *Лёвин* [л'о] не могли быть разграничены [ср.: Унбегаун, 1995, 260], как и *Алёхин* [л'о] – *Алехин* [л'э], о допустимости различий между которыми мы знаем не столько из собственных встреч с последним вариантом, сколько из упоминаний фамилии великого шахматиста в фонологических работах Реформатского. Думаем, однако, что их разграничение, окажись оно возможным, очень мало отразилось бы на ранговой позиции преобладающих вариантов.

Могли возникнуть теоретические сомнения относительно трактовки этимологически (и орфографически) тождественных, но разноударных вариантов фамилий (типа *Иванов*, *Соколов*, *Быков*, *Зимин* – гораздо более редкие *Иванов*, *Сóколов*, *Быкóв*, *Зи́мин*). Однако отсутствие ударения в источниках делает проблему выбора решений (объединение или ригористическое разделение?) совершенно праздною и однозначно снимает ее в пользу неразличения вариантов. Как отдельные рассматривались фамилии *Звягинцев* и куда более редкая *Зве́гинцев*, различающиеся, кроме ударения, и написанием (не исключено, что ударением на суффиксе *-ин-* характеризуется некоторая часть фиксаций с написанием корневой гласной через *з*). Графическая форма *Рябцов*, с возможным за нею двояким ударением, но явным преобладанием ударения на суффиксе, рассматривалась как отражающая фамилию, отдельную от *Рябцев* (до проникновения в наш конечный 500-единичный список, однако, не «дотянул» даже этот более частый вариант на *-ев*).

Численное представление результатов. Сначала нужно оговорить одно обстоятельство. Использованные нами данные по Москве превосходят количественные данные по любому другому городу или региону. Суммированные с остальными, «московские» числа подавляли их, и конечная картина распределения частот в очень сильной мере отражала именно ситуацию с фамилиями в Москве. Конечно, население Москвы как мегаполиса, всегда воспринимавшего большое количество иммигрантов, может (и должно) пониматься в качестве некоей аппроксимативной модели всего российского населения или хотя бы русской его части (носителей русских фамилий). И все же, несмотря на положение Москвы как перекрестка, открытого всем ветрам, в ней, как и в каждом городе и регионе [ср.: Никонов, 1986, 33 и след.], в количественных соотношениях фамилий, даже наиболее частотных, есть своя специфика. Стремясь к получению картины, которая отражала бы, насколько это возможно в описанных условиях, соотношение фамилий русских в целом, и желая «пригасить» влияние на нее московского «колорита», мы на стадии оперирования абсолютными численными показателями после ряда пробных суммирований использовали «московские» числа в десятикратном уменьшении. Долевые пропорции русских фамилий в Москве тем самым были сохранены, но уже не оказывали столь заметного воздействия на относительно частотное распределение фамилий в общерусском ономастическом ландшафте.

Цель нашего подсчета – дать картину сравнительной встречаемости нескольких сотен наиболее частых русских фамилий. Мы отказались от представления этой картины в абсолютных цифрах как непоказательных: при выборочном подсчете, вынужден-

но принятом нами, они будут отражать не реальное количество носителей разных фамилий (генеральную совокупность), а лишь наш скромный опыт. Кроме того, абсолютные численные данные затруднили бы сопоставимость результатов, относящихся к разным местностям (городам), в доленом плане – из-за возможной существенной разницы в численности их жителей (например, населения огромной столицы и средней величины областного города).

В нашей итоговой таблице числа, показывающие относительную встречаемость фамилий (f), получены отнесением суммарной абсолютной частоты данной фамилии по нашим данным (F ; не приводится) к суммарной абсолютной частоте наиболее распространенной у русских фамилии *Иванов*. Для сравнения приводятся обработанные тем же способом данные относительно 100 фамилий, составляющих «Таблицу частотности...» Б.-О. Унбегауна [1995, 312–313] (R^v и f^v).

Ранговый список 500 самых распространенных русских фамилий

R	Фамилия	f	R^v	f^v
1	Иванов	1,0000	1	1,0000
2	Смирнов	0,7412	4	0,4617
3	Кузнецов	0,7011	23–24	0,2034
4	Попов	0,5334	9	0,3381
5	Васильев	0,4948	2	0,7086
6	Петров	0,4885	3	0,6944
7	Соколов	0,4666	7	0,3947
8	Михайлов	0,3955	5	0,4135
9	Новиков	0,3743	39–40	0,1274
10	Федоров	0,3662	6	0,3968
	Морозов	0,3639	41	0,1263
	Волков	0,3636	22	0,2039
	Алексеев	0,3460	11	0,3166
	Лебедев	0,3431	13	0,2830
15	Семенов	0,3345	16	0,2589
	Егоров	0,3229	21	0,2227
	Павлов	0,3226	17	0,2516
	Козлов	0,3139	36	0,1336
	Степанов	0,3016	15	0,2605
20	Николаев	0,3005	19	0,2353
	Орлов	0,2976	27	0,1693
	Андреев	0,2972	10	0,3333
	Макаров	0,2924	44	0,1216
	Никитин	0,2812	23–24	0,2036
25	Захаров	0,2755	31	0,1515
	Зайцев	0,2728	45	0,1158
	Соловьев	0,2712	25	0,2002
	Борисов	0,2710	61–62	0,0970
	Яковлев	0,2674	8	0,3470
30	Григорьев	0,2541	14	

R	Фамилия	f	R^v	f^v
35	Романов	0,2442	42	0,2767
	Воробьев	0,2371	63–64	0,1253
	Сергеев	0,2365	30	0,0949
	Кузьмин	0,2255	34	0,1525
	Фролов	0,2235	77–78	0,1426
	Александров	0,2234	12	0,0854
	Дмитриев	0,2171	20	0,2956
	Королев	0,2083		0,2290
40	Гусев	0,2075	52	
	Киселев	0,2070	54	0,1043
	Ильин	0,2063	37	0,1012
	Максимов	0,2059	35	0,1326
45	Поляков	0,2035	65	0,1405
	Сорокин	0,1998	55–56	0,0943
	Виноградов	0,1996	33	0,1006
	Ковалев	0,1978		0,1431
	Белов	0,1964	74	
	Медведев	0,1953		0,0870
	Антонов	0,1928	48	
	Тарасов	0,1896		0,1137
60	Жуков	0,1894	61–62	
	Баранов	0,1883	69–70	0,0970
	Филиппов	0,1827	29	0,0907
	Комаров	0,1799	80	0,1530
	Давыдов	0,1767	51	0,0828
	Беляев	0,1750	46	0,1059
	Герасимов	0,1742	38	0,1153
	Богданов	0,1706	18	0,1300
	Осипов	0,1702	43	0,2406
	Сидоров	0,1695	71–72	0,1232
	Матвеев	0,1693	32	0,0881
	Титов	0,1646	76	0,1468
	Марков	0,1628	39–40	0,0860
	Миронов	0,1625	90–91	0,1274
	Крылов	0,1605	57	0,0729
	Куликов	0,1605		0,1001
70	Карпов	0,1584	73	
	Власов	0,1579	92	0,0875
	Мельников	0,1567		0,0718
	Денисов	0,1544	97–99	
	Гаврилов	0,1540	47	0,0676
	Тихонов	0,1537		0,1143
	Казаков	0,1528		
	Афанасьев	0,1516	28	
	Данилов	0,1505	53	0,1588

R	Фамилия	f	R^v	f^v
80	Савельев	0,1405	66	0,1032
	Тимофеев	0,1403	26	0,0938
	Фомин	0,1401	90–91	0,1803
	Чернов	0,1396		0,0729
	Абрамов	0,1390	83	
	Мартынов	0,1383	87	0,0791
	Ефимов	0,1377	49	0,0744
	Федотов	0,1377	93–94	0,1101
	Щербаков	0,1375	63–64	0,0713
	Назаров	0,1366	95	0,0949
	Калинин	0,1327		0,0708
	Исаев	0,1317		
	Чернышев	0,1267		
90	Быков	0,1255	82	
	Маслов	0,1249		0,0797
	Родионов	0,1248		
	Коновалов	0,1245		
	Лазарев	0,1236		
	Воронин	0,1222	97–99	
	Климов	0,1213		0,0676
	Филатов	0,1208		
	Пономарев	0,1203	85	
	Голубев	0,1200	84	0,0770
100	Кудрявцев	0,1186	60	0,0786
	Прохоров	0,1182		0,0980
	Наумов	0,1172	100	
	Потапов	0,1165		0,0660
	Журавлев	0,1160		
	Овчинников	0,1148		
	Трофимов	0,1148	68	
	Леонов	0,1142		0,0912
	Соболев	0,1135	71–72	
	Ермаков	0,1120		0,0881
110	Колесников	0,1120		
	Гончаров	0,1115		
	Емельянов	0,1081		
	Никифоров	0,1055	58	
	Грачев	0,1049		0,0991
	Котов	0,1037		
	Гришин	0,1017		
	Ефремов	0,0995		
	Архипов	0,0993		
	Громов	0,0986		
120	Кириллов	0,0982	88	
	Мальшев	0,0978		0,0739

R	Фамилия	f	R^v	f^v
130	Панов	0,0978	59	0,0985
	Моисеев	0,0975		
	Румянцев	0,0975		
	Акимов	0,0963		
	Кондратьев	0,0954		
	Бирюков	0,0950	55–56	0,1007
	Горбунов	0,0940		
	Анисимов	0,0925		
	Еремин	0,0916		
	Тихомиров	0,0907		
	Галкин	0,0884		
	Лукьянов	0,0876		
	Михеев	0,0872		
	Скворцов	0,0862		
	Юдин	0,0859		
	Белоусов	0,0856		
	Нестеров	0,0842		
	Симонов	0,0834	81	0,0818
140	Прокофьев	0,0826		
	Харитонов	0,0819		
	Князев	0,0809		
	Цветков	0,0807		
	Левин	0,0806		
	Митрофанов	0,0796		
	Воронов	0,0792		
	Аксенов	0,0781		
	Софронов	0,0781		
	Мальцев	0,0777		
	Логинов	0,0774		
	Горшков	0,0771		
	Савин	0,0771		
	Краснов	0,0761		
	Майоров	0,0761		
150	Демидов	0,0756		
	Елисеев	0,0754		
	Рыбаков	0,0754		
	Сафонов	0,0753		
	Плотников	0,0749		
	Демин	0,0745		
	Хохлов	0,0745		
	Фадеев	0,0740		
	Молчанов	0,0739		
	Игнатов	0,0738		
	Литвинов	0,0738		
	Ершов	0,0736		
160				

R	Фамилия	f	R^v	f^v
170	Ушаков	0,0736	96	0,0697
	Дементьев	0,0722		
	Рябов	0,0722		
	Мухин	0,0719		
	Калашников	0,0715	50	0,1095
	Леонтьев	0,0714		
	Лобанов	0,0714		
	Кузин	0,0712		
	Корнеев	0,0710		
	Евдокимов	0,0700		
180	Бородин	0,0699		
	Платонов	0,0699		
	Некрасов	0,0697		
	Балашов	0,0694		
	Бобров	0,0692		
	Жданов	0,0692		
	Блинов	0,0687		
	Игнатъев	0,0683	79	0,0844
	Коротков	0,0678		
	Муравьев	0,0675		
190	Крюков	0,0672		
	Беляков	0,0671		
	Богомолов	0,0671		
	Дроздов	0,0669		
	Лавров	0,0666		
	Зуев	0,0664		
	Петухов	0,0661		
	Ларин	0,0659		
	Никулин	0,0657		
	Серов	0,0657		
200	Терентьев	0,0652		
	Зотов	0,0651		
	Устинов	0,0650		
	Фокин	0,0648		
	Самойлов	0,0647		
	Константинов	0,0645	97–99	0,0676
	Сахаров	0,0641		
	Шишкин	0,0640		
	Самсонов	0,0638		
	Черкасов	0,0637		
210	Чистяков	0,0637	69–70	0,0907
	Носов	0,0630		
	Спиридонов	0,0627		
	Карасев	0,0618		
	Авдеев	0,0613		

<i>R</i>	<i>Фамилия</i>	<i>f</i>	<i>R^y</i>	<i>f^y</i>
220	Воронцов	0,0612		
	Зверев	0,0606		
	Владимиров	0,0605		
	Селезнев	0,0598		
	Нечаев	0,0590		
	Кудряшов	0,0587		
	Седов	0,0580		
	Фирсов	0,0578		
	Андрианов	0,0577		
	Панин	0,0577		
	Головин	0,0571		
	Терехов	0,0569		
	Ульянов	0,0567		
	Шестаков	0,0566		
	Агеев	0,0564		
	Никонов	0,0564		
230	Селиванов	0,0564		
	Баженов	0,0562		
	Гордеев	0,0562		
	Кожевников	0,0562		
	Пахомов	0,0560		
	Зимин	0,0557		
	Костин	0,0556		
	Широков	0,0553		
	Филимонов	0,0550		
	Ларионов	0,0549		
	Овсянников	0,0546		
	Сазонов	0,0545		
	Суворов	0,0545		
	Нефедов	0,0543		
	Корнилов	0,0541		
240	Любимов	0,0541		
	Львов	0,0536	77–78	
	Горбачев	0,0535		0,0854
	Копылов	0,0534		
	Лукин	0,0531		
	Токарев	0,0527		
	Кулешов	0,0525		
	Шилов	0,0522		
250	Большаков	0,0518		
	Панкратов	0,0518		
	Родин	0,0514		
	Шаповалов	0,0514		
	Покровский	0,0513	86	
	Бочаров	0,0507		0,0755

R	Φ амилия	f	R^y	f^y
260	Никольский	0,0507		
	Маркин	0,0506		
	Горелов	0,0500		
	Агафонов	0,0499		
	Березин	0,0499		
	Ермолаев	0,0495		
	Зубков	0,0495		
	Куприянов	0,0495		
	Трифонов	0,0495		
	Масленников	0,0488		
	Круглов	0,0486		
	Третьяков	0,0486		
	Колосов	0,0485		
	Рожков	0,0485		
270	Артамонов	0,0482		
	Шмелев	0,0481		
	Лаптев	0,0478		
	Лапшин	0,0468		
	Федосеев	0,0467		
	Зиновьев	0,0465		
	Зорин	0,0465		
	Уткин	0,0464		
	Столяров	0,0461		
	Зубов	0,0458		
	Ткачев	0,0454		
	Дорофеев	0,0450		
	Антипов	0,0447		
	Завьялов	0,0447		
280	Свиридов	0,0447		
	Золотарев	0,0446		
	Кулаков	0,0446		
	Мещеряков	0,0444		
	Макеев	0,0436		
	Дьяконов	0,0434		
	Гуляев	0,0433		
	Петровский	0,0432		
	Бондарев	0,0430		
	Поздняков	0,0430		
	Панфилов	0,0427		
	Кочетков	0,0426		
	Суханов	0,0425		
	Рыжов	0,0422		
290	Старостин	0,0421		
	Калмыков	0,0418		
	Колесов	0,0416		
300				

R	Фамилия	f	R^y	f^y
310	Золотов	0,0415		
	Кравцов	0,0414		
	Субботин	0,0414		
	Шубин	0,0414		
	Щукин	0,0412		
	Лосев	0,0411		
	Винокуров	0,0409		
	Лапин	0,0409		
	Парфенов	0,0409		
	Исаков	0,0407		
	Голованов	0,0402		
	Коровин	0,0402		
	Розанов	0,0401		
	Артемов	0,0400		
	Козырев	0,0400		
320	Русаков	0,0398		
	Алешин	0,0397		
	Крючков	0,0397		
	Булгаков	0,0395		
	Кошелев	0,0391		
	Сычев	0,0391		
	Синицын	0,0390		
	Черных	0,0383		
	Рогов	0,0381		
	Кононов	0,0379		
	Лаврентьев	0,0377		
	Евсеев	0,0376		
	Пименов	0,0376		
	Пантелеев	0,0374		
	Горячев	0,0373		
330	Аникин	0,0372		
	Лопатин	0,0372		
	Рудаков	0,0372		
	Одинцов	0,0370		
	Серебряков	0,0370		
	Панков	0,0369		
	Дегтярев	0,0367		
	Орехов	0,0367		
	Царев	0,0363		
	Шувалов	0,0356		
	Кондрашов	0,0355		
	Горюнов	0,0353		
	Дубровин	0,0353		
	Голиков	0,0349		
	Курочкин	0,0348		

R	Фамилия	f	R^y	f^y
350	Латышев	0,0348		
	Севастьянов	0,0348		
	Вавилов	0,0346		
	Ерофеев	0,0345		
	Сальников	0,0345		
	Клюев	0,0344		
	Носков	0,0339		
	Озеров	0,0339		
	Кольцов	0,0338		
	Комиссаров	0,0337		
	Меркулов	0,0337		
	Киреев	0,0335		
	Хомяков	0,0335		
360	Булатов	0,0331		
	Ананьев	0,0329		
	Буров	0,0327		
	Шапошников	0,0327		
	Дружинин	0,0324		
	Островский	0,0324		
	Шевелев	0,0320		
	Долгов	0,0319		
	Суслов	0,0319		
	Шевцов	0,0317		
	Пастухов	0,0316		
	Рубцов	0,0313		
	Бычков	0,0312		
370	Глебов	0,0312		
	Ильинский	0,0312		
	Успенский	0,0312		
	Дьяков	0,0310		
	Кочетов	0,0310		
	Вишневский	0,0307		
	Высоцкий	0,0305		
	Глухов	0,0305		
	Дубов	0,0305		
	Бессонов	0,0302		
	Ситников	0,0302		
	Астафьев	0,0300		
	Мешков	0,0300		
380	Шаров	0,0300		
	Яшин	0,0299		
	Козловский	0,0298		
	Туманов	0,0298		
	Басов	0,0296		
	Корчагин	0,0295		
390				

<i>R</i>	<i>Фамилия</i>	<i>f</i>	<i>R^v</i>	<i>f^v</i>
400	Болдырев	0,0293	93–94	0,0713
	Олейников	0,0293		
	Чумаков	0,0293		
	Фомичев	0,0291		
	Губанов	0,0289		
	Дубинин	0,0289		
	Шульгин	0,0289		
	Касаткин	0,0285		
	Пирогов	0,0285		
	Семин	0,0285		
	Трошин	0,0284		
	Горохов	0,0282		
	Стариков	0,0282		
	Щеглов	0,0281		
	Фетисов	0,0279		
410	Колпаков	0,0278		
	Чесноков	0,0278		
	Зыков	0,0277		
	Верецагин	0,0274		
	Минаев	0,0272		
	Руднев	0,0272		
	Троицкий	0,0272		
	Окулов	0,0271		
	Ширяев	0,0271		
	Малинин	0,0270		
	Черепанов	0,0270		
	Измайлов	0,0268		
	Алехин	0,0265		
	Зеленин	0,0265		
	Касьянов	0,0265		
420	Пугачев	0,0265		
	Павловский	0,0264		
	Чижов	0,0264		
	Кондратов	0,0263		
	Воронков	0,0261		
	Капустин	0,0261		
	Сотников	0,0261		
	Демьянов	0,0260		
	Косарев	0,0257		
430	Беликов	0,0254		
	Сухарев	0,0254		
	Белкин	0,0253		
	Беспалов	0,0253		
	Кулагин	0,0253		
	Савицкий	0,0253		

R	Φ амилия	f	R^y	f^y
440	Жаров	0,0253		
	Хромов	0,0251		
	Еремеев	0,0250		
	Карташов	0,0250		
	Астахов	0,0246		
	Русанов	0,0246		
	Сухов	0,0246		
	Вешняков	0,0244		
	Волошин	0,0244		
	Козин	0,0244		
	Худяков	0,0244		
	Жилин	0,0242		
	Малахов	0,0239		
450	Сизов	0,0237		
	Ежов	0,0235		
	Толкачев	0,0235		
	Анохин	0,0232		
	Вдовин	0,0232		
	Бабушкин	0,0231		
	Усов	0,0231		
	Лыков	0,0229		
	Горлов	0,0228		
	Коршунов	0,0228		
	Маркелов	0,0226		
460	Постников	0,0225		
	Черный	0,0225		
	Дорохов	0,0224		
	Свешников	0,0224		
	Гуцин	0,0222		
	Калугин	0,0222		
	Блохин	0,0221		
	Сурков	0,0221		
	Кочергин	0,0219		
	Греков	0,0217		
470	Казанцев	0,0217		
	Швецов	0,0217		
	Ермилов	0,0215		
	Парамонов	0,0215		
	Агапов	0,0214		
	Минин	0,0214		
	Корнев	0,0212		
	Черняев	0,0212		
	Гуров	0,0210		
	Ермолов	0,0210		
480	Сомов	0,0210		

<i>R</i>	<i>Фамилия</i>	<i>f</i>	<i>R^v</i>	<i>f^v</i>
490	Добрынин	0,0208		
	Барсуков	0,0205		
	Глушков	0,0203		
	Чеботарев	0,0203		
	Москвин	0,0201		
	Уваров	0,0201		
	Безруков	0,0200		
	Муратов	0,0200		
	Раков	0,0198		
	Снегирев	0,0198		
	Гладков	0,0197		
	Злобин	0,0197		
	Моргунов	0,0197		
	Поликарпов	0,0197		
	Рябинин	0,0197		
	Судаков	0,0196		
	Кукушкин	0,0193		
	Калачев	0,0191		
	Грибов	0,0190		
500	Елизаров	0,0190		
	Звягинцев	0,0190		
	Корольков	0,0190		
	Федосов	0,0190 ¹¹		

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М., 1955 (воспроизв. 2-го изд. СПб.; М., 1880–1882).

Никонов В. А. Опыт словаря русских фамилий. I // Этимология. 1970. М., 1972.

¹¹ Хочется поделиться одним небезынтересным, кажется, наблюдением, касающимся интуитивных представлений «среднего носителя» языка о распространенности русских фамилий. Закончив написание на компьютере настоящей статьи, мы запустили *spelling* для выявления возможных опечаток. В орфографический словарь, заложенный в компьютерную память (версию программы *Word* вежливо не упомянем), включены и наиболее частые или наиболее известные фамилии. Насколько объем их список, судить весьма затруднительно. Составлялся он, можно предположить, более или менее на глазок. Из пятисот (точнее, 503) фамилий нашего списка компьютер «опознал» несколько менее двух третей. Естественным кажется, что с убыванием относительных частот в нашем ранговом списке количество «неопознанных» *spelling*'ом фамилий должно нарастать. Так и есть: если в последней, пятой сотне фамилий «сомнения» *spelling*'а вызвали 56 позиций, то в четвертой – 43, в третьей – 44, во второй – 28, а в первой – всего 6. В этой «лидирующей» шестерке оказались фамилии *Киселев*, *Сорокин*, *Крылов*, *Чернышев*, *Маслов* и *Кудрявцев*. Великий баснописец и его однофамилец, великий кораблестроитель и механик, как выясняется, все же не настолько велики, чтобы составитель орфографической базы счел нужным вспомнить о них.

- Никонов В. А.* Личное имя – социальный знак // Глазами этнографов. М., 1982.
- Никонов В. А.* География фамилий. М., 1986.
- Никонов В. А.* Словарь русских фамилий. Составитель Е. Л. Крушельницкий. М., 1993.
- Никончук Н. В.* Полесские названия птиц // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968. С. 439–471.
- Словарь донского казачества – Большой толковый словарь донского казачества. М., 2003.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1, 2. М.; Л., 1965–1966; Вып. 3–... . Л. (СПб.), 1968–... .
- Суперанская А. В., Суслова А. В.* Современные русские фамилии. М., 1984.
- Трубачев О. Н.* Из материалов для этимологического словаря фамилий России: (Русские фамилии и фамилии, бытующие в России) // Этимология, 1966. Проблемы лингвогеографии и межъязыковых контактов. М., 1968.
- Унбегаун Б.-О.* Русские фамилии. М., 1995.
- Unbegaun B.* La fréquence des noms de famille russes // Université Libre de Bruxelles: Annuaire de l'Institut de Philologie et d'Histoire Orientales et Slaves. 17. 1963–1965.

* * *

Анатолий Федорович Журавлев – доктор филологических наук, заведующий отделом этимологии и ономастики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Москва).

В. С. Трубецкой

ОСОБЕННОСТИ ИМЕНОВАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ ПОС. АТИГ НИЖНЕСЕРГИНСКОГО РАЙОНА СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

Русское заселение юго-западного района современной Свердловской области началось с 30-х гг. XVIII в. Осуществлялось оно за счет переселения сюда крепостных крестьян из вотчин Акинфия Никитича и Никиты Никитича Демидовых, графа Строганова, приписных крестьян из Пермской и Казанской губерний, беглых крестьян и казачников.

На новом месте люди обживались, в семьях подрастали сыновья, обзаводились своими семьями, число носителей фамилии росло. Так, по результатам пятой ревизской переписи 1794 г. в поселке Нижнесергинского завода проживало 292 семьи, 1 196 человек [ГАСО, ф. 24, оп. 5., д. 128]; шестая ревизская перепись 1811 г. фиксирует 1 463 человека [Там же, оп. 25, д. 12]; десятая (1857) – 1 361 человек, 658 душ мужского пола [Там же, ф. 100, оп. 1, д. 584]. В силу различных обстоятельств одни семьи оказывались более «богаты» потомками мужского пола, другие – менее, поэтому частотность одних фамилий возрастала, других – уменьшалась. Например, мужчин – носителей фамилии *Тепикины* в 1811 г. было 7, а 1816 г. – уже 18, *Еремeeвы* соответственно 3 и 10, *Колосовы* – 7 и 16, *Блиновы* – 3 и 15 и т. п.; в то же время фамилия *Савичевы*, в 1811 г. отмеченная для трех хозяев, в 1816 г. фиксируется только один раз, а фамилия *Ленковы* в 1916 г. вообще исчезает из ревизской сказки.

Метрические книги Нижнесергинской Свято-Троицкой церкви содержат информацию о том, что у священников, дающих имена при крещении, были определенные предпочтения, связанные либо с личным опытом, либо с модой. Так, за 19 дней января 1906 г. из 33 новорожденных 7 (21 %) названы *Татьянами*, 5 (15 %) – *Михаилами*, по 3 (9 %) – *Агниями*, *Мариями*, *Петрами*, *Григориями*, по 2 (6 %) – *Иванами* и *Сергеями* [Там же].

Таким образом, складывается ситуация, когда в небольших поселках на несколько семей однофамильцев приходится по несколько Татьян, Григориев, Петров и т. д. Так, в поселке Атиг Нижнесергинского района, построенном Михаилом Губиным в 1790 г. и

заселенном выходцами из Нижних и Верхних Серег, наиболее распространенными являются фамилии *Дайбовы, Ленковы, Макеевы, Морозовы, Савичевы, Шершневые*; среди их носителей немало и тезок. Отсюда усложнение процесса идентификации, иллюстрацией к чему может служить следующий диалог:

– *Марфа-то на рынок намедни поехала.*

– *Чья это Марфа-то?*

– *Да Ивана Васильевича Ленкова сноха.* (Но Ленковых Иванов Васильевичей в поселке трое, поэтому требуется уточнение.) *Ну, это дочка Морозова Якова Петровича.* (Таковых в поселке две, и ситуация все еще нуждается в прояснении.) *Ну, внучка Тарас Иванныча, ну, Тарасиха.* (Только теперь личность идентифицирована.)

Как видно из данного примера, идентификации личности наилучшим образом служит прозвище. Поэтому не удивительно, что местные старожилы порой не только называют, но и знают своих односельчан лишь по этому неофициальному прозвищу (иногда в сочетании с именем): *Гвоздок* («работник гвоздарного цеха»), *Маруся Пуля* («маленькая ростом, шустрая») и т. п. Даже если официальное именование человека хорошо известно, прозвище все же оказывается более желательным в разговоре, индивидуально называя и к тому же ярко характеризую человека: Гайдуков Юрий Григорьевич – *Пчела* («въедливый, острый на язык»)¹, Дайбов (имя информанту неизвестно) – *Малина* («построился на малиннике»), Звонарев Владимир – *Глобус* («был толстый и круглый»), Карпов Василий Иванович – *Васька Косой* («потерял глаз на войне»), Карпов Иван Павлович – *Дударь*, Коновалов Дементий Павлович – *Палдюканыч*, Макеев Вячеслав – *Чеславкин*, Морозов Владимир – *Луковка*, Назаров Николай – *Коля Батог*, Савичев Юрий – *Колчак* («в детстве играли в красных-белых»), Шершнев Александр Степанович – *Богородица*, Шершнев Василий Николаевич – *Бобок* («круглый, как боб»), Шершнева Мария – *Маня Долгая* («сухая и длинная»), Сычева Ольга – *Борман*, Фрида Михайловна – *Шагающий Экскаватор* («тяжелая походка») и т. п.

Однако в социумном обиходе важно не только поименовать отдельного человека, но и выделить ту или иную семью, потомков одного рода. Этой задаче служат семейные прозвища: одних носителей фамилии *Дайбовы* называют *Сороки* («быстрый разговор у них»), их однофамильцев – *Чоморы* («от заготовки черемухи»); семья Макеевых получила прозвище *Хохлы* («мать вышла замуж за украинца»), их однофамильцы известны как *Батраки*, еще одни Макеевы – как *Купрята*; есть Морозовы *Маланьичи*, или *Маланычи* («от бабки Маланьи»), есть *Губернаторы* («от бабушки Губани»), а есть *Глуховичи* («дед был глухой»); одна из семей Гайдуковых носит прозвище *Матреничи* («от бабки Матрены»), Шершневых – *Корзинычи* («жена деда плела корзины») и т. п. Как видно из примеров, основой для такого семейного прозвища обычно является либо имя (обычно в разговорной форме) старшего члена семьи (деда, бабки), либо обозначение какой-либо характерной для всей семьи черты.

Следующим естественным этапом становится превращение семейного прозвища в новую, называемую в народе *уличной*, фамилию. Эти фамилии весьма многочислен-

¹ Здесь и далее весь антропонимический материал получен от жительниц поселка Татьяны Ивановны Шершневой и Ольги Матвеевны Морозовой. По возможности в скобках приводятся мотивировки антропонимов, известные информантам.

ны в Атиге и позволяют легко различать официальных однофамильцев. Так, паспортную фамилию Ленковы носят представители нескольких семей, которые по-уличному зовутся *Царевы*, *Куляпа* и *Турчы* («у них в роду был кто-то похожий на турка, черный»); есть Логиновы *Савотькины* («от деда Саввы»), а есть *Хреськины*; среди многочисленных Макеевых выделяются *Догадычевы* («от деда Догады»), *Дерюгины* («лапти плели»), *Гармончиковы* («гармонисты были»), *Колескины*, *Кутачкины*, *Сикины*; среди Певцовых – *Илюшкины* («от деда Ильи»), *Захаркины* («от деда Захара»), *Забродины* («их дед плел бродни»), *Лукерины* («от бабки Лукерьи»); среди Тепикиных – *Типтиляптины* («по разговору»), *Гурьяновы* («прадед Гурьян»), *Кошечниковы* («дед кошек собирал»); среди Трифоновых – *Калугины* и *Минькины*; среди Шершневых – *Далматкины*, *Акуличкины* («от бабки Акулины»), *Синюшкины* («от бабки Синюшки»), *Кутачкины* и *Мусоркины*; среди Фетисовых – *Грушины* («от бабушки Груши»), *Зарека* («живут за рекой») и *Бадедкины*. Традиция давать уличные фамилии приводит к тому, что Карповы более известны как *Давкины*, Игнатовы – как *Морковкины*, Морозовы – как *Жеговы*, одна из семей Дайбовых – как *Кокушкины*. А по отношению ко многим семьям наши информанты вообще не могли назвать паспортную фамилию человека, зато хорошо знали уличные: *Варионовы* («от деда Вариона» – Лариона), *Корешихины* («от бабки Корешихи»), *Пронькины* («от деда Проньки»), *Филипычевы* («от деда Филиппа»), *Тепишины* («от деда Тепиши» – Пантелеймона), *Вишвииковы* («вшивая семья»), *Курилкины* («парни в семье рано начали курить и потому были мелкими»), *Кобачевы*, *Ебукины* и т. п.

Таким образом, вновь вступает в действие естественный механизм самоидентификации и разделения родовых фамилий. Есть основания полагать, что уличные фамилии – явление достаточно старое. В подтверждение этому можно привести Именные списки Нижнесергинских крепостных крестьян, назначенных в ратники в 1855 г. [ГАСО, ф. 14, оп. 79, д. 79, 318–325], где числятся люди с двойными фамилиями, одна из которых, очевидно вторая, является уличной: Николай Иванович *Шлыков*, он же *Клевцов*; Сергей Федоров *Сунегин*, он же *Еремеев*; Иван Сергеев *Тепикин*, он же *Плясунов*; Тихон Семенов *Тепикин*, он же *Широков*; Прокопий Максимов *Медведицын*, он же *Ерохин*; Михайло Киприянов *Варганов*, он же *Куляпин Малой*; Антон Николаев *Никрунин*, он же *Николаев*; Александр Александров *Куприянов*, он же *Алексин*; Тимофей Родионов *Тизяков*, он же *Фролов*; Семен Иванов *Медведицын*, он же *Ерохин*; Афанасий Захаров *Юдин*, он же *Залупнихин*; Григорий Дмитриев *Никишин*, он же *Власов*; Алексей Петров *Сытников*, он же *Макарушин*; Федор Григорьев *Симанов*, он же *Гавнов*; Леонтий Тимофеев *Еловских*, он же *Слесарев*.

Многие из уличных фамилий допускают отпрозвищное образование: *Гавнов*, *Залупнихин*, *Куляпин Малой*, *Плясунов*, *Широков* (ср. также именование *Яков Марков Обосранов*, где в качестве единственной фамилии тоже могла быть употреблена фамилия уличная); фамилии *Клевцов* и *Слесарев* указывают на производственную деятельность их носителя; фамилии *Еремеев*, *Макарушин*, *Николаев*, *Фролов*, должно быть, связаны с именами основателей семей.

Можно говорить о том, что за три-четыре поколения (75–100 последних лет) из одной семьи Дайбовых сформировалось три ветви, Ленковых – три, Логиновых – две, Макеевых – десять, Морозовы дали основание пяти ветвям, Певцовы – четверем, Тепикины – трем, Шершневые – шести. Любопытно и слияние различных семей: в определенные

ветви – какие-то представители семей Макеевых и Ленковых получают прозвище *Куляны*, Макеевых и Шершневых – уличную фамилию *Кутачкины*.

Для пояснения механизма появления и закрепления за родом уличной фамилии можно привести следующий пример, взятый из воспоминаний Т. И. Мокроносова:

К примеру, можно привести три случая новых прозвищ, которые возникли при моей памяти. Я уже упоминал, что за большую болтливость, за осмеивание людей и наглость на языке Алексею Ефимовичу было дано прозвище *Цыганское Колокольчико*, но это прозвище не было сохранено за его сыном, т. к. он вел себя более в норме. А вот наш сосед Петр Иванович Ермаков за то, что в рабочий день надел и носил красную рубаху (кумачовая, самая дешевая), ему наши старики дали прозвище *Кума Выхухолевый Хвост*, а так как его сын Иван Петрович, сохранил за собою традиции отца, иногда одевал по вечерам сапоги, то этого было достаточно, чтобы называть их *Выхухолевыми Хвостами*, и это узаконилось на их потомстве.

Или еще вот одно прозвище. Один из мужиков был худощавый, верткий такой и, как говорят, «нетуго заряженный», т. е. у него не было своих убеждений, не было в разговоре настойчивости. Ему за щуплость физиономии и склонность соглашаться с любыми высказываниями было дано прозвище *Зяблый Ячменек*. А так как его дети были по внешнему виду и психическому складу другими, то их называли *Михалко Петрухи Зяблого Ячменька* [Мокроносов].

Аналогичные явления наблюдаются также в других населенных пунктах Нижнесергинского района: в самих Нижних Сергах, в г. Михайловске и др.

Мокроносов Т. И. Описание родословного дерева: Рукопись (семейный архив В. С. Трубецкого).

* * *

Валерий Сергеевич Трубецкой – кандидат исторических наук,

О. В. Белова

НАЗВАНИЯ СЕЛ ПОЛЕСЬЯ И ТОПОНИМИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ*

Основой для публикации послужили материалы, собранные участниками полесских этнолингвистических экспедиций, проводившихся под руководством акад. Н. И. Толстого начиная с 1970-х гг. Сбор материалов по духовной культуре Полесья осуществлялся с помощью специально разработанной «Программы Полесского этнолингвистического атласа» [ПЭС, 1983, 21–49]. При этом особое внимание уделялось фиксации терминологии, которая является с точки зрения этнолингвистики не просто фактом языка, но важным элементом плана выражения народной (традиционной) духовной культуры.

Хотя изучение местных топонимов не являлось магистральной темой экспедиции, в «Программу» был включен вопрос о происхождении названий тех сел, где проводилась полевая работа (разд. 21, Фольклор, вопрос 15), с целью выявить в речи местных жителей мотивировки топонимов, записать связанные с ними предания. Собранный материал показывает, что, подобно тому как термин во многих случаях служит семантическим стержнем, вокруг которого формируется обрядовый или мифологический контекст, топоним также часто является важным компонентом для реконструкции местной «устной истории» в ее народном прочтении. Именно поэтому, отбирая материал для публикации, мы намеренно не затрагивали проблему научной этимологии полесских топонимов, оставаясь в рамках «фольклорной» топонимики. Цель нашего исследования состоит в том, чтобы на примере аутентичных текстов, повествующих о происхождении местных названий, во-первых, показать значимость «топонимических» нарративов и, во-вторых, выявить основные модели номинации и мотивации, бытующие в данной локальной традиции.

В публикации представлены наиболее колоритные сведения по народной топонимии, зафиксированные в ходе многолетних полевых исследований. Материалы экспедиций, охвативших более 120 населенных пунктов Полесья, хранятся в Полесском архиве Института славяноведения РАН (Москва).

* Статья написана в рамках работы над проектом «Этнокультурные стереотипы в картине мира славянских народов (электронная текстотека и поисковая система)», поддержанным грантом РФФИ № 03-06-80067.

А. Антропоним

Согласно фольклорным нарративам, в основе топонимов лежат имена основателей села или жителей, оставивших след в местной истории.

ВОЗНИЧИ (Овр. р-н Жит. обл.)

1. Колись одна хата была, да дед один жил. Его звали Вóзнич [1981, М. Р. Павлова]¹. *Вознич* → *Вознич*.

ГОЛУБИЦА (Птр. р-н Гом. обл.)

2. Жил здесь атаман Голубь, тыщу лет назад. В честь него назвали село [1983].
3. Проходил с войскам чирис село царь Голубь, в честь него и назвали [1983].
4. [В давние времена прошел через село ночью отряд обнаженных воинов. Впереди шел обнаженный человек в золотой короне. А впереди всех шел глашатай и кричал: «Принимайте царя Голубя!» С тех пор село называется Голубица]² [1983, И. Б. Успенский].

Голубь → *Голубица*. Варьирует статус героя – атаман, царь.

ЖИХОВО (С.-Б. р-н Сум. обл.)

5. Когда-то давно в сяле жив багатый чиловёк по имени Жах. Ат няго и стало называ́ца сяло́ Жй́хово [1984]. *Жах* → *Жихово*. Изначальное расхождение между названием и мотивирующим его антропонимом не смущает носителей традиции; более того, трансформация исходного имени может рассматриваться как отдельный тип наименования (см. разд. К). Аналогичная модель представлена в рассказе о происхождении названия г. Лельчицы (№ 7). Ср. текст, записанный в с. Олуш (№ 70), в котором рассказчик комментирует стадии искажения первоначального названия села.

КОРЗУНЫ – часть с. Куричичи (Птр. р-н Гом. обл.)

6. [Части села называются] Корзунь, Сопóнова, Лóсовичи и Микй́тичи. Это оттого, что давным-давно была война с турками, турки всех убили, осталось в Куричичах четверо живых – Кóрзун, Миккй́та, Сопóн и Лось [1983, М. Б. Плюханова]. *Корзун* → *Корзунь*. Модель образования географического названия от антропонима актуальна и в системе местной микропонимии (в пределах одного села). Ср. «этнические» названия в микропонимии пгт Сатанов Город. р-на Хмельн. обл. (№ 14, комментарий).

ЛЕЛЬЧИЦЫ (Ллч. р-н Гом. обл.)

7. [Дочь царя по имени Лена полюбила простого парубка.] Ну а ўона́ полюбила этого хлопца. А батько шо ж, за слугу дочку́ отда́сть?! Король! Так ўун за е́е, и мо, з якёй Украйны, ци скуль приўё́з, а тут же не бу́ло ничо́го, и тут зроби́уіў ту, таку хатку, и оста́уіў е́е ту́така жыть. Оста́уіў слўги. Шоб ўун не найшо́ў. А хлопца отпра́уіў, ўўгнаў. Той хлопец пошо́ў, пошо́ў, пошо́ў, и трэ́ба як раз пры́йти сю́ды на ноч. Зайти к ей. Зайшо́ў на ноч. Ана́ ж-то ягу лю́бить. При́ехаў батько за погляде́ў, шо ўо́ны жыўу́ть, да яго́ уби́ў. Як ўун яго́ уби́ў, то ана уто́пілася. И назўа́ли Лельчицы [1986, О. В. Санникова]. *Лена* → *Лельчицы*. Мотив трагической любви является сюжетообразующим для целого ряда полесских топонимов (ср. № 41).

¹ В квадратных скобках указывается год записи и фамилия собирателя.

² Здесь и далее квадратные скобки в цитируемой записи означают, что мотивация приводится в пересказе собирателя, а не в речи информанта.

ЛОСОВИЧИ – часть с. Куричичи (Птр. р-н Гом. обл.). *Лось* → *Лосовичи*. См. № 6.

ЛЮБЯЗЬ (Лбш. р-н Волын. обл.)

8. Була́ у пана дочка Люба, и на имья́ свѣйи дочкы пан назвав село Любязь [1985, Л. И. Жук]. *Люба* → *Любязь*. Довольно широко распространенный мотив наречения села именем панской дочери (ср. одну из версий происхождения названия с. Барбаров Мзр. р-на Гом. обл., см. № 78). Ср. также версию о происхождении названия г. Лельчицы (№ 7), где статус объекта наречения и носителя имени выше (соответственно – город и царская дочь).

МИКИТИЧИ – часть с. Куричичи (Птр. р-н Гом. обл.). *Микита* → *Микитичи*. См. № 6.

ОНИСКОВИЧИ (Кбр. р-н Брест. обл.)

9. Имя было́ у людѣй Ониско́. Пѣрвы́ посѣлы́ўса. Так и назва́лы – Онисковичи [1985, М. А. Исаченкова]. *Ониско́* → *Онисковичи*.

СОПОНОВА – часть с. Куричичи (Птр. р-н Гом. обл.). *Сопон* → *Сопонова*. См. № 6.

Б. Черты характера (качества) местных жителей

Топонимы мотивированы представлениями о чертах характера и особенностях поведения и образа жизни местных жителей, которые, согласно преданиям, закрепились в названиях населенных пунктов.

ЗЛОДИН (Ллч. р-н Гом. обл.)

10. А у нас ё́то Зло́дин. То ё́хаў то́жэ пан и останаві́ўся ночова́ць. Леглі́, да украли коні. Да и – злоде́й! злоде́й! Да и Зло́дин назва́ли [1986, О. В. Санникова]. *Злоде́й* → *Злодин*.

МОХОЕДЫ – неофициальное название с. Киров (Нрв. р-н. Гом. обл.)

11. Раньше наше село называлось Мохо́еды, и ё́то, ка́жуць, от того, шито лю́дзи мох ели. А шчэ́ ка́жуць, што це́гли на цѣ́ркву вола́, штоб зье́ў траву и мох, и вось ад ё́тага пайшло́ назва́ные села [1984]. *Мох ели* → *Мохоеды*.

СВАРЫНЬ (Дрг. р-н. Брест. обл.)

12. [Село так и называлось – *Сварынь*, что означает ‘ссора’, ‘ругань’.] У Ветлах бу́лы люди сварливы, их пан перасѣлы́л сюды, бу́ло их тры чалава́ки и стали тут жить [1988, Г. Л. Седельникова].

13. Трэ́ чалава́ка прышло́ з Ве́тел, а онэ́ всегда свары́лися миж сабой, и стали тут жы́ти [1988, Г. Л. Седельникова].

Свары́цца ‘ссориться, ругаться’ → *Сварынь*. Ср. свернутый вариант мотивировки из того же села, в котором также говорится об изгнанных жителях, однако указания на их сварливый нрав нет: «[*Сварынь*, от слова *свары́цца*, что означает ‘ссора’, ‘ругань’.] Буй у Вя́тлах пан, які́ выгнаў тро́х чалава́к, и онэ́ пасѣли́лися на месте Свары́ни. Звали́ их Данилю́к, Капу́за, Кинча́к» [1988, Г. Л. Седельникова].

В. Социальная или этническая группа

Народная память хранит свидетельства об этнических соседях или представителях определенных «чужих» социальных групп, оставивших след в местной истории.

ТУРОВ (Жтк. р-н Гом. обл.)

14. Кажу́ць, у коло́дзезе тура́чка шапка лежы́ць золотая – Ту́ра, турка, шапка [1983, Т. В. Козак]. *Тур (турок)* → *Туров*. В этом полесском предании отразился популярный легендарно-

сказочный сюжет о колодце *Тур*, получившем свое название, как и город, от имени легендарного князя-основателя. По преданию, у этого колодца три дна: медное, серебряное и золотое. Когда прорвется золотое дно, наступит конец света, и вся земля покроется водой [см.: ЛгП, 282, № 384]. Для сравнения приведем мотивировки микропонимов подольского местечка Сатанов (Город. р-н Хмельн. обл.). Названия *Цыганка* и *Волохи* объясняются следующим образом: «Булы турки, то воны там, значыть, як бы сказа́ты, ятага́нами (ятага́н шо цэ такэ? – турэцка сабля!), то воны там видру́бовалы голову цыга́нам. И так с того часу называ́еца Цыганка. Цыгане тут жы́лы, тут вси жы́лы. [А «Волохи»?] Во́лхвы. Во́лхвы, то цэ, як бы сказа́ти, молдаване. Тому шо во́лхви» [2001, О. В. Белова, В. Я. Петрухин].

КАЗАШИНА – часть с. Каргушино (Стрд. р-н Брян. обл.)

15. Ещё у нас здесь улица есьть, называ́еца Каза́шина. Эта была́ ра́ньшэ деревня, то́лька ана́ здесь была́, и казаки́ в ней жы́ли еше́ при Петре [1982, Е. Б. Владимирова]. *Казаки* → *Казашина*. Для сравнения приведем рассказ из подольского села Вербовец (М.-К. р-н Винниц. обл.) о происхождении его названия. Согласно одной из версий, *Вербовец* происходит от слова *вербовать* (относительно того, ходили ли тут «вербовщики» и «хватали» людей или здесь жили «вербованные», мнения информантов расходятся). Чтобы обезопасить себя от «вербовщиков», местные жители переименовывали свои фамилии на «шляхетский» лад; в приводимом далее рассказе в роли «вербовщиков» выступают турки. «Меняли фамилии на шляхетские – Ковальский, Островский, Щепановский, так дальше – дуже багато таких фамилий. Шляхта ніби була! Ну, як цитируют старый народ, с тогу, значыть, ста́лы польские имена. Шо боя́лыся, обратно шобы йих нэ вы́рэзали, чи як там, чи их дэс нэ засла́лы, то их, значыть, як бы́ Шимко́ў – Шимко́ўский, Шима́ньский, Кова́ль – Кова́льський. Значыть, давали йим по-шляхэ́тску. Добавля́лы, ну, -ский, значыть, пару цих букв, и вжэ получало́ся, шо вин по́ляк получи́ўся, турки их нэ трогалы, бо то шляхта! А украинци́ў в основном они трогали» [2001, О. В. Белова, А. В. Соколова, В. Я. Петрухин].

Г. Природный (культурный) объект (локус) и его качество

Целый ряд названий связывается с элементами природного и культурного ландшафта и локусами, значимыми для местной «устной истории» (при этом далеко не все из них могут быть так или иначе верифицированы).

БЕРЕЗИЧИ (Лбш. р-н Волын. обл.)

16. Ба́рэзычи. Чы тут бу́ло ба́рэзыны́ мні́го, чы хто поруба́в ба́рэзыну́ яку́ю, чы насади́в – того́ нэ зна́ю [1985, Л. М. Магдзяк, В. А. Вальчук]. *Береза* → *Березичи*.

ВЕЛИКИЙ БОР (Хнц. р-н Гом. обл.)

17. Наша сяло зда́ўна так заву́ць – Вя́лики Бор. А чаму, пэ́ўна што ў нас тут лясы вя́ликие [1985, А. Карловская]. «*Лясы Вя́ликие*» → *Великий Бор*.

ВЕТКА (Втк. р-н Гом. обл.)

18. Платы́гна́лы па Сажу́. На б́яре́гу ве́тка сто́яла [1982, А. Л. Топорков].

19. Стараве́ры, кагда́ ста́ла ре́форма ве́ры, ушли у Б́рянские ляса́. И сабра́лась мно́жэства́ людей́ таких. Ре́шы́ли вы́йти на Со́ж, к ни́зу Сажа́ – пусь́тили ветку́ ад де́рэва, пры́вяза́лы к ней икону́, и где заце́пица та ве́тка, аста́но́вица, там и пасе́ляца. И ту́та вон астана́вилась. Так и назва́ли то ме́ста – Ве́тка [ПА, 1982, Е. Б. Владимирова в с. Присно Втк. р-на Гом. обл.].

Ветка → *Ветка*.

ДУБРОВКА (Дбр. р-н Гом. обл.)

20. Дубровка – ве́льми [бы́ло] ба́гата дубо́ў [1982]. *Дуб* → *Дубровка*.

КОМАРОВИЧИ (Птр. р-н Гом. обл.)

21. Так и называлось село – Камаровічы. Раньше были балатá, были и камары́, так и назывáлося. А адна́ часть [села называется] Мленок – мельница там была [1983].
Комары → Комаровичи.

КРИВЛЯНЫ (Жбн. р-н Брест. обл.)

22. Скрівлена дорога, потому́ Кривляны [1985, С. В. Кучмистая]. *Кривой → Кривляны.*

КУРЧИЦА (Н.-В. р-н Жит. обл.)

23. Ко́лісь курчі тут бу́лі, тва́нь. Лис стоял. Пришли сю́ды лю́ды, всэ́ вы́курчова-лося, и стала Ку́рчица [1981, Е. В. Максимова]. *Курчи (корчи) → Курчица.* Возможно также: *Курчи (корчи) → выкорчевывать → Курчица.*

ЛИСЯТИЧИ (Пнс. р-н Брест. обл.)

24. Лыса́тычы – шо́ ко́ло лэсу, шо́ пуд лы́сом [1981]. *Лес → Лисятичи.*

ЛОГИШИН (Пнс. р-н Брест. обл.)

25. А Логишин – было́ такое Лого́во ни́дэ, и назва́лы ёго логово́. Там пе́ршый чоловёк посели́ўся у гэтым лого́вэ. Гэ́то я ў «По́льскай пра́вды» чыта́ў [1981, А. В. Гура].
Логово → Логишин. В рассказе присутствует мотив первоначальников, положивших начало местной истории (ср. сюжеты, связанные с названием населенного пункта по имени первого жителя).

МОКРАНЫ (Млр. р-н Брест. обл.)

26. Тут лужи, всегда́ было мокро, потому́ Мо́краны [1982, М. И. Серебряная].
Мокро → Мокраны.

МОШОК (Дбр. р-н Гом. обл.)

27. Мошо́к [название железнодорожной станции около Дубровки – от названия урочища], там мох расы́це [1982]. *Мох → Мошок.*

ПАРОХОНСК (Пнс. р-н Брест. обл.)

28. [Старое название – Липск-Парохонск. Пан, проезжая по выгоревшему селению на охоту,] ў старой липе нашо́л икону, на поро́хне. И куда́ ие ни носили, она́ обрат-но поя́ўлялася. На тым месце дэ́рэўня [1990, О. Н. Дереш].

29. А Порохо́нск дэ́рэвня свя́тэ. Вся́ свята́ бо тут Бо́жа Ма́ты явила́ся. Давно́ ужó. Цэ́ркоў ста́ра зго́рила, а вона́ не зго́рила, «Мати Божая», образ. [Икону нашли в груше-вом дереве.] Зро́былы цэ́ркоў [посвящена Божьей Матери] и тэ́пэр сэ́ло Порохо́нск. Ў́ поро́хні [1990, М. А. Исаченкова].

Порохна ‘зола, гарь’ → Парохонск.

30. Дэ́рэво росло и угасло, и у пороховы́ным дэ́рэве нашлы́ икону «Бо́жа Маци» [1990, О. Н. Дереш]. *Пороховыно (дерево) → Парохонск.*

ТХОРИН (Овр. р-н Жит. обл.)

31. Хатка та́ка бу́ла, ко́лісь со́кірамі ше́ робі́ли, у са́мом кутку́ та хатка бу́ла. Дед бу́в та́мака, со́кірим на́рубáв, буды́ночка зро́бив, пе́чку зро́били, дима́рь у ста́нку вве-ли, ну́ и так и сто́яв буды́ночок та́й. И о́ цей тхур, шо́ земли́ ры́е, крэ́гом поры́в ха́тку, о́ це тхур там поры́л – и да́вай розвива́ця Тхо́рин. Бо́льш да́ бо́льш, да́ бо́льш, да́ и пошла́ –

Тхорін. Так росказували своякі тые, старые. Так и залишылося на векамі. [Считают, что селу 300 лет.] [1981, С. М. Толстая].

32. Колись говорили: ешчэ при пánшчине утёк от пánшчыны чоловек, заховаўся тут и живе́й. А дру́ги при́ехаў сю́да и пра́ви: «Ты тут зарыўся, як тхор (есть така́ зверы́на, по хле́вах бе́гае)». То дуже давно буўо́. Так и зове́мося – Тхорін [1981, Е. В. Максимова].

Тхор ‘хорь’ → *Тхорин*. В первом тексте зверь выступает в роли своеобразного «культурного героя», благодаря деятельности которого начало «развиваться» село, во втором *тхор* ‘хорь’ фигурирует в переносном значении – ‘нелюдимый человек’.

ХИЛЬЧИЦЫ (Жтк. р-н Гом. обл.)

33. Не́когда рэ́чка процека́ла Хиль, шо хі́лая [она была], а [потом] она ви́сохла. Сначала ў дзе́рэўни бы́ла со́рок хат [1983, М. Н. Толстая]. *Хилый* → *Хильчицы*.

ЧЕРВОНА ВОЛОКА (Лгн. р-н Жит. обл.)

34. Черво́на Волока́ – Кра́сная Волока́. Ка́лына вдоль рэ́чки [росла], то вона черво́на, Волока́ – ручеек [протекает] и в речку впада́е [1984, М. Р. Павлова].

35. Называе́ця так, бо ко́лысь калы́на скро́зь була по-над хата́мы, то так и называ́лы – Червона Волока [1984].

36. Така́ на́зва бу́ла, як за́ра, а звалос воно́ так, бо речка бу́ла и по-над нэ́ю бу́ло бага́то калыны, то назва́лы – Че́рво́на, а Во́лока – вроде кана́ва и по два бо́ки тра́ва, квэ́ткы, да шчэ́ и вода [1984].

Калина → *красный цвет* → *Червона*.

Д. Предмет

В преданиях, основанных на «предметном» коде, значимым сюжетобразующим элементом становятся представления о местных промыслах или конкретных событиях, якобы имевших здесь место.

ДЯГОВА (Мнс. р-н Черниг. обл.)

37. Ко́лысь ничо́го тут не бу́ло, де́готь гани́ли. А́ттаго́ и Дяго́ва [1985, Е. В. Тростникова].

38. [Река, опоясывающая село, была раньше глубокой и судоходной. Там опрокинулась баржа с дегтем] [1985, Е. В. Тростникова].

Деготь → *Дягова*.

ЗОЛОТУХА (Клн. р-н Гом. обл.)

39. Зала́ту́ха – зо́лата мно́га коли́сь бу́ло. Старые люди ка́жуть, што пан закопа́ў у нас зо́лата ба́чки, тако́ у нас за селом, называ́еца Дубро́ва [1983, Е. В. Тростникова]. *Золото* → *Золотуха*.

ЛОПАТИН (Пнс. р-н Брест. обл.)

40. Езд́ила не́кая кра́лэўа Бо́на. Хто с чэ́м ўстра́чаў, так она и называ́ла дяре́ўню. Ў́ Хлеба́х стра́тилы с хле́бом, а ў́ Лопаты́не снig откида́лы лопато́й [1985, А. А. Астахова]. *Лопата* → *Лопатин*, Ср. аналогичный прием наименования целого куста поселений в нарративе из Ровенской обл.: во время путешествия «царицы» в с. Золотом ей «было добре», в с. Замороченье у нее «заморочилась» голова, в Сварицевичах она «стала сварыцца» («поссорилась») со своим ездовым, в Бронице ее кони бродили по воде и т. п. [см.: Белова, 2000, 10].

ЛЮБЯЗЬ (Лбш. р-н Волын. обл.)

41. [*Льбездь* – от польского слова «любовь». В давние времена село принадлежало польскому пану, у которого была красавица дочь. Ее полюбил сын бедного рыбака. Любовь была взаимной. Как-то рыбацкий сын пригласил дочь пана прокатиться по озеру на лодке. На обратном пути поднялась буря, лодку опрокинуло, и возлюбленная рыбака оказалась в озере. Он пытался ее спасти, но попытка была тщетной. Влюбленные утонули. В это время озеро было безымянным. И пан решил назвать его *Льбездь* в честь возлюбленных] [1985, Л. И. Жук]. *Любовь* → *Льбездь* (*Любязь*).

ПЕРГА (Ол. р-н Жит. обл.)

42. Колись занималися пчо́лима, а у пчо́лах була перга, така пласці́нка, яку закла́дали пчо́ли. Потому и называецца Перга́ [1984, Т. Я. Дидук]. *Перга* → *Перга*.

ХЛЕБЫ (Пнс. р-н Брест. обл.). *Хлеб* → *Хлебы*. См. № 40.

ЦЕЛЕХАНЫ (Пнс. р-н Брест. обл.)

43. Буў хан тут, и он похоронен в лёсе, недалёко от канала, там, гдзе Целеханы́ зра. Во табе и цёло хана – Целеханы́ [1987, Т. В. Скакун в с. Горголь Ивц. р-на Брест. обл.]. *Тело хана (цело хана)* → *Целеханы*. Ср. аналогичное предание, записанное непосредственно в Целеханах: В давние времена в окрестностях села была найдена могила хана: «Быў вялікі курган <...> А ў магіле было цела хана» [см.: ЛГП, 320]. Сходным образом в народных преданиях объясняется и происхождение названия *Могилев*: город основан на месте, где была «могила льва» – разбойника Машеки, державшего в страхе всю округу [см.: Шейн, 1893, 451–453; ЛГП, 274–275, 277]. Ср. также народное объяснение названия одного из исторических районов г. Каменца-Подольского Хмельницкой обл. – *Корвасары*: «Корвасары, вот улица Корвасары. Колись чумаки соль караванами возили, и тут были их караваны. И жила тут одна жі́нка, называлась вона Сара, и все её уважали. Вона бу́ла, ну, як... Роксолана! И вот так и прозвали: “караван Сары” – Корвасары!» [2004, О. В. Белова].

Е. Эстетическая оценка

Названия данного типа основаны на реализуемых с помощью «топонимического» нарратива субъективных представлениях носителей традиции о характере окружающей местности (в частности, текстовую мотивировку получают такие понятия, как «красота», «чудо»).

РЯСНО (Ем. р-н Жит. обл.)

44. Рясно – цэ бога́то, га́рно. Зде сады́ булі́ яблоне́вые дужэ́ богатые – от и каза́ли: Рясно [1981, Е. Б. Владимирова]. *Рясно* ‘красиво’ → *Рясно*.

ЧУДЕЛЬ (Срн. р-н Ров. обл.)

45. Чудэ́ль буў, як о́стров. Рэчка з адно́е сторо́ны, прыро́да чу́дна. Оды́н чолоу́ёк, пе́рши, хто посэ́ліўся, каза́ў: «Чу́дно здесь!» [1984, А. А. Астахова]. *Чудно* ‘красиво’ → *Чудель*.

46. Як основа́лося сыло́ тилько́ нашэ́, дэ́ кла́дбишчэ́, сама горка бу́ла́ высо́ка. Був упра́вляюшчы́й, як запы́сував, вы́шов на горку́ и сказа́в: «Якое́ чудо... Хоро́шэ...» [1984].

47. То які́сь чолові́к прыйі́хаў суды́, де што́сь зробі́ў, да ка́жэ: «Чу́до зробі́ў» [1984, А. А. Астахова].

Чудо → *Чудель*.

Ж. Количество

Немногочисленная группа нарративов включает топонимы, мотивированные числительными.

СИМОНИЧИ (Ллч. р-н Гом. обл.)

48. [Раньше на месте деревни] было семь дѣворѣ, и прозѣвали Сѣмоничи [1986, О. В. Санникова].

49. А Сѣмоничи, то было кѣлись, якие-то лѣди перѣхали сюды. И тѣтака постѣвили сем хат, назѣвали Сѣмоничи [1986, О. В. Санникова].

Семь → Симоничи.

З. Действие

В нарративах этой группы отражена «предикативная» составляющая местной «устной истории» (какое-либо однократное или, напротив, повторяющееся в конкретном локусе действие якобы дает начало поселению и мотивирует его название).

ВЕРХНИЙ ТЕРЕБЕЖОВ (Стл. р-н Брест. обл.)

50. Можѣ, кѣлись бѣѣ лес, да витѣрэбили, тому мусицѣ Тѣрэбежов [1984, И. В. Ренжина]. *Теребить → Теребежов.*

ВОЗНИЧИ (Овр. р-н Жит. обл.)

51. Возничѣ. Пан говорѣѣ на жителей села – вѣзнич, а лѣди потом прибавили *и*, и стало Возничѣ. Кѣлись зѣмок бѣѣ [где жил пан], и все лѣди съѣзжались работать туда [1981, М. Р. Павлова]. *Возить → Вознич.*

ВЫСТУПОВИЧИ (Овр. р-н Жит. обл.)

52. Екатерина Вторая выступѣла здѣсь. Остановились еѣ кони на поле. И кѣпѣтами выбили озеро [1981, Ф. Бадаланова].

53. Катѣрина Пѣрша тут выступѣла. На коне. И наше село назѣвѣецца Выступѣвичи [1981, Л. М. Ивлева].

54. [Раньше село называли Вѣступ, -*овичи* прибавили потом. Название произошло от того, что Петр I и Екатерина II (sic!) шли войной (на кого – не знает) и выступили (пошли в наступление) из этого места] [1981, А. Л. Топорков].

Выступать → Выступовичи. Возникновение села связывается также с историческими личностями, которые могут варьировать в разных нарративах.

КИШИН (Ол. р-н Жит. обл.)

55. На цѣм мѣсте были непроходимые болѣта, где росли лѣзѣны, водились змеи, в болѣтах кѣшѣло [копошилось], поэтому назѣвали Кѣшѣн [1984, В. С. Карапѣва]. *Кѣшетъ → Кишин.*

КОЗИНКИ (Куйб. р-н Калуж. обл.)

56. А да нас ѣих назѣвали Кѣзѣнки. Кѣву-та ж тут кѣзѣнили в кѣзѣнках, гѣварѣть, а вот тут Страмѣловка, там стрѣмили [1985, В. И. Харитѣнова]. *Кѣзѣнить → Кѣзѣнки (Кѣзѣнки).*

КОВНЯТИН (Пнс. р-н Брест. обл.)

57. Ковнятин – тут образовалась в пёршую бчэрэдъ кузница, а потом стали прибавляться люды [1981, А. В. Гура]. *Ковать* → *Ковнятин*. Мотивация выражена имплицитно, реконструируется через упоминание в рассказе кузницы.

КОПАЧИ (Чрнб. р-н Киев. обл.)

58. Сюды якіхсь людей засылали, и яны́ дужо славно копали, дóбре копали, а шо ўоны́ копали, ўот я не знаю. Мо, якó золото чы глину, чы я не знаю. И цэ назў́али на́шы Копачы́ [1985, О. В. Санникова]. *Копать* → *Копачи*.

МАЛЫЕ АВТЮКИ (Клн. р-н Гом. обл.)

59. Манголы нападали. Было адно село, и люди ўтякали аттуда. Меньшая часть пабёгла на адну сторону балота, бóльшая – на другую. Назвали – Малые Аўтёки (ўтёки, ўтека́ть) и балышы. А щас Аўтюки [1983, Л. Г. Александрова].

60. Были́ два браты́ – кáтаржники. И ось раз ены́ утекли́ з тюрмы́, и пэйшли́ ены́ ў дно сёлишча. Пожыли́ ены́ трóхи, и дин брат – бóльшы – пэйшоў ў другое сёлишча. Чагó ены́ разэйшли́ся, нихтó не ве́дае. И стали говоры́ть, што сяло́, дзе жыў бóльшы брат, назвали Велі́кия Ўце́ки, а дзе жыў ме́ньшы брат – Малые Ўце́ки. Ось з ё́тих слов и зовут сёлы́ Ма́лыя Ўцю́ки и Велі́кія Ўцю́ки [1983, Л. Г. Александрова].

Утекать 'убегать' → *Автюки*.

ОБРОВО (Ивц. р-н Брест. обл.)

61. Недалёко Митрыча [там люди жили], а у Обро́ве люди ме́рли [так как кругом болота были]. Кагó как засу́дяць, так сюды. А кааб не ме́рли, обро́к кла́ли. [Отсюда – Обро́во.] [1987, М. М. Третьяк]. *Оброк класть* (т. е. давать обет) → *Оброво*.

62. [Обро́во – старое название деревни.] Это, знаете, тут недалёко були [деревня] Митрыча. Отец Митрыча сюда населиў обро́к и церковь пастро́или [1987, М. М. Третьяк]. *Оброк (давать)* → *Оброво*.

63. Людей як засу́дять, так ссыла́ли сюды́ на ссылку [а здесь они умирали, т. е. их обрекали на смерть] [1987, М. М. Третьяк]. *Обрекать* → *Оброво*.

СТРАМИЛОВКА (Куйб. р-н Калуж. обл.) *С(т)рамить* → *Страмиловка*. См. № 56.

ТОНЕЖ (Ллч. р-н Гом. обл.)

64. У нас река була́, дак один чалоўе́к топи́ўся, дак другий ему крычи́ть: «То́нешь! То́нешь!» [1983, А. А. Астахова]. *Тонуть (тонешь)* → *Тонеж*.

И. Трансформация (искажение) топонима

В отдельную группу можно выделить названия, которые самими носителями традиции осознаются как трансформированные, измененные. При этом иногда в фольклорных рассказах выстраивается целая цепочка имен, наглядно демонстрирующая этапы изменения первоначального названия или причины несоответствия исходного имени бытующему в настоящее время названию села.

ВЕЛИКАЯ ВЕСЬ (Рпк. р-н Черниг. обл.)

65. Як була вайна турэ́цка, то с тей вайны весьть пришла якáя вели́ка (чи начальник убит буў, чи шо), так и село прызва́ли – Великая Весьть, затем Весь стало [1985, Е. А. Рогалина, С. А. Антошина].

66. Хтой-то царь висть принёс, то так са́мо и назвали – Великая Весть. А затем [последняя] буква вы́летела [1985, Е. А. Рогалина, С. А. Антошина].

Весть → Вель.

ВЕТЛЫ (Лбш. р-н Волын. обл.)

67. Тут, гдэ Вэ́тлы, був город, и бу́ло тут кня́жество у нас. О тут у нас есть за реко́ю грудóк, то тут сэ́дйі дом того князя. Алэ татары прийшлы, ё́го забра́лы ў плен и розби́-лы и спали́лы тэ́я го́рода. То оста́лося пять чоловíк, и поста́вили хаты́ над рекою. А ко́лы-то гора, видно, то там стойи́ў город. И тут крепость была и то княжество. Я ба́чыв старо́давний план [карту], и *Мьётлы* было написано, таке́й, як Харьков, Киев – та́кие города. [Почему «Мётлы»?] Ко́лыся робы́лы, той город займа́ўся метла́ми; ко́ло ли́са сэ́дйі да робы́ў мэ́тлы. Ё́го и прозва́лы та́ко. А вжэ тэ́пэр Вэ́тлы то Вэ́тлы. А ба́читэ, то старо́давний город ко́лыся був, алэ ё́го спали́лы татары [1985, Г. И. Берестнев]. *Мётлы → Ветлы*. Первоначальное название города (якобы даже обозначенного на «стародавних» картах) обусловлено, согласно преданию, занятием местных жителей (делали метлы). После того как татары (ср. № 73, где в роли разрушителей города выступают шведы) сожгли город, он возродился под названием *Ветлы*.

ЖЕРЕЛЁВО (Куйб. р-н Калуж. обл.)

68. Раньше здесь был барин, у ниво был пастух Нил. Э́тат пастух у ниво жил-жил и стал рывня́ца с бари́ном. Он па́стрби́л сибё́ завод, тут-та кирпи́чной. На э́там заво́ди делали жо́рна, где выжы́гали кирпи́ч. Па э́тим жо́рна́м и назва́ли, мол, Жи́рилёва. Снача́ла звали Жо́рна, а па́том Жи́рилёва. А ба́рыня влю́билася в э́ты́ва Нила, а ба́рин куда-то уехал, па́тому што жо́рна не давали ба́рину спа́сть, а Нил наро́шна их ў́ключал [1985, О. Н. Патрушева]. *«Жорна» → Жерелево*.

КИШИН (Ол. р-н Жит. обл.)

69. Кишин от тишина образовался. Тихое место, кругом Полесье. В Олёвске був царь Олег. Рядом хутор, где тихо-тихо всегда бу́ло, назвали Тиши́н, потом Киши́ном стал [1984, В. С. Карапаева]. *Тишин → Кишин*. Если первоначальное название мотивировано особенностями местности («тихо-тихо всегда бу́ло»), то искаженное название остается без объяснения.

ОЗДАМИЧИ (Стл. р-н Брест. обл.)

70. Быў у вёски хлопец Одам. Нея́к яго назва́ли Озда́мец. Отсю́да и прозва́ли вёску Озда́мичы [1984, М. Яровцева]. *Одам (Адам) → Озда́мец → Озда́мичы*.

ОЛТУШ (Млр. р-н Брест. обл.)

71. [Первым жителем села был Евту́х, и село стали называть Евту́шье, но дя́к был косноязы́чен, да и другие пло́хо выгова́ривали, поэ́тому Евту́шье превра́тилось в Овту́шье, а затем в Олту́ш] [1985, О. Крюкова]. *Евтух → Евту́шье → Олту́шье → Олтуш*. Искажение имени первоначальника. Ср. рассказ из с. Жихово (№ 5), где несоответствие исходного имени названию села остается немотивированным.

ПРИСНО (Втк. р-н Гом. обл.)

72. Присно́ раньшэ́ Прэ́сно́ была́, прэ́снай вады́. Радни́чки ў́ селе́ есть [1982, Е. Б. Владимирова].

73. [Раньше село называли не *Присно́*, а *Прэ́сно*, т. е. несоленое] [1982, А. Л. Топорков]. *Пресное → Пресно́ → Присно́*.

К. Оттопонимические названия

В большинстве случаев объяснение происхождения названия населенного пункта от какого-либо другого местного топонима носит народно-этимологический характер. При этом первоначальный топоним чаще всего является названием исчезнувшего объекта (разрушенный город, пересохшая река и т. п.).

ВЕТЛЫ (Лбш. р-н Волын. обл.)

74. Тут колысь был деревьяный город Вётка. Когда швёды нападали, разбили сей город, зробили посёлок, назвали Вётла [1985, Е. В. Лесина]. *Ветка* → *Ветла*. Село, возникшее на месте разоренного города, носит название, созвучное первому, но отличающееся от него. Мотивировка изменения названия неясна. Ср. № 67.

РАДЧИЦК (Стл. р-н Брест. обл.)

75. Здесь булa река, называлася Рачка. А от этого назвали Рачицк [1984, А. А. Плотникова].

76. Шчэ не за на́шой памяти в сели протика́ла рика́ Рачка, потом она всо́хла. По ий и назвали село [1984, Л. Сичкаръ].

Рачка → *Радчицк*.

Л. Переименования

Отдельно следует рассматривать случаи, связанные с переименованием населенных пунктов. При этом и старое, и новое название могут быть мотивированы с точки зрения народной топонимии.

АНДРЕЕВКА – часть с. Хоробичи (Грд. р-н Черниг. обл.)

77. [Раньше это было отдельное село, называлось Раздереевка, так как река Хоробор обтекала его с двух сторон. Там жила одна ведьма, сын которой утонул в реке Хоробор. За это ведьма осушила реку, а Раздереевку назвала именем своего сына Андрея] [1980, О. В. Белова]. *Андрей* → *Андреевка*. В рассказе присутствует мотив заклатья реки (озера, моря) матерью (ведьмой, царицей, королевой), чей ребенок утонул в реке [см.: Белова, 2000, 10; ЛгП, 375–377]. Ср. легенду, связанную с с. Гортоль Ивц. р-на Брест. обл.: «Когдась на мёста Гортоли булo мoра. А ў чоўне пaни праязджа́ла и закляла́ мoра, как Таё ста́ла балатoм. А балатo пасля́ вы́сахла. Во и дзярэ́ўня тут» [1987, Т. В. Скакун].

Народная топонимия, как и другие фольклорные формы, проявляет тягу к вариативности. Так, в одном селе нередко бытуют несколько равноправных версий происхождения его названия, в которых репрезентированы различные модели номинации и их сочетания. Есть такие примеры и среди материалов Полесского архива.

БАРБАРОВ (Мзр. р-н Гом. обл.)

78. Здесь жил помещик, его звали Бар. Потом приставили еще букв, и стало Бар-Бар-ов. На месте озера перед барской усадьбой были жилища когда-то, но однажды они провалились под землю, и на этом месте стало озеро. Оно такое глубокое, что и дна у него нет [1983, А. В. Гура]. *Бар* → *Барбаров* (А+И).

79. У помещика – пана Гóрвата – была дочь Барбара, в честь нее назвали село [1983, А. В. Гура]. *Барбара* → *Барбаров* (А).

80. Здесь много растет барбариса [действительно, на территории бывшей помещицкой усадьбы его много], поэтому село называется Барбарoв [1983, А. В. Гура]. *Барбарис* → *Барбаров* (Г).

81. [Раньше в селе было много войн, а всё село было изрыто рвами, и борьба в основном шла за ров. Отсюда и название села: борьба за ров – Барбаров] [1983, Е. Крапивская]. *Борьба за ров* → *Барбаров* (Е).

ВЕЛУТА (Лнн. р-н Брест. обл.)

82. Волута́. Тут пры цары́зме бу́ла тюрма́, бу́ў перава́лочны пункт. Так мо́жа, што люди́ волочы́лися, так и пошл́о [1991, Т. Р. Федукovich]. *Волочы́ться* → *Волута* → *Велута* (З+И).

83. От по́льскага сло́ва «волута», што значы́ць «ла́поть». Так, ка́жуть, на́зва пошл́а [1991, Т. Р. Федукovich]. *Волута* ‘лапоть’ → *Велута* (Д).

ГОРТОЛЬ (Ивц. р-н Брест. обл.)

84. Був пан Ге́ртэль, ту посели́вса [по его имени называли деревню] [1987, Е. А. Дмитриева]. *Гертель* → *Гортель* (А+И).

85. Жы́ў пан бага́ты, ды дом яго́ на гару́шцы стая́ў, го́рцы. Ну и сяле́нне празва́ли – Горка, Горкаль. А ужэ́ по́тым и Горталь [1987, Т. В. Скакун]. *Гора* → *Горка*, *Горкаль* → *Гортель* (Г+И).

86. У да́вносці цекла́ рэчэ́чка тут, и за́ра Тае́ ме́сца клі́чацца – Рэ́чка. На ё́й пас-тро́или порт, а заты́м и сяле́нне. По́рталь кликали. А як По́рталь, дак и Горталь [1987, Т. В. Скакун]. *Порт* → *Порталь* → *Горталь* (*Гортель*) (Г+И).

ГРАБОВКА (Гом. р-н Гом. обл.)

87. [Село названо от речушки Грабовки или Грабиловки или от грабовых лесов] [1982, Л. Н. Виноградова, выписки из альбома «История с. Грабовка», составленного школьными учителями по опросам старожилов]. *Грабовка* (река) → *Грабовка* (Г), *Грабиловка* (река) → *Грабовка* (Г+И), *Грaб* → *Грабовка* (Г).

88. [В ложбине под нынешним поселком Красным (4 км от Грабовки) в густых лесах жили вдоль почтовой дороги разбойники, нападавшие на проезжих людей] [1982, Л. Н. Виноградова, выписки из альбома «История с. Грабовка»]. *Грaбить* (*грабители*) → *Грабовка* (З+Б).

89. [На месте нынешнего села было прежде небольшое селение с другим названием – Гончаровка (ныне хутор с тем же названием), где развито было гончарное дело. Когда польские помещики – владельцы этих земель, – стали строить усадьбу, они пригласили многих землекопов для устройства пруда. Их называли тогда «грабары». Место, где разместились в шалашах эти «грабары» – недалеко от имения, – стало называться «Грабовка». Постепенно название «Гончаровка» забылось, и все село стало называться «Грабовка»] [1982, Л. Н. Виноградова, выписки из альбома «История с. Грабовка»]. *Грабари* → *Грабовка* (З+Б).

КАРТУШИНО (Стрд. р-н Брян. обл.)

90. Карту́шыно – мо́жэт патаму́, што карто́шка у нас расьт́е, хоро́шая карто́шка. А е́щё гаваря́т, што кагда́-та тут была́ речка́, и речка́ судахо́дная. Ка́ла дире́ктара – мост, и там нашли́ яка́рь. Гаваря́т, кагда́-та прахаді́л здесь кара́бль и слама́лса. А капи-тан на том кара́бле́ был Карто́шын. Ані́ здесь астана́вілісь и назва́ли ме́ста Карто́шы-на, или Карту́шына [1982, Е. Б. Владимировна]. *Картошка* → *Картушино* (Д) и *Картошин* → *Картушина* (*Картушино*) (А+И).

НОБЕЛЬ (Зрч. р-н Ров. обл.)

91. Быў город это у нас: Нэбэль, город Нэбэль, а ужэ мы зовём Нобыль, село нашэ ужэ. Той город... дэ-то войны які булы, які-то замкы тут булы, дэ-то у нас тут зовуць якэ-то замчишча, вот там – замок, якісь королі булы, королёвский. Татáры воюва́ли тут у нас, татáрку убіли на́шы, да́жэ мий рódствэник, дэ-то моёе дэ-то прабабушки, які-то мужык убів татáрку, дэ-то там горб – Татáрка зову́ть ей, там вин еé убів, ту татарку. Мні́го во́ен бу́ло, и двэня́цт цэ́рквэй бу́ло, вот там за о́зером бу́ла дэ-то, вот там башня, вот на тий горі́ цэ́рков стоя́ла, там вся́кі цэ́почки, вся́кі такі́ крэ́стики нахо́ды-ли, пря́мо ді́ты шука́ли и усё нахо́дыли там. Тут буў порт які́й-то, гово́раць. [Почему города не стало на том месте?] Той город? Изны́шчыўся, вот во́йны булы́, изны́шчыўся, тут оста́ло ужэ нишчо́ такé, які́х-то людэ́й, гово́раць, насэ́лили ужэ, на́шы ужэ фа́мій-лий, дэ-то які́ насэ́ля́ли отку́да йих сю́да. И вот ста́ла дэ́рэвня. Нэ́быль – ничо́го нэ́ было тут, нэ́быль, это та́ка нэ́быль, шо́ ничу́го нэ́ было, тут во́о́пшчем пу́стка бу́ла, пустое место бу́ло, то нэ́быль. [Все-таки, название села – по названию «старого города» или пустоши после исчезновения «города»?] Яка́то нэ́быль, чи́ город, чи́ та́мочки воно́ ужэ после то́го, ужэ́ это нэ́быль назва́ли [1984, А. А. Плотникова]. *Небыль* → *Нобыль* (*Нобель*) (*К*), *Небыль* → *Нобель* (*Г*). В пространном нарративе, представляющем фрагмент «устной истории» с. Нобель, сочетаются две версии относительно возникновения села и его названия. Согласно первой, на этом месте был прежде город *Нэбэль*, ставший впоследствии селом, название которого изменилось в *Нобыль* (см. разд. II). Согласно второй версии, город исчез в результате многочисленных войн, и на месте пустоши, где «ничего не было», где была одна «небыль», и возникло село. Обе версии для информанта одинаково значимы и не противоречат одна другой, именно поэтому настойчивый вопрос собирателя, какая же из версий приоритетна, остается без ответа. Показателен в этой связи «встроенный» в рассказ эпизод с упоминанием татар и горы *Татарки*. Этот эпизод относится к первому хронологическому пласту истории с. Нобель, ко времени существования «старого» города; в то же время информант проецирует этот эпизод на историю своей семьи (т. е. тех самых новопоселенцев, освоивших пустошь после исчезновения первого города), утверждая, что именно один из его предков убил на горе татарку. Отметим, что рассказ о предке, одолевшем в поединке татарку (турчанку, шведку), достаточно широко распространен в повествовательной традиции Полесья [см.: Белова, Петрухин, 2001, 295].

Еще одна особенность «топонимических» нарративов состоит в том, что одно и то же название, обладающее в глазах носителей традиции достаточно прозрачной («читаемой») внутренней формой, мотивируется текстами, объединенными тематически. Так, в различных версиях происхождения названия с. Жаховичи присутствует общий компонент со значением ‘страх’, ‘наводить страх/пугать’:

ЖАХОВИЧИ (Мзр. р-н Гом. обл.)

92. Кали́шь буў́ трус – жах. Ё́он бая́ўса ў́сего́. Пасели́ўса тут, да́к ста́ли зва́ць Жа́хаві́чы [1983, А. А. Кибрик]. *Жах* ‘трус’ → *Жаховичи* (*А*).

93. Ка́жуць, што́ не́кіі жы́ды бы́лі да жаха́ліса – спуга́ліса, мо́жэ́ хто стра́шыў йих. [На вопрос, что же пугало жителей, был дан такой ответ:] Такое дзі́ло: жа́хало людзей – што́-то хо́dziло па́ землі́ и гавари́ло [1983, Е. С. Лебедева]. *Жахаться* ‘бояться’ → *Жаховичи* (*Б*).

94. [В старину крестьяне] па́нышчыну ра́бі́ли. Па́ны жаха́ли людзей [1983, А. А. Кибрик]. *Жахать* ‘пугать’ → *Жаховичи* (*З*).

- Белова, 2000 – «Чужие» в Полесье / Публ. и коммент. О. В. Беловой // Живая старина. 2000. № 3. С. 9–10.
 Белова О. В., Петрухин В. Я. «Невелике царство було, а врэдливэ...»: История в свете народной
 этимологии // Славянский альманах, 2000. М., 2001. С. 286–303.
 ЛгП – Легенды і паданні / Склад. М. Я. Грынблат, А. І. Гурскі. Мінск, 1983.
 ПЭС – Полесский этнолингвистический сборник: Материалы и исследования / Отв. ред. Н. И. Тол-
 стой. М., 1983.

Сокращения в названиях областей и районов Полесья

Втк. р-н Гом. обл.	– Ветковский район Гомельской области
Гом. р-н Гом. обл.	– Гомельский район Гомельской области
Город. р-н Хмельн. обл.	– Городокский район Хмельницкой области
Грд. р-н Черниг. обл.	– Городнянский район Черниговской области
Дбр. р-н Гом. обл.	– Добрушский район Гомельской области
Дрг. р-н Брест. обл.	– Дрогичинский район Брестской области
Ем. р-н Жит. обл.	– Емильчинский район Житомирской области
Жбн. р-н Брест. обл.	– Жабинковский район Брестской области
Жтк. р-н Гом. обл.	– Житковичский район Гомельской области
Зрч. р-н Ров. обл.	– Заречненский район Ровенской области
Ивц. р-н Брест. обл.	– Ивацевичский район Брестской области
Кбр. р-н Брест. обл.	– Кобринский район Брестской области
Клн. р-н Гом. обл.	– Калинковичский район Гомельской области
Куйб. р-н Калуж. обл.	– Куйбышевский район Калужской области
Лбш. р-н Волын. обл.	– Любешовский район Волынской области
Лгн. р-н Жит. обл.	– Лугинский район Житомирской области
Ллч. р-н Гом. обл.	– Лельчицкий район Гомельской области
Лнн. р-н Брест. обл.	– Лунинецкий район Брестской области
М.-К. Гом. обл.	– Муровано-Кириловецкий район Гомельской области
Мзр. р-н Гом. обл.	– Мозырский район Гомельской области
Млр. р-н Брест. обл.	– Малоритский район Брестской области
Мнс. р-н Черниг. обл.	– Менский район Черниговской области
Н.-В. р-н Жит. обл.	– Новоград-Волынский район Житомирской области
Нрв. р-н Гом. обл.	– Наровлянский район Гомельской области
Овр. р-н Жит. обл.	– Овручский район Житомирской области
Ол. р-н Жит. обл.	– Олевский район Житомирской области
Пнс. р-н Брест. обл.	– Пинский район Брестской области
Птр. р-н Гом. обл.	– Петриковский район Гомельской области
Рпк. р-н Черниг. обл.	– Репкинский район Черниговской области
С.-Б. р-н Сум. обл.	– Середино-Будский район Сумской области
Срн. р-н Ров. обл.	– Сарненский район Ровенской области
Стл. р-н Брест. обл.	– Столинский район Брестской области
Стрд. р-н Брян. обл.	– Стародубский район Брянской области
Хнц. р-н Гом. обл.	– Хойницкий район Гомельской области
Чрнб. р-н Киев. обл.	– Чернобыльский район Киевской области

* * *

Ольга Владиславовна Белова – кандидат филологических наук, ст. науч. сотр.
 Института славяноведения РАН (Москва).

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

КОНФЕРЕНЦИИ, СЪЕЗДЫ СИМПОЗИУМЫ

Х Всеукраинская конференция «Украинская ономастика на пороге III тысячелетия: состояние и перспективы развития» (Тернополь, 2–3.10.2003)

2–3 октября 2003 г. в Тернополе состоялась Х Всеукраинская ономастическая конференция. Ее тема – «Украинская ономастика на пороге III тысячелетия: состояние и перспективы развития». Ономастические конференции на Украине проводятся регулярно – раз в два года. Место проведения меняется: на заключительном пленарном заседании каждой конференции определяется, в каком научном центре состоится следующая. Так, хозяевами предыдущей конференции были ономасты Кировоградского педагогического университета им. В. Винниченко во главе с известным топонимистом д-ром филол. наук, проф. В. В. Лучиком. Нынешняя конференция готовилась под руководством видного ономаста д-ра филол. наук, проф. Д. Г. Бучко. Как и кировоградская, тернопольская школа ономастики сейчас очень сильна и кадрами, и научными результатами. За последние несколько лет здесь было подготовлено несколько интересных кандидатских диссертаций по топонимике (Я. Редьква, М. Мрыг-лод, В. Котович) и антропонимике (Б. Близнюк, Г. Панчук, Г. Бачинская, С. Шеремета).

С историей Тернопольского государственного педагогического университета им. Владимира Гнатюка и его теперешней жизнью участников конференции ознакомил ректор университета, член-корр. АПН Украины, д-р педаг. наук, проф. В. Кравец. С докладами на пленарном заседании выступили: член-корр. НАН Украины, д-р филол. наук, проф. *А. Непокупный* (Киев) – «XIII Международный съезд славистов (Любляна, 2003) и некоторые вопросы ономастики», член-корр. РАЕН, д-р филол. наук, проф. *А. Суперанская* (Москва) – «Ономастическое пространство», д-р филол. наук, проф. *Е. Вольнич-Павловская* (Варшава) – «Польский взгляд на проблему стандартизации географических названий на Украине», д-р филол. наук, проф. П. Чучка (Ужгород) – «Проблемы этимологической интерпретации фамилий украинцев», канд. филол. наук, доц. О. Карпенко (Одесса) – «Личные имена как концепты и формы их профилирования».

В дальнейшем, на протяжении двух дней работа конференции велась в трех направлениях: топонимика, антропонимика, литературная ономастика. Каждое из них было представлено двумя секциями.

Топонимисты заслушали и обсудили следующие доклады: *В. Котович* (Дрогобыч) – «Древние ойконимы Дрогобыччины», *Я. Редьква* (Черновцы) – «Хронологизация и локализация как системные явления в региональной ойконимии», *Е. Ткаченко* (Славянск) – «Типология форм ойконимной и апеллятивной лексики (в границах Слобожанщины)», *Л. Радьо* (Тернополь) – «Ойконимы на *-jъ (*-ja, *-je), положение дефиса локализованные на территории Тернопольской области: семантика производящих основ», *И. Волянчук* (Тернополь) – «Ойконимы на -ivci, -inци на территории южной Волыни (в границах Тернопольской области)», *И. Бурковецкая* (Умань) – «Ойконимы западной Черкащины в дериватологическом освещении», *Ю. Абдула* (Кировоград) – «Суффиксальные ойконимы Харьковского наместничества конца XVIII в., образованные от личных имен», *Л. Дикая* (Тернополь) – «Количественная и качественная характеристика ойконимных моделей восточного Подолья», *Д. Бучко* (Тернополь) – «Продуктивность и локализация главных структурных моделей в ойконимии Украи-

ны», *О. Крыжановская* (Кировоград) – «Названия улиц и частей села Цыбулевого Знамянского района Кировоградской области», *Т. Гаврилова* (Черкассы) – «Коннотативно маркированные названия частей села (на материале говоров Черкащины)», *М. Романюк* (Ужгород) – «Западноукраинская урбанонимия в свете социально-политических преобразований конца XX в.», *Р. Ляшенко* (Кировоград) – «Динамика урбанонимов позднезаселенного региона Украины (на материале Кировоградщины)», *С. Окопник* (Умань) – «К истокам становления составных гидронимов украинского языка», *М. Торчинский* (Умань) – «Гидронимия бассейна Калюса», *И. Демешко* (Кировоград) – «Явление трансонимизации в проприальной лексике северо-восточного Полесья», *Н. Лесовец* (Луганск) – «Особенности именования магазинов г. Луганска», *Н. Лисняк* (Тернополь) – «Проприальные основы в микротопонимии западного Подолья», *Н. Кутуза* (Одесса) – «Специфичность одесской эргонимии», *Т. Миколенко* (Тернополь) – «Названия городских объектов в разговорной речи тернополян», *Т. Поляруш* (Кировоград) – «Структура и функционирование составных названий в разных классах топонимов», *А. Зеленько* (Луганск) – «Семантика собственных названий с точки зрения лингвистического детерминизма», *Л. Невидомская* (Тернополь) – «Об имплицитных компонентах лексической семантики нарицательных и собственных названий», *С. Ковтюх* (Кировоград) – «Особенности склонения омонимических онимов разных классов».

В антропонимическом блоке на данной конференции заметно усиление внимания ученых: а) к многоаспектному исследованию функционирования современных украинских фамилий в отдельных регионах Украины, в том числе к изучению роли славянских автохтонных личных собственных имен в процессе становления этого антропонимического класса; б) к наблюдениям за современным функционированием личных собственных имен в отдельных населенных пунктах (областных и районных центрах); в) к изучению особенностей функционирования современных украинских прозвищ (индивидуальных и родовых); г) к вопросам нормы и кодификации в антропонимии.

В антропонимических секциях были заслушаны, в частности, следующие доклады: *И. Фарион* (Львов) – «Проблема онтологической природы антропонима», *С. Вербич* (Киев) – «Названия гидрообъектов бассейна Днестра как источник реконструкции древних славянских антропонимов», *А. Иваненко* (Киев) – «Антропонимы с основой *хот-* в названиях населенных пунктов Украины (на славянском фоне)», *Г. Панчук* (Тернополь) – «Славянские автохтонные личные собственные имена в основах фамилий Ополя», *Г. Бачинская* (Тернополь) – «Славянские композитные и откомпозиционные имена в основах фамилий переселенцев из Польши на Тернопольщину», *М. Лесив* (Люблин, Польша) – «Безсуффиксальные фамилии современных жителей Монастырщины Тернопольской области, производные от личных имен», *Л. Кравченко* (Киев) – «Фамилии западной части Полтавщины, образованные от личных собственных имен христианского происхождения», *Л. Остап* (Львов) – «Суффиксы с согласным *-к-* в чешских личных собственных именах славянского происхождения», *Н. Свистун* (Тернополь) – «К вопросу о вариантах имен (на материале метрических книг и журнала выдачи свидетельств о рождении Тернопольского городского ЗАГСа)», *С. Панцьо* (Тернополь) – «Нольсуффиксальные субстантивы как лексическая база фамилий лемков», *О. Петрова* (Кировоград) – «Особенности украинской псевдонимной номинации по отношению «человек – природа», *О. Вербовецкая* (Тернополь) – «Неофициальные именования жителей современного села (на материале антропонимии сел Великий и Малый Говылив Тернопольской области)», *Г. Нитка* (Тернополь) – «К вопросу о становлении фамилий Западного Подолья», *А. Пеляк* (Тернополь) – «Структура фамилий немецких поселенцев Галичины конца XVIII – начала XIX в.», *Н. Рульова* (Черновцы) – «Семантика производящих основ фамилий Западного Подолья», *А. Бучко* (Тернополь) – «Способы образования украинских фамилий: морфологический способ», *Р. Остап* (Львов) – «Реестр Войска Запорожского 1649 года как источник для этимологизации украинских фамилий», *Б. Близнюк* (Тернополь) – «Модели именования личности на Гуцульщине в источниках письменности XV–XVI вв.», *И. Ефименко* (Киев) – «Украинские антропонимные композиты XVII в. (на материале «Переписных книг 1666 г.»)», *Н. Бренер* (Луганск) – «Отфамильные прозвища-ассоциаты Луганщины», *М. Наливайко* (Тернополь) – «Современные прозвища верхнего Поднестровья».

В секциях, посвященных решению проблем литературной ономастики, с докладами выступили: *Э. Боева* (Одесса) – «Текстовая трансформация заглавий в “Малой прозе” М. Коцюбинского», *А. Гладина*, *В. Сенина* (Чернигов) – «Антропонимы и их разновидности в творчестве Тараса Шевченко как средство художественной выразительности и образности», *Т. Антонюк* (Киев) – «Проприальная номинация персонажей в романе Раисы Иванченко “Отрава для княгини”», *О. Чыжмар* (Ужгород) – «Импрессионизм литературно-художественного антропонимикона новелл Ф. Потушняка», *С. Левоч-*

кина (Черкассы) – «Концептуальная структура антропонимов: фрейм негативного героя (на материале жанра фэнтези)», *Н. Бяк* (Тернополь) – «Собственные названия реальных исторических лиц и литературных и мифологических персонажей в переводах украинских художественных произведений на немецком языке», *О. Филатова* (Донецк) – «Интерлингвальные коннотации литературной онимии (на материале имени *Гамлет*)», *О. Неймет* (Ужгород) – «Об источниках литературно-художественной антропонимии Ф. Мориака», *Э. Кравченко* (Донецк) – «Аллюзийные подтексты имени и образа м'сье Пьера в романе В. Набокова "Приглашение на казнь"», *А. Шотова-Ныколенко* (Одесса) – «Функции топонимов в романе Ю. Яновского "Мастер корабля"», *В. Буда* (Тернополь) – «Стилистическая функция топонимов в романе У. Самчука "Горы говорят"», *А. Соколова* (Измаил) – «Андронимы в романах Г. Тютюнника "Водоворот" и В. Земляка "Лебединая стая"», *Н. Павликовская* (Винница) – «Ономастикон романа "Хмары" И. Нечуя-Левицкого», *Л. Селивестрова* (Харьков) – «Фразеологизмы с собственными названиями в идиолекте Яра Славутича», *Л. Панасюк* (Донецк) – «Онимия как средство времяпространственной локализации действия в первом романе тетралогии Т. Манна "Иосиф и его братья"», *О. Слюсар* (Черновцы) – «Исторические поэтонимы в произведениях "украинской школы" польского романтизма (на примере дум и думок Юзефа-Богдана Залеского)», *О. Кличук* (Черновцы) – «Начало сказочной онимии в творчестве Роалда Даля "James and the Giant Peach"», *В. Калинин* (Донецк) – «Онимное пространство и поэтонимосфера: общее и специфическое в объеме и содержании», *Г. Лукаш* (Донецк) – «Главные тенденции формирования ономастикона поэзии 90-х годов», *Т. Беценко* (Сумы) – «Особенности функционирования собственных именований в украинских народных думах», *М. Мельник* (Одесса) – «Специфика функционирования онимов в поэзии», *Б. Коваленко* (Каменец-Подольский) – «Собственные имена в структуре западнотернопольской фраземики», *Л. Пархонюк* (Тернополь) – «Ойконимы в составе аппозитивных конструкций: орфографические особенности их функционирования в языке газеты», *Т. Олійник* (Тернополь) – «Собственные названия как выразители символов в современном английском языке».

После окончания работы секций в рамках конференции состоялось заседание круглого стола «Проблемы современной ономастической терминологии». Оно было посвящено вопросам усовершенствования ономастической терминологии в славянских языках. Большой интерес вызвал доклад член-корр. РАЕН, д-ра филол. наук, проф. А. В. Суперанской, которая предложила участникам конференции для обсуждения список новых антропонимических терминов, связанных с обозначением различных отношений родства. В обсуждении приняли участие: д-р филол. наук, проф. П. Чучка, д-р филол. наук, проф. Д. Бучко, д-р филол. наук, проф. В. М. Калинин и др. Выступившие обратили внимание на то, что ряд названий отношений родства, особенно между дальними родственниками, еще не охвачен ономастической терминологией и подчеркнули, что в украинском языке и в социуме отдельных этнических регионов Украины существуют некоторые особенности в иерархии родства, в названиях отношений родства, в способах именований и др., обусловленные этнографическими (традиции, обычаи) и социальными обстоятельствами. Например, на Бойковщине мелкая шляхта пыталась держаться обособленно в крестьянской среде (отдельные от односельчан того же вероисповедания, браки только среди своих и т. п.)¹. Эта обособленность проявилась и в антропонимии (например, наличие родовых шляхетских прозвищ – «придомков», за которые они крепко держатся и сейчас).

Материалы конференции были изданы в двухтомном сборнике: Наукові записки. Серія: Мовознавство. – Тернопіль: ТДПУ, 2003. – Вип. 1. – Т. 1–2.

В конце тернопольской конференции из нескольких заявок на место проведения следующей конференции был избран Донецкий национальный университет. Подготовка к следующей Всеукраинской ономастической конференции будет проходить в Донецке под руководством д-ра филол. наук, проф. Е. С. Отина и д-ра филол. наук, проф. В. М. Калинкина.

Вочко-Кульчицький І. Про наше лицарство на Бойківщині // Бойківщина: Монографічний збірник матеріалів про Бойківщину з географії, історії, етнографії і побуту. Філадельфія; Нью-Йорк, 1980.

Коць-Григорчук Л. Об'єкти дослідження – діпінті ікон // Діалектологічні студії. 1. Мова в часі і просторі: Збірник на пошану Дмитра Гринчишина / Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України. Львів, 2003. С. 31–39.

Р. И. Остап, Л. Р. Остап (Львов)

РЕЦЕНЗИИ

Именослов: Заметки по исторической семантике имени / Сост. Ф. Б. Успенский. – М.: Индрик, 2003. – 280 с.

Сборник «Именослов: Заметки по исторической семантике имени» по разным причинам должен занять важную, но пустующую нишу среди ономастических изданий (и без того сейчас очень редких). Во-первых, он имеет ярко выраженный междисциплинарный характер: Ф. Б. Успенскому удалось объединить «под одной крышей» ономастические штудии, выполненные не только лингвистами, но и литературоведами, культурологами, историками. Такая междисциплинарность, свидетельствующая об интересе к проблемам ономастики со стороны представителей разных наук, особенно актуальна на фоне обозначившегося в последнее время снижения интенсивности ономастических исследований в пределах «собственно лингвистики». Во-вторых, сборник развивает мало разработанное, но очень перспективное направление, связанное с реконструкцией первоначального смысла имени и особенностей его функционирования в диахронии, в древних ономастических системах и текстах. В-третьих, сборник расширяет круг источников материала для ономастических исследований: здесь рассматриваются, в частности, такие «экзотические» для ономастики сферы функционирования имени, как каббалистические тексты, эсхатологические легенды и др. Языковые и культурные традиции, изучаемые в сборнике, разнообразны: анализируются древнееврейские, древнегреческие, скандинавские, восточно- и западно-славянские и т. п. именники.

Открывает сборник обширная статья *А. А. Архипова* «Имя чресел его. Информация к размышлению о Божественных именах в еврейской мистике». Именно эта статья побуждает нас уже в самом начале отступить от канонов жанра рецензии, поскольку кратко передать содержание этой статьи практически невозможно, она существует – так же как и рассматриваемые в ней каббалистические тексты (например, «Шиур Кома» = «Величина тела (бога)») – только на всем своем текстовом пространстве, сохраняя необходимую для научного текста меру аналитизма и вместе с тем предлагая множество интерпретаций, вариантов прочтения мистического текста, «конгениальных» объекту толкования, головокружительному своей новизной и необычностью для ономастического исследования. Статья содержит размышления об особенностях порождения и функционирования имен не просто в нестандартных – в экстремальных – условиях текста со специфической познавательной установкой. Имя у божества здесь не просто «имеется», оно генерируется из текста: по определенному алгоритму читатель (адепт) отыскивает или производит некоторое количество графических или фонетических сегментов, каждый из которых имеет значение имени Бога, при этом сам алгоритм должен быть открыт, изобретен адептом, который становится своеобразным номотетом.

М. С. Владышевская в статье «Святой Георгий и гностицизм. Семантика имен в преданиях о св. Георгии» анализирует именник разноязычных текстов, содержащих сюжеты о св. Георгии (Житие св. Георгия и Легенда о св. Георгии и Змии). Сюжет о св. Георгии восходит к раннехристианским и ветхозаветным текстам апокалиптического характера, таким как Апокалипсис и гностическое сочинение Пистис-София. Они имеют общую структуру, предполагающую три основные роли: «спасающий муж», «спасаемая жена», «Змий» (антагонист спасающего мужа). Сюжетные параллели, как указывает автор, подкрепляются и сходной семантикой имен персонажей, наблюдаемой внутри каждой из трех персонажных групп. Так, имя *Георгий* является переводом имени *Адам*: первое в древнегреческом

языке означало, по мнению автора, 'обрабатываемый участок земли', второе в древнееврейском соответствовало омонимам со значениями 'земля', 'человек'. Выводы автора интересны и показательны, основаны на большом фактическом материале, но не всегда убедительны: в частности, для имени *Георгий* традиционно выделяемый этимон 'земледелец' выглядит более приемлемым с точки зрения семантики. Кроме того, восприятию выводов автора несколько мешает неясность исходных установок: что же понимается под семантикой имени – его этимологическое значение или же его текстовая функция? В одних случаях автор исходит из этимона, в других – скорее из текстовой семантики (ср., например, положение о том, что имя *Михаил* со значением 'кто как Бог' табуирует имя *Адам*).

Статья *А. А. Молчанова* «Александр: знаковое имя в династической и культурной традиции» содержит ценную подборку данных, демонстрирующих исключительную популярность имени в культурах разных стран и эпох – в Древней Греции и Риме, в государствах Древнего Востока от Анатолии и Персии до Средней Азии и Индии, в Западной и Северной Европе Средневековья и Нового времени, в Грузии, на Балканах, на Руси и т. п. Этимологическое значение имени («защищающий людей») обусловило его широкое использование в династическом именназвании. В практике такого наречения имя *Александр*, называющее особо ярких личностей (*Александр I*, сын Аминты I, в эллинском мире V в. до н. э.; мусульманский пророк *Искандар Зулкарнайн*; *Александр Македонский*; грузинский царь *Александр I Великий*; *Александр Невский* и т. п.), не раз становилось прецедентным – тем самым традиция получала дополнительную «подпитку» и приводилась в действие не столько абстрактной семантикой имени, сколько опорой на авторитет его реального носителя. В настоящее время (если говорить о русском ономастиконе) династические традиции использования имени практически утратились, однако его неизменно высокая популярность продолжает поддерживаться прецедентами – именами народных кумиров (*А. С. Пушкина*, *А. В. Суворова* и др.).

В статье *А. С. Либермана* «Две заметки по ономастике (1. Др.-исл. *Audhumla*. 2. *Боян* в евразийском контексте)» ставится задача этимологизации «сакральных» имен: древнеисландского имени *Audhumla*, называющего персонажа скандинавской мифологии – «первобытную корову», и имени сказителя *Бояна*. Автор оспаривает имеющиеся этимологии антропонимов, предлагая альтернативные: для имени *Audhumla*, внутренняя форма которого понималась предшествующими исследователями как «богатая безрогая корова», принимается иное прочтение компонентов *aud-* и *-humla*, дающих, по мнению автора, первоначальное значение «убийтельница пустыни»; имя *Боян* сопоставляется с древнеанглийским именем *Boia* и кельтским *Boio*, далее высказывается предположение, что имена подобного типа были и у южных славян, а также у тюрков (однако ни один подтверждающий эту версию тюркский пример не приводится). *А. С. Либерман* отмечает, что зона распространения имен типа *Boia* – *Boio* – *Боян* «не так уж отличается» (sic! – *Е. Б.*) от той, в которой встречаются англ. *bogey*, *bug* 'бука', рус. *бука*. Эти два ряда слов он считает родственными друг другу и возникшими на основе звукоподражания; при этом первичное значение имени *Боян* восстанавливается как «страшный». Не отрицая теоретическую возможность таких трактовок, укажем, что количество допущений, на которых основаны обе этимологии, превышает критическую массу, необходимую для хотя бы минимальной верификации этимологического решения.

Вопросам верификации имен языческих божеств в текстах древнерусской литературы посвящена статья *В. Я. Петрухина* «Языческие имена в "Слове о полку Игореве" и проблема двоеверия». Эта интереснейшая проблема имеет и злободневное звучание, поскольку оказывается непосредственно связанной с полемикой относительно аутентичности Слова. В частности, вызывает споры тот факт, что ряд имен, встречающихся в Слове, не находит аналогов в древнерусской литературе (ср. название *Бояна Велесовым внуком*, ветров – *Стрибожьими внуками*, а русских – *Дажьбожьими внуками*: по мнению скептиков, такие номинации скорее соответствуют поэтике Нового времени). Автор считает, что нет оснований объявлять Слово позднейшей мистификацией (к примеру, «внуковые» номинации соотносятся с характерным для древнерусской книжности выделением трех эпох – дедов, сыновей и внуков), но следует внимательно изучить текст Слова и его вероятных поздних редакций. Значимой представляется аргументация тезиса о том, что не только Слово, но и другие древнерусские источники не отражают в полной мере имен и персонажей славянской языческой мифологии. Во-первых, отсутствовали объективные исторические условия для сохранения какого-либо свода славянских языческих верований («пантеон», собранный Владимиром в 980 г., не просуществовал и более десятилетия). Во-вторых, специфика древнерусской книжной культурно-языковой традиции (стержнем которой

был «святой» старославянский язык) предопределяла наделение статусом профанного и кощунственного всего «несвященного», в том числе фольклора и народных обычаев.

В капитальной статье *А. Ф. Литвиной* и *Ф. Б. Успенского* «Варьирование родового имени на русской почве. Об одном из способов имянаречения в династии Рюриковичей» обсуждаются некоторые закономерности выбора имен в роду Рюриковичей, которые возникли, по мнению авторов, вследствие пересаживания скандинавских традиций на русскую почву. Эти традиции являются частным случаем универсального принципа выбора имен в родовом мире – наречения новорожденного в честь предка. При этом у варягов существовало ограничение: называть следовало исключительно именем предка умершего. Такое ограничение могло вступать в противоречие с традицией маркировать с помощью имен собственных преемственность сына по отношению к отцу. Чтобы разрешить противоречие, в скандинавской традиции нередко использовался весьма остроумный прием – имя сына становилось результатом частичного повтора или варьирования родового (и, в частности, отцовского) имени, ср.: *Эадмунд* называет своих сыновей *Эадвиг* и *Эадгар*, *Сигмунд* дает сыну имя *Сигурд*, имена потомков *Торбьёрна* выстраиваются в ряд *Торбард* – *Торарин* и *Торгильс* и т. п. Данный прием – через межэтнические и династические браки – был «транслирован» на русскую почву. Его эксплуатацию можно усмотреть в таких антропонимических рядах, как *Володимир* – *Всеволод* – *Володарь*, *Ярослав* – *Ярополк*, *Игорь* – *Ингвар*, *Ингигерд* – *Игорь* и др. Этот принцип наиболее ярко проявлялся примерно до середины XI в.; благодаря ему сформировалась двусоставная структура княжеского имени (именно такая структура легче всего реализовала варьирование компонентов).

Значение проведенного исследования выходит за рамки описания частной ономазиологической ситуации. С одной стороны, здесь мы видим очень интересное переплетение важнейших проблем – как историко-генетических (история славянского антропонимикона, славяно-скандинавские языковые контакты), так и социолингвистических (имя как инструмент социальных функций). С другой стороны, изучаемое явление претендует на статус ономазиологической универсалии, имеющей богатейший репертуар способов выражения – от традиционных словообразовательных связей имен родственников до нетривиального звукового варьирования или же семантических переключек (ср., например, зафиксированные в «Ономастиконе» *С. В. Веселовского* ряды прозвищных имен, функционировавших в дворянских семьях: *Пирог* – *Оладья* – *Каравай*, *Сума* – *Мешок* – *Карман*, *Пырей* – *Атава* – *Вязель* – *Дятелина* – *Щавель* и т. п.), присутствующих не только в антропонимии, но и в других разрядах имен.

Т. А. Михайлова в статье «Королева Горм(ф)лат – имя как микротекст» затрагивает вопрос об особенностях формирования микротекста, разворачивающегося вокруг образов тезоименных исторических героев. Есть ли у таких образов общие черты? Эта проблема анализируется на материале средневековой ирландской традиции (анналов и исторических повестей), которой были известны три королевы под именем *Гормлат*, чьи роковые судьбы и черты личности поразительно схожи. Семантика первого компонента этого имени – «красный, темно-красный» > «знаменитый, выдающийся»; второй компонент означает ритуальное питье, символизирующее власть. Однако средневековые авторы скорее всего уже не ощущали внутреннюю форму имени и творили миф о Гормлат с опорой на прецедент, повторяя слагаемые образа первой королевы (чья личность была исключительно яркой) в портретах последующих героинь с этим именем. Таким образом, тезоименность в мифопоэтической традиции может направляться не только принципом «оживления внутренней формы» (ср. знаменитую формулировку *О. М. Фрейденберг*: «Герой делает только то, что семантически сам обозначает»), но и логикой прецедентных уподоблений.

Символическому осмыслению имен монархов посвящена также статья *М. Кучерской* «Как зовут последнего царя? Некоторые вопросы эсхатологической ономастики». В данном случае автор избирает для анализа имена, представленные в эсхатологических легендах, в первую очередь – в Повести об Антихристе-Наполеоне (рукописи, созданной в старообрядческой среде в первой половине XIX в. и осмысляющей «смутные» события 1825 г.). Эсхатологические интенции авторов текста акцентируют символическую нагрузку имен, которые становятся знаком пророчества. Одним из таких имен, которые можно назвать эсхатологическими, является имя *Константин*. Это имя царя, который, согласно Повести, станет единым царем всей Европы и будет править в будущем центре мировой истории – Царьграде (Константинополе). Символика этого имени прочитывается как в реальном для создателей рукописи контексте (ср. имя великого князя Константина Павловича), так и в связи с прецедентными именами двух (первого и последнего) императоров Византии. *Константин* – это «идеальный

христианский император», «победитель неверных и защитник Креста», «император-мученик». Рассмотрев другое эсхатологическое имя – *Михаил*, автор указывает, что принципы эсхатологического прочтения имен правителей очень живучи и распространены и поныне в «мифологически восприимчивых кругах» – например, в простонародной церковной среде (ср. восприятие имени М. С. Горбачева – *Мишки-царя*, *Мишки Меченого*).

Иная семиотическая среда, реализующая символический потенциал имени, – сфера духовного красноречия, рассматривается в статье Ю. В. Казарлицкого «Риторика уподобления и риторика соревнования. Фигуры сближения имен в русском духовном красноречии XVIII века». Автор обрисовывает культурный контекст, который обуславливает активную эксплуатацию приемов сближения имен в риторике XVIII в.: власть нуждается в адекватных формах публичного дискурса для проведения имперской политики и снятия культурного напряжения, порожденного противоречиями переходной эпохи. Реагируя на такой «социальный заказ», риторы соединяют в речевом пространстве и сопоставляют реальных лиц, героев современности, и наиболее авторитетные прецеденты – сакральных персонажей (к примеру, в речах Стефана Яворского Петр сближается с Ноем, Моисеем, Илией). Такое сближение закрепляло в сознании слушателей идею соответствия современной власти и духовной традиции. Автор выделяет два варианта фигур сближения: фигуры уподобления «высоким» прототипам и соревнования с ними. Эти варианты различаются как своей денотативной отнесенностью, так и прагматикой. Фигура уподобления использовалась преимущественно по отношению к героям-мужчинам, в то время как фигура соревнования – по отношению к героиням-женщинам (это актуально именно для русской истории XVIII в., ход которой в известной мере определялся женской монархией). Чем объясняется такая закономерность? Достоинства мужских персонажей в духовной традиции непрекаемы и недосягаемы, при этом мужские персонажи могут уподобляться прототипам (например, Христу), но не превосходить их. Для женских образов такое уподобление противоестественно, поэтому становится возможным своеобразное соревнование носительниц власти со священными образцами и даже превосходство над ними (так, в одной из речей Арсения Могиланского Елизавета превосходит Иисуса в кротости). В контексте проповеди фигуры соревнования подчеркивают не соответствие идеалу, а мобилизацию собственных сил и способностей личности. Отсюда важный вывод: переход от риторики уподобления к риторике соревнования можно считать свидетельством изменения отношения к духовной традиции, которая становится не обоснованием дня сегодняшнего, а импульсом к индивидуальному совершенствованию.

П. Ш. Габдрахманов в статье «Выбор имени в средневековой Фландрии. (Некоторые предварительные итоги)» размышляет об особенностях рецепции антропонимии историками: если лингвисты изучают имена в первую очередь как языковые явления, то историки обращаются к именам главным образом из-за интереса к тем людям, которые ими нарекались. Трактую имя как «запечатленный выбор», автор вводит понятие «антропонимического поведения», изучение которого позволяет выяснить, кто осуществлял выбор и какими установками руководствовался. Его особенности рассматриваются на примере ситуации именования людей в средневековой Фландрии. Автор отмечает, что антропонимическое поведение во Фландрии характеризуется ориентацией на типичные (а не индивидуальные) имена, преобладанием внутрисемейных (а не внутриобщинных) принципов наречения, дающих особый круг семейных (родовых) имен, существованием региональных особенностей имятворчества, а также относительной свободой номинативной деятельности (что проявляется в наличии определенного количества непрестижных, редких и оригинальных имен). Понятие антропонимического поведения представляется весьма продуктивным, а выводы автора не вызывают возражений, однако хотелось бы видеть их подтверждение большим числом конкретных примеров.

Е. В. Вельмезова в своей «Заметке об именах персонажей чешского лечебного заговора» анализирует особенности реализации в заговорных текстах, записанных в XIX–XX вв., оппозиции *имеющий имя, называемый по имени – безымянный*. Соответственно выделяются две группы персонажей, в первой из которых оказываются «поименованные» Адам, Иисус Христос, св. Лонгин и др., а в другой – безымянные антропоморфные существа (баба, девушка, ребенок, мальчик), а также языческие мифологические персонажи (лешие, лесные нимфы – *дивоженки*). При этом отличительной чертой чешской заговорной традиции является непосредственное соотнесение признака «называемый по имени» с признаком «способствующий исцелению, положительный» (в русской традиции именами собственными могут быть наделены и зловредные персонажи – болезни, бесы, демоны) – и далее с признаками

«христианский», «свой» (в противопоставлении «языческому», «чужому»). Исключение из этого правила – безымянные персонажи, обозначенные терминами родства: им приписывается тоже положительная семантика и способность исцелять болезни.

В заметке А. С. Архиповой и Ф. Р. Минлоса «Формальные закономерности в сочетаниях имен» рассматривается интересное и мало изученное явление – устойчивые номинативные формулы (текстовые синтагмы) с собственными именами вроде *Котыга да Матыга, Листрица и Мистрица, Добчинский и Бобчинский*. Сочетания такого рода наиболее характерны для фольклорных текстов (особенно заговорных), причем фиксируются в разных языковых традициях. Привлекая к анализу восточнославянский материал, авторы пытаются найти закономерности конструирования таких сочетаний – фонетические, просодические и собственно структурные, «модельные». К последним относится модель «2 + 1», согласно которой имена нередко объединяются в такие тройки, где первые два элемента связаны особенно тесно, а третье более или менее существенно отличается от них (ср. знаменитое *Атос, Портос и Арамис*, а также триады типа *Аристарх, Плутарх, Иван; вода Ульяно, земля Тытяно, колодизь Яков* и т. п.). Можно согласиться с авторами, что данная модель является частным случаем более общих текстовых структурных закономерностей: очевидно, следует говорить об одном из законов ряда, когда последний элемент отличается от всего списка (он особенно маркирован, потому что нарушает ожидание, создаваемое предыдущими элементами).

Статья Е. Шнитке «Твое, мое: обозначение сферы личного в номинациях лица», замыкающая сборник, стоит особняком по своему материалу и направленности. В этой работе, написанной в духе лингвопрагматики, рассматриваются факторы, влияющие на выбор говорящим одного из двух типов номинаций: номинаций, включающих только личное имя, и номинаций, состоящих из имени и посессивного распространения (*Я вчера встретил Сережу // Я вчера встретил твоего Сережу*). Осуществив моделирование различных коммуникативных ситуаций, задействующих эти номинативные типы, автор приходит к выводу, что на выбор одного из них влияют такие факторы, как отношения между собеседниками (зависящие от их социального статуса и дистанции между ними), источник знания о референте, степень знакомства собеседников с референтом. Допустим, последовательная смена конструкций *Как ваш сын? – Как ваш Сережа? – Как Сережа?* может свидетельствовать о постепенном сокращении дистанции между собеседниками. Важен также более общий вывод автора, касающийся особенностей референции при помощи имен собственных: материалы статьи свидетельствуют в пользу того, что конкурирующие теории проприальной референции (имя = скрытая дескрипция vs имя = жесткий десигнатор) не исключают, а взаимодополняют друг друга, так как базируются на разных коммуникативных ситуациях.

Научный уровень представленных в сборнике исследований в целом высок. Эта насыщенная разнообразным материалом и свежими идеями книга дает хороший исследовательский импульс. Жаль только, что к ней не приложил руку корректор и литературный редактор (очевидно, на ответственность авторов не всегда можно полагаться, ср., к примеру, обилие разного рода погрешностей – вплоть до орфографических – на с. 71–102).

Хочется надеяться, что эта книга открывает серию изданий по исторической семантике имени.

Е. Л. Березович, доктор филол. наук, проф. кафедры
русского языка и общего языкознания Уральского государственного
университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)*

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ 04–04–00274а.

Успенский Ф. Б. Имя и власть: Выбор имени как инструмент династической борьбы в средневековой Скандинавии. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 160 с.

Глубинные «тектонические» процессы, протекавшие на протяжении минувшего столетия в недрах гуманитарных знаний о прошлом, привели к обособлению исторических и филологических дисциплин, теперь отделенных друг от друга, подобно континентам, морями и океанами. Проникновение на «чужую» территорию рассматривается порой как покушение на суверенитет той или иной науки. При этом работам филологов все больше недостает историзма, а историки склонны недооценивать роль слова, «словесного пространства» в развитии общества.

Книга Федора Борисовича Успенского представляет собой редкое в наши дни исключение из этого печального правила. Она написана в лучших традициях отечественной историографии. Автор не пытается поскорее разнять предмет исследования на удобные для дальнейшего оперирования части, распределить добытое по колбочкам и коробочкам, наклеить ярлыки, разложить все по полкам и затем уже выстраивать стройную картину реконструируемого таким образом прошлого, – напротив, подобно искусному врачу, он терпеливо исследует своего «пациента», чутко прислушиваясь к слабым тонам его дыхания, дабы по едва уловимым симптомам поставить единственно правильный, научно выверенный «исторический диагноз».

Проблема «имя и власть» рассматривается автором на историческом материале Скандинавии XI–XIII вв. – эпохи, когда закладывались основы национальных культур. Это было время активного вхождения христианских ценностей в систему понятий, культуру и быт северных народов. Принятие христианства не означало полного и одновременного отказа от традиционных, языческих по сути, представлений, обычаев, обрядов – всего того, что составляло внутренний мир человека и его бытие. На протяжении многих веков старое уживалось с новым, происходило взаимное притирание, более или менее плодотворное функционирование «старого» в новых условиях. Это распространялось на все сферы жизни общества и государства, в том числе и на такое специфическое явление, как имянаречение.

Внимание автора сосредоточено на практике выбора имени в самых верхах средневекового скандинавского общества – в семьях членов королевского рода. «Целесообразнее изучать не историю имени, а историю выбора имен...» – так в переводе с немецкого звучит эпиграф к книге. Автор подносит к глазам читателя своеобразный «магический кристалл», позволяющий разглядеть, как в этом выборе «отразилась едва ли не вся история полуострова XI–XIII вв.». При таком подходе личное имя становится действенным фактором политической жизни страны.

Чем же определялся выбор имени будущего конунга?

В ситуации, когда правильный выбор имени рассматривался как возможность повлиять на судьбу его носителя, дать ему дополнительные преимущества перед конкурентами в борьбе за власть, большое значение имело установление связи с родом через имя, что предполагало следование традициям. С другой стороны, ситуация «двоеверия» (оставим в стороне правомерность самого термина и корректность применения его к условиям Скандинавии XI–XIII вв.) расширяла сферу поисков «правильного» имени, чем особенно успешно пользовались конунги для своих незаконнорожденных сыновей (бастардов) – предполагаемых будущих носителей власти. Выбор «правильного» имени как действенный механизм достижения власти, таким образом, видится чем-то вроде средневековой политтехнологии, попытки властителей говорить с народом, по определению автора, на «языке имен».

Хорошей книге всегда присуще одно важное качество: отвечая на одни вопросы, она ставит другие, может быть, еще более важные, территориально и хронологически выходящие порой за рамки данного исследования, требующие осмысления на новом материале. В частности, книга Ф. Б. Успенского вплотную подводит к постановке проблемы «имя как исторический источник». Личное имя в данном случае выступает не только как факт языка, но и как определенный социокультурный знак, исторически обусловленный и подлежащий исследованию наряду с другими источниками. Семь тысяч имен в исландских сагах, о которых автор упоминает в послесловии к книге, составляют колоссальный по своим информационным возможностям источник будущих исследований истории и культуры Скандинавских стран.

Пожалуй, нет смысла пересказывать содержание этой умной, прекрасным языком написанной книги – просто хочется от всей души порекомендовать ее всем, кому интересны проблемы формирования

национальных культур и роль языка, вербальных символов и заключенных в них понятий в историко-культурных процессах.

Остается лишь пожалеть о том, что до сих пор подобное исследование не проведено в должном объеме на материалах Древней Руси (по крайней мере, пока историки не располагают сведениями о них). Процессы христианизации шли на русских и скандинавских землях параллельно, становление древнерусской государственности происходило в условиях более или менее сильного варяжского влияния (единого мнения по этому вопросу в отечественной историографии нет до сих пор, но отрицать сам факт такого влияния не может никто). А как это отразилось на системе древнерусских имен в целом и на выборе имен будущих князей в частности?

Хорошо известно, что в Древней Руси вплоть до конца XVII в. наряду с наречением новорожденного христианским именем широко практиковалось использование неканонических, по сути своей – языческих, имен (наиболее полный их свод можно найти в «Словаре древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, впервые изданном в 1903 г.). Чем руководствовались родители, давая сыновьям имена по порядку их рождения в семье (*Первой, Дружина, Третьяк* и т. д.), имена благожелательные (*Бажен, Ждан, Любим*) или охранительные (*Некрас, Нечай, Неклюд*)? Почему в одной семье желанного ребенка называли *Жданом*, а в другой – *Нежданом*? Думается, давая ответы на эти и многие другие вопросы, мы существенно продвинемся на пути к более адекватным представлениям как о социально-психологическом состоянии общества допетровской Руси, так и к пониманию нужд и чаяний отдельных его индивидуумов.

Что касается проблемы выбора «правильного» имени будущего князя в условиях Киевской Руси, то, обратившись к текстам древнерусских летописей, нетрудно убедиться, что одни князья выступают на их страницах под традиционными христианскими именами (*Константин, Роман, Давыд*), другие носят имена первых русских святых (*Борис, Глеб*), третьи известны под славянскими или скандинавскими языческими именами (*Ярослав, Святополк, Рюрик, Игорь*). Каковы были мотивы выбора того или иного имени в каждом конкретном случае, какую роль этот выбор сыграл в судьбе самого носителя имени, в его борьбе за власть?

Отмеченное автором потенциально возможное использование «успешного» («правильного», «истинного») имени властителя самозванцами нашло наиболее яркое и последовательное применение опять же в России. Загадочная смерть царевича Дмитрия в Угличе в 1591 г. не имела серьезных политических последствий, пока был жив его старший брат, царь Федор Иоаннович. Но со смертью последнего «природного» государя, не имевшего потомства, имя царевича Дмитрия вошло в политический расклад как один из важнейших козырей для партий и группировок, желавших принять участие в борьбе за власть. Смутное время положило начало растянувшемуся более чем на два с половиной века периоду самозванчества как ярчайшего феномена общественной и политической жизни России Нового времени: с той поры лже-Дмитрии, лже-Петры, лже-Константины появлялись там и тогда, где и когда возникала питательная среда для использования имени законного государя или претендента на престол (последние лже-Константины объявились после смерти великого князя Константина Николаевича во второй половине XIX в.), причем это не столько было связано с реальными надеждами на занятие престола, сколько отражало определенные социальные потребности значительной части населения страны, служило воплощением ходивших в народе утопических легенд.

Исследованный Ф. Б. Успенским феномен «языка имен» удивительным образом оказывается актуальным для практики имянаречения в императорской семье России на протяжении XVIII – начала XX в. Выбранные Екатериной II для своих внуков имена *Александр* и *Константин* как принадлежавшие двум «успешным» императорам античной эпохи, Александру Македонскому и Константину Великому, прочно вошли в круг наиболее предпочтительных имен правящей династии для старших и вторых сыновей. Имена *Михаил* и *Алексей*, освященные традицией романовского рода (их носили первый и второй представители династии), также весьма употребительны, хотя чаще выступают не на первых ролях. Напротив, имена *Петр* и *Павел* в XIX в. практически вышли из употребления, поскольку напоминали о насильственной смерти своих носителей.

И еще один аспект проблемы «имя и власть» актуален во все времена и у всех народов: восприятие имени властителя в народной психологии, открывающее власти широкие возможности для манипулирования общественным сознанием. Конечно же, никто не выбирал с далеко идущими намерениями имена для первого и второго президентов России (хотя, заметим в скобках, у первого, по имени *Борис*,

не имевшего сыновей, внук получил имя *Глеб*, сохраняя при этом фамилию деда...), но это не мешает власти использовать «странные сближения», говоря с народом на «языке имен». Интересно, учитывают ли это современные политтехнологи, читают ли они книги, подобные той, которую я с особым удовольствием держу в руках?

А. Г. Мосин, докт. ист. наук
(Екатеринбург)

Дмитриева Л. М. Онтологическое и ментальное бытие топонимической системы (на материале русской топонимии Алтая). – Барнаул: Изд-во Алтайск. гос. ун-та, 2002. – 254 с.

Рецензируемая работа посвящена исследованию системного начала в русском топонимиконе Алтая. Автор книги отмечает, что анализ топонимической системы в прошлом опирался исключительно на структурный принцип, но в настоящее время его объяснительные возможности в общем исчерпаны, поэтому необходима разработка и обоснование нового подхода (с. 6), предполагающего изучение топосистем во взаимосвязи двух модусов ее существования – онтологического и ментального (с. 9). Вот как их характеризует автор: «Онтологическое бытие системы рассматривается через призму ее возникновения, сущностных собственно языковых характеристик. Система в ее ментальном бытии расценивается как не тождественная объективной реальности некая ее часть, выступающая компонентом конкретно-исторического субъективного опыта, и предполагает обращение к языковому сознанию носителя языка и топонимической системы, его интенциональным и когнитивным структурам, влияющим на топосистему и отражающимся в ней» (с. 9–10).

Первая глава (а всего их четыре) названа «Онтологическое бытие топонимической системы». Автор достаточно подробно характеризует взгляды различных исследователей на онтологию топонимической системы. Можно присоединиться к большинству оценок, которые даны в ходе обзора, настроившись, пожалуй, только сочувственное отношение к понятию «топонимической схемы», введенному А. В. Суперанской (с. 16–17) и требующему, по нашему мнению, более критического подхода.

Рассматривая «онтологические» параметры топонимической системы, Л. М. Дмитриева обращается к анализу парадигматических и синтагматических отношений. При этом по отношению к парадигматике автор занимает вполне определенную позицию исследователя-лингвиста, что же касается синтагматики, то ему не удалось преодолеть «географический» подход к топонимии. Некогда высказанное мнение о том, что идеальным контекстом для топонимов является географическая карта, было подхвачено многими исследователями, однако, если принять эту точку зрения, придется говорить об отношениях топографических, а не топонимических. Топоним – это факт языка, поэтому трудно согласиться с автором рецензируемой книги, утверждающим, что топонимическим контекстом следует считать территорию (с. 30). Правда, далее отмечается, что синтагматические отношения существуют также в списках топонимов и в качестве примера приводится список ойконимов Белоярской волости (с. 30), однако содержание синтагматических связей при этом не разъясняется, да и само их наличие требует дополнительной аргументации.

Вторая глава книги – «Ментальное бытие топонимической системы». В первом параграфе излагается навеянная современным антропоцентризмом авторская концепция, согласно которой топонимическая система представлена в сознании носителей языка, и задача исследователя – описание основных характеристик этого ментального образования. Трудно не согласиться с автором в том, что необходимо опираться на идеи, высказанные современными исследователями, однако изложено это весьма своеобразно: «Если в начале 60-х гг. можно было сказать о системности, что она “постепенно вытесняет старый атомизм”, то антропоцентрический подход предполагает свою логику в последовательности рассмотрения типов высказываний (? – Г. Г.), и сейчас, поскольку в центре лингвистики человек

говорящий, система и структура тоже приобретают человеческий облик (?! Здесь и далее в цитатах разрядка наша. – Г. Г.). При этом ученые отмечают, что все, что антропоцентрично, гораздо сложнее, чем система» (с. 47).

Вызывают досаду некоторые чисто декларативные утверждения автора, например: «Анализ языкового сознания жителей (проводился ли этот анализ? какими методами? – Г. Г.) показывает, сколь разнообразны ассоциативные связи, реальные системные связи в сознании, они гораздо богаче (богаче чего? – Г. Г.) (в сознании, например, всегда¹ существует противоположный компонент бинарной оппозиции – пример тому “системные легенды”; модель антропоцентричности присутствует в сознании всех (?) жителей региона, антропонимность в сознании – связь с человеком, антрополокальное (?) единство, – главное, что способствует формированию топонимической картины мира и далее репрезентации языкового сознания в системе и т. д.)» (с. 48).

Нередко автор нарушает развитие коммуникативной перспективы изложения, и текст предстает как набор абзацев, содержащих разнородные утверждения (см., например, с. 48). Особенно досадно, когда стилистические помехи не дают возможности однозначно истолковать определения понятий. Так, автор пишет, что «топонимическую систему можно было бы представить в виде иерархии уровней познания объекта, соответствующих его основным этапам исследования географического объекта субъектом, связанных между собой отношениями логического следования» (с. 49). Трудно понять ход рассуждения и в следующем высказывании: «Эта модель гармонична, потому что восприятие пространства у каждого человека индивидуально, но у каждого гармонично, ибо существует своя гармония, без которой человек теряется в мире, связка – стремление к гармонии окружающего мира, к установке на логичность этого мира» (с. 50).

Тем не менее в тексте встречаются рассуждения и определения, заслуживающие серьезного обсуждения. Таково, например, определение топонимической системы: «Топонимическая система... совокупность представлений носителей языка (жителей данного региона) об окружающем географическом пространстве, представленная в виде сети (комплекса) ментально-топонимических стереотипов и индивидуальных пересекающихся субансамблей (отражающих топонимическую картину мира личности) и выраженная материально определенными структурными словообразовательными либо семантическими моделями (связанная парадигматическими и синтагматическими отношениями)» (с. 50). Трудно принять его безоговорочно, к тому же автор забыл включить в него тезис об «иерархии уровней познания объекта» (ср. с. 47, 49), однако высказанные соображения, безусловно, интересны.

Второй параграф второй главы назван «Топонимическая картина мира как совокупность представлений о геопространственной реальности». Здесь Л. М. Дмитриева стремится теоретически обосновать понятие «топонимическая картина мира». Отметим, что многие рассуждения автора нуждаются в пояснениях. Вот пример: «Мир человека... не связан с миром объективным. Человек не имеет дела непосредственно с объективной действительностью. В процессе жизни он строит свой собственный внутренний мир, создает некую репрезентацию реального мира, картину или модель, которой пользуется как инструментом для ориентации в окружающем мире» (с. 52). Разумеется, в наше время можно придерживаться каких угодно взглядов, но если «мир человека не связан с миром объективным», то как можно связать онтологический и ментальный модусы топонимической системы (а ведь автор стремится именно к этому)?

Определение понятия топонимическая картина мира, помещенное в конце параграфа (с. 60), представляется слишком широким. Кроме того, вызывает сомнение сама возможность воссоздания некоей целостной топонимической картины мира – напрашивается аналогия с пресловутым восстановлением индоевропейского праязыка как целостного образования, предпринятым А. Шлейхером в XIX в.

В третьем параграфе второй главы анализируется концептуальное содержание понятия «пространство». С высказанными положениями можно согласиться, однако думается, что автор слишком настойчиво подчеркивает связь концепта «пространство» с топонимической картиной мира. Дело в том, что, поскольку объектом анализа являются географические названия, т. е. слова, обозначающие

¹ Ср. с. 36, 37, где автор соглашается, что «не всегда».

конкретные географические (пространственные) объекты, нет нужды доказывать, что «доминирующим... в топонимической картине мира... является пространственный концепт» (с. 217).

Нельзя не отметить, что и в данном параграфе встречаются фрагменты, которые требуют пояснений. Вот, например, как автор книги обосновывает свои рассуждения: «Так, нейродинамическую основу восприятия величины предмета образуют связи на комплексный раздражитель, состоящий из величины сетчаткового образа и мышечных сигналов от приспособления глаза к отстоянию предмета, подкрепляемых осязательно проверяемой величиной предмета» (с. 67).

Четвертый параграф второй главы – «Структуризация пространства в топонимической картине мира». Опираясь на работу французского исследователя А. Леруа-Гурана «Слово и жест», автор монографии выделяет маршрутный и радиальный типы структуризации пространства. В теоретическом отношении соположение данных двух типов возражений не вызывает, но при обращении к конкретным примерам определенность их противопоставления исчезает. В частности, нет уверенности в том, к какому из двух типов – маршрутному или радиальному – отнести названия, в которых отражены такие признаки, как «ближний/дальний», «верхний/нижний», «первый/второй/третий» и др. Кроме того, в работе выделяется еще один тип структуризации пространства – «бытийное квазипространство». Автор говорит о нем так: «Это умозрительное пространство, характеризующееся отсутствием протяженности, пространственной соотнесенности между объектами, ассоциативным путем развертывания» (с. 76). Если исходить из традиционных понятий топонимики, то сюда относятся пространственные объекты, обозначенные так называемыми комплексными топонимами, а также объекты, названия которых соотносительны либо посредством форманта, либо номинационным принципом.

Автор достаточно легко и безоговорочно соотносит топонимы с тем или иным типом структуризации пространства. Между тем при рассмотрении примеров, приведенных в работе, появляются сомнения в однозначности такой соотнесенности. Так, автор приводит примеры топонимов, отражающих радиальный тип: участок *Новичиха* – в *Новичихином* логу; участок *Травной* – у *Травного* озера; участок *Талицкий* – при реке *Талице* (с. 71). А вот примеры, которые, по мнению автора, отражают тип «бытийное квазипространство»: ключ *Большой* – в *Большом* логу; улица *Моховая* – находится около *Мохового* болота; *Колонковская* гора – стоит около села *Колонково* (с. 77). Вероятно, необходимо более четко пояснить, в чем же состоит разница между топонимами, отнесенными к разным типам, или признать возможность переходных случаев.

Пятый параграф второй главы посвящен рассмотрению записанных от местных жителей контекстов, которые включают в себя топонимы. Анализ этих контекстов призван стать основой для описания топонимической картины мира личности, предполагающего вычленение ее инвариантной и вариантной частей. Выше мы уже упоминали о нашем отношении к возможности воссоздания ментальной топонимической картины мира как целостного образования. Если исходить из индивидуальных интерпретаций топонимикона той или иной территории, то, разумеется, реально построить более или менее обширные фрагменты топонимического пространства. С этой точки зрения материал, приводимый в данном параграфе, можно считать содержательным и интересным. Впрочем, вывод, который делает автор, как нам кажется, не вытекает из предыдущего изложения. Согласно Л. М. Дмитриевой, «...топонимическая система как экспликация образа топонимической картины мира имеет принципы построения, тождественные тем, посредством которых формируется образ пространства вообще, по которым в процессе познания топонимическая картина замещает собой и представляет в сознании человека онтологическую форму существования ландшафтной реальности» (с. 97). Думается, что такого рода вывод может быть сделан только после фундаментального анализа, в ходе которого будут сопоставлены принципы построения ментального образа пространства и принципы построения топонимической системы.

В последнем (шестом) параграфе второй главы автор обращается к рассмотрению ценностных ориентиров, отраженных в топонимической картине мира. По его мнению, «первичными бытийными признаками при освоении пространства могут быть признаны: вода (жизненно важный компонент) – земля (удобная для выращивания хлеба) – лес (необходимый для постройки жилища)» (с. 100). Наверное, это так и есть, если руководствоваться здравым смыслом. Вода, земля, лес представляют наибольшую ценность для переселенцев, которые собираются построить на новом месте жилье и заняться сельским хозяйством. С другой стороны, у эскимосов или чукчей будут несколько иные «первичные бытийные ценности». Однако дело не в этом. Поставив вопрос о «первичных бытийных ценностях»,

автор по исследовательской инерции ищет их в географических названиях – и находит, правда, в небольшом количестве. Основной же материал, используемый для доказательства тезиса об этих «первичных бытийных ценностях», – разного рода комментарии в архивных записях, а это все-таки не собственно топонимия. Между тем, если говорить о ценностном начале в топонимической картине мира, то, вероятно, в первую очередь следовало бы обратиться к анализу географических терминов, употребляемых при топонимах. Тогда можно было бы определить, какие типы объектов получают названия и, следовательно, являются жизненно важными, заслуживающими того, чтобы их отметить, выделить.

Третья глава монографии носит название «Стереотипизация сознания как механизм организации топонимической системы». В первом параграфе речь идет о стереотипных комплексах в топонимической картине мира. Оставим в стороне рассуждения автора о том, что «многообразные явления нашего мира есть модификация некоей исходной модели, ее раскрытие» (с. 107) – в это можно верить, но как это доказать? Довольно спорен и требует комментариев тезис о том, что «мир воспринимается человеком как многоуровневый: неживой мир (растения, топообъекты); живой мир (животные, человек); Бог; цивилизация (как некая самостоятельная сущность)» (с. 107).

В книге утверждается, что представление о пространстве у разных народов обусловлено стереотипами восприятия. В связи с этим вводится понятие «топонимический стереотип». Вот как об этом пишет автор монографии: «Восприятие и представление *пространства* (как определенного фрагмента мира) у разных народов (и регионов) своеобразно по причине разности *стереотипов* восприятия. Стереотипное наложение перечисленных фрагментов приводит к синхронистичности бытийных точек, при этом точка синхронистичности импульсирует в сознании стереотипные блоки. В точке пересечения появляется тот устойчивый фрагмент представленности знаний, изменяющийся по ходу времени комплекс стандартов восприятия окружающей действительности, который мы называем *ментально-топонимическим стереотипом*» (с. 107–108). Вот другое определение данного понятия: «В точке синхронистичности бытия, когда наступает период конъюнкции, появляется тот устойчивый фрагмент представленности знаний, который мы называем ментально-топонимическим стереотипом» (с. 49). Поскольку приведенные определения представляются несколько туманными, отметим, что, судя по последующему изложению, под топонимическими стереотипами автор понимает то явление, которое в традиционной топонимической терминологии (с некоторыми оговорками) принято называть принципами номинации (ср. с. 113, где использован как раз этот термин).

Итак, существуют стереотипы восприятия пространства, специфичные у разных народов. «Именно стереотипы, – считает автор книги, – связывают единицы всех классов имен и уровней языка между собой и со сферой внеязыкового опыта, внутренне организуют топонимическую систему...» (с. 108). Откуда же берутся топонимические стереотипы? Вот как на этот вопрос отвечает Л. М. Дмитриева: «Даже не зная объекта, никогда не бывая там, человек может дать полное описание этого объекта, его характеристику, поскольку в его сознании присутствуют паттерны, позволяющие на неосознанном уровне осуществлять разного рода схематизацию» (с. 110). Вероятно, автор исходит из учения Канта, согласно которому в сознании существуют не зависящие от опыта, априорные формы пространства и времени. Если под «паттернами» понимать именно это, то многое становится ясным, хотя понятие топонимического стереотипа в таком случае приобретает известную иррациональную окраску, и трудно сказать, входило ли это в авторские намерения.

Различая номинативные и когнитивные стереотипы, автор отмечает, что «номинативный стереотип ориентирован на номинацию, на позицию говорящего; когнитивный стереотип существует с позиций воспринимающего» (с. 114). И далее: «Чем ближе ситуация номинации (топонимическая ситуация), тем более высвечен номинативный стереотип, тем более он приближен к ментально-топонимическому» (с. 114). С этим мнением в целом можно согласиться.

Во втором параграфе третьей главы рассматриваются топонимические стереотипы в топонимии Алтая. Выделяются следующие основные разновидности: антропоцентрический (главным образом отантропонимические названия), временного соположения (названия, в которых отражены какие-либо события), пространственного соположения (названия, возникшие вследствие метонимии, мемориальные названия), отражения внутренней структуры (в другом месте он назван «стереотипом отражения внутренней формы»; это топонимы, в которых отражаются физические свойства именованных объектов). В дальнейшем с приведением большого количества примеров подробно анализируются антро-

понимический стереотип и стереотип пространственного соположения, а также факты отражения мифологического сознания в топонимической системе.

Четвертая глава монографии – «Региональное бытие топонимической системы». Содержание этой главы включает как общие вопросы, связанные с понятием микросистемы, так и анализ конкретного материала. Удачным представляется введение автором понятия субансамбля как совокупности топонимических единиц, присутствующих в сознании типовой личности. Опираясь на понятие субансамбля, автор дает определение топонимической микросистемы как совокупности субансамблей (с. 165). Это определение представляется весьма интересным и перспективным для дальнейших исследований.

В работе анализируются индивидуальные топонимиконы 23 информантов, на основании чего определены основные факторы, влияющие на характер топонимикона: «1) пол; 2) возраст; 3) национальная принадлежность; 4) профессиональная принадлежность; 5) степень языковой компетенции, обусловленная уровнем образования носителя топонимикона» (с. 166, 180). По мнению автора, эти факторы влияют и на систему миропредставления говорящих (с. 166), однако этот тезис никак не обосновывается.

Оценивая книгу в целом, можно констатировать, что она производит крайне неровное впечатление. Наиболее интересной и обозначающей новые горизонты исследования является четвертая глава. Первая глава написана квалифицированно, но носит главным образом систематизирующий характер. Что же касается содержания третьей и, особенно, второй главы, то осталось ощущение недостаточной проработанности поставленных в них проблем.

*Г. В. Глинских, канд. филол. наук,
доцент кафедры русского языка и общего языкознания
Нижегородского государственного лингвистического
университета им. Н. А. Добролюбова*

Отин Е. С. Словарь коннотативных собственных имен. – Донецк: ООО «Юго-Восток, Лтд», 2004. – 412 с.

Вышедший в минувшем году словарь известного ономатолога является заметной вехой в его деятельности по собиранию материала, теоретическое обоснование значимости которого он одновременно даст. Понятие коннотативного собственного имени – давнее (о чем свидетельствуют многочисленные публикации автора на данную тему [см.: Отин, 1980; 1986; 1991; 2003 и др.]) и пока никем другим не освоенное по-настоящему «ноу-хау» Евгения Степановича Отина, а в рецензируемом издании эта идея получила и завершенное оформление в предисловии, и богатейшие иллюстрации в самом словаре.

Как справедливо отмечает автор, «онимы не только способны выполнять свою прямую и изначальную функцию – быть именами объектов окружающего мира, – но и проникаются вторичным, дополнительным понятийным содержанием, становятся в речи экспрессивно-оценочными заместителями имен нарицательных. Они обогащаются понятийными, или референтными, коннотациями, органично слившимися с коннотациями эмоционально-экспрессивного плана» (с. 5). Именно в таком статусе онимы у Е. С. Отина называются коннотативными, и именно их лексикографическое описание представлено в словаре.

Идея учесть наконец не только отонимические апеллативы (об этом писали и пишут настолько много, что нет нужды занимать журнальное пространство ссылками), но и факты промежуточного состояния имени собственного, когда оно еще продолжает быть самим собой и в то же время делает шаг в сторону апеллатива, т. е. становится своеобразной онимической метафорой, некоей двуплановой (как и положено метафоре) единицей, где одним планом является единичное, индивидуальное, а вторым –

общее, – идея необычайно привлекательная. Во-первых, потому, что «знание того, какими конкретными и эмоционально-экспрессивными коннотациями обладают собственные имена, способность адекватно понять и употребить их в своей речи – одно из слагаемых русской культуры» (с. 7). Во-вторых, фиксация коннотативных онимов – это в большинстве случаев фиксация определенного этапа развития семантики: от имени собственного к апеллитиву. В обоих случаях знание переносных значений онима оказывается важной посылкой в рассмотрении вопроса о его семантике в статическом и динамическом аспектах.

Другое дело, что возникновение переносного, коннотативного значения у онима – еще не гарантия обязательного появления омонимичного апеллитива. Отсюда естественно предпринятое автором деление коннотативных онимов на узуальные и окказиональные (с. 12), находящее отражение в словарных статьях. Лексикографически разрабатываемые онимы поражают прежде всего именно разнообразием окказионального манипулирования именем собственным в целях выразительности. Можно даже утверждать, что любое имя собственное, известное носителю языка, потенциально готово к употреблению в коннотативном значении – все зависит от ситуации. *Прямым Чадаевым* называет своего Онегина А. С. Пушкин, и коннотации в полном объеме (а не только естественно лежащие на поверхности) этого употребления известны только самому поэту и его ближайшим друзьям¹. В основе знаменитых пушкинских *огончарован* и *кюхельбекерно* – явные коннотонимы (уж второго-то несомненно – насчет первого можно еще поспорить), но кто, кроме него, их мог еще употребить?!²

Вышесказанное лишь в очень небольшой степени говорит о том, как громаден задуманный автором труд, имеющий целью лексикографически обработать «весьма трудно поддающийся исчислению набор... слов» (с. 8). Если добавить, что учитываются тексты, относящиеся ко всему времени существования письменного языка на Руси (предисловие содержит интересные наблюдения за древнейшими переносными употреблениями собственных имен, за постепенным расширением использования коннотонимов в текстах), что привлекаются не только письменные свидетельства, но и записи устной речи, что в зоне внимания собирателя находятся все формы существования русского языка от территориального диалекта до жаргона, остается только восхититься грандиозностью поставленной задачи, которая нашла-таки в книге вполне адекватное воплощение. Русские коннотонимы от *Автомедона* до *Штирлица* и от *Вавилона* до *Хацанетовки*, собранные воедино под крышей солидного тома, немало говорят читателю и о судьбах онимов, и о специфике русской национальной культуры.

В то же время становится совершенно ясно, что перед нами не завершающий аккорд долгого труда, а лишь его начало – таков характер этого материала, и, пользуясь коннотонимами, можно утверждать, что автор стал Колумбом для материка по имени Коннотонимия и в роли такового сам вряд ли до конца представляет, как по-настоящему выглядит открытая им Америка, что отнюдь не снижает значимости предпринятого им деяния. Именно осознание этой значимости, во-первых, и необъятности дальнейшего труда, во-вторых, придает нам смелости в отыскании недочетов этого оригинального по замыслу и интереснейшего по материалу словаря.

Первый упрек, который напрашивается при прочтении, – пестрота материала при его явно случайной избирательности, хотя причины ее понятны: нельзя объять необъятного.

Так, в плане выявления исторического пути коннотонимов труд Е. С. Отина сродни труду И. И. Срезневского в его собирании материалов для словаря древнерусского языка. Но Срезневский был последователен в расписывании книги за книгой, документа за документом, и рядом с ним были его студенты. В источниках же данного словаря нет даже Повести временных лет, нет Новгородской летописи, хотя есть, например, Псковская. Нет (по крайней мере, это следует из списка источников) трудов церковников XI–XVII вв., нет русской бытовой повести, нет... много чего нет. Было ли это просмотрено без результатов или автор просто делал выписки, натываясь на коннотонимы в книгах, которые совсем по другим причинам попадали в круг его чтения? Вопрос об источниках не рассмат-

¹ Кстати, интересно, почему – случайно или осознанно? – Е. С. Отин, явно «расписывавший» «Евгения Онегина» на коннотативные онимы, это употребление в свой словарь не включил.

² Хотя вполне возможны новые образования по заданным Пушкиным моделям; по крайней мере, мне лично довелось дважды употребить такие отантропонимические наречия.

ривается в книге, в нем есть лишь список сокращений. Между тем именно в литературе прошлых столетий список коннотонимов может быть выявлен с достаточной для серьезных выводов полнотой. Нет оснований адресовать этот упрек автору – он сделал, что было в его личных силах, и то, что им сделано, заслуживает и даже требует кропотливого продолжения многими и многими последователями.

С другой стороны, кажется, что коннотоним – прерогатива именно литературной, рефлектирующей речи, поэтому стоит ли тратить время на словари жаргона, которые сейчас так любят составлять и специалисты, и дилетанты? Бытовой диалог делает мгновенный скачок от онима к апеллативу или другому ониму (например, к прозвищу), поскольку нуждается в коммуникативно обусловленном определенном значении, а не скрытом, но сравнении, требующем внимания к оттенкам и даже всплеска конгениальности у воспринимającego, в чем и содержится главная прелесть и цель коннотонима. К тому же из всех использованных в качестве источников многочисленных словарей, описывающих арготическую лексику, основную часть составили три уныло повторяющихся практически для каждого антропонима значения: для женских имен – ‘проститутка’, ‘гомосексуалист’, для мужских – ‘мужской половой орган’. А были ли там коннотонимы?

Аналогичные размышления связаны и с использованием диалектного материала. Во-первых, даже из цитируемых источников извлечен далеко не весь материал, не говоря уже о том, что не все диалектные словари оказались задействованы. Во-вторых, кажется, что в диалекте омонимичные онимам апеллативы возникают своими путями, в которых этап коннотонимический присутствует далеко не всегда (что следует и из тщательных разработок самого автора, например, в статьях *Ерофей*, *Ероха* на с. 139–140 и др.).

Наконец, сомнения вызывает рассмотрение литературных онимов наряду с реальными: литературный оним (обычно антропоним) уже изначально не является именем собственным в «прямом» значении: он обозначает не конкретного человека, а определенный типический образ, его семантика уже «отработана» в экспрессивно-эмоциональном плане, поэтому следующий шаг – не создание коннотонима, а сразу апеллативизация. Аналогичная ситуация и с античными и библейскими именами, в которых также вся работа по оформлению семантики проделана заранее (другое дело, что, во-первых, далее семантика претерпевает изменения, приводящие к развитию значений, далеко ушедших от исходного; во-вторых, недостаточное знание произведения, мифа или, наоборот, индивидуальное их прочтение влечет за собой неизбежные упрощения, усложнения или искажения семантики).

Подводя итог разговору о материале, еще раз подчеркнем его излишнее разнообразие, приводящее в некоторой степени к стиранию граней между коннотонимами и другими отонимическими образованиями.

Сами словарные статьи читаются как захватывающие истории об именах. Блистательны, в частности, разработки онимов *Васюки* и *Вотергейт*, *Наполеон* и *Пушкин* (список можно продолжать долго). Одновременно возникают возражения и коррективы к отдельным случаям. Остановимся на некоторых из них.

- Непонятно, как из контекста «[Катерина Ивановна] уже возненавидела нашего дельного *Адама*» может вытекать *Адам* ‘беспечный, безответственный и непрактичный человек’. Дальнейшие комментарии («Речь идет о разделе имения с братом [А. П. Чехова. – М. Р.] Александром – главным виновником этого положения благодаря картежной своей игре») проясняют ситуацию оценки действий человека, но отнюдь не семантику имени. Возможно, Чехов просто играет словами: *перстный Адам* (греховный человек – см. Там же) – *тельный Адам* – *дельный* (иронически) *Адам* (с. 31).

- В толковании *адамизма* как течения в русской поэзии указывается на его синонимичность термину *акмеизм*, однако приведенная далее цитата как раз указывает на разницу и даже противоположность этих понятий, ср.: «В известном смысле то была измена акмеизму...» (Там же).

- В качестве иллюстрации «прямого» значения антропонима *Акулька* приводится пример из А. С. Пушкина («Стала звать *Акулькой* прежнюю Селину»), коннотативное значение ‘деревенская (крепостная) женщина’ иллюстрирует пример из Н. В. Гоголя («Что *Акулька* у нас бросает, с позволения сказать, в помойную лохань, они его в суп!»). В чем здесь разница? Ведь в обоих случаях речь идет об имени дворовой крепостной: в первом случае в доме Лариных, во втором – в доме Собакевича (с. 38).

- *Алые паруса* как «романтическое увлечение, символ высокой мечты» восходит не к названию произведения А. Грина, а к ситуации, в нем описанной: осуществленной мечте Ассоль о корабле под алыми парусами, который придет за ней (с. 44). Аналогично – вишневый сад (с. 105) ‘место отдохновения, спокойствия’ («Антон Павлович Чехов очень любил свой тихий мелиховский уголок,

свой “вишневый сад”») связано не с онимом – названием пьесы, а с образом вишневого сада в нем. Но ср. «*Вишневый сад*» – ‘творческая удача, большой успех’ («А выпуск 1988 года... называл своим “Вишневым садом”»), действительно являющееся коннотонимом, образованным от библионима.

- Сомнительно происхождение *герман* ‘фашист’ от имени *Герман*. Скорей, тут усечение от *Германия*, *германец* с последующим игровым сближением с *Герман* по ударению (и откуда известно, какое там было ударение, есть ли свидетельства, что это не *герман*?) (с. 115).

- Представляется, что статью о Гренаде лучше строить, отталкиваясь не от библионима – светловской «*Гренады*», а от названия «волости в Испании». Тогда коннотоним *Гренада* ‘романтическая мечта’ – основа библионима «*Гренада*» (именно этот смысл у названия стихотворения) (с. 120).

- Контекст «Как вас зовут? – Меня? Мальвиной» из купринского «Поединка» не может иллюстрировать значение ‘проститутка’, даже если в данном случае речь идет о таковой – девица просто называет герою свое имя (пусть и придуманное) (с. 221).

- Для имени *Марь Иванна* наряду с другими выделены два значения: 3. Любая школьная учительница... 5. Учительница с консервативными догматическими взглядами, зануда-«учиха». Примеры же говорят о том, что значение в обоих случаях одно – пятое (с. 229).

- Для коннотонима *Моцарт* вместо одного сформулированного значения ‘яркий талант, выдающаяся личность’ иллюстрации позволяют выделить три: 1) гений («Встал антиматросовым хамлюга, заслоняя Моцарта мурлом»; «Моцарт спекуляций»; «А вдруг вы Моцарт?»); 2) вундеркинд («В городе появился “литературоведческий Моцарт” Алеша Веселовский, имевший в десятилетнем возрасте научные публикации»; «Вот Олег Табаков... еще только прищуривается к своим великим ролям... Он – Моцарт плеяды, рожденной “Современником”»); 3) художник «от Бога», не нуждающийся в особых усилиях для творчества (т. е. не Сальери) («Ведь если ты Моцарт – живи сегодняшним днем, и творчество из тебя польется!..») (с. 245–246).

- Странно, что выражение *перейти Рубикон*, породившее все приведенные коннотации, оказалось в самом конце словарной статьи «Рубикон» (с. 302).

- Все примеры, иллюстрирующие значение ‘проводник’ для коннотонима *Сусанин* явно требуют дополнения к семантике – ‘плохой, ненадежный’ (ср.: «Китайцы ждали своего Сусанина целую неделю и до последнего надеялись на его порядочность: думали, что он вот-вот вернется или заблудился») (с. 324).

Отметим также, что сложные многобуквенные аббревиатуры, обозначающие разные типы онимов и производных от них (например, УКМХр₁ – узуальный интерлингвальный коннотативный мифохроним или УКМТ₅ – узуальный интралингвальный коннотативный мифотопоним, характерный для инонациональной языковой среды, но хорошо известный и русским) затрудняют чтение и ничего не добавляют к содержанию словарной статьи, поскольку ссылки на источники и толкование и так достаточно полно информируют читателя о распространенности и степени узуальности языкового факта (впрочем, критерии, по которым окказиональное отличается от узуального, в предисловии так и не оговорены).

Хорошая книга всегда не только восхищает, но и будит стремление сделать ее еще лучше. Именно этими побуждениями мотивированы наши замечания. В целом же перед нами не просто результат глубокого и продуктивного исследования, но и руководство к действию.

Отин Е. С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопр. ономастики: Собственные имена в системе языка. Свердловск, 1980. С. 3–13.

Отин Е. С. Развитие коннотонимии русского языка и его отражение в словаре коннотонимов // Этимология, 1984. М., 1986. С. 186–191.

Отин Е. С. Материалы к коннотационному словарю русских онимов // Номинация в ономастике: Сб. статей. Свердловск, 1991. С. 41–51.

Отин Е. С. Коннотативные онимы и их производные в историко-этимологическом словаре русского языка // Вопр. языкознания. 2003. № 2. С. 55–72.

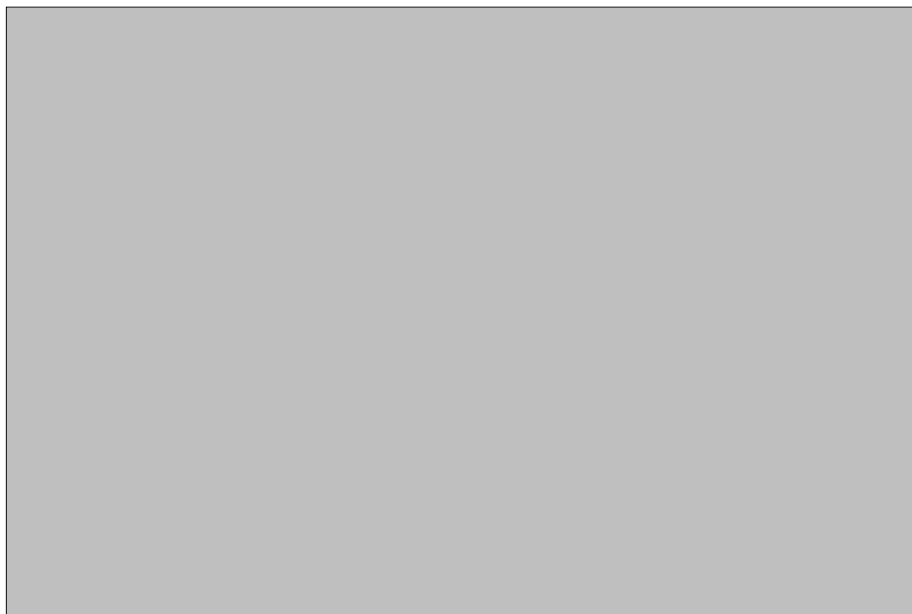
М. Э. Рут, доктор филол. наук, проф. кафедры русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Summa Onomasticae.

Namenarten und ihre Erforschung: Ein Lehrbuch für das Studium der Onomastik. Anlässlich des 70. Geburtstages von Karlheinz Hengst / Hrsg. von Andrea Brendler und Silvio Brendler. Hamburg: Baar, 2004. – 1024 s. [Lehr- und Handbücher zur Onomastik / Hrsg. von Andrea Brendler, Hannelore Puerschel und Gisela Schneider. Bd. 1]

Книга более чем в тысячу страниц «Классы собственных имен и их исследование. Учебник ономастики для высшей школы. В честь 70-летия Карлхайнца Хенгста», которую молодые ученые из Гамбурга Андреа Брендлер и Сильвио Брендлер преподнесли своему учителю на его юбилей (см. фото), представляет собой значительное событие в ономастической жизни Европы. В отличие от традиционных пестрых «фестшифтов», которыми обычно чествуются юбиляры, книга эта задумана и осуществлена как современный учебник. Слово «учебник» (*Lehrbuch*), вынесенное издателями в заглавие книги, хотя и подкрепленное уточнением «для высшей школы» (*das Studium*), кажется весьма скромным обозначением этого капитального труда (32 автора из 9 стран), дидактичность которого удачно сочетается с энциклопедичностью. Однако выбранный жанр книги, как пишет в кратком вступительном очерке Фолькмар Хельфритш, представитель лейпцигской школы ономастики, призван подчеркнуть такие черты юбиляра, как его преданность науке и постоянную заботу о том, чтобы в науку приходили свежие силы. Лекции К. Хенгста – блестящий пример соединения науки и дидактики – всегда отличались четкостью и ясностью изложения и новым подходом к материалу. Так же можно охарактеризовать и посвященную этому человеку книгу.

Книга состоит из трех частей со сквозной нумерацией глав, которых в книге всего 31. Части обозначены просто цифрами, но их содержание весьма прозрачно: первая часть – теория имени собственного, вторая – методы ономастических исследований, третья – анализ конкретных классов онимов. Трех частям предшествует введение Сильвио Брендлера, в котором описываются цели и задачи

Профессор Карлхайнц Хенгст и издатели книги «Классы собственных имен и их исследование» Андреа Брендлер и Сильвио Брендлер (5 мая 2004 г., коллоквиум в честь юбиляра в Лейпцигском университете)

книги на широком ономастическом фоне, включая особо актуальное для Лейпцига немецко-славянское направление, так называемую *Onomastica slavogermanica*, а также такую важную для будущих исследователей информацию, как периодические издания по ономастике.

Первая часть содержит единственную главу под названием «Сущность имени», написанную ученым из Регенсбурга Эрнстом Ханзаком. Она представляет собой дидактически обработанное резюме его монографии «Имя собственное в системе языка: фундаментальные проблемы теории языка»¹, которая сейчас в Германии, пожалуй, обходит по индексу цитирования все, что было ранее написано по теории имени собственного.

Э. Ханзак, чей стиль изложения едва ли не самый дидактичный во всей книге, является представителем когнитивного направления в лингвистике. Он настаивает на разделении теории имени собственного (*Namenstheorie*) и практической ономастики (*Namenkunde*) – истории и употреблении собственных имен². В этом месте хочется вспомнить Макса Вебера и понятие предпосылок в науке (*Voraussetzungen*), введенное им в статье «Наука как призвание и профессия» [1990]³. Отделение «чистой» теории имени собственного, декларируемое Ханзаком, от исторических и функциональных ономастических исследований вполне согласуется, на наш взгляд, с теорией Макса Вебера и представляется весьма полезным для ономастики как науки, в частности для определения ее объекта.

Э. Ханзак подробно останавливается на проблеме значения имени собственного (ИС). И всегда, когда речь идет о теории ИС, приходится начинать *ab ovo*: с Джона Стюарта Милла (Милля). Не секрет, что многие авторы, которым так или иначе нужно порассуждать о значении ИС, теорию Милла берут из вторых (третьих, четвертых) рук. Ханзак обращается к тексту самого Милла и показывает, как важно разобраться в исходных терминах. После обзора основных направлений теории референции автор главы формулирует когнитивный взгляд на ИС, базирующийся на компьютерных исследованиях мозга: имена представляют собой адреса доступа (индексы) к базе данных, каковой является мозг человека. Имя связано не с объектом, а с объемом информации об объекте. Отсюда следует, что значением имени является область данных, индексируемая этим именем. Для русских лингвистов, знакомых с трудами тверской школы психолингвистики, такая формулировка может показаться знакомой, ср.: «Лексикон можно трактовать и как средство доступа к единой информационной базе человека – его информационному тезаурусу» [Залевская, 1992, 58]. Не вызывает сомнения, что у когнитивного подхода к ИС большие перспективы, хотя само определение «когнитивный» может трактоваться по-разному⁴.

¹ Hansack, Ernst. Der Name im Sprachsystem: Grundprobleme der Sprachtheorie. Regensburg: Roderer, 2000. Над проблемой положения имени собственного в языке автор размышлял много лет, ср. его же: Bedeutung, Begriff. Name. Regensburg: Roderer, 1990.

² Интерфикс s в слове *Namenstheorie* очень важен, так как, по мнению Э. Ханзака, отражает *Genitiv Sing: Theorie des Namens* 'теория имени'. Слово же *Namenkunde* (немецкий синоним интернационализма 'ономастика', без s) он интерпретирует как *Kunde der Namen* (т. е. *Genitiv Plural*) 'исследование имен'.

³ Предпосылки науки, по Веберу, это некоторые бесспорно принимаемые данной наукой положения, необходимые для ее целей и успешного решения задач, но самой этой наукой не доказуемые и, так сказать, не обсуждаемые. Так, всеобщая «предпосылка» медицинской деятельности, если ее выразить самым общим образом, состоит в утверждении, что необходимо сохранять жизнь просто как таковую и по возможности уменьшать страдания просто как таковые. Является ли жизнь ценной? Об этом медицина не спрашивает. Исходя из достаточно длинной истории ономастики как науки (как у нас, так и в Европе), можно, опираясь на Вебера, предположить, что одной из «предпосылок» науки ономастики будет положение, что имена собственные существуют и что их следует изучать. Собственно, этим ономастика и занималась на протяжении более полувековой своей истории, и занималась весьма успешно. Вопросы же о сущности ИС, логической и референциальной специфике, с науковедческой точки зрения следует, очевидно, отнести к ведению – если оставаться в пределах языкознания – философии языка, общей теории референции, отчасти теории номинации, т. е. *Namenstheorie*.

⁴ Например, применительно к способности ИС выступать ключом к знанию о мире и/или хранителем знаний о мире, ср.: «В именах закодирован многовековой опыт человека» [Юркенас, 2003, 36 (гл. Когнитивные аспекты антропонимики)].

Вторая часть состоит из девяти глав (повторим, что нумерация глав сквозная). Методологически очень важная гл. 2, посвященная классификации имен, написана Сильвио Брендлером. В ней автор рассматривает сущность, принципы и виды классификации, ее возможности и границы. Много внимания уделяется терминологии, а также конкретным классификациям, предлагаемым как немецкими учеными (Адольф Бах, Ханс Вальтер, Фридрих Дебус и др.), так и – для Германии – зарубежными (Дж. Р. Стюарт, Иглесиас Овехеро, Бенгт Памп). Отрадно, что не обойден вниманием немецкого ономастолога и словарь Н. В. Подольской. Похоже, что С. Брендлер этой главой закрыл тему – настолько исчерпывающим является проведенный им анализ.

Следующая глава (гл. 3, Рудольф Шрабек) посвящена этимологическому толкованию имен. Хотя со времен возникновения научной ономастики в Германии (трудами Эрнста Фёрстеманна) именно эта проблема виделась как центральная, в настоящее время, по мнению Шрабека, более важной в ономастике является функциональная парадигма. Остальные семь глав этой части в своих заголовках содержат слово «методы»: «Критический подход к источникам как ономастический метод» (гл. 4, Фридрих Дебус), «Методы лингвистики текста как методы ономастики» (гл. 5, Дитлинд Крюгер), «Прагмалингвистические методы ономастики» (гл. 6, Винцент Бланар), «Социоллингвистические методы в ономастике» (гл. 7, Вольфганг Дамен и Йоханнес Крамер), «Методы ареальной лингвистики как методы ономастики» (гл. 8, Вильфрид Зайбике), «Ономаметрия как ономастический метод» (гл. 9, Пауль Видезотт), «Методы литературной ономастики» (гл. 10, Вильгельм Николайсен).

Если внимательно посмотреть на приведенные в этой части методы, то можно заметить различие понятий «метод» и «ономастика как наука» в отношении признаков имманентности/привнесенности. Так, критика источников является без сомнения собственным методом исторической (диахронической) ономастики. Лингвистика текста и ономастика находятся скорее в отношении *метод – приложение метода*: ИС исследуются как носители текстуальности (по В. Дресслеру) или же рассматриваются в различных типах текстов. То, что в следующей главе В. Бланар называет прагмалингвистическим методом, тесно связано с его концепцией прагмалингвистической ономастики, которая построена в социокоммуникативном ключе (социальный контекст имени, общественно обусловленная идентификация/дифференциация как прагматический принцип организации ономастической системы, официальное/неофициальное именование и др.). Социоллингвистический и ареальный методы являются привнесенными, что не умаляет их значения для ономастики, а, наоборот, демонстрирует продуктивность полученных с их помощью результатов. Ономаметрию можно считать применением математических методов в ономастике (эта глава демонстрирует совершенно новое для ономастики знание). И наконец, в названии главы «Методы литературной ономастики» слово «метод» выступает как характеристика одного из направлений ономастических исследований (жаль, что в этой главе мало библиографических ссылок на труды по литературной ономастике, которыми именно Германия и славится).

Третья часть посвящена анализу конкретных классов онимов. Чтобы он получился действительно систематическим и оправдывал дидактические цели, авторам была предложена некоторая схема (нежесткая, но все же обязательная), в которую входили: рассмотрение терминологии, типология, источники изучения данного типа онимов, история вопроса, дезидераты и перспективы, а также избранная библиография по подразделам. Таким образом, получилась целостная картина с определенным взглядом в будущее, что немаловажно для книг подобного рода.

Итак, в третьей части, состоящей из 21 главы, анализу подвергаются следующие виды онимов (как традиционных, так и недавно вовлеченных в поле ономастических исследований): имена небесных тел (гл. 11, Пауль Куницш), оронимы (гл. 12, Вольф-Арним барон фон Райтценштайн), наименования долин (гл. 13, Петер Анрайтер), гидронимы (гл. 14, Юрген Удольф), микропонимы (гл. 15, Эрика Вазер), ойконимы (гл. 16, Альбрехт Гройле), названия дворов (гл. 17, Милан Гарвалик), названия крепостей и оборонных сооружений (гл. 18, Ханс Вальтер), собственные имена домов (гл. 19, Эрика Вебер), названия дорог и площадей (гл. 20, Хорст Науманн), названия произведений искусства (гл. 21, Андреа Брендлер), товарные знаки (гл. 22, Эльке Роннебергер-Зибольд), названия учреждений (гл. 23, Наталия Васильева), названия природных явлений (гл. 24, Андреа и Сильвио Брендлер), названия политических событий (гл. 25, Эдгар Хоффманн), личные имена (гл. 26, Роза и Фолькер Кольхайм), фамилии (гл. 27, Вальтер Венцель), этнонимы (гл. 28, Людвиг Рюбекайль), зоонимы (гл. 29, Стефан Вархол), собственные имена растений (гл. 30, Франческо Иодиче), хрононимы (гл. 31, Дамарис Нюблинг). Эта часть занимает 596 страниц книги и убедительно показывает, что ономастика является

практической наукой с большими перспективами. Благодаря четко выработанной концепции книги, издателям удалось получить по каждому типу онимов дидактически единообразный результат при сохранении индивидуального стиля каждой главы.

Книгу завершает краткий глоссарий (термины с толкованием) – действительно, очень краткий для такой книги, в которой встречается множество терминов, в том числе новые и непривычные, например, *симбантоним* (< греч. *sympban* ‘событие’), *эвентоним*, *актионим* (для имен событий и явлений), «механическое» именование (для имен ураганов и тайфунов по известным в Международной метеорологической организации таблицам). Нельзя не отметить явной тенденции к интернационализации, которой еще не было в вышедшей в 1995–1996 гг. двухтомной международной ономастической энциклопедии (Namenforschung. Name studies. Les nomes propres. An International Handbook of Onomastics / Ed. by Ernst Eichler, Gerold Hilty, Heinrich Loeffner, Hugo Steger, Ladislav Zgusta. Vol. 1–2. Berlin; New York: Walther de Gruyter, 1995–1996). Это весьма интересное явление, над которым еще надо подумать, поскольку в немецком языке работает «домашняя» словообразовательная модель со вторым компонентом *-name* (ср. *Tiername*, *Pflanzenname*, *Zeitname* и т. п. – то, что «по-международному» звучит как *зооним*, *фитоним*, *хрононим*).

Библиографический указатель занимает 140 страниц и насчитывает несколько тысяч наименований. Книга идеально отредактирована, что тоже несет в себе дидактический смысл. Поскольку цена книги довольно высокая (85 евро), издатели выпустили вариант на CD (формат PDF) по цене 30 евро, что, несомненно, приблизит книгу к более широкому кругу читателей.

Подводя итог, можно сказать, что европейская ономастика обогатилась трудом, в котором новые достижения науки нашли свой гармоничный путь в дидактику, и труд этот, бесспорно, должен стать настольной книгой молодого ономатолога.

Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избр. тр. / Пер. П. П. Гайдено. М., 1990. С. 707–735.

Залевская А. А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования. Тверь, 1992.

Юркенас Ю. Основы балтийской и славянской антропонимики. Вильнюс, 2003.

Н. В. Васильева, канд. филол. наук, ст. науч. сотр.
отдела прикладного языкознания
Института языкознания РАН (Москва)

Мадиева Г. Б. Теория и практика ономастики: Учеб. пособие. – Алматы: Казак университеті, 2003. – 152 с.

При составлении учебного пособия «Теория и практика ономастики» Гульмира Баянжановна Мадиева исходила из того, что знание ономастики необходимо не только специалистам, но является важным показателем общей культуры любого человека. Другим важным посылом для создания пособия для студентов и магистрантов филологических специальностей стало отсутствие специальной учебной литературы, отражающей современное состояние теории ономастики. Базой для написания данного пособия послужила программа спецкурса «Теоретические основы ономастики» для магистрантов филологического факультета Казахского национального университета по специальности «Теория языка». Главными ориентирами для автора стали работы В. Н. Никонова, В. Д. Бондалетова, А. В. Суперанской, Т. Д. Джанузакова, А. А. Абрахманова, В. Н. Поповой, О. А. Султаньяева, Е. А. Керимбаева и др.

Материал представлен таким образом, чтобы студенты имели возможность найти ответы на вопросы, пополнить свои знания, сопоставить различные точки зрения, составить реферат. Самостоятель-

ная поисковая деятельность способствует формированию у студентов исследовательских навыков. В пособии даются примерные темы реферативных сообщений, докладов, курсовых и выпускных работ. Приведен обширный список научной и учебной литературы, топонимических и антропонимических словарей, изданных в России и Казахстане, а также неопубликованные материалы – докторские и кандидатские диссертации казахстанских ученых. Сообщаются сведения об ученых, внесших вклад в становление ономастики в Казахстане, и перечень их трудов. Интерес представляет и подборка высказываний известных исследователей об именах собственных.

Пособие состоит из двух частей. В первой из них определяются объект, предмет, цели и задачи ономастики, излагается краткая история ее возникновения и развития в России, Казахстане и за рубежом, рассматриваются методы и аспекты ономастических исследований.

Разряды ономастики представлены в пособии традиционно: выделяются основные (антропонимы, топонимы, зоонимы, космонимы и астронимы) и периферийные (в том числе идеонимы и прагматонимы) разряды имен собственных; характеризуются общие классификационные признаки каждого разряда онимов, их семантика, морфологическая и словообразовательная структура, выявляются мотивы именования.

Автор констатирует, что имена собственные в совокупности составляют ономастическое пространство данного языка и представляют уникальный по своему составу и характеристикам пласт лексики, отражающей лингвистическое и культурное сознание конкретного языкового сообщества.

Во второй части работы автор обращается к метаязыку ономастики, опираясь на ряд работ по терминологии, прежде всего на «Словарь русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской (1978, 1988). Хотя казахская ономастическая терминология находится еще в стадии становления, анализ ряда работ частного характера (В. Н. Поповой, К. К. Рысбергеновой, С. К. Иманбердиевой) позволяет осветить некоторые терминологические проблемы.

Г. Б. Мадиева обращается к вопросу о месте имен собственных в системе языка, которое определяется в сопоставлении имен собственных и нарицательных, в выявлении специфики значения онимов, в функциях имен собственных, важнейшими из которых являются номинативная, идентифицирующая и дифференцирующая. В пособии обозначены проблемы семантики имени собственного, отражены различные мнения ученых, предлагаются вопросы и задания дискуссионного характера. Изучение природы имен собственных, выявление их семантики и этимологии позволяет сделать выводы о национально-культурной специфике ономастической лексики. Подробному лингвокультурологическому и этнолингвистическому описанию подвергаются антропонимы и топонимы.

Выделяя в качестве основных для ономастики понятия ономастическое пространство и ономастическое поле, автор делает вывод о том, что «ономастическое пространство в целом представляет собой ономастическую картину мира, детерминированную миропониманием, мироощущением определенного этноса, и является фрагментом языковой картины мира». В пособии решаются вопросы о роли прецедентных имен собственных в межкультурной коммуникации, отмечается способность онимов к накоплению и передаче культурной информации.

Обозначая проблемы ономастической лексикографии, Г. Б. Мадиева определяет и перспективы. Так, автор пособия считает актуальным для казахской ономастической лексикографии создание специализированных ономастических словарей – словарей микротопонимов, прецедентных имен, поэтических имен собственных, словообразовательных и грамматических словарей, лингвострановедческих словарей и словарей имен собственных в составе фразеологических сочетаний и под. В пособии характеризуются словари личных имен, топонимов, космонимов и др., которые представляют опыт лексикографирования онимов, предлагаются задания, предусматривающие работу с ономастическими словарями.

Учебное пособие «Теория и практика ономастики» представляет собой попытку комплексного описания как казахской ономастики в целом, так и некоторых ее разделов (антропонимии, топонимии, космонимии, зоонимии и этнонимии). В пособии прослеживается история развития казахской ономастики, осуществляется лингвистический анализ онимов практически всех разрядов: выявляется лексическая база ономастики, устанавливается взаимодействие онимической и нарицательной лексики, определяются структурно-словообразовательные модели имен собственных, отмечается связь ономастики с исторической диалектологией и социолингвистикой.

В пособии изложены традиционные теоретические положения, разработанные в русской ономастике, которые существенно дополнены новыми изысканиями (список литературы, перечень диссертаций) как российских, так и казахских ученых-ономатологов.

В. В. Бардакова, канд. филол. наук, доцент
кафедры русского языка и методики его преподавания в начальной школе
Волгоградского государственного педагогического университета

ЭКСПЕДИЦИИ

Экспедиция на Карельский берег Белого моря

В рамках выполнения комплексного междисциплинарного проекта «Природное и культурное наследие островов Белого моря» (ФЦП «Интеграция») топонимическая экспедиция Института языка, литературы и истории (ЯЛИ) Карельского научного центра РАН второй год работает на Карельском берегу Белого моря – самом северном в границах Карелии участке побережья. Карельское Поморье – это район давних и прочных межэтнических и межъязыковых связей, отчетливо проявляющихся в здешней топонимии. Карельская по происхождению, а во многих случаях и бытованию топонимия соседствует с русской (поморской), которая складывалась в результате новгородского, а затем и московского освоения Поморья. Сюда, в западное Беломорье, выходили важнейшие транзитные водные и водно-волоковые пути с запада и юга, рано освоенные карельскими и русскими переселенцами, тесно соприкасавшимися здесь с местным саамским населением. Об активности этих контактов свидетельствует плотный пласт топонимов с саамскими истоками на территории Карельского Поморья.

В июне 2004 г. экспедиция работала в шести населенных пунктах современного Лоухского района (в поселке Чупа, рудниках Малиновая Варака и Хетоламбина, в деревнях Нижняя Пулонга, Нильмозеро, Нильмогуба), а также в поморской деревне Поньгома Кемского района.

Экспедиции предшествовала подготовительная работа в Национальном архиве Республики Карелия. В ходе ее были просмотрены материалы колхозных фондов за 1931 и 1951 гг. Наиболее интересными оказались списки сенокосных и рыболовецких угодий, находившихся в окрестностях деревень Черная Река, Калгалакша, Поньгома, Летняя Река, села Кереть и города Кемь, расположенных вдоль побережья Белого моря. Было выписано около 500 географических названий. Кроме этого, были использованы материалы Архангельского областного архива, которые содержат около 100 топонимов в окрестностях села Кереть и деревни Черная Река, зафиксированные в 1876 г. Данные материалы были проверены и уточнены в ходе полевой экспедиции.

Материал собирался по специальной программе, разработанной в Институте ЯЛИ. Для сбора использовались топографические карты масштаба 1:25 000 и 1:50 000, позволяющие осуществлять привязку топонима к местности.

В ходе экспедиции было опрошено 48 человек. Записано около 1 тыс. топонимов, половина из них нанесена на карту. Приблизительно одна треть названий записана от русского населения села Кереть и деревни Поньгома, остальные от карельского населения, которое проживало в деревнях Чупа, Верхняя Пулонга, Нижняя Пулонга, Нильмозеро, Нильмогуба, Воронская, Нижнее Котозеро и Соностров, находившихся на побережье Белого моря или в непосредственной близости от него. Из десяти вышеупомянутых населенных пунктов сейчас существует только пять, при этом два из них заселены только в летний период. Было записано 9 магнитофонных кассет по 1,5 часа звучания каждая, содержащие топонимический материал на карельском и русском языках.

Кроме этого, удалось зафиксировать ряд новых, ранее не попадавших в поле зрения исследователей географических терминов, таких как *нилакса* ‘подводная гладкая скала’ в русском Поморье и *kemi* ‘сухое, песчаное возвышенное место’ в карельском. Были записаны также родовые предания о перво-поселенцах некоторых деревень.

Сейчас полевой материал расшифровывается и расписывается на карточки, а также заносится в компьютерную базу данных, которая создается в секторе языкознания. Расшифрованные кассеты будут переданы для хранения в Фонограммархив Института ЯЛИ.

Далее приводятся некоторые наблюдения историко-культурного характера, сделанные на основе первичной обработки собранной топонимии.

Полученные топонимические данные свидетельствуют, что в формировании населения исследованного нами региона принимали участие представители разных этнических групп. Наиболее древним из достоверно определяемых пластов топонимии является саамский. Некоторые названия саамского происхождения легко этимологизируются и сейчас: ср. остров *Котков* (карел. *Kotkovasuari*), перешеек *Медвежий Коткуй*, полуостров *Кузокотка* из саам. *duotko* 'узкий перешеек'. На проживание здесь саамов указывает, возможно, название залива *Лапина губа* (из карел. *lappi* 'саам, лопарь?'). Саамские истоки имеют также некоторые озерные и речные наименования этой территории: р. *Сона*, оз. *Сонозеро* и *Соностров*, *Нильмозеро* и *Нильмогуба*, оз. *Куарнисъярви*, горки *Чокка* в Сонострове и *Кивичокка* в Нильмозере, мост *Чоккасилта* в Чупе (в основе – саамское слово *čohka* 'горка') и др.

Считается, что начиная с XIV в. на смену саамскому населению приходит карельское. Недаром территорию вдоль побережья Белого моря от д. Гридино на юге до Черной Реки на севере, у границы Карелии и Мурманской области, традиционно называют Карельским берегом. Однако целый ряд исторических свидетельств, подтверждаемых и данными топонимии, говорит о том, что многие карельские поселения этой территории являются довольно поздними по времени возникновения.

Так, Чупа (сейчас поселок и станция Мурманской железной дороги) возникла, по свидетельству наших информантов, в 1917 г. Первым поселенцем был белорус по имени Филипп (дом получил название *Hilippälä*), женившийся на карелке из Ухты. Семья переселилась из д. Кереть, расположенной здесь же, на Карельском берегу, непосредственно на морском побережье. Эти сведения получены от их сына, Константина Филипповича Софронова (р. 1923), карела. Карельская деревня Нильмозеро появилась, по рассказам информантов, в 1860-х гг. Ее первопоселенцами были Артемий Васильевич Лангуев из д. Большое Озеро, располагавшейся в окрестностях старинного карельского села Кестеньга, и его жена Евдокия Варламовна. Следующим поселился Клементий Павлович Липаев из олангской деревни Лайдасалма. О недавнем основании деревни свидетельствует карельский вариант названия *Uusikylä* (букв. «новая деревня»), а также коллективное прозвище жителей деревни *новоселы*. Деревня Нильмогуба, расположенная в 8 км севернее Нильмозера, была основана в 1912–1913 гг. карелом Филиппом Ивановым, который переселился из кестеньгской деревни Елетозеро в Нильмозеро, а затем переехал с семьей в Нильмогубу. Основателем деревни Верхняя Пулонга был карел по фамилии Лангуев, прибывший из села Кереть на рубеже XIX–XX вв. Родом из этой же деревни был Агапит Лангуев, основавший деревню Нижнее Котозеро. Первыми жителями деревни Соностров были Андрей Тимофеевич Кемов из Кестеньги и Иван Григорьевич Сергеев из Елетозера. Возникновение деревни относится к 1912 г. Основателями и первыми жителями деревни Воронской были Кемовы из Кестеньги, которые поселились здесь в 1914 г. При этом, однако, следует иметь в виду, что д. Воронская упоминается в письменных источниках уже в 1591 г., причем как саамское поселение Воронье Озеро.

Образование этих деревень происходило на фоне Столыпинской реформы. Социально-экономическими предпосылками было отсутствие свободных земель в материнских деревнях, вызванное ростом семей на рубеже XIX–XX вв. Жители новых поселений были выходцами из четырех карельских волостей – Кестеньгской и Олангской, располагавшихся на самом севере современной Карелии в глубине материковой территории, и Вычтайбольской, которая находилась к югу от исследуемого региона, между морским побережьем и Кестеньгской волостью, а также прибрежной Керетской волости, где проживало как русское, так и карельское население. Фактором, привлекавшим новых жителей на карельское побережье Белого моря и прилегающие к нему территории, было, очевидно, строительство Мурманской железной дороги. Надо, однако, принимать во внимание, что по крайней мере часть отмеченных новых карельских поселений возникла на местах, которые, судя по данным исторических источников, были освоены в предшествующие века. К примеру, в Писцовой книге 1574 г. в Керетской волости существовал погостишко Чюпа в Чюпской губе над ручьем, состоящий из 7 дворов, в которых проживало 10 человек [см.: Малышев, 1981, 13].

В окрестностях всех русских деревень Карельского берега Белого моря фиксируются многочисленные названия карельского происхождения: ср. залив *Мяндова губа* (карел. *mändy* 'сосна'), *Кивгуба* (карел. *kivi* 'камень'), *Палнаволо* (карел. *palo* 'выгоревшее место'), пролив *Каясалма* (карел. *kaita*,

ген. *kaijan* 'узкий' + *salma* 'пролив'), *Гонгостров* (карел. *honga* 'сосна'), *Шонгостров* (карел. *šonka* 'самка лосося'), *Хедостров* (карел. *hieda* 'песок'), Леппозеро (кар. *leppä* 'ольха') и др., свидетельствующие о былом карельском прошлом территории.

В русской топонимии села Кереть отмечены некоторые топонимные модели, которые не свойственны в целом русской топонимии Северо-Запада. Есть основания предполагать, что русские топонимы являются кальками традиционных карельских топонимных типов. Среди таких показательных примеров мыс и озеро *Гремяха*, в основе которого можно предполагать карел. **Törisevä* «гремящий», или *Вонючая губа* и *Вонючее озеро* – возможно, перевод карел. **Haiseva* – «плохо пахнувший». В карельской топонимии Беломорья обе топоосновы входят в число продуктивных. Эти и подобные им примеры могут рассматриваться в контексте средневекового карельского освоения Беломорского побережья.

Об ассимиляции карельского населения говорят современные поморские фамилии (*Келеваев*, *Коргуев*, *Кутчев*, *Микков*, *Таскаев*, *Тиммиев*, *Тяппиев*), восходящие к карельским антропонимам, а также целый ряд слов, используемый местным русским населением, например, *кортеха* 'трава' (ср. карел. *korteh* 'хвош'), *кярчя* 'рыба бычок' (ср. карел. *kärččä* 'ерш'), *луда* 'отмель с выступающими над поверхностью воды камнями', *корга* 'подводная отмель', *варака* 'поросшая лесом гора' (в топонимии горы *Коровья Варака*, *Белые Вараки*) и др. Среди них и уже упоминавшийся выше апеллятив *нилакса*, распространение которого связано с продвижением карел из Приладожья. Карельским говорам северного Приладожья известен географический термин *nilas* или *nilos* (основа *nilakse/-nilokse-*) со значением 'подводная или омываемая водой скала'. Ареальная характеристика топонимов с основой *Nilas-/Nilos-* (рис. 1) свидетельствует о том, что они проникают в Поморье по водно-волоковым путям, которые использовались карелами в Средневековье. В Поморье известны скалистые отмели *Киберинские Нилаксы* в районе Керети, остров *Курья Нилаксы* в окрестностях города Кемь, порог *Нилаксы* в Нюхче.

На основе полученного материала можно проследить и разные этапы освоения Беломорья русским населением. Например, зафиксированные здесь названия островов, оканчивающиеся на *-иха* (*Водохлебиха*, *Каржничиха*, *Мартыниха*, *Столбиха*, *Коккоиха* и др.) свидетельствуют, скорее всего, о московско-суздальской средневековой колонизации. Особенно интересен среди них последний топоним, где топоформант *-иха* присоединяется к основе карельского происхождения (ср. карел. *kokko* 'орел').

С новгородской промыслово-торговой колонизацией принято связывать названия с формантом *-щина*. Центром распространения названий этого типа в Карелии является северное Заонежье, откуда затем, с вероятным оттоком русского населения на север вдоль транзитных путей в Поморье, модель проникает в окрестности деревень Летняя Река (позня *Марковищина*) и Калгалакша (губа *Перговищина*).

В контексте русского освоения Беломорья показателен тот факт, что в карельской топонимии региона активно используются воспринятые от проживающего на смежной территории русского населения характерные топонимные модели и элементы, в частности русская географическая терминология. Ср. порог *Kuivaporoška* (ср. рус. *порожек*) в Нильмагубе, заливы *Kivikupa*, *Pimiekupa*, *Suvikupa*, *Savikupa* в Сонострове, в которых выступает усвоенный из русских говоров термин *губа*, берег под названием *Pl'ossa* (ср. рус. *плес*) в Сонострове. Топонимия окрестностей Сонострова позволяет с уверенностью говорить о том, что карельское поселение возникло на территории, которая входила в сферу русского поморского влияния, поскольку топонимы карельского происхождения концентрируются вокруг деревни, в то время как наименования многих лесных урочищ и водных объектов имеют русские истоки.

Топонимия свидетельствует в пользу того, что интересы традиционного русского населения – поморов – распространялись прежде всего непосредственно на морское побережье, тогда как карелы активно заселяют внутренние территории. Это касается прежде всего позднего (на рубеже XIX–XX вв.) карельского освоения, когда сюда проникает население из карельских Кестеньгской, Олангской и Вычетайбольской волостей. Показательно, что сегодняшние информанты не считают территорию побережья Белого моря исконной карельской территорией.

Последний вывод корректен для позднего времени. Что же касается Средневековья, то наши материалы указывают на то, что морское побережье привлекало внимание как русского, так и карельского населения, доказательством этого являются достаточно древние русские и карельские топонимные модели на побережье.

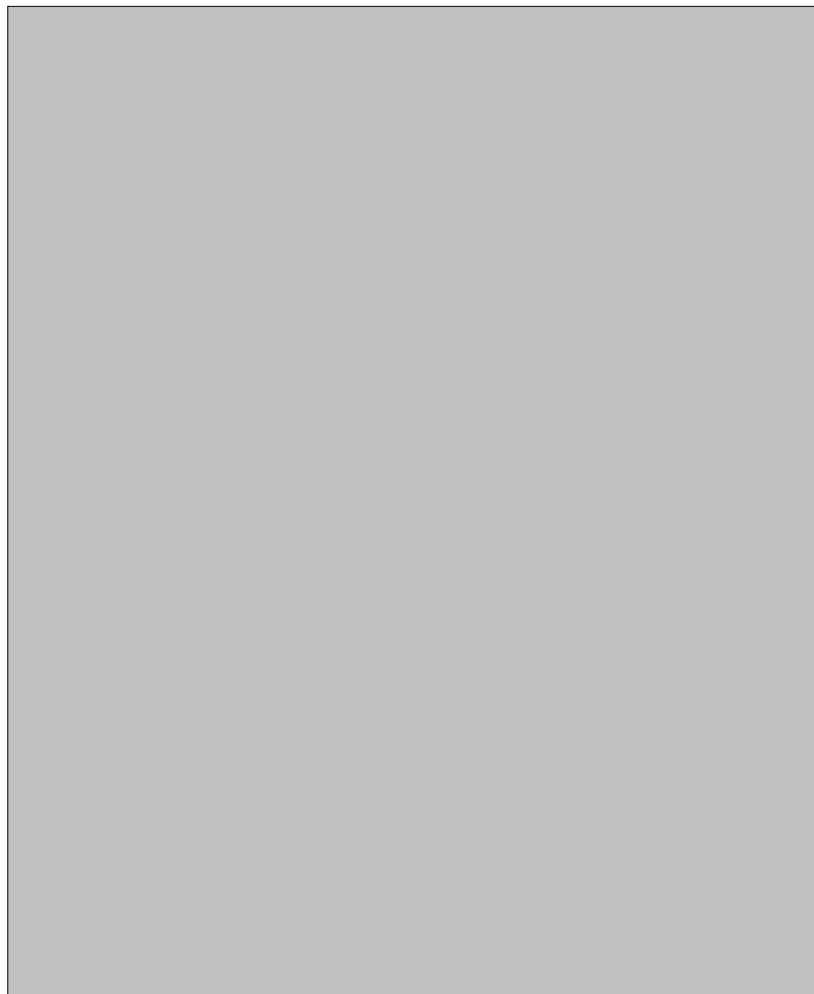

Рис. 1. Ареал распространения топооснов *Nilos-/Nilas-/Nila(n)-*

Кроме топонимии и географической лексики, в экспедиции записывались антропонимы и зоонимы. Удалось, например, зафиксировать ряд кличек домашних животных, в том числе оленей, см.: *Pyhikki* (корова, которая родилась в воскресенье), *Tyrikki* (низкорослый конь), *Mučči* (собака с черной шерстью), *Nieklasarvi* (олень, у которого недостаточно ветвистые рога), *Kondie* (крупный олень) и др.

Собранный антропонимический материал свидетельствует о том, что переселявшееся во второй половине XIX – начале XX в. из Кестеньгской округи карельское население принесло с собой давнюю традицию наименования домов с использованием прибалтийско-финского суффикса *-la/-lä/-l'a*. Последняя была утрачена к тому времени карелами соседней Вычтайбольской волости, поселения которой имеют более длительную историю. В качестве антропонимических основ в подобных названиях выступают карельские варианты мужских православных имен, см.: *Ort't'ol'antalo* (*Ort't'o* < рус. *Артеми́й*), *Ontippal'antalo* (*Ontippa* < рус. *Антони́н*), *Teppol'antalo* (*Teppo* < рус. *Степа́н*). Интересно при этом, что данная модель традиционно применялась при номинации самых старых домов деревни. По мере разрастания семей и строительства новых домов, модель с формантом *-la/-lä/-l'a* уже не использовалась. Подтверждением этого являются, например, наименования домов в д. Нильмозеро, где из двадцати двух зафиксированных названий *l*-вым суффиксом оформлены только шесть, которые и относятся, по всей видимости, к домам первопоселенцев. Как видно из рис. 2, названия домов с *l*-вым суффиксом

отсутствуют также в Северном конце деревни (карел. *Pohjoispiä*), т. е. в той части поселения, которая появилась значительно позже, именно в результате деления больших семей и оттока населения на новые места проживания.

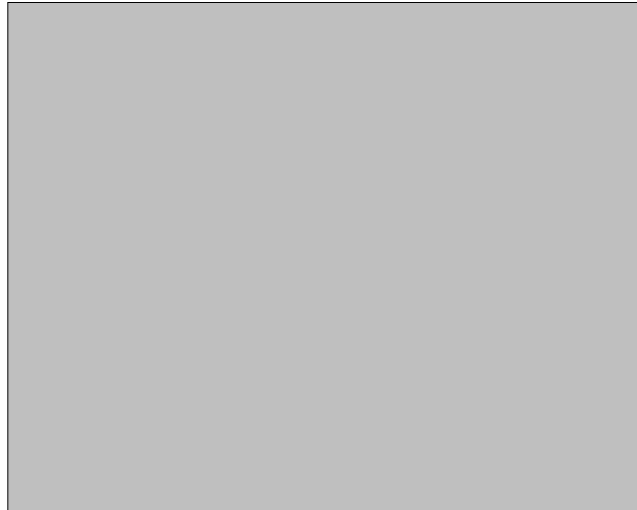

Рис. 2. Ареал распространения названий домов с *l*-вым суффиксом

В следующем году работы на Карельском берегу Белого моря, а также прилегающем к нему с юга побережье в границах Республики Карелия будут продолжены.

Малышев Г. В. Лоухи. Петрозаводск, 1981.

Д. В. Кузьмин, канд. филол. наук, мл. науч. сотр. Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск),
О. Л. Карлова, канд. филол. наук, ст. преп. кафедры карельского и вепсского языков Петрозаводского государственного университета

К изучению топонимии Онежского полуострова

В августе 2004 г. была совершена повторная экспедиция на Онежский полуостров с целью фронтального сбора топонимии и лексики региона. Последний раз топонимическая экспедиция Уральского государственного университета им. А. М. Горького была здесь в 1994 г. В этот раз работа проводилась в Тамицком (с. Тамица, д. Кянда), Верхнеозерском (д. Нижмозеро, пос. Маложма), Пурнемском (с. Пурнема, д. Лямца) сельсоветах Онежского района Архангельской области (юго-западная часть полуострова).

Освоение Онежского полуострова новгородцами начинается с XII в. Новгородцы не были перепоселенцами на Онежском полуострове, здесь они встретились с финно-угорскими племенами. В монастырских записях XVI в. говорится о совместном проживании русских с «корелой». Еще в начале XX в. перепись указывает на существование в этих местах немногочисленного карельского населения, позднее полностью исчезнувшего.

Особенностями истории заселения края объясняется обилие субстратных названий в топонимии Онежского полуострова, в том числе и на обследованной в этом году территории. Наиболее поздний субстратный слой – прибалтийско-финский. В географических названиях реализуются типичные прибалтийско-финские основы, например:

Иляшалга, ур. < приб.-фин., ср. фин. *ylös* ‘вверх, наверх’, *yli* ‘через; сверх, больше’, ижор. *ülös*, *üles* ‘вверх, наверх’, *üli* ‘над кем-либо, чем-либо, поверх чего-либо’, карел. *ylö* ‘верхний’, люд. *ül'i* ‘над кем-либо, чем-либо’, вепс. *ül'ez* ‘наверх, вверх’, водск. *üles* ‘наверх, вверх’, *üli* ‘над кем-либо, чем-либо’, эст. *üla: ülapool* ‘верхняя сторона, верх’ [SSA, 3, 490].

Ладба, р., *Ладбозеро*, оз. < приб.-фин., ср. фин. *latva* ‘вершина, верхушка, маковка, макушка (дерева)’, ижор. *ladva* ‘верхушка; ряд снопов в овине’, карел. *latva* ‘вершина’, люд. *ladv* ‘вершина’, вепс. *ladv* ‘вершина’, водск. *ladva*, эст. *latv*, ливв. *ladā* ‘вершина’ [Там же, 2, 52].

Легмозеро, оз. < приб.-фин., ср. фин., карел. *lehmä*, ливв. *lehmü*, люд. *lehm*, *lehme*, *lehmü*, вепс. *l'ehm*, водск. *lehmä*, эст. *lehm* ‘корова’ [SKES, 284].

Линдогора, г. < приб.-фин., ср. фин., ижор., карел. *lintu*, люд. *lind(u)*, вепс. *lind*, водск. *lintu*, эст., ливск. *lind* ‘птица’ [SSA, 2, 80].

Маткозеро, оз. < приб.-фин., ср. фин., карел. *matka*, ливв. *matku*, люд. *matk*, *matku*, *matke*, вепс. *matt*, водск. *matka* ‘путь, дорога, расстояние, переход, волок’ [SKES, 337].

Мяндозеро, оз. < приб.-фин., ср. фин. *mänty*, карел. *mändü*, ливв. *mändö*, люд. *mänd*, *mändü*, *mändu*, *mändö*, водск. *mänty*, эст. *mänd* ‘сосна’ [Там же, 359].

Пёртозеро, оз. < приб.-фин., ср. фин., карел. *pirtti*, ливв. *pertti*, *per'i'i*, *per'i*, *per'i*, люд. *pertti*, *per'i'i*, *per'i*, *per'i*, вепс. *per'i* ‘изба, баня’ [Там же, 576].

Чурнаволоок, о-в, мыс, *Чуровы*, озера < приб.-фин., ср. ливв. *t'suuru*, люд. *t'sūru*, *t'sūr*, вепс. *t'sūr* ‘гравий’ при фин. *sora* ‘то же’ [Там же, 1076–1077] > рус. диал. *чура* ‘крупный песок’ [Kalima, 1919, 242].

В топонимии фиксируется большое количество географической терминологии прибалтийско-финского происхождения: *Варака*, г.; *Каска*, поле; *Корга*, мель; *Павны*, пок.; *Сузём*, пок.; и др.

Помимо этого зафиксирован ряд фактов, свидетельствующих о былом саамском населении полуострова. Во-первых, записаны этнонимические топонимы *Лапозеро*, оз. (< приб.-фин. *lappi* ‘саам’) и *Лопарёво* (*Лопырёво*), оз. (< рус. диал. *лопарь* ‘саам’). На присутствие здесь саамов косвенно указывает также название *Пулкозеро*, оз. (< приб.-фин., ср. фин. *pulkka* «саамские сани, кережа, волокуша, маленькие сани» [SKES, 633–634]). Во-вторых, для некоторых субстратных наименований географических объектов можно привести саамские соответствия:

Жабручей, руч. ~ саам. *šāBp⁴*, *tšap* ‘маленький сиг’ [KKS, 541; см.: Муллонен, 1988, 81] (согласный *ж* можно объяснить как озвончением вследствие ассимиляции с консонантной группой *br*, так и народно-этимологическим сближением с рус. *жаба*; не исключено также, что гидроним действительно мотивирован словом *жаба* и создан по типу топонимов-полукалек).

Чёлка, г., *Чёлка-ручей*, руч. ~ саам. *čiel'ge* ‘спина, хребет, кряж’ [SSA, 3, 167] (приб.-фин. соответствия: фин. *selkä* ‘спина, хребет, кряж; открытое море’ [SSA, 3, 167]). Думается, что *к* на месте *г* (< саам. *g*) появляется вследствие морфологической адаптации названия и воспринимается как суффикс -к-; первый гласный топоосновы объясняется известным рус. диал. переходом *е* > *о*.

Чикиша, р. ~ саам. *čikša* ‘чирок (*Anas crecca*)’ [ILW, 1, 90].

Чужча (*Чупча*), р., *Чужча*, тоня, *Чужочские* (*Чужотские*), озера, *Чужческое*, оз. ~ саам. патс., нот. *čuxč*, кильд. *išuxiš*, норв. *čukša* ‘глухарь’ [KKS, 683].

Возможно, что и некоторые другие топонимы имеют саамское происхождение:

Воезеро (*Войозеро*), оз.; *Большое Войозеро*, оз.; *Малое Войозеро*, оз.; *Воя*, р. < приб.-фин. или саам., ср. фин., карел., люд., вепс., эст. *oja* ‘ручей, канава’, ливск. *v(u)ojē* ‘заполненная водой ложбина’ = саам. *viåjj* ‘ручей’ (< фин. или карел.?) [SSA, 1, 262]; ср. также саам. *uoij*, *oj*, *vuoi*, *uaj*, *vuai* ‘ручей’ [KKS, 765]. Начальное *в* может быть как протетическим, развившимся на русской почве, так и исконным, что точно согласуется с данными ливского и саамского языков [см.: Матвеев, 2001, 257–259]. Возможно также сопоставление с фин., ижор., карел., люд., вепс. *voi* ‘масло’ = саам. *vuoggja*, диал. южн. *oj* ‘масло, жир’ [SSA, 3, 467] (в плане типологии ср. русские гидронимы: *Масленица*, р.; *Маслена*, р.; *Масленая*, р.; *Масленик*, руч.; *Масленка*, р. [ТЭ]).

Солозеро, оз., д. < приб.-фин. или саам., ср. фин. *salo* ‘большой и глухой лес; обширная местность, пустыня; лесной островок, большой остров’, карел., люд. *salo* ‘большой и глухой лес’, эст. *salu* ‘лесок,

перелесок; роша; бугор, остров на болоте' = саам. *suolo* 'остров, островок леса на болоте' [SSA, 3, 149]. Таким образом, основа *сол-* может быть как саамской, так и прибалтийско-финской (соответствие приб.-фин. *ä* ~ рус. *о* отражает ранние контакты [см.: Матвеев, 2001, 133–136]).

Все саамские названия относятся к объектам, расположенным по онежскому (лямецкому) берегу Онежского полуострова, в районе деревень Кянда и Нижмозеро. Здесь же записан топоним *Кенттице*, лес, ур., отражающий саамский географический термин *кенттице*, *киттице* 'старое место жилья, поросшее травой', известный в русских говорах Кольского полуострова [Мамонтова, Муллонен, 1991, 38], а также слово *мардина* 'молодь кумжи', ранее не фиксируемое диалектными лексикографическими источниками и имеющее, по мнению Е. А. Березовской [устное сообщение], предположительно саамское происхождение, ср. саам. *marD^a* (*m^aa-*) (Р), ген. *marD^a* (*-D^a*) 'икринка, несозревшая икра' [KKS, 240].

Примерами топонимов, позволяющих уточнить сведения об ареале того или иного слова, могут служить такие названия, как *Тайбала*, г., часть д. Тамица; *Подтайбола*, часть д. Лямца; *Подтайбольский*, руч., внутренняя форма которых прозрачна и связана с русским диалектным географическим термином *тайбола* 'волок, путь, дорога' [КСГРС] (< приб.-фин., ср. фин. *taipale*, ливв. *taibal*, люд. *taibal* 'волок' [SKES, 1199]). Этот термин, однако, распространен южнее и юго-западнее Онежского полуострова и не фиксируется на территории исследуемого региона.

Русская топонимия Онежского полуострова в структурном отношении имеет одну особенность: доминирующим типом является словосложение, исконные названия создаются по модели финно-угорских топонимов-полукалек, широко представленных на территории региона (*Белозеро*, оз.; *Дикозеро*, оз.; *Блуднаволок*, пок.; *Заяц-камень*, подводная скала). С точки зрения семантики собранная русская топонимия отличается исключительной прагматичностью, рациональностью: все названия несут в себе прямое указание на свойства и качества географического объекта (*Бугруша*, поле; *Песчаное*, оз.; *Глубокое*, оз.; *Мелкое*, оз.; *Сосновка*, г.; *Светлый*, руч. и т. п.), его местоположение (*Верхнее*, оз.; *Домашина Пожня*, пок.; *Середний*, о-в; *Низ*, часть д.; *Северуха*, г.), значителен процент посессивных наименований (*Фомин Огородик*, поле; *Замараевка*, пок.; *Никифоровский Наволок*, пок.; *Никитиха*, г.). Практически полностью отсутствуют экспрессивные, эмоционально-оценочные, образные названия. В качестве примеров можно привести только топоним *Чёртовы Дома*, лесная тропа; микросистему *Золотая гора*, г. – *Серебряная Рада*, бол.; *Проспект*, часть реки Нижма в пределах деревни Нижмозеро.

КСГРС – лексическая картотека «Словаря говоров Русского Севера» (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета им. А. М. Горького, Екатеринбург).

Мамонтова Н. Н., Муллонен И. И. Прибалтийско-финская географическая лексика Карелии. Петрозаводск, 1991.

Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001.

Муллонен И. И. Гидронимия бассейна реки Ояти. Петрозаводск, 1988.

ТЭ – ономастические картотеки топонимической экспедиции Уральского государственного университета им. А. М. Горького (хранятся на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ, Екатеринбург).

ILW – *Itkonen E., Bartens R., Laitinen L.* Inarilappisches Wörterbuch. Vol. 1–4 // LSFU XX. Helsinki, 1986–1991.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen // MSFOu, XLIV. Helsinki, 1919.

KKS – *Itkonen T. I.* Koltan- ja kuolanlapin sanakirja. 1–2 // LSFU, XV. Helsinki, 1944.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7. Helsinki, 1955–1981.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. 1–3. Helsinki, 1992–1995.

Т. И. Киришева, асп. кафедры русского языка
и общего языкознания Уральского государственного университета
им. А. М. Горького (Екатеринбург)

Из новых материалов топонимической экспедиции Уральского университета

В августе 2004 г. состоялась очередная топонимическая экспедиция Уральского государственного университета им. А. М. Горького. Местом проведения полевых сборов, как и в прошлом году, стали ранее не обследованные территории Костромской области, на этот раз Кадыйского и частично Макарьевского (низовья реки Унжи, впадающей в Горьковское водохранилище) районов. С целью уточнения и проверки уже собранного материала был также предпринят выезд на восточное побережье Онежской губы, на котором работы велись десять лет назад и которое в настоящее время является полем научных изысканий сотрудников кафедры русского языка и общего языкознания УрГУ – Н. В. Кабинной и Т. И. Киришевой. В результате полевых сборов пополнена региональная картотека топонимов Онежского района Архангельской области (около 500 единиц хранения) и Макарьевского Костромской области (примерно 900 единиц), создана картотека топонимов граничащего с Макарьевским Кадыйского района (более 4 тыс. фиксаций)¹.

В работе экспедиции принимали участие сотрудники кафедры русского языка и общего языкознания и студенты 2–5 курсов филологического факультета УрГУ (всего 23 человека). В Онежский район Архангельской области были командированы: Т. И. Киришева (начальник отряда), И. И. Корсунова, Ю. С. Костылев, Е. В. Попова; в Кадуйский район Костромской области – Е. Л. Березович (начальник экспедиции), Ю. А. Кривошапова (начальник отряда), К. В. Пьянкова, М. Ф. Евчик, А. А. Макарова, Е. В. Шабалина, М. ? Богданова, М. Н. Гафурова (Ведровский, Завражный, Котловский, Лубянский, Паньковский, Столпинский, Чернышевский сельсоветы); К. С. Верхотурова (начальник отряда), И. ? Кобозева, О. В. Анашкина, К. М. Старикова (Екатеринкинский, Ивановский, Низкусинский сельсоветы); в Макарьевском районе Костромской области (Вознесенский, Нежитинский селсоветы) и в Селищенском сельсовете Кадуйского района работали: Л. А. Феоктистова (заместитель начальника экспедиции), А. А. Великова, Е. А. Верхотурова, Т. ? Мельникова, Е. А. Хайретдинова, Е. С. Хухарева, А. И. Несынов.

Если говорить о костромской экспедиции, то перед ней ставились (как и каждый раз по необходимости ставится перед экспедицией как таковой) слишком масштабные задачи (фронтальный сбор ономастики и диалектной лексики на большой территории), чтобы можно было подводить ее итоги; мы лишь попытаемся дать некоторое представление о топонимии исследуемого региона.

О степени сохранности корпуса географических названий можно судить по количеству бывших деревень (если учитывать, что вокруг каждой из них существовали отдельные топонимические системы, лишь частично накладывающиеся друг на друга): на юге Кадыйского района число таких деревень достигает 70 %. Одним из факторов, приведших к этому, стала хозяйственная деятельность человека в недавнем прошлом, которая коренным образом изменила ландшафт: речь идет о затоплении значительной части территории при создании Горьковского водохранилища – Горьковского Разлива (здесь его еще с иронией и, надо полагать, не без основания называют Горьковской Грязью)².

Субстратная топонимия этого региона представляет интерес прежде всего в связи с мерянской проблемой: по данным археологии Костромское Поволжье является областью бывшего проживания мери, хотя и слабо заселенной [см.: Археология Костромского края, 1997, 49]. Из числа немногих собственно языковых показателей фиксируется только детерминант *-ингирь*, также и в самостоятельном употреблении, см.: *Ингирь*, правый приток Шуи, впадающей в Нёмду; *Ухтынгирь/Ухтенгирь* и *Печенгирь*, находящиеся между двумя притоками Волги – Желватой и Нёмдой³. Этот формант выделяет-

¹ Об итогах экспедиции на Онежский полуостров см. в заметке Т. И. Киришевой в данном подразделе.

² В последние годы негативное отношение к нему местных жителей только усилилось: после прекращения речного судоходства они оказались окончательно отрезанными от расположенного на противоположном берегу Юрьево-Онежского сельсовета Ивановской области, в ведении которого они раньше находились.

³ Согласно А. К. Матвееву [1996, 16, 18], *Ухтынгирь* буквально «медвежья речка» (ср. фин. *ohio*, морд. *овто* 'медведь'), весьма заманчиво сходным образом трактовать название более крупного притока Желваты – Кондомы, впадающей ниже Ухтынгири (ср. фин. *kontio*, ливв. *kondie*, *kondī*, люд. *kocd'i*, вепс. *koind'i* 'медведь' [SKES, 215]), и предполагать, что один из этих гидронимов является калькой с другого.

ся и в гидрониме *Левангирь* («теплый ручей, речка», ср. мар. *леве* ‘теплый’ [Матвеев, 1996, 17]); примечательно, что название Шокиши, в которую впадает Левангирь, поддается интерпретации также на марийской почве (ср. мар. *шоки* ‘рукав реки’) [обзор литературы см.: Там же, 1996, 13]. А. К. Матвеев допускает мерянское происхождение гидронимов *Шача* (ср. мар. *шачаш* ‘рождаться’, ‘родиться’) и *Шилекша* (ср. мар. *шыл* ‘мясо’ и *икса* ‘маленькая речка’, ‘залив’, ‘пролив’) [Там же, 18–19], которые также зафиксированы на этой территории. А вот два *Синих Камня*, один из которых находится в семи километрах северо-восточнее Кадыя, другой – намного южнее, в данном случае вряд ли могут служить лингвоэтническим индикатором (ср. обозначения валунов по цвету: *Белый Камень*, *Серый Камень*, *Сизый Камень*, *Черный Камень*).

Наряду с топонимами предположительно мерянского происхождения встречаются такие, языковая принадлежность которых еще менее очевидна, – это названия с недифференцирующими формантами *-ма* (*Ворозьма*, б. д.; *Пасьма*, б. д.), *-Vc* (*Ермосово*, поле; *Молгосово/Молгусово*, пок.; *Утрос/Утрус*, гора (б. д., руч.)), *-Ви(а)* (*Грабешка*, левый приток Талицы; *Колдаш/Колдыш*, левый приток Воломши; *Юрондаш/Юрогнаш/Юрондыш*, левый приток Шуи) и др. Суффикс *-Vть* выделяется в гидронимах *Лёнать* (так называют верховья Желваты, левого притока Волги) и *Водгать/Вотгать* (наименование правого притока Нёмды). Второй топоним был записан также в форме *Вотгач*; финаль *-Vть* в данном случае можно было бы рассматривать как вариант суффикса *-Vч* с учетом характерного для местных говоров упрощения *ч > т’* (если только *Вотгач* не является результатом гиперкоррекции). Сразу несколькими разновидностями, восходящими к различным финно-угорским источникам, представлен детерминант *-Vz(a)*: название правого притока Нёмды *Юг* противопоставлено находящимся значительно южнее гидронимам *Куртега/Куртига/Куртюга* (на территории Нижегородской области), *Нодога* (на территории Ивановской области), и, возможно, *Мурдовка* < **Мурдога*⁴ (ср. фин., карел. *murto* ‘бурелом’, вепс. *murdot* ‘мусор’, эст. *murd* ‘бурелом’ [SSA, 2, 182]; этимология основы предложена А. К. Матвеевым [2004, 147]).

Установлению того, к какому финно-угорскому источнику восходит тот или иной субстратный топоним, нередко способствует этимологизация его основы: так, саамские корни имеют названия двух правых притоков Кусцы – *Моткиш*⁵ и *Волеш* (с вариантами *Волеша/Волешка/Волюшка*) – и левого притока Унжы – *Волышка* (ср. прасаам. **vōlē* (~ фин. *ala*), саам. сев. *vuolle*, ин. *vueli*, колт. *vue’ll*, кильд. *vī’ll*, тер. *vīlle* ‘нижний’ [YS, 152–153]), прибалтийско-финского происхождения гидронимы *Койка* (ср. фин., карел. *hoikka*, люд., вепс. *hoik* ‘тонкий’, ‘узкий’ [SSA, 1, 169]), *Яныш* (ср. карел. *jāniš*, вепс. *jāniš* ‘заяц’ [SSA, 1, 257]), ойконим *Лагодки* (ср. фин., ижор., карел., водск. *laho* ‘гнилой, трухлявый; прогнивший’, люд., вепс. *laho* ‘гнилое дерево’ [SSA, 2, 35]) и др.

Следы дорусского населения края или пришедших сюда вместе с русскими финноугров можно усмотреть и в этнотопониме *Новая Чудь*. На то, что в процесс колонизации были вовлечены отдельные группы прибалтийских финнов и даже представители летописной чуди заволочской, указывают данные археологии [см.: Археология Костромского края, 1997, 81]. «Чудскую» гипотезу несколько ослабляют изолированность ойконима (другие производные от *чуди* наименования отсутствуют) и вероятность перенесения русскими колонистами (т. е. его вторичность), название могло быть дано селу и по находящейся в нем церкви Николая Чудотворца.

Отголоски каких-то преданий о заселении края содержит в себе сюжет о некоем мифическом племени *корёгов* (*корёков*, *коряков*), от названия которого якобы производны ойконимы *Коряковка*, *Коряково*, *Коряковицина* и *Коряковская Волость*. Сведения об этом племени довольно скудны и противоречат друг другу: корегов отождествляют то с воинственными пришельцами с севера, в том числе русскими, то с коренным нерусским населением, оттесненным впоследствии на север. Вместе с тем оче-

⁴ О возможности рассмотрения *-Vz(a)* как одного из источников форманта *-ова/-ева* см.: [Матвеев, 2001б, 253].

⁵ На возможный дифференцирующий характер основы *мотк-* < прасаам. **mōtkē* ‘путь’, ‘волок’ указывает А. К. Матвеев [2004, 90]; здесь и ниже этимологии основ приводятся по: [Матвеев, 1987, 69; 2004, 161, 168, 45].

видно, что не названия бывшей деревни и куста деревень восходят к этому «этническому» наименованию, а, наоборот, оно само появилось вследствие фольклорной ремотивации топонимов⁶.

Если обратиться к рассмотрению структурных особенностей русской топонимии (насколько это позволяет предварительное ее изучение и рамки жанра), то наряду с количественно преобладающим аффиксальным типом и топонимами-словосочетаниями хотелось бы упомянуть и одну совершенно нетипичную для русского языка синтаксическую конструкцию – *Поле, Где Волки Жеребят Съели*.

Из топоформантов, восходящих к древним суффиксам, представлены, в частности, *-ец* (*Конёвец*, руч.; *Братынец*⁷, руч.; *Сосновец*, пок.; *Караваец*, пок.; *Ожгинец*, д.; *Жуковец*, б. хут., и др.), *-ица* (*Быстрица*, руч.; *Каракулица*, р.; *Староживица*, р.; *Круглица*, пок.; *Осиновица*, пок.; *Овсяница-Заводь*, пок.; *Подугорница*, пок.; *Батальница*, пок.; *Погорелица*, пок.; *Григорница*, пок.; *Малаховица*, поле; *Медведица*, лес; *Сухая Талица*⁸, бол.; *Воспица*, б. д.; *Глинница*, б. д.; *Груздовица*, б. д.; *Дымница*, б. д., и др.). В гидронимии широко распространена модель с суффиксом *-к(а)*: *Каменка*, *Карповка*, *Большая* и *Малая Маловка*, *Аграфенка*, *Адамовка*, *Еремеевка*, *Ильинка*, *Вербиловка* (< *Вербилово*, б. д.) и мн. др.

Среди топонимов безаффиксного типа и словосочетаний упоминания заслуживают те, которые содержат диалектный географический термин; приводимые ниже термины на исследуемой территории функционируют и как таковые (самостоятельно): это и широко распространенные в говорах *бочаг* (*Бочаг*, оз.; *Большой Бочаг*, ямы на р. Семченка); *кри(в)уль* (*Кривуль*, излучина р. Немда; *Кривули*, поле; *Монашенский Криуль*, излучина р. Кусь; *Фенькина Кривуля*, излучина р. Желвата, и др.); *дол* (*Дол*, пок.; *Дола/Доль*, поле; *Глубокий Дол*⁹, пок.; *Лесной Дол*, пок.; *Ваёгин Дол*, пок.; *Малиновские Дола*, пок.; *Надолы/На Долах*, поле, и др.); *кулига* (*Кулиги*, лес; *Кулижки*, лес; *Дальняя Кулига*, поле; *Мирская Кулига*, поле; *Балиновы Кулиги*, поле; *Николаича Кулига*, пок., и др.); *грива* (*Елевая Грива*, лес; *Осиновая Грива*, пок., бол.; *Редкая Грива*, лес; *Темная Грива*, лес, бол.; *Змеиная Грива*, лес; *Юркова Гривка*, пок., и др.); *рамень* (*Рамень*, лес) и др., и преимущественно северно-русские *чертеж* (д. *Большие Чертежи* и *Малые Чертежи*); *ляд*, *лядина* (*Лядинка*, лес, пок.; *Мокрый Ляд*, пок.; *Осинов Ляд*, бол.; *Бабий Ляд*, пок., лес; *Дальняя Лядина*, пок.; *Косильная Лядина*, пок., и др.); *запесок* (место на р. Немда *Первый Запесок*, *Второй Запесок*), и отсутствующее в лексикографических источниках *туйон* ‘водоворот; омут’, ‘зыбун’ (*Туюн*, омут, на р. Немда, бол.).

Фиксация терминов *шохра* ‘поросшее лесом или кустарником болото’, *шохор* ‘возвышенность, холм в лесу’ в апеллятивном употреблении говорит о русском (а не субстратном) происхождении таких названий, как *Шохра*, лес, пок.; *Шохор*, поле, возв.; *Два Шохра*, холмы; *Обабочная Шохра*, бол.; *Николаевский Шахор*, лес, *Шохровское*, бол.

С точки зрения функционирования в составе топонима примечательны *враг* и *вражек* ‘овраг, лог’ (*Враг*, пок.; *Вражек*, руч.; *Мокрый Враг*, овраг; *Сухой Враг*, овраг; *Екатеринин Враг*¹⁰, овраг; *Первый... Пятый Вражек*, лога между пос. Кадый и д. Жуково; *За Крутым Вражком*, поле; пркт. на р. Желвата *Вражиха* и др.); омонимичность литер. *враг* ‘военный противник, неприятель’ создает

⁶ В числе собственно языковых факторов ремотивации следует указать притяжение не только к известному этнониму, но и к гнезду **kьrk-/kьrgu-* ‘гнуть’ [ЭССЯ, 13, 211], ср.: костр. (Ветл.) *корёга* ‘человек без ног или с другими физическими недостатками’ [СРНГ, 14, 314], яросл. *коряга*, *коряка* ‘о несговорчивом, упрямом человеке’, вят. *корякать* ‘делать что-либо плохо, неумело’ [СРНГ, 15, 41–42]. Содержащаяся во внутренней форме и/или значении этих лексем оценка внешнего облика человека, черт характера и действий как не соответствующих норме, отклонения от нормы оказывается созвучной тем негативным коннотациям, которыми обыденное сознание наделяет образ чужака, инородца (‘неправильный’, ‘неполноценный’ и т. п. [см. об этом: Березович, Гулик, 2002]).

⁷ См. контекст: «Он рядом с деревней живет, как брат».

⁸ Ср. арх., сиб. *талец* ‘живец, ключ, родник, водяная жила; где в болотах тальцы есть, там не мерзнет’ [Даль, 4, 393].

⁹ Ср. пенз., куйбыш. ‘овраг’ [СРНГ, 8, 103].

¹⁰ См. мотивировку: «Ехала женщина с возом сена, упала в овраг, оттого что воз опрокинулся, и придавило там» (д. Митино).

условия для народно-этимологической реинтерпретации имени и его включения в фольклорный текст, см.: «С врагами бои были, вот и назвали *Ближний Вражек*; враги были паны какие-то» (Чернышево)¹¹.

Другие термины, напротив, засвидетельствованы только в составе имен собственных (т. е. не сохранились или не были записаны собирателями): *веретья* (*Красные Веретья*, лесоч.; *бечева*¹² (*Бечева*, пок.; *Бечево*, луг; *Аксёнова Бечева*, пок.; *Иванова Бечева*, пок.; *Бечевской Омут*, омут в р. Кусь); *крутец* (ур. *Первый Крутец* и *Второй Крутец*); *исада* (*Исады*, пок., б. пос.); *суборь* (*Суборь* / *Суборка*, лес; *Суборка*, руч.; *За Суборью*, лес). Ойконимы *Большое Улусье* и *Малое Улусье* скорее всего содержат восходящее к тюркским языкам слово или название (ср. др.-тюрк. *uluš* 'селение' [Аникин, 2000, 583]) в его первоначальном значении¹³, тогда как лексемы *улус*, *улусье* 'захолустье', 'находящийся в стороне участок земли, леса и т. п.; укромное место' («В такое забились улусье – никто не найдет. У Галины мать живет в Улусье – деревня такая есть в Костромской области») являются результатом семантической адаптации заимствования (ср. *улусы* пск., твер. 'закоулки; зауголки; уловки', без указ. места 'скрытое пристанище' [Даль, 4, 489]).

В связи с этимологически «темным» *захолустье* обращает на себя внимание название бывшей деревни *Холустье*, правда, оно вряд ли способно прояснить вопрос о происхождении этого слова, поскольку само нуждается в объяснении и проверке: ойконим имеет единичную фиксацию, сближению с дериватами корня **xal*-/ **xol*- (ср. *Холостово*, д. (Волог., Хар), *Холостяк*, поляна (Волог., У-Куб), *Холощёвик*, руч. (Арх., Шенк)), как и в случае с *захолустьем*, препятствует вокализм ударного слога (см. также *Холустово*, поле (Волог., Бабаев)).

Для исследований в области топонимической этносемантики интерес могут представлять названия излучин на сплавных реках, в которых образуются заторы: *Агеева Дыра*, *Жохова Дыра*, *Кулёва Дыра*, *Марфунина Дыра*, *Федосина Дыра* и др. Очевидно, подобные наименования возникли в результате семантического перехода «разорванное место в плоту > *locus actionis*» (см.: «...и плоты по реке там рядом гнали, место там плохое, они там связки разрывали» (Ведрово)), хотя не исключена вероятность сравнения этого *locus actionis* с узким продолговатым отверстием, щелью, ср. реализацию этой метафоры в топониме *Собачья Нора*: «Узкое место, сплавной лес застревал, вот и звали Собачья Нора: только собака пролезет» (Новый Курдюм). Следует заметить, что многократное повторение апеллятива *дыра* в составе топонимов создает условия для его терминологизации, случаи же употребления других терминов единичны (*Фенькина Кривуля* при наличии *кривуль* 'крутой поворот реки' [ЛК ТЭ]).

Другая особенность наименований этой ландшафтной реалии заключается в их тесной связи с деятельностью человека, направленной на ликвидацию речных заторов (топонимы, в которых находит отражение ситуация взаимодействия человека с географическим объектом, Е. Л. Березович [2000, 351, 365] предлагает называть интерактивными). Наиболее яркий пример – *Дайразá*, см. контекст: «Лес застревал, все бросились заторы разбирать тама, вот и звали так, что кричали “Дай разá!”» (Новый Курдюм). Однако в подавляющем большинстве случаев топонимы содержат указание на субъекта действия (см. приведенные выше «посессивные» названия), его эмоциональное состояние обозначено во внутренней форме топонима *Веселая Дыра*.

Своеобразие наименований речных заторов (мест их образования) свидетельствует о том, что на исследуемой территории эти локусы выделяются в качестве самостоятельного объекта номинации.

О культурной семантике некоторых из так называемых вторичных (прецедентных) топонимов этого района (неофициальных названиях деревень или их частей – *Болгария*, *Япония*, *Куба*, *Севастополь*, *Ялта*, *Одесса* и др.) см. в статье Е. Л. Березович в этом номере [см. об этом также: Евчик и др., 2005].

¹¹ О записанных на исследуемой территории топонимических преданиях, в том числе и с историческими мотивами, см. подробнее: [Евчик и др., 2005].

¹² Ср. *вечевáя* 'топкий, заросший берег реки, край болота' [ЛК ТЭ].

¹³ Ср. др.-рус. *улусь* 'селение (татар)' [Фасмер, 1, 160], *улус* 'у калмыков и сибирских инородцев – собрание жилых хижин, оседлых или кочевых, юрт, кибиток, веж; селенье, табор' и др. [Даль, 4, 489; см. также: Аникин, 2000, 583].

- Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск, 2000.
- Археология Костромского края / С. И. Алексеев и др.; Под ред. А. Е. Леонтьева. Кострома, 1997.
- Березович Е. Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте. Екатеринбург, 2000.
- Березович Е. Л., Гулик Д. П. *Homo ethnicus* в зеркале языка: к методике описания // *Etnolingwistyka* 14. Lublin, 2002. S. 47–67.
- Востриков О. В. Финно-угорские лексические элементы в русских говорах Волго-Двинского междуречья: Дис. ... канд. филол. наук. Свердловск, 1979.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. 2-е изд. СПб.; М., 1880–1882 (1989). Т. 1–4. 1867 (1996)
- Евчик М. Ф., Пьянкова К. В., Старикова К. М., Шабалина Е. В. Из материалов Топонимической экспедиции Уральского государственного университета (летний сезон 2004) // *Живая старина*. 2005. № 3 (в печати).
- ЛК ТЭ – лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета им. А. М. Горького (хранится на кафедре русского языка и общего языкознания УрГУ).
- Матвеев А. К. Архаическая русская топонимия на северо-востоке европейской части СССР // *Вопр. языкознания*. 1987. № 2. С. 66–76.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера и мерянская проблема // *Вопр. языкознания*. 1996. № 1. С. 3–23.
- Матвеев А. К. Мерянская топонимия на Русском Севере – фантом или феномен? // *Вопр. языкознания*. 1998. № 5. С. 90–105.
- Матвеев А. К. Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // *Вопр. языкознания*. 2001а. № 5. С. 32–59.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 1. Екатеринбург, 2001б.
- Матвеев А. К. Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 2. Екатеринбург, 2004.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. М., Л., 1965–... . Вып. 1–... .
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.
- SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki, 1958–1981. О. 1–7. (LSFU. XII).
- SSA – Suomen sanojen alkuperä. Etymologinen sanakirja. SKST 556. Helsinki, 1992–2000. О. 1–3.
- YS – *Lehtiranta J.* Yhteisaamelainen sanasto // MSFOu. 200. Helsinki, 1989.

Л. А. Феоктистова, канд. филол. наук, ассистент кафедры русского языка
и общего языкознания Уральского государственного университета
им. А. М. Горького (Екатеринбург)

ЮБИЛЕИ

Карлхайнцу Хенгсту 70 лет

2 марта 2004 г. исполнилось 70 лет профессору Карлхайнцу Хенгсту. Мы рады поздравить нашего многоуважаемого немецкого коллегу, блестящего специалиста в области ономастики, сравнительно-исторического языкознания, а также лингвистики текста, большого друга России дорогого Карла Карловича с такой замечательной датой.

Вся жизнь К. Хенгста – пример неукротимого служения двум музам – науке и дидактике. Не случайно благодарные коллеги и ученики в Германии преподнесли ему в качестве юбилейного подарка не традиционный сборник статей, а тысячестраничный труд, являющий собой синтез энциклопедии и учебника по ономастике для высшей школы (об этой книге см. «Рецензии» на с. 183).

Карлхайнц Хенгст закончил в 1956 г. Лейпцигский университет, где он изучал славистику, литuanистику, педагогику и психологию, затем преподавал несколько лет русский, английский, немецкий языки и латынь в гимназии г. Штольберга (Рудные Горы). С 1961 г. началась его деятельность в высшей школе – в Педагогическом институте г. Хемница, – которая успешно соединилась с научной работой. В 1963 г. он защитил первую диссертацию, которая была посвящена топонимии юго-запада Саксонии и сразу обратила на себя внимание тщательностью этимологического анализа, высокопрофессиональной работой с источниками, умелым привлечением данных смежных дисциплин. В 38 лет (1972) К. Хенгст защитил вторую диссертацию и через год получил звание профессора. Помимо ономастики, которая всегда оставалась в центре его интересов, юбиляр занимался проблемами преподавания иностранного языка, а также специальными языками, работая в Педагогическом институте г. Цвикау и возглавляя соответствующий отдел. Руководить в своей жизни ему пришлось много, и он всегда делал это творчески, с неизменной энергией, сочетая требовательность к людям с высокой требовательностью к себе. В 1984 г. за большие заслуги в области ономастики К. Хенгст был избран членом Международного ономастического комитета. Он успешно продолжал свою научную, педагогическую, руководящую деятельность: в 1990–1992 гг. – член Сената, декан философского факультета Педагогического института в Цвикау; с 1974 по 1990 г. под его руководством защищены 22 диссертации, по пятидесяти он выступал в качестве оппонента.

В 1993 г. в Лейпциге открылась единственная в Германии профессура по ономастике, и выбор пал на К. Хенгста – слависта и ономатолога с международным именем. С этого времени до выхода на пенсию в 1999 г. он направлял весь свой талант ученого и лектора, чтобы донести до студентов разных специальностей суть и разнообразие науки ономастики.

В летнем семестре 1997 г. мне посчастливилось посещать его лекции и семинары. Они поразили меня ясностью, четкостью, а также постоянным живым контактом с аудиторией. Я очень благодарна К. Хенгсту за полученные от него знания и за те педагогические приемы, которым я также у него научилась.

К. Хенгст ведет и по сей день активную научную и научно-организационную жизнь. Он является (с 1994 г.) одним из издателей и авторов выходящего в Лейпциге ономастического журнала «*Namenkundliche Informationen*». Во многом благодаря К. Хенгсту на его страницы попадает информация об ономастических работах в России и странах Восточной Европы: он сам активно пишет рецензии на новые публикации или приглашает русских ономатологов.

Список публикаций профессора Хенгста весьма внушителен. В 2003 г. к его многочисленным трудам добавилась монография «Топонимы юго-западной Саксонии» (Hengst Karlheinz. Ortsnamen Südwestsachsens. Die Ortsnamen der Kreise Chemnitzer Land und Stollberg. Berlin: Akademie Verlag, 2003. – 287 s.). Эта книга замечательна тем, что К. Хенгст возвращается в ней *ad fontes*, к самому началу своих научных интересов – к диссертации 1963 г., чтобы добавить к этому материалу все свои знания в области изучения языковых контактов, социономастики и истории региона, накопленные им за 40 лет научной деятельности.

Ономатологи России сердечно поздравляют профессора Хенгста с юбилеем, с выходом его книги и книги в его честь и от всей души желают отменного здоровья, благополучия и творческих успехов. Многая лета, дорогой Карл Карлович!

Н. В. Васильева, канд. филол. наук, ст. науч. сотр.
отдела прикладного языкознания
Института языкознания РАН (Москва)

СОКРАЩЕНИЯ

В географических названиях

Арх.	–	Архангельская обл.
Бабаев	–	Бабаевский р-н Вологодской обл.
Ветл	–	Ветлужский уезд Костромской губернии
Волог.	–	Вологодская губ. (обл.)
Костр.	–	Костромская губ. (обл.)
Свердл.	–	Свердловская обл.
Толв.	–	
У-Куб	–	Усть-Кубенский р-н Вологодской обл.
Хар	–	Харовский р-н Вологодской обл.
Шенк	–	Шенкурский р-н Архангельской обл.

В названиях географических объектов

бас.	–	бассейн
б. д.	–	бывшая деревня
бол.	–	болото
возв.	–	возвышенность
г.	–	гора, город
д.	–	деревня
лесоуч.	–	лесоучасток
н. п.	–	населенный пункт
оз.	–	озеро
о-в	–	остров
пгт	–	поселок городского типа
пок.	–	покос
пос.	–	поселок
пркт.	–	перекат
руч.	–	ручей
с.	–	село
ур.	–	урочище

В названиях языков и диалектов

авест.	–	авестийский язык
алан.	–	аланский язык
англ.	–	английский язык
араб.	–	арабский язык
арийск.	–	арийский язык
арх.	–	архангельские говоры русского языка
балт.	–	балтийские языки
барнаул.	–	барнаульские говоры русского языка
башкир.	–	башкирский язык
белор.	–	белорусский язык
болг.	–	болгарский язык
брян.	–	брянские говоры русского языка
вепс.	–	вепсский язык
влад.	–	владимирские говоры русского языка
в.-луж.	–	верхнелужицкий язык
водск.	–	водский язык

- волог. — вологодские говоры русского языка
ворон. — воронежские говоры русского языка
вост.-дагестан. — восточно-дагестанские языки
вост.-иран. — восточноиранский праязык или один из его диалектов
вят. — вятские говоры русского языка
галльск. — галльский язык
греч. — греческий язык
д.-в.-н. — древневерхненемецкий язык
джагат. —
дигорск. — дигорский диалект осетинского языка
дон. — донские говоры русского языка
др.-англ. — древнеанглийский язык
др.-греч. — древнегреческий язык
др.-евр. — древнееврейский язык
др.-инд. — древнеиндийский язык
др.-иран. — древнеиранский язык
др.-ирл. — древнеирландский язык
др.-исл. — древнеисландский язык
др.-перс. — древнеперсидский язык
др.-рус. — древнерусский язык
др.-чув. — древнечувашский язык
забайк. — забайкальские говоры русского языка
заурал. — зауральские говоры русского языка
и.-е. — индоевропейский язык
ижор. — ижорский язык
ин. — диалект Инари саамского языка
индоиран. — индоиранский язык
иран. — иранский язык
иронск. — иронский диалект осетинского языка
итал. — итальянский язык
казан. — казанские говоры русского языка
калм. — калмыцкий язык
калуж. — калужские говоры русского языка
каракалпак. — каракалпакский язык
карел. — карельский язык
карел. рус. — карельские говоры русского языка
кельт. — кельтский язык
кильд. — кильдинский диалект саамского языка
кирг. — киргизский язык
киров. — Кировские говоры русского языка
кит. — китайский язык
колт. — колтовский диалект саамского языка
костр. — костромские говоры русского языка
куйбыш. — куйбышевские говоры русского языка
курс. — курские говоры русского языка
лат. — латинский язык
ленингр. — ленинградские говоры русского языка
ливв. — ливвиковский диалект карельского языка
ливск. — ливский язык
лит. — литовский язык
лтш. — латышский язык
люд. — людиковский диалект карельского языка
магнит. — магнитогорские говоры русского языка
макед. — македонский язык

мар.	–	марийский язык
монг.	–	монгольский язык
морд.	–	мордовский язык
моск.	–	московские говоры русского языка
мурман.	–	мурманские говоры русского языка
нем.	–	немецкий язык
н.-исл.	–	
н.-луж.	–	нижнелужицкий язык русского языка
нижегор.	–	нижегородские говоры русского языка
нов.-в.-н.	–	нововерхненемецкий
новг.	–	новгородские говоры русского языка
норв.	–	норвежский диалект саамского языка
нот.	–	нотозерский диалект саамского языка
олон.	–	олонецкие говоры русского языка
оренб.	–	оренбургские говоры русского языка
орл.	–	орловские говоры русского языка
осет.	–	осетинский язык
патс.	–	саамский диалект Патсйоки
пенз.	–	пензенские говоры русского языка
перм.	–	пермские говоры русского языка
позд.-лат.	–	позднелатинский язык
польск.	–	польский язык
прагерм.	–	прагерманский язык
праиран.	–	праиранский язык
пракрит.	–	пракритский язык
прасаам.	–	прасаамский язык
праслав.	–	праславянский язык
приб.-фин.	–	прибалтийско-финские языки
прусс.	–	пруссский язык
пск.	–	псковские говоры русского языка
рус.	–	русский язык
ряз.	–	рязанские говоры русского языка
саам.	–	саамское
саам.сев.	–	северносаамский (= норвежско-саамский) язык
сарат.	–	саратовские говоры русского языка
сев.-двин.	–	северно-двинские говоры русского языка
семипалат.	–	семипалатинские говоры русского языка
серб.	–	сербский язык
сиб.	–	сибирские говоры русского языка
симб.	–	симбирские говоры русского языка
словацк.	–	словацкий язык
словен.	–	словенский язык
смол.	–	смоленские говоры русского языка
ср.-в.-н.	–	средневерхненемецкий язык
среднеаз.	–	
среднегреч.	–	среднегреческий язык
сред.-иран.	–	среднеиранский язык
сред.-лат.	–	среднелатинский язык
ср.-урал.	–	среднеуральские говоры русского языка
тамб.	–	тамбовские говоры русского языка
тат.	–	татарский язык
твер.	–	тверские говоры русского языка
терск.	–	терский диалект саамского языка
тобол.	–	тобольские говоры русского языка
тул.	–	тульские говоры русского языка

тур.	– турецкий язык
туран.	– туранский язык
тюрк.	– тюркские языки
укр.	– украинский язык
укр.-полесск.	–
урал.	– уральские говоры русского языка
фин.	– финский язык
фр.	– французский язык
хорв.	– хорватский язык
чеш.	– чешский язык
чуваш.	– чувашский язык
эст.	– эстонский язык
якут.	– якутский язык
яросл.	– ярославские говоры русского языка

Прочие

букв.	– буквально
вин. п.	– винительный падеж
вульг.	– вульгарное
гл.	– глагол
дат. п.	– дательный падеж
деаббр.	–
диал.	– диалектное
жарг.	– жаргонное
ж. р.	– женский род
зап.	– западное
ист.	–
ирон.	– ироническое
кол.	– коллективное
литер.	– литературное
мн. ч.	– множественное число
мол.	– молодежное
м. р.	– мужской род
поэт.	– поэтическое
презр.	– презрительное
пренебр.	– пренебрежительное
прил.	– прилагательное
проз.	– прозаическое
прост., простореч.	– просторечное
род. п.	– родительный падеж
сев.-вост.	– северо-восточное
север.	– северное
ср. р.	– средний род
студ.	– студенческое
устар.	– устаревшее
фам.	– фамильярное
фольк.	– фольклорное
шк.	– школьное
шутл.	– шутливое
шутл.-ирон.	– шутливо-ироничное
южн.	– южное
abl. pl.	– ablativus
Plin.	–
pl.	– pluralis

Научное издание

ВОПРОСЫ ОНОМАСТИКИ

2005. № 2

Редактор *Р. Н. Кислых*
Корректоры *К. С. Верхотурова*
К. В. Пьянкова
Компьютерная верстка *Л. А. Феоктистова*

Свидетельство о регистрации ПИ № 00-0000 от 15.07.05.

Учредители: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН. 121019, Москва, ул. Волхонка, 18/2;
ГОО ВПО Уральский государственный университет им. А. М. Горького. 620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Лицензия ИД № 05974 от 03.10.2001. Темплан 2005 г., поз. .

Подписано в печать 00.08.2005. Формат 70 × 100 ¹/₁₆.

Уч.-изд. л. 18,02. Усл. печ. л. 16,78. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Тираж 300 экз. Заказ .

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, пр. Ленина, 51.

Отпечатано в ИПЦ «Издательство УрГУ».
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

ПАМЯТКА АВТОРАМ

Требования к авторскому оригиналу

- Авторский оригинал предоставляется в электронной версии (на дискете или по электронной почте) с одной распечаткой текста. Параметры: Word 6.0/7.0 (формат *doc* или *rtf*), шрифт *Times New Roman*, кегль основного шрифта – 14-й, сноска – 12-й, интервал – 1,5, абзац 0,7 (*Формат – Абзац – Первая строка – 0,7*).
- Примечания – подстрочные, нумерация сквозная.
- Библиографические ссылки – затекстовые (алфавитный список). Форма связи ссылки с основным текстом – с помощью фамилии автора (названия книги) и года издания (страницы, если это прямая цитата) в квадратных скобках.
- При наличии в статье авторских сокращений после списка литературы приводится их перечень.
- Языковой иллюстративный материал выделяется в тексте работы курсивом. Для выделения лексического значения используются кавычки ‘’, при цитировании – угловые кавычки («»), смысловые выделения можно подчеркнуть.
- Объем статей – до 1 уч.-изд. (авт.) листа (40 000 знаков).
- Резюме на английском языке (от 500 до 1 000 знаков, считая пробелы).

Оформление библиографических ссылок

Оформление ссылок с помощью фамилии автора и года издания может различаться для разных видов цитируемых изданий. Например:

- Книга или статья одного, двух авторов: [Степанов, 1989, 28], [Мамонтова, Муллонен, 1991, 52].
 - Несколько работ одного автора, опубликованные в одном и том же году, оформляются добавлением буквенного индекса к году (как в самой ссылке, так и в списке литературы): [Михайлов, 1993а, 101].
 - Сборник, коллективный труд, словарь, атлас и т. д. (в том числе – сокращенное название): [Уральские имена, 73], [МДС, 81], [ААЕ, 9].
 - Архивные материалы: [ГААО, ф. 198, оп. 7, д. 68, 22] – курсивом выделен лист документа, все остальные элементы ссылки (указание на фонд, описание, дело) даются сокращенно и разделяются запятой.
 - Карты, словники, картотеки и т. п. – с помощью сокращенного названия: [КСГРС].
 - Многотомные издания и издания из нескольких выпусков: [СРНГ, 12, 270].
- Список литературы и источников дается в конце статьи в алфавитном порядке. Для сокращенных названий сначала приводится аббревиатура, а затем полное описание работы.

- К статье прилагаются краткие сведения об авторе (ФИО, место работы, должность и ученое звание, почтовый адрес, телефон, при наличии – электронный адрес).
- Статьи, уже опубликованные или направленные автором в редакции других журналов, не принимаются.
- Статьи не рецензируются и не возвращаются.
- Редколлегия письменно извещает автора о решении, касающемся публикации статьи.
- Денежное вознаграждение для авторов не предусматривается.

Адрес редколлегии и редакции журнала

620083, г. Екатеринбург, ул. Ленина, 51,
Уральский государственный университет им. А. М. Горького,
филологический факультет, редакция журнала «Вопросы ономастики»,
e-mail – fasmer@yandex.ru.